

ДЭНИ АТКИНС

Время любить

Софи перестала верить в хеппи-энды еще девочкой – в ту страшную ночь, когда в автокатастрофе погиб ее старший брат. Даже теперь, годы спустя, она одинока и старается свести контакты с окружающим миром к минимуму.

Но все меняется, когда Софи едва не гибнет во время пожара – из пламени ее чудом спасает незнакомец по имени Бен.

Спасает – и делает все возможное, чтобы стать частью ее жизни, а заодно и заново научить Софи простым человеческим радостям, любви и доверию...

И постепенно Софи понимает, что она готова сделать шаг навстречу переменам, но ее продолжает терзать мысль: так ли хорошо она знает Бена и есть ли будущее у их отношений?

- [Дэни Аткинс](#)
  -
  - [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Жизнь после смерти](#)
  - [От автора](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)

Дэни Аткинс

Время любить

Посвящается Кимберли, которая однажды нашла в винном баре феникса

© Dani Atkins, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Войти внутрь меня побудила рукописная табличка в окне. Напиши они «Комиссионный» или «Подержанные вещи», я бы и шаг не замедлила. Даже ностальгическое «Винтаж» не помешало бы мне продолжить движение по главной улице. Но они зацепили меня словами «Некогда любимые». Я вышла погулять, не собираясь покупать новую одежду, но слова «Некогда любимые» навели меня на мысль о брошенных домашних питомцах, которым нужны новые и заботливые хозяева. Что-то тревожное было в том, насколько легко привлекла меня табличка в окошке благотворительного магазина, принимая во внимание, как мало денег имелось у меня на счету. Но волноваться было слишком поздно, потому что женщина, которая, низко нагнувшись, что-то делала за прилавком, уже выпрямлялась и поворачивалась ко мне.

– Чем могу служить?

Я улыбнулась и указала на табличку, прикрепленную скотчем к оконному стеклу, – нечеткие, идущие в обратном порядке, но все равно читаемые буквы.

– Некогда любимые дизайнерские платья?

Женщина указала на круглую стойку с одеждой в дальнем углу благотворительного магазина.

– Вы ищете что-то конкретное? Мы только что получили очаровательные вечерние платья.

Я покачала головой, и мои волосы, как чужие, пощекотали шею. Я все еще не привыкла, что они заканчивались здесь, а не спускались до середины спины.

– Вообще-то я ищу простое черное платье.

– Что может сравниться с маленьким черным платьем, – проговорила женщина, заговорщицки постукивая себя по краешку носа, словно мы были членами тайного общества и общались посредством какого-то шифра.

Я вяло улыбнулась и направилась к платьям. Эта часть благотворительного магазина была полностью отдана одежде, и если бы не вывеска над входом, вы подумали бы, что забрели в весьма престижный бутик. Район здесь был небедный, заполненный в основном административными зданиями, молодые матери отличались привлекательностью, а в суровое путешествие с детьми до школы и обратно никто не отправлялся без автомобиля с полным приводом. Даже отвергнутые вещи в благотворительном магазине выглядели амбициозными.

На удивление значительная часть стойки была полностью отдана черным платьям. Вешалки пощелкивали друг о друга, как мел по классной доске, пока я их просматривала. С длинным рукавом, с коротким, зимние и сшитые из роскошной легкой ткани, в которой я узнала чистый шелк. В итоге я нашла четыре платья своего размера и сняла их со стойки. Женщина за прилавком наблюдала за мной со своего поста за кассой.

– Среди них есть дизайнерские, – проговорила она. – Хотите примерить?

– Да, пожалуйста, – ответила я, заходя в маленькую кабинку, отгороженную от остального пространства яркой занавеской из простенького ситца.

Она была не больше туалета в экономклассе самолета, и поэтому стягивание джинсов и джемпера превратилось в довольно-таки непростую процедуру. Попрыгав то на одной, то на другой ноге, пока стаскивала ботинки, я сняла первое платье с плечиков и ступила в черную

лужицу ткани. Молния застегнулась легко, хотя я была уверена, что платье окажется мало. Я разгладила ткань на бедрах, размышляя, всегда ли буду испытывать легкое изумление, когда что-нибудь этого размера так хорошо на мне сядет.

Я отдернула цветастую штормку и принялась изучать свое отражение в зеркале в полный рост, для удобства поставленном рядом с примерочной. Продавщица занималась с другой клиенткой, и я получила несколько минут уединения, пока поворачивалась то левым, то правым боком, одергивая и разглаживая на себе платье. В такие моменты я обычно одаривала свое отражение улыбками. *Привет, это я в моем новом платье. Что скажешь?* Однако сегодня это почему-то показалось неуместным.

Я по очереди примерила все платья, ожидая, что ни одно из них не сядет по фигуре так же хорошо и будет так же хорошо смотреться. Взглянула на четыре картонных ценника. Платья были смехотворно дешевы. Даже все вместе они стоили столько, сколько я вполне оправданно предполагала заплатить за одно новое в другом месте. Радуюсь, что со спокойной душой могу считать такую покупку экономией средств, я надела свою одежду и приблизилась к прилавку.

– Что-нибудь подошло? – вежливо осведомилась продавщица.

– Подошли все, – ответила я, – поэтому трудно выбрать что-то одно. Я не ожидала такого богатого выбора.

Женщина подняла голову и оглядела магазин, убеждаясь, что мы одни. Так и было, хотя я не слышала, как ушла предыдущая покупательница.

– Если честно, у нас *никогда* не переводятся черные платья. – Она понизила голос до шепота и чуть ближе наклонилась ко мне. – Многие из них надевали всего раз. Понимаете, люди часто покупают новое платье на похороны, но почему-то не хотят носить его дальше. – Она резко выпрямилась, словно вдруг сообразила: из-за своих слов она, возможно, только что лишилась покупательницы. – Но я убеждена, что вы не суеверны, – заявила она, как будто могла судить о моем отношении к этому вопросу после нашего пятнадцатиминутного знакомства. – События, куда надевают платья, не могут на них отразиться, а выбрасывать их, надев всего раз, кажется таким расточительством.

Я полезла в сумку за кошельком, порадовавшись, что заглянула в банкомат, пусть даже эти деньги предназначались для закупки продуктов на неделю.

– Вообще-то, с этим у меня нет никаких проблем, потому что я ищу черное платье как раз в связи с таким событием.

– О, для похорон? – спросила женщина, мгновенно принимая серьезный тон. – Сочувствую, дорогая.

Я достала из кошелька две банкноты, спеша уйти, прежде чем она расхрабрится настолько, что пойдет в своих расспросах дальше.

– Какое из них вы возьмете? – спросила продавщица, доставая бывший в употреблении пакет с красовавшимся на нем логотипом высококлассного магазина. Даже пакеты здесь были престижные.

– Все, пожалуйста, – ответила я, кладя деньги на стеклянную поверхность прилавка.

– Все четыре?

– Да, пожалуйста.

За стеклами украшенных «крылышками» очков я видела в ее глазах вопросы. Я угадывала один, задать который ей мешали лишь приличия. *Наверняка же у тебя не четверо похорон? Не может быть. Конечно, нет.*

Интересно, какова была бы ее реакция, если бы я просто утвердительно кивнула. Пришла бы она в ужас от страшной трагедии, которая, видимо, привела к этому, или обвинила бы меня в том, что я плохо забочусь об окружающих меня людях? У меня язык не повернулся бы упрекнуть ее. Четверо похорон – это, действительно, слишком.

В идеальном мире мне никогда не потребовалась бы эта одежда. Скорбь не таилась бы в тени, как преследователь, дожидаясь момента, чтобы окрасить все в серый цвет – снова, и снова, и снова. Возможно, я была излишне пессимистична. Возможно, *ничего* плохого не случится с дорогими мне людьми. Возможно, в этот раз любви будет достаточно, чтобы они оставались со мной.

Или, возможно, настало время, чтобы я наконец-то повзрослела.

Глава 1

Минувшей ночью мне опять приснился тот пожар. На сей раз я не закричала. На сей раз никто не помчался в панике вниз по лестнице узнать, что случилось. На сей раз я нарушила только свой покой.

Я проснулась, тяжело дыша, завернутая, как буррито, в скомканную, влажную от пота простыню. Взяла часы на прикроватном столике и уже не слишком удивилась – десять минут третьего. Снова. Не один год мое подсознание продолжало будить меня, напоминать о событии, которое абсолютно не нуждалось в напоминании. Я думала, что наконец-то оставила эти воспоминания в прошлом, но начиная с ночи пожара они протискивались обратно в мою жизнь. Они вообще никуда не уходили; они будут со мной всегда, совсем как маленький шрам, оставшийся от ожога. Я повернула руку и в свете луны осмотрела пять сантиметров кожи на внутренней стороне запястья, которые до дня моей смерти всегда будут красными и уплотненными. Не у меня одной по-прежнему оставались отметины той ночи, потому что у него тоже был шрам, практически идентичный моему. Он беспокоил меня гораздо больше моего.

Я больше не зажигаю свечи. Если мне хочется романтической атмосферы, я приглушаю свет. При виде тыкв на Хеллоуин мне всегда будет не по себе, и дело совсем не в отвратительных усмешках или неровно вырезанных зубах. Дело в том, что именно с них все и началось... по крайней мере, так сказали следователи, выяснявшие причины того пожара.

Четыре месяца назад

Октябрь

Я удивилась, что меня пригласили на вечеринку. Я побыла там всего двадцать семь минут, а потом, с трудом протискиваясь сквозь толпу набившихся в прихожую людей, добралась до входной двери. Два вампира, один зомби и мужчина, наряженный Мэрилин Монро (представления не имею, почему), – все пытались помешать мне уйти. Но если честно, мне, пожалуй, хватило и первых двух минут. Остальные двадцать пять были данью вежливости.

Хотя нельзя сказать, что я настолько хорошо знала компанию парней, живущих подо мной. Да на самом деле вообще не знала. В смысле, мы обменивались любезными фразами в лифте, вежливо кивали и улыбались, если нам случалось в одно и то же время вынимать почту из ящиков, но я ничего о них не знала, кроме того, что они работают в каком-то месте, где нужно носить костюмы, обожают музыку с низкими частотами бас-гитары, от которых дрожат потолок и стены, и с регулярностью, заставляющей тревожиться за их печень, заполняют бутылками бак для вторсырья в подвале. Я подозревала, что они пригласили меня, только чтобы я не жаловалась на шум вечеринки. Эта компания напоминала мне студентов университета, которые не осознали, что им теперь по двадцать пять и что время вечеринок наконец прошло.

Мои университетские вечеринки закончились десятью годами раньше. Теперь, в тридцать один, я могла оглядываться на те дни с нежностью и ностальгией, чего в то время не предполагала. Со временем мои воспоминания приобрели приятную расплывчатость. Самым лучшим, что я вынесла из университета (помимо диплома по современным языкам, что позволяло мне зарабатывать на жизнь переводами), стала моя дружба с Джулией.

Думаю, не проходило дня, чтобы я мысленно не благодарила университетского администратора, который случайно поместил нас в смежные комнаты в общежитии для первокурсников. Я мало что помню из речи главы университета в тот первый день, кроме одной фразы, обращенной к переполненной аудитории: в этом зале сидят друзья, и они останутся с вами на всю жизнь. Его расчеты оказались слегка преувеличенными. Я обзавелась всего *одной* подругой, которая, знала я, разделит со мной все, что ждет впереди. Но иногда, даже если она идет по совершенно другому пути, твоя по-настоящему лучшая подруга – это все, что тебе нужно.

В том, что я не вернулась в свой родной город после окончания университета, отчасти была виновата Джулия. Справедливости ради нужно сказать, что меня не пришлось уговаривать остаться в нашем университетском городе и поселиться с ней в одной квартире. Когда я укладывала вещи, снимала со стен прикрепленные скотчем постеры и наконец освободила гардероб, в глубине души уже знала: дом, в котором я выросла, вероятно, никогда уже не будет снова моим постоянным адресом.

Определенно из-за Джулии я не отклонила приглашение на вечеринку в ночь пожара.

– А как еще ты планировала провести субботний вечер?

– Ну, посмотреть «Танцы со звездами», – с надеждой проговорила я, что на самом деле казалось мне гораздо более привлекательным, чем наряжаться и вести светские разговоры с незнакомыми людьми.

– Софи Уинтер, ты *никогда* не заведешь новых знакомств, если будешь сидеть и смотреть телевизор. На будущий год тебе стукнет тридцать два. Ты не слышишь этого оглушительного тиканья? Это твои биологические часы ведут обратный отсчет.

Я с нежностью ее обняла и не стала напоминать, что до моего следующего дня рождения еще одиннадцать месяцев.

– Вообще-то, я не уверена, что слышу что-нибудь за шумом твоих бушующих гормонов, – сказала я, с улыбкой глядя на Ноя, второго ребенка Джулии, который, между прочим, был еще и моим двухмесячным крестником, крепко спавшим рядом с нами в своей плетеной корзине.

Хмыкнув, Джулия согласилась с той удовлетворенной улыбкой, которая будила во мне настоящую бурю эмоций:

– Думаю, я просто настолько счастлива, настолько довольна, что хочу, чтобы и у тебя было все, что есть у меня.

– Ты предлагаешь мне разделить с тобой Гэри? – не удержалась я от шутки. – Ну, ничего себе, ты действительно *настоящая* подруга.

– Нет. Но я не хочу, чтобы ты отказывалась от возможности найти собственного Гэри. Он здесь... где-то. Возможно даже, что он придет на эту вечеринку в субботу.

– Сомневаюсь в этом, – сказала я. – И к твоему сведению, ты ведь знаешь, что человек может быть совершенно счастлив один? Жизнь – это не игра в прятки, в которой тебе приходится искать свою половину, чтобы выиграть.

Джулия улыбнулась и, заправив за ухо длинную прядь каштановых волос, наклонилась, чтобы взять внезапно захныкавшего малыша.

– Но она и не должна стать одиночной игрой, – заметила она, повергнув меня в молчание. – И потом, это не так, верно?

– Что не так? – одними губами произнесла я.

– Ты не совершенно счастлива.

Повернувшись на стуле, я смотрела в окно на ее тщательно ухоженный сад, пока не убедилась, что жжение в глазах прекратилось, и только тогда снова посмотрела Джулии в лицо.

– Да, не счастлива. Но это ничего. Не у каждой истории должен быть счастливый конец.

Есть что-то неправильное в том, что твоя лучшая подруга о тебе тревожится. Это заставляет чувствовать себя эгоистичной; это заставляет чувствовать себя виноватой. Еще – это заставляет согласиться на посещение вечеринки, идти на которую нисколько не хотелось.

Я протиснулась сквозь толпу гостей, коктейль запахов ядовитым облаком вылетел вслед за мной из двери: алкоголь, сигареты и явственная вонь свечного дыма. Последнее вряд ли было удивительно, ибо я насчитала по меньшей мере полдюжины тыкв, освещенных изнутри мерцающими красными свечами и расставленных на всех ровных поверхностях, еще не занятых пивными бутылками.

Я поднялась по лестнице в свою квартиру под крышей и, входя в дверь, уже скидывала сильно жавшие туфли на высоких каблуках. Одна туфля едва не угодила в маленький дымчатый комок шерсти, устремившийся ко мне и принявшийся виться вокруг моих лодыжек. «Всего лишь вопрос времени, когда он благополучно повалит меня этими движениями», – подумала я, наклоняясь и беря его на руки.

– Привет, Фред, – поздоровалась я, зарываясь лицом в густой мех у него на затылке. – Скучал по мне?

Ответное мурлыканье, как мотор рокотавшее в его тельце, я восприняла как «да». Фред был питомцем, которого я всегда мечтала иметь и в детстве никогда не имела. Он выступал в роли совещательного органа при обсуждении всех моих решений и редко возражал против моего выбора, даже неудачного. Я сама подарила его себе на тридцать лет, и хотя Джулия могла пошутить, что это первый шаг на скользком пути по превращению в безумную любительницу кошек, я не переживала. Тот факт, что мой квартирный хозяин готов был сквозь пальцы смотреть на домашних питомцев, стал решающим фактором при переезде в эту квартиру под крышей. *Лишь бы на ковер не писал*, было его единственным условием. Разумное требование любого домовладельца.

Пока я переходила из комнаты в комнату, включая свет и задергивая шторы, меня не покидало ощущение, будто я все еще на вечеринке. Музыка из огромных динамиков по-прежнему грохотала сквозь доски пола у меня под ногами, а открытые окна в квартире подо мной позволяли присоединиться и половине улицы, если бы она пожелала.

Я надела старую уютную пижаму, сделала себе пару тостов со сливочным маслом и сунула ноги в большие мягкие тапочки в форме овец, которые на прошлое Рождество подарила мне Лейси, дочка Джулии. Видимо, я ощущала некоторую подавленность и разочарование, переключая телеканалы, пока не нашла тот, на котором показывали бесконечную историю «Друзей». Я с ногами забралась на кушетку, автоматически избегая места, где одна из пружин начала продираться сквозь обивку. Закутавшись в шерстяной плед, я подождала, пока кот сделает шесть кругов, прежде чем устроиться у меня на коленях, и, откинувшись на спинку, стала наблюдать за группой людей, все еще пребывавших в блаженном неведении о том, что не всегда кто-то будет *рядом с тобой*.

Меня разбудил сигнал тревоги, но я не испугалась. Ну, по крайней мере, сначала. Годы ложных ночных тревог в студенчестве вызвали опасное привыкание к этому постоянному

вою. Думаю, поэтому я поначалу и не встревожилась, когда пронзительный звук раздражающей иглой пронзил и разрушил мой сон. Я села и, кое-как протерев глаза, машинально глянула на часы для того, наверное, чтобы соблюсти точность, когда на следующий день буду рассказывать эту историю. *А потом, как раз перед полночью, какой-то идиот включил пожарную тревогу.*

Не знаю, сколько времени мне понадобилось, чтобы понять – пронзительный сигнал тревоги сработал не просто потому, что кто-то сжег свой тост, желая перекусить среди ночи. Это не дошло до меня еще и тогда, когда я тащилась на кухню убедиться, что ответственной за это идиоткой была не я. От вечеринки внизу по-прежнему шел ужасный шум. По правде говоря, они там совсем слетели с катушек. Казалось бы, веселье уже должно было немного стихнуть, но судя по воплям, доносившимся до меня сквозь пол, оно было в самом разгаре. На полпути по моей крохотной кухне я остановилась и снова прислушалась. На взрывы смеха и радостные пьяные возгласы было непохоже. Похоже было на крики. Впервые я обратила внимание, что причиной легкой туманности были, возможно, не только мои заспанные глаза. Я сделала глубокий вдох и тогда почувствовала запах. Воздух был каким-то резким и едким.

Я бросилась к входной двери, цепочка брэнчала в моих трясущихся пальцах, пока я торопливо ее скидывала. Отсюда я слышала надрывавшийся звук пожарной сигнализации, установленной на потолке над лестницей. Я чуть приоткрыла дверь, и почти мгновенно устройство в моей квартире присоединилось к общему хору. Хотя ему не было нужды сообщать мне о том, что и так уже увидели мои глаза. Коридор был заполнен дымом. Густые серые клубы его поднимались по лестничной клетке, в них периодически мелькали молниеносные вспышки чего-то ярко-оранжевого. Здание горело.

Я плотно захлопнула дверь, но маленькое проворное облачко просочилось в щель, отчего мой вздох ужаса превратился в приступ кашля. Мне нужно было выбираться отсюда. *Немедленно.*

Есть вопрос, который часто задают себе люди. *Что вы спасете, если ваш дом загорится?* Теперь я знаю ответ. Ничего. Ни единой вещи. Пусть хоть всё сгорит. При условии, что все благополучно выбрались наружу, оставленное на поживу огню имущество не имеет ни малейшего значения.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы найти Фреда; всего-то и нужно было, что пойти на его необычное мяуканье, какое я никогда прежде не слышала. Кот дрожал всем тельцем, когда я заворачивала его в толстое стеганое пальто. Сверток дергался и рвался, словно внутри сидело одержимое существо, но я крепко его держала, надеясь, что достаточно толстая ткань выдержит удары когтей, пока я не выберусь отсюда.

Не знаю, почему я вообще решила, что смогу выйти через дверь. Нет, я, конечно, заметила языки пламени, ползущие по лестнице подобно смертельно опасным злоумышленникам. О чем я думала – что сумею пробежать сквозь них, как каскадер в остросюжетном фильме? Всего двух шагов в общий коридор мне хватило, чтобы осознать – этим путем мне не выйти. Я поспешно вернулась в полное дыма убежище моей квартиры, захлопнув за собой дверь. Я стояла рядом с ней, лихорадочно дыша, и видела тонкие белые змейки дыма, которые, извиваясь, пробивались сквозь щель под дверью. Фред выскочил, едва я положила сверток, и я торопливо принялась запикивать слегка попорченное пальто под дверь, применив достаточно силы, чтобы сломать несколько ногтей, но даже не заметила этого. Дым продолжал просачиваться, с ленивым нахальством, как будто в его

распоряжении было все время мира, чтобы добраться до меня. *Нет никакой нужды торопиться, совершенно никакой.* У меня же, напротив, были все основания торопиться. С вешалки на стене я с такой силой сдернула другое пальто, что вырвала из гипсокартона крючок. Уверена, при других обстоятельствах я бы обеспокоилась из-за ущерба... но тогда даже не обратила на это внимания. Пальто обеспечили временную преграду, но дым за ними был полон решимости. Он найдет путь внутрь.

Я помчалась в гостиную, единственную комнату, окна которой выходили на главную дорогу. Огонь вырывался из открытых окон квартиры этажом ниже. Я увидела какую-то фигуру, дергающуюся и поворачивающуюся в языках пламени, и на один жуткий миг подумала, что это человек, но потом поняла, что это вздымающиеся шторы, которые бились и корчились в воздухе, пока яркий огонь поглощал позади них комнату. Улица, тремя этажами ниже, продолжала исчезать из вида под густым слоем стелющегося дыма, похожего на нижнюю границу облаков в окне самолета. В разрывах дымной пелены я видела покидающих здание людей. Большинство бежало; некоторые не останавливались, даже если им явно уже ничего больше не грозило. Они пересекали пустынную улицу и, не сбавляя скорости, бежали дальше, как будто огонь все еще гнался за ними по пятам. Я видела, как люди падали на колени, возможно, в шоке, возможно, из благодарности за то, что остались в живых. Некоторых, похоже, рвало. К горлу подступила тошнота, и внезапно я почувствовала, что сейчас присоединюсь к ним.

Возясь с латунной оконной задвижкой, я старалась не думать о железных, с зубцами перилах по обе стороны бетонных ступенек, которые вели в квартиру цокольного этажа. Потому что задумайся я – хотя бы на секунду, – я бы увидела себя напорющейся на них, бьющуюся и корчащуюся, как рыба на гарпуне. Прыжок в окно, как и невозможность покинуть квартиру, мог стоять мне жизни.

Я нажала на нижнюю раму и изо всех сил толкнула ее вверх. Она не шевельнулась. Даже не скрипнула. Она казалась такой цельной, словно ее наглухо заколотили гвоздями, что вполне могло быть, с ужасом сообразила я, ведя пальцем по толстому слою краски, запечатывающему каждое соединение. *В квартире только что сделали косметический ремонт,* всплыло в памяти гордое заявление моего квартирного хозяина, когда я осматривала жилье два месяца назад. Насколько я помнила, именно это и повлияло на мое решение. Теперь оказалось, что окна законопатили вместе со мной.

Я предприняла еще несколько попыток открыть окно, используя что-то в качестве рычага, но безуспешно. Стучать по стеклу, чтобы привлечь внимание, оказалось неэффективно и абсолютно бесполезно, но я все равно потратила на это несколько драгоценных минут. На узком тротуаре царили хаос и смятение. Никто не мог увидеть меня, на такой высоте стучавшую по заевшему окну. Я обернулась, испуганно оглядывая комнату в поисках чего-нибудь тяжелого, чтобы разбить стекло. Я хватала и отбрасывала совершенно смешные предметы, вроде пульта от телевизора, тарелки, на которой принесла тост, и даже диванной подушки, пока не заставила себя чуть притормозить.

Думай. Думай. Включи мозги, проговорил голос, который я довольно давно не слышала. В панике я становилась медлительной и глупела, а ничего этого я не могла себе позволить. *Попробуй другое окно,* предложил голос в голове. Я кивнула, словно мысль эта поступила от кого-то другого.

Окна в кухне и ванной комнате были защищены толстыми рейками, которые всегда напоминали мне тюремные решетки. Жутко было осознавать, что этой ночью именно в *это*

они и превратились. Но окно спальни смотрело на боковую улицу, и под ним находилась плоская крыша. *Это* станет моим путем к спасению, поняла я, пока бежала по квартире, которая больше не была моим безопасным и спокойным пристанищем. Она была полным дыма Алькатрасом, и у меня оставалось очень мало времени, чтобы спастись из него.

Какой-то наполовину забытый совет побудил меня закрыть дверь в спальню. Занятно, какие факты запоминает твой мозг, никогда не зная, что однажды они могут действительно спасти тебе жизнь. Фред уже был у окна, когда я раздернула шторы с такой силой, что слышала треск срывающейся с крючков ткани. Благодаря направлению ветра за окном практически не было дыма, но то, что меня можно было увидеть с улицы, не имело никакого значения – поскольку никого, кто мог бы меня увидеть, не было. Всеобщее внимание полностью сосредоточилось на фасаде пылающего дома.

Узкая улочка вдоль этой стороны квартиры всегда была тихой, даже среди бела дня. В это время ночи она была пустынной, как заброшенная автострада. Крепко зажмурившись, я сосредоточилась и попыталась представить топографию места, мимо которого проходила несколько раз в день, никогда, по сути, его не замечая. За углом, где стояли мусорные баки, находился запертый склад, принадлежавший соседней прачечной. «На эту плоскую крышу мне и предстоит спуститься», – подумала я, глядя на заросший мхом квадрат бетона двумя этажами ниже. Теперь, когда я должна была на него прыгнуть, он показался мне гораздо ниже.

Мысль о прыжке ужасала, но осознание того, что у меня не будет *возможности* его сделать, было еще хуже. Будь я фанатом свежего воздуха или одной из тех, кто всегда спит с открытым окном, я уже знала бы, что мой план спасения невозможен. Окно в спальне не открывалось, за исключением небольшой фрамуги. Когда я самодовольно радовалась теплу и уюту моей новой спальни, почему мне не пришло в голову, что в чрезвычайной ситуации из этой комнаты не будет спасения?

Я с досадой ударила рукой по прочному стеклу, взглядом ища на раме несуществующую, как я знала, ручку. Меня начала охватывать паника с большей скоростью, нежели приближалось пламя, жадно пожиравшее все на своем пути. Я рывком подняла фрамугу насколько возможно, однако не так уж и широко. Голову я, пожалуй, в нее просунула бы, но и речи не шло, чтобы протиснуться всем телом. Даже если бы никогда за последние тридцать лет и один год я не съела ни единого ломтя пиццы, если бы ни один бургер никогда не отправился ко мне в рот, это *все равно* не имело бы ни малейшего значения. Никто, кроме акробата или очень тощего десятилетнего ребенка, не смог бы, извиваясь, протиснуться в это узкое отверстие. Или кота. Кот этим путем спастись мог.

Жестко соблазняя, прохладный октябрьский воздух оведал мои щеки. Я чувствовала свободу; я чувствовала ее запах – пусть даже он был здорово подпорчен запахом дыма и горячей древесины. Но я просто не могла ее обрести.

– Помогите! – завопила я. И поняла, что воплю впервые в своей взрослой жизни. Странное ощущение – как будто я была человеком, который притворяется попавшим в беду, словно все это просто не может быть реальностью. Со стороны своей входной двери я слышала странное потрескивание и хлопки. – Помогите! Помогите! На помощь! – заорала я в ночь. Оказалось, что я в итоге знаю, как это делается.

Никто не появился. Никто. Я продолжала кричать, надеясь, что сквозь шум и хаос, царившие перед входом, хотя бы кто-нибудь отреагирует на мои крики. Когда весь свет в здании вдруг мигнул и выключился, погрузив меня в полную темноту, я заорала снова.

Подбежала к двери спальни, на секунду распахнула ее и, ахнув от ужаса, захлопнула. Теперь я знала источник странного звука у моей входной двери. Она горела; коробка и филенки полыхали в ореоле ярко-оранжевых языков пламени, делавших ее похожей на портал в ад.

Иногда, даже если вы понимаете, что нечто не сработает, вы тем не менее должны взяться и попробовать. Я подхватила низкий деревянный табурет, стоявший у туалетного столика. Табурет был дубовый, и его ножки показались на ощупь крепкими. Я подождала, пока глаза полностью привыкнут к темноте, потратив эти секунды на несколько тренировочных замахов. Когда я подготовилась, насколько это было возможно, я насухо вытерла ладони о штанины пижамы и швырнула табурет, целясь прямо в центр оконного стекла.

Я не ждала, что оно разлетится – в конце концов это был стеклопакет. Но я полагала, что оно треснет или, может, слегка прогнется. Чего я определенно не ожидала, так это того, что табурет отскочит от стекла, словно от багута. Сила отдачи сбила меня с ног. Воздух на уровне пола был немного прозрачнее, чем в остальном пространстве туманной, заполненной дымом комнаты, однако я не стала задерживаться там. Я подняла упавший табурет и снова швырнула его. И еще раз. И еще. Стекло осталось невредимым, но на четвертом броске табурет разлетелся на куски.

После унижающей достоинство процедуры с пальто стоит ли удивляться, что Фред бешено сопротивлялся, когда я подхватила его и понесла к окну. Он был домашним котом. Пользовался домашним лотком и не подозревал об опасностях, подстерегающих во внешнем мире. Разве что *настоящая* опасность для его жизни находилась теперь *внутри* квартиры. Я повернула кота мордой к себе и минуту смотрела в его перепуганные зеленые глаза. Если бы это был фильм «Лесси», я бы велела ему пойти и привести помощь. Я бы дала указание найти человека с действительно длинной лестницей, чтобы он пришел и спас меня. Можно сказать, что в этот самый момент я была в такой же беде, как Тимми из этого фильма, когда он упал в заброшенную шахту. Но здесь была реальная жизнь, и максимум, на что я могла надеяться, чтобы только один из нас остался, как в ловушке, в заполненной дымом квартире. Я поцеловала кота в макушку, затем подняла извивающееся тельце к маленькому оконному отверстию. Мгновение он балансировал на узком подоконнике, оглядываясь на меня так, будто сомневался в моем здравомыслии. Я его не виню. Внезапно расстояние для прыжка показалось очень большим. Как раз когда я уже почти передумала, я почувствовала, как собрались и напряглись мышцы Фреда, а затем он исчез, полетев сквозь ночь. Я вглядывалась в поверхность крыши вниз, уверенная, что вижу серое покалеченное и изогнутое тельце, но Фреда уже и след простыл.

Дым сгушался с каждой секундой, и хотя я запиховала в щель под дверью все, что попадалось под руку, я понимала, что выгадываю всего лишь несколько дополнительных минут воздуха. Я с тоской подумала о мобильном телефоне, который заряжался на рабочем столе в гостиной. Изменилась бы ситуация, если бы я позвонила в службу спасения и сообщила, что оказалась здесь в ловушке? Вероятно, чуть более толковый план, чем надежда на то, что кого-нибудь приведет кот. Я подавила непривычный вскрик, прозвучавший слишком уж истерично для смеха.

Я увидела, как по боковой улице проехал автомобиль. Я увидела, как он замедлил движение, почти пополз, приблизившись к горящему зданию. Я схватила расшитый бисером шарф, который надевала этим вечером, и свесила его за окно, как Рапунцель свои волосы. Блестки замерцали в свете уличного фонаря, как миниатюрные звездочки. Наверняка кто-

нибудь это увидит. Машина остановилась на Т-образном перекрестке, затем уехала. В отчаянии я стукнулась лбом в стекло, так сильно, что стало по-настоящему больно. Никакой надежды. Нужно чудо, чтобы кто-нибудь нашел меня раньше, чем это сделает огонь.

Затем чудо произошло.

Через приподнятую фрамугу я услышала низкий рев мотора, когда тот же автомобиль на скорости вернулся по главной дороге и, визжа тормозами на повороте, с шумом ворвался на боковую улицу. Водитель остановился прямо посреди дороги и выскочил из машины. На вид мужчина был моего возраста или на год-два постарше. Только одним словом можно было описать выражение его лица, когда он поднял взгляд к моему окну и увидел меня. Ужас.

– Помогите мне! – закричала я, от облегчения, чувствовать которое было слишком преждевременно, мой голос сорвался на рыдание.

Мгновение я думала, что мужчина меня не услышал, потому что он не шевельнулся, ничего не сказал, просто стоял, таращась на окно. Наконец, подобно танцору танго, он мотнул головой в обе стороны, глядя в конец этой улицы и на главную дорогу. Пробежал два шага в ее сторону, затем остановился и крикнул мне:

– Ждите там!

«Как будто у меня есть выбор», – подумала я, но все равно, как дура, кивнула.

– Пожалуйста, поторопитесь. По-моему, огонь уже близко! – крикнула я в проем фрамуги.

Мужчина добрался уже почти до угла, когда громкий взрыв сотряс весь дом. Я услышала звон посыпавшегося стекла, закричали люди. Не знаю, что стало причиной взрыва и где он произошел, но я заподозрила, что очень, очень плохая ситуация стала еще хуже. Мой спаситель явно подумал то же самое, потому что резко затормозил и, качнувшись, бегом бросился назад, ко мне. В любой другой ситуации я, наверное, восхитилась бы его атлетизмом, когда он помедлил всего секунду, а потом гибким движением вспрыгнул на крышку одного из мусорных баков, а затем забрался, подтянувшись, на плоскую крышу рядом. Мужчина встал прямо подо мной. Моя голова по-прежнему торчала из окна под углом в сорок пять градусов, как у собаки во время автопутешествия.

– Вы можете открыть окно? – крикнул мужчина.

Сгоряча я готова была проигнорировать его слова *Ждите там*, но, помилуйте, если бы это было так просто, неужели я бы его не открыла? Неблагодарно требовать от твоего спасителя лучшего понимания ситуации?

– Нет, не могу! – завопила я в ответ. И устыдилась своего внезапного гнева. Он же *ни в чем* не виноват. Он, по крайней мере, пытается помочь. – И это стеклопакет; он не бьется. Я уже пыталась.

Он нахмурился и, прищурившись, посмотрел то ли на меня, то ли на оконную раму.

– Все бьется... со временем, – изрек он. Повернулся кругом, что-то ища... не знаю, что... какое-нибудь волшебное устройство по разбиванию стекол. Ничего не найдя, мужчина повернулся ко мне. – Куда вы били? – настойчиво спросил он.

Я не могла понять, почему это важно, но показала рукой в самый центр окна. Глянув вниз, я увидела, что мужчина качает головой.

– Неправильно. Самое уязвимое место в одном из нижних углов. Попробуйте еще.

«Откуда мне было это знать?» – подумала я, глядя на мужчину, который вдруг менее чем за пять секунд превратился из идиота в гения.

– Вам понадобится что-нибудь металлическое и острое, – прокричал он.

– Например, ножницы?

Настал его черед посмотреть на меня так, будто он разговаривает с умственно отсталым человеком.

– Что-нибудь тяжелое.

Я покачала головой. Не знаю, с какими женщинами он знаком, но, видимо, с теми, кто держит под матрасом лом. Потом он сказал что-то еще, но я не совсем уловила, потому что стена позади меня начала производить необычный шипящий звук. Я втащила голову назад и с ужасом уставилась на стену из гипсокартона. Она издавала такой звук, словно внутри нее оказались в ловушке змеи или взвод миниатюрных шеф-поваров жарил что-то в раскаленном масле. Я увидела пузыри, не осознавая опасности. На гипсокартоне начали вспухать маленькие белые пузырьки, почти мгновенно лопающиеся по мере того, как расплавившаяся краска поддавалась жару внутри стен. Я в оцепенении смотрела, как лопались все новые и новые похожие на волдыри раны, словно стена мучилась от какой-то страшной болезни. Как, в сущности, и было.

Мужчина под окном кричал, обращаясь ко мне. Отвлечшись, я оторвала взгляд от стены и сосредоточилась, наконец, на его словах.

– Утюг. Он поможет. Острый конец утюга.

Я повернула голову так быстро и резко, что услышала, как протестующе хрустнули все шейные позвонки. Там, в углу комнаты, стояла гладильная доска, которую я забыла убрать перед уходом на вечеринку. И прямо посередине доски стоял маленький бытовой прибор, который, вполне вероятно, мог вызволить меня отсюда.

Мне бы хотелось сказать, что утюг пробил стекло с первого удара... на деле все было не так. Мне потребовалось, может, четыре или пять ударов, прежде чем в том месте, куда бился нос утюга, появилась маленькая дырочка. «Похоже на крохотное пулевое отверстие», – подумалось мне, когда я увидела паутину трещин вокруг нее. Откуда-то снизу, с плоской крыши, донесся радостный клич мужчины, потом он крикнул:

– Еще удар!

Дыра понемногу увеличивалась, пока не расширилась до размеров мяча для боулинга. Еще несколько ударов, и внезапно окно просто исчезло, осыпавшись дождем острых осколков. Мне захотелось торжествующе ткнуть воздух кулаком, захотелось издать торжествующий вопль, но становилось довольно трудно даже просто дышать. Когда рассеялся слой закачанного в стеклопакет газа, пробиться сквозь второе стекло было левым делом. Я услышала звон осколков, сыплющихся на плоскую крышу, и понадеялась, что мой спаситель не смотрел вверх, когда это случилось.

Я ухватилась за край рамы и посмотрела на мужчину, который все это время поддерживал меня ободряющими возгласами. Ни одна Джульетта не смотрела со своего балкона на Ромео с большей благодарностью.

– Накройте чем-нибудь край рамы перед тем, как полезете, – дал он мудрый совет, и когда я увидела острые куски стекла, все еще из нее торчавшие, я преисполнилась благодарности за эту подсказку. Спаситесь из горящего здания, но перерезать бедренную артерию – поистине жуткий конец истории.

Я стащила с кровати покрывало и набросила на раму. Задержалась я всего на несколько секунд, но они-то и оказались роковыми. Можно подумать, огонь исподтишка караулил меня, глубоко запрятавшись в стены, дожидаясь нужного момента, чтобы все же меня настигнуть. Я забралась на подоконник и с опаской села на край, вокруг клубился дым. Мне

показалось, мой спаситель говорит мне что-то насчет того, чтобы повиснуть на раме, а не просто прыгать вниз. Но внезапно стена рядом с моей головой взорвалась, как огненная граната. Я услышала шипение своих длинных, до талии, воспламенившихся волос, ощутила жар, когда они загорелись у шеи.

Я прыгнула.

Позже он сказал мне, что я была похожа на падающего с небес огненного ангела. Очень романтичное описание самого страшного момента всей моей жизни. Мои волосы развевались вокруг меня, как крылья, кончики которых окунули в пламя. Однако приземление мое было весьма далеко от ангельского – я врезалась в своего спасителя, расставившего руки в надежде меня поймать. Это ему не удалось. Когда я врезалась в него, повалила навзничь на крышу и нажатием на диафрагму выдавила воздух из его легких, он то ли рыкнул, то ли выдохнул с присвистом, как астматик. То, что я совершила прыжок с высоты четырех метров и не сломала ни единой кости – у нас обоих, – само по себе было чудом. Но возможности подивиться ему у нас не было, потому что очень реальную и непосредственную опасность представляли мои волосы.

С оказанием первой помощи я знакома. Кажется, когда-то, в бытность гёрл-скаутом, я даже получила за это значок, но знать, что ты *должна* делать, и на самом деле заставить свое перепуганное тело подчиняться, две совершенно разные вещи.

– Не двигайтесь! – закричал мой спаситель, когда я завертела головой, немедленно усугубив проблему.

Он опрокинул меня на влажную мшистую крышу и голыми руками начал сбивать огонь. Слышалось шипение, распространялся отвратительный запах, который даже до этого дня преследует меня в ночных кошмарах. Воняло палеными волосами и не только – мой храбрый спаситель закончил тем, что повредил значительный участок кожи на запястье. Я стала помогать, хлопая по горящим волосам. Приходится преодолевать себя, когда намеренно суешь руку в огонь. Инстинкт самосохранения и спасение собственной шкуры – в буквальном смысле – заставили меня не обращать внимания на боль и сражаться с языками пламени, пока те не погасли. Что же двигало этим человеком, я понятия не имела.

Наконец огонь унялся. В крови у нас обоих, видимо, бурлил адреналин, поскольку хотя мы и должны были испытывать адскую боль, мы не сразу почувствовали только что полученные ожоги.

– С вами все в порядке? – Хотя мужчина наклонился ко мне довольно близко, ему все еще приходилось кричать, чтобы я услышала его сквозь такой долгожданный вой приближающихся сирен. – Все хорошо, – успокоил он. – Не плачьте, вы теперь в безопасности.

Я открыла рот, чтобы сказать, что не плачу, но тут же почувствовала затекающие мне в уши струйки слез. Я попыталась заговорить, но мое полное дыма горло сумело выдать только тихий сдавленный звук – то ли слово, то ли кашель. Взгляд мужчины метнулся вверх, когда он увидел мои тревожно расширившиеся глаза – я заметила падающие к нам сквозь тьму горящие куски. Отделяясь от здания, они бесшумно плыли вниз, как подожженные листья сухой осенью. Один более крупный кусок, который, подозреваю, совсем недавно был шторой в моей спальне, лениво спланировал вниз. Мужчина сгреб меня за ворот пижамы и, рывком подняв, прижал к себе. Плающая ткань приземлилась на то самое место, где всего секунду назад находилась моя голова.

– Давайте-ка уйдем с этой крыши, – торопливо сказал мой спаситель, поднимая меня на ноги.

Я со страхом последовала за ним к краю крыши, окно над нами, где огонь жадно

пожирал все мое имущество, неудержимо притягивало мой взгляд.

Мужчина хотел, чтобы спуск с крыши выглядел сравнительно легким, но я обратила внимание, что он оберегает обожженную руку, прижимая ее к телу. Теперь и моя собственная рана начала заявлять о себе, и я – без всякой попытки – поняла: и речи быть не может, чтобы повиснуть на краю крыши и спрыгнуть, как только что сделал он.

– Прыгайте, я вас поймаю, – донесся голос моего спасителя откуда-то из темноты у меня под ногами. Казалось почти неблагодарностью напомнить ему, насколько хорошо это получилось у нас в последний раз. Я закрыла глаза, наскребая уже уменьшившийся запас храбрости. – Я не дам вам упасть, – пообещал он. Я посмотрела на мужчину, который протягивал мне навстречу здоровую руку. – Вы должны мне довериться, – настаивал он, видя мое колебание. Кусок горящей древесины выпал из здания и приземлился рядом со мной, осыпав меня тлеющими горячими углями, ужалившими, словно рой moskitov. Я стремительно припала к холодной влажной крыше. Мужчина откинул прядь волос со лба и ответил на мой перепуганный взгляд с совершенно неоправданной уверенностью. – Двигайтесь сюда. Я вас поймаю, – подбодрил он, когда я подползла ближе к краю крыши... и просто продолжила двигаться.

Не знаю, мужество или рефлекс позволили ему поймать меня обеими руками, здоровой и обожженной. Боль от ожога была, наверное, мучительной, когда я повисла у него на руках, но, хотя мужчина сморщился, его хватка ни на секунду не ослабла. Он отнес меня к перекрестку, однако я уверена, что на тот момент смогла бы дойти сама.

– Мне нужна помощь! – закричал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Из темноты к нам подошли люди, и несколько рук протянулись ко мне. Крепкий пожарный в форме с желтыми полосами забрал меня у моего спасителя и понес к низкой, плоской стене, где уже сидели другие оцепеневшие, потрясенные жертвы. Своего спасителя я потеряла из виду в толпе, когда другие пожарные увели его от меня.

На пожар вызвали еще две машины, и, наблюдая, как четыре мощные струи воды направляются на здание, я внезапно поняла, сколь мала вероятность того, что это место когда-нибудь снова станет моим домом. Десять минут спустя, когда провалилась секция крыши, я осознала, что теперь я официально бездомная. У меня не осталось ничего, кроме одежды на мне: пижамы с узором из пингвинов и мягких тапочек в форме овец. Я даже не знала, остался ли жив Фред, и *меня* это беспокоило явно гораздо больше, чем процедура оказания мне первой помощи: полицейский накладывал на мой ожог гелевую повязку. Я ощущала на своем плече его твердую руку, а еще он сказал, что именно думает о моей идее поискать пропавшего кота.

– Если бы я просто пошла и искала...

Он покачал головой.

– Я видел достаточно котов, сбежавших из горящих домов, и знаю, что ваш наверняка сейчас очень далеко отсюда. Дайте ему время успокоиться, и он вернется домой.

Он переключился на сидевшего рядом со мной пострадавшего, драма моего пропавшего домашнего питомца занимала, несомненно, последнюю строчку в его списке приоритетов. Я посмотрела на обугленный остов крыши, вырисовывавшийся на фоне огня, как грудная клетка доисторического ящера. Очень даже возможно, что Фред и вернется, как предрек пожарный, но эта выгоревшая оболочка здания никогда уже не станет домом ни для кого из нас.

Я поежилась и плотнее стянула края одеяла, которое кто-то накинул мне на плечи.

Пробежавший по мне холодок шел откуда-то из глубины души и не имел ничего общего с прохладой октябрьской ночи. Меня окружала толпа, однако я, сидя на стене, чувствовала себя совершенно одинокой. Я даже не видела спасшего меня мужчину. Люди вокруг деловито говорили по мобильным телефонам, заверяя своих близких, что с ними все в порядке. Люди, которым следовало бы позвонить, были и у меня, но поскольку мой телефон на сто или около того процентов был непригоден к использованию, связи с ними придется подождать.

Меня посадили в одну из первых машин «Скорой помощи», отправлявшихся в больницу. К счастью, выбраться из здания удалось всем, и в основном пострадавшие, как и я, всего лишь получили небольшие ожоги и надышались дыма. Всем нам невероятно повезло. Перед самым отъездом я мельком заметила своего спасителя. Он пробирався сквозь беспорядочную толпу, как будто что-то или кого-то искал. Не успела я окликнуть его, как кто-то захлопнул дверь «Скорой» и резко шлепнул по ее металлическому боку, словно погоняя нерешительную лошадь. Сияя синими проблесковыми огнями, мы поехали в больницу.

Планшет у меня на колене подрагивал, как будто комната ожидания в отделении экстренной медицинской помощи неожиданно попала в зону действия подземных толчков. Ручка, прикрепленная к планшету длинной бечевкой, каталась из стороны в сторону, а потом совершила канцелярскую версию банджи-джампинга и исчезла. Она болталась, как маятник, ударяясь о мою ногу в пижамных брюках, судорожно дергавшуюся вверх-вниз. Очевидной причиной был чрезвычайный стресс, и думаю, вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что прыжок из горящего здания – самый сильный стресс, который вам когда-либо пришлось пережить. Бесспорно, это была вторая худшая ночь в моей жизни.

Я снова сосредоточилась на бланке. Вопросы были несложные, но я с трудом отвечала на них, порываясь накорябать рядом с моими ответами пояснения. Имя. Хорошо, это у меня есть. Но адрес? Имеется в виду квартира, которая еще несколько часов назад была моим домом, но больше не существует? Или мне следует указать адрес родителей, хотя он в двухстах милях отсюда и я не живу там уже двенадцать лет? Или место, где я собираюсь жить теперь? Потому что если они хотят узнать *это*, тогда я не имею ни малейшего понятия, что написать.

Номер телефона тоже оказался мудреной задачей. Номер у меня *был*, но от телефона, в котором он обитал, осталась, по всей вероятности, только почерневшая, расплавившаяся масса. «Вписать ближайшего родственника будет легче», – подумалось мне, пока я печатными буквами, казавшимися странно нетвердыми и совершенно не похожими на мой обычный почерк, выводила над пунктиром строчки имена своих родителей. Разумеется, лишь бы только больница не планировала с ними связаться. Потому что мои родители-пенсионеры впервые поехали отдохнуть после инфаркта отца, и телефонный звонок с очередной плохой новостью был бы для них слишком высоким риском.

Я перестала писать, когда прямо перед моим стулом кто-то остановился в перепачканных сажей кроссовках. Я медленно подняла глаза, ведя взгляд вверх по ногам, отметив длинную рваную дыру на колене джинсов, затем дальше – по рубашке, которая, видимо, начинала вечер белой, но теперь выглядела, как одежда «до» в рекламе стирального порошка. Кажется, я целую вечность добиралась до его лица, хотя поняла, кто это, по первому взгляду на его «Найки».

– Вы здесь, – проговорил он вроде бы с огромным облегчением. – Я уже начал думать, что вас увезли в другую больницу.

Я пристально смотрела в лицо незнакомца, приложившего все усилия, чтобы меня спасти, и все, что я хотела ему сказать, внезапно застряло у меня в горле. Я знаю, как сказать «спасибо» по меньшей мере на шести языках, но ни один из них никогда не сможет адекватно выразить то, чем я была обязана этому человеку.

– Как вы себя чувствуете? Вы уже были у врача? – Я покачала головой, отметив такую же временную повязку на его ожоге, как та, что наложила мне медсестра при первоначальной сортировке погорельцев. – Могу я что-нибудь для вас сделать? Вам что-нибудь нужно?

Он озабоченно разглядывал меня... *моя вина*; его кожа была запачкана... *моя вина*; одежда порвана, а рука обожжена... *и то и другое моя вина*. И однако же волновало его, похоже, только одно – мое, а не его собственное благополучие. Участие этого мужчины спровоцировало ту реакцию, от которой я надеялась удержаться, пока не окажусь где-нибудь далеко отсюда, когда буду одна и успокоюсь. Я разразилась неприлично громкими рыданиями.

Неправильно судить о людях по тому, как они реагируют на страдания других людей. Некоторые мужчины не выносят женских слез; так уж они устроены. К счастью, стоявший передо мной мужчина к их числу не принадлежал. Он легко опустился на ярко-оранжевый стул рядом со мной и обнял меня. Он, конечно, не спросил, рада ли я тому, что меня так интимно обнимает совершенно незнакомый человек, и, честно говоря, я совсем не знаю, как бы я ответила, если б он спросил. Я с благодарностью уткнулась лицом в крепкую стену его тела, вдыхая запахи дыма, стирального порошка, пота и сохранившийся аромат какого-то геля для душа, впитавшиеся в ткань его рубашки, и позволила широкому и крепкому торсу приглушить мои рыдания. Есть женщины, которые плачут деликатно и аккуратно и у которых никогда при этом не течет из носа. Я к ним, увы, не отношусь. Наконец я подняла голову, оставив после себя большой влажный овал на рубашке моего спасителя. Протянув руку, он подцепил коробку шершавых белых бумажных салфеток от Национальной службы здравоохранения, лежавшую на стопке журналов, и передал мне.

Он меня не торопил. Не забрасывал вопросами и не суетился вокруг меня; он просто ждал.

– Лучше? – спросил он в итоге, когда ком влажных салфеток у меня в руке достиг размера теннисного мяча.

– Да. Простите за это... и за вашу рубашку, – добавила я, глядя на мокрое пятно, оставшееся после моей вспышки. – И за ваши джинсы, и...

– Все это неважно, – заверил он.

Я покачала головой и уловила неприятный запах паленых волос. Я взялась за то, что раньше было волосами до талии, а теперь не доставало даже до плеч.

– И это тоже неважно, – добавил он. – Что касается волос – они уж отрастут.

Я отбросила прядь назад, потому что мои волосы ничего не значили.

– Я даже не знаю, как начать благодарить...

– Тогда и не начинайте, – перебил он.

Глаза у него цвета жженого сахара, отметила я. И если бы не полная нелепость вопроса, учитывая все случившееся этим вечером, я бы спросила, не контактные ли это линзы, потому что никогда ни у кого не видела именно такого оттенка. Они были цвета меда, с

проблесками янтаря и крошечными крапинками, которые тянулись по его радужкам, как сахарные нити.

– Я даже не знаю вашего имени.

– Меня зовут...

– Бен Стивенс, – провозгласила медсестра, сверившись со списком и оглядывая собравшихся пациентов, как аукционер, ожидающий, чтобы кто-то предложил первую цену.

Мужчина встал, улыбнулся и посмотрел на меня.

– Как сказала она, – спокойно подтвердил он, прежде чем переключиться на ожидавшую медсестру. – Здесь.

Он сделал шаг вперед, и я увидела, как краткая гримаса боли исказила его лицо, прежде чем он стер ее другой быстрой, адресованной мне улыбкой.

– Я Софи. Софи Уинтер, – сказала я, мгновение помедлив, прежде чем неловко протянуть ему руку.

Он взял ее, но вместо того, чтобы трянуть привычным рукопожатием, тепло сжал мою ладонь, и это должно было показаться неправильным и чересчур интимным, но странным образом таковым не показалось.

– Я знаю, – мягко произнес он, отпустил мою руку и скованно зашагал к медсестре.

Сначала я не поняла, что он меня ждал. Я посчитала совпадением, что первый, кого я увидела, когда наконец вышла из процедурного кабинета с жесткой белой повязкой на руке, был он.

– Ну, как ваши успехи? – спросил Бен, отходя от стены.

Я скорчила рожицу и пожала плечами.

– Да вроде нормально. Мне нужно будет прийти в ожоговое отделение... – я посмотрела в направлении на прием, которое держала в руке, – во вторник.

Он показал такое же направление.

– Аналогично.

Я прикусила губу, в очередной раз обуреваемая чувством вины.

– Мне *так* жаль, что вы пострадали, спасая меня. Знаете, этой ночью вы были настоящим героем. Вам должны дать медаль, награду или что-то такое.

На его лице промелькнуло странное выражение, и я поняла, что он не из тех людей, кто хочет или нуждается в признании подобного рода.

– Любой на моем месте поступил бы так же, – отмел он мои слова. – Абсолютно любой.

Мне не захотелось его смущать, поэтому я больше ничего не сказала. Мгновение мы с легкой неловкостью смотрели друг на друга, и я чувствовала, что наше краткое и необычное знакомство подходит к естественному концу, и недоумевала, почему это кажется неправильным, словно незавершенное дело.

– Послушайте, я собираюсь вызвать такси, чтобы доехать до своей машины. За вами кто-нибудь приедет или, хотите, я подвезу вас куда-нибудь? Куда вы теперь?

Я тупо посмотрела на него, потом – на настенные часы. Было почти три часа ночи. У меня не было ни одежды, ни денег на такси, и некуда было ехать, но мне до странности не хотелось признаваться во всем этом моему героическому и обаятельному незнакомцу.

– Я... я, вероятно, позвоню своим хорошим друзьям – наверное, они смогут за мной приехать.

Его телефон так стремительно и плавно переместился из заднего кармана в мою ладонь,

что этот парень вполне мог быть практикующим фокусником – или вором-карманником. Обычно я хорошо угадывала профессии людей, но этот человек ничем себя не выдал. Он представлялся мне в костюме и при галстучке во главе заседания совета директоров или работающим на открытом воздухе – в ботинках и джинсах, с обветренным лицом. Мне требовалось больше подсказок, чем речь образованного человека и мускулистое тело.

– Можете позвонить ему... или ей.

В его голосе прозвучал вопрос, но я почувствовала, что отвечать на него не нужно.

– Спасибо, – пробормотала я, направляясь к маленькому ряду пустых стульев, чтобы позвонить.

Я подождала, пока он отвернется к торговым автоматам и примется нажимать кнопки, прежде чем включить его телефон. Был только один человек, помимо моих родителей, кого я могла бы потревожить в такой час. Телефон был той же модели, что и мой, и я уверенно нажала на иконку на экране. Я занесла указательный палец, но не успела еще коснуться клавиатуры, как поняла, что ничего не выйдет. Закрыв глаза, я сосредоточилась, как медиум на спиритическом сеансе. Я *знала* номер Джулии, знала лучше своего собственного. Много лет она его не меняла, а я разговаривала с ней практически каждый день. Эти одиннадцать цифр должны были так глубоко отпечататься в моей мышечной памяти, что я могла бы набрать их не думая. Возможно, дело в этом: я слишком сильно напрягаю память, поэтому я решила просто наблюдать, как мои пальцы нажимают на клавиши. Первые два неверных номера не принесли ничего, кроме ворчания и бессвязного бормотания на том конце, прежде чем эти люди, будем надеяться, тут же снова уснули. Третий абонент оказался ужасным грубияном. Я объяснила бы ему свою ситуацию, если б он дал мне хоть малейший шанс, но вставить в поток бранных слов объяснение было невозможно.

Бен ужаснулся, когда подошел ко мне с двумя пластиковыми чашками и застал снова тихо плачущей и вертевшей в руках его телефон, будто я училась жонглировать, только совсем медленно.

– Ваш друг отказал?

Его глаза готовы были вспыхнуть огнем негодования.

– Нет. Дело не в этом. Просто... – Он сел напротив меня и наклонился ко мне со своего пластмассового стула, тем самым пытаясь подбодрить меня. – Просто... я не могу вспомнить ее номер. Не помню. Совершенно не помню. Я его знаю, очень хорошо, как свое имя. Но когда я пытаюсь мысленно его представить, такое впечатление, что он выпал из моей памяти в черную дыру.

– Это всего лишь отсроченный шок, – глубокомысленно заметил Бен и забрал у меня телефон, пока я его не выронила. – Не спешите, подумайте о чем-нибудь другом, и он к вам вернется.

Я хотела ему верить, и не только потому, что мне больше некуда было поехать в ту ночь, но уверенности почему-то не возникло.

– Вот, возьмите, – предложил Бен, подавая мне одну из чашек, которые он поставил на стол. – Это, может, чай, а может, кофе или, возможно, какой-то странный новый гибрид, – извинился он, передавая мне напиток. Он был горячим и куда более сладким, чем я обычно пью, но, вероятно, Бен сделал это намеренно.

– А ваша родня? Вы можете позвонить родителям? – спросил он.

Я осторожно проглотила глоток кофе, прежде чем ответить. Я находилась в том возрасте, когда в семье уже могло и не быть одного родителя. Мне стало интересно, не

показалась ли я ему моложе своих лет.

– Они уехали отдыхать и только впадут в панику от известия о случившемся. – Я услышала озабоченность в своем голосе, и, думаю, он тоже ее услышал. – Мой отец болел... о таких происшествиях надо сообщать, только когда все позади.

– Ясно.

Мы посидели в молчании, прихлебывая бурду из автомата. Отделение «Скорой помощи» медленно опустело, и теперь, кроме изредка проходившей медсестры или санитаря, мы были совершенно одни.

– Значит, вы давно жили в той квартире?

– Нет. Мы с Фредом переехали туда пару месяцев назад.

– С Фредом? Я думал, вы одна в квартире. Ему удалось благополучно выбраться?

Неподдельная мука исказила мое лицо, и я впила ногтями в ладони так сильно, что на коже отпечатались крохотные полумесяцы. Я была полна решимости больше перед ним не плакать.

– Я выбросила его в окно, – тихо и сдавленно проговорила я. На лице Бена отразился настоящий ужас, пока я не добавила: – Фред – мой кот.

Я внимательно смотрела на Бена, готовая переменить свое мнение о нем в зависимости от того, что он сделает или скажет дальше.

– В таком случае, я уверен, вы спасли ему жизнь, – сказал Бен, выбив десять из десяти за свой ответ. – Коты невероятно прыгучи. Если уж *вы* совершили этот прыжок, уверен, он тоже его совершил.

– Надеюсь на это, – отозвалась я, наклонив голову, чтобы остатками волос заслонить лицо от его взгляда.

Подозреваю, Бен пытался воздействовать на мое подсознание, когда неожиданно сунул мне в руку телефон.

– Ну что, попробуете еще раз номер вашей подруги?

По прошествии десяти крайне разочаровывающих минут я поняла, что вынуждена признать поражение, номер Джулии по-прежнему таинственным образом был для меня потерян.

– Послушайте, это смешно, – сказала я, возвращая наконец телефон его законному владельцу. – Я просто сижу и угадываю произвольный набор цифр. Поезжайте за своей машиной и возвращайтесь домой, вам совсем не обязательно ждать здесь со мной.

– Мне неловко вот так вас здесь оставить, – возразил Бен.

– Ну, вы должны. Этой ночью вы сделали доброе дело, но это не значит, что вы должны продолжать за мной присматривать.

Он очень долго на меня смотрел, потом произнес:

– А что, если должен?

Я вдруг поежилась, хотя в больнице было тепло.

– Честно, со мной все будет хорошо. Уверена, вы правы, и номер Джулии в итоге вспомнится. – Я посмотрела на часы. – И через четыре часа уже будет утро. Я возьму такси, когда наступит более подходящее время появиться на пороге их дома в одной пижаме.

Мне понравилось, как он улыбнулся. Улыбка возникла быстро, словно уголки его губ от природы загибались кверху. У него был рот, созданный для улыбок.

– Для этого подходит любое время, – пошутил он, а затем на его лице отразилось подлинное удовольствие от моей реакции. Он встал, достал из кармана бумажник и ручку и

начал что-то писать на старой квитанции. Подал ее мне: – Это мой номер. Я хочу, чтобы вы пообещали позвонить мне, если я могу что-то для вас сделать или вам что-то понадобится... ночлег, плечо, на котором можно поплакать, человек, чтобы ловил вас, когда вы прыгаете из высоких зданий... что угодно.

Он умолк. Я развернула квитанцию и увидела внутри аккуратно сложенную двадцатифунтовую банкноту. Этот человек обладал незаурядной ловкостью рук.

– Что это?

– Деньги на такси.

– Я не могу взять их у вас.

– Это не вам, это водителю такси, – возразил он.

– Все равно я не могу их взять. Как я их вам верну?

– На этот счет не волнуйтесь, – начал он, а потом, видя смущение на моем лице, быстро подправил ответ. – Отдайте их на благотворительность, – сказал он. – На любую, какая вам нравится.

Хороший выход, и как бы сильно я ни противилась, приходилось быть реалисткой. Деньги на проезд мне понадобятся.

Я встала, уверенная, что мы видимся в последний раз. Такое завершение казалось уместным. Я протянула было руку для рукопожатия, но в какой-то момент моя рука дрогнула и опустилась. Я бросилась вперед и порывисто, крепко обняла Бена. Почувствовала, как после легкого колебания его руки сомкнулись вокруг меня, обняли. Было бы очень легко стоять там, чувствуя себя в безопасности и под защитой, но мы действительно добрались до последней страницы нашей истории. Я освободилась из его объятий и посмотрела в глаза уникального цвета.

– Спасибо, Бен. Спасибо за все.

– Берегите себя, Софи Уинтер, – сказал он, запомнив мое полное имя.

Развернулся на пятках и исчез за автоматическими дверями в темноте ночи.

– Ты уверена, милая, что хочешь здесь высадиться? – спросил водитель такси, подъехав к моему бывшему дому, насколько позволяли ограждающие его барьеры.

Я посмотрела в окно машины на разрушившееся здание. Хотя пламя потушили несколько часов назад, в оранжевом свете уличных фонарей видно было, что части конструкции все еще тлеют. Серые струйки дыма поднимались вверх, будто пар из ноздрей спящего дракона. Из-за этого здание казалось мрачным и опасным, словно ему нельзя было доверять. Возможно, именно это ощущали и мужчины, сидевшие в двух полицейских автомобилях и небольшой пожарной машине, припаркованных у обочины.

– Да. Это то место, – подтвердила я, мой голос прозвучал глухо.

Я посмотрела на почерневшие стены своей спальни и разбитое окно, через которое выпрыгнула.

– Ужасный пожар, – заметил водитель, обозревая разрушения, пока я устало выбиралась из такси и вытаскивала двадцатифунтовую бумажку Бена.

Водитель посмотрел на меня, дрожавшую на тротуаре, как будто впервые увидел с тех пор, как я села на заднее сиденье его машины у больницы. Его взгляд вобрал запачканную сажей пижаму, забинтованную руку и толстое одеяло, в которое я куталась, как в накидку.

– Это был твой дом, да? – спросил он, кивая в сторону угловой квартиры. Я печально кивнула и протянула в окошко банкноту. – Убери свои деньги, милая, – мягко проговорил он.

Его лицо расплылось, когда вдруг из глаз у меня потекли крупные, полновесные соленые слезы, я напрасно их смаргивала. Из рации водителя прозвучала сквозь потрескивание какая-то бессмыслица, видимо, сообщение о следующем вызове. Он секунду колебался, потом выключил рацию.

– Полезай-ка назад, и я отвезу тебя куда-нибудь в другое место, а? Похоже, здесь ты уже ничем не поможешь.

Неожиданная доброта, особенно со стороны совершенно незнакомого человека, способна сразить наповал. Это касается запеканок и пирогов, оставленных соседями у тебя на крыльце. Это происходит, когда кто-то вымыл твой автомобиль или подстриг твой газон, а ты понятия не имеешь, кто это был. Это букет цветов с запиской от неизвестных тебе людей, прислоненный к бордюру тротуара.

– Это, правда, очень любезно с вашей стороны, но со мной все будет в порядке, – заверила я водителя и испытала облегчение, когда после довольно продолжительной внутренней борьбы он, сдаваясь, слегка пожал плечами и уехал.

Когда я поспешно села в такси на больничном дворе, было, пожалуй, все еще рано ехать домой к Джулии. Я торопилась покинуть отделение «Скорой помощи», не имея никакого плана, кроме потребности убраться оттуда. Разумностью мои действия не отличались, не наблюдалось и ясности в мыслях, и это было совсем не похоже на женщину, которая обычно планирует все в мельчайших деталях.

Я слегка прикорнула на неудобных стульях в комнате ожидания, а потом раздался вызов, объявивший о прибывающих машинах «Скорой помощи». Внезапно тихое отделение начало оживать вокруг меня. Из кабинок лифтов стали выходить врачи, широко зевая и протирая глаза. Количество медсестер вдруг увеличилось, и воздух вокруг меня сгустился в тревожном ожидании.

– Серьезная авария на шоссе, – ответила одна из сестер на мой вопрос, что случилось. – Мы еще точно не знаем, сколько машин и пассажиров пострадало.

Я никак не собиралась покидать надежное убежище больницы до утра, но когда врачи и сестры начали выстраиваться у дверей, ожидая прибытия первых пострадавших, я проскользнула мимо них в ночь, и никто даже не остановил меня вопросом, куда я направляюсь. Торопливо идя по щебенке к такси, я оглянулась на собравшихся медиков. Они походили на актеров, ожидавших своего выхода, и у меня не было никакого желания по-прежнему находиться там, когда кто-то крикнет: *Мотор!* Когда же водитель такси спросил: «Куда ехать?», я автоматически дала ему адрес своей квартиры, как будто забыв, что она сгорела дотла несколько часов назад.

Сейчас я никак не могу об этом забыть, думала я, осторожно идя к ограждению в совершенно неподходящих домашних тапках. В первой полицейской машине болтали двое офицеров, но, заметив меня, сидевший на пассажирском сиденье вышел.

– Могу я помочь, мисс?

Я посмотрела на невероятно молодого полицейского и внезапно почувствовала себя старой и глупой и поняла, что слова, которые сейчас слетят с моего языка, только подтвердят это.

– Я подумала, вы случайно не видели здесь кота? Он маленький, серый, задние лапы и хвост у него белые.

Молодой полицейский посмотрел на меня с сочувствием, но, странно, без всякого

удивления.

– К сожалению, не видел. Как я уже сказал тому джентльмену, он скорее всего не вернется, пока здесь все не утихнет или пока он не проголодается.

– Джентльмену? Какому джентльмену?

– Парню с повязкой на руке. – Он посмотрел на мое запястье, а потом снова – на мое встревоженное лицо. – У него точно такая же. Я понимаю, вы оба переживаете за своего кота, но я уверен, что он где-то в безопасности. Вам обоим, пожалуй, не стоит бродить здесь на холоде, особенно, знаете, после всего, что вы пережили этой ночью.

Бена я нашла очень быстро. Как только я отошла от обгорелого остова здания, меня окутала тишина улиц, в которой звуки легко разносились в свежем ночном воздухе. Нетрудно было услышать его прорезавший темноту крик.

– Сюда, кис-кис-кис. Сюда, кис-кис-кис.

Я пошла на звук его голоса по небольшому газону, насквозь промочила свои пушистые тапочки и обнаружила Бена в тускло освещенном переулке.

– Сюда, кис-кис-кис.

– Никто так кота не зовет, – объявила я, подходя к Бену со спины.

– Господи! – воскликнул он, разворачиваясь ко мне так внезапно, что едва не потерял равновесие. – Нельзя так подкрадываться к людям в темноте!

– Простите, – извинилась я.

– А что вы, кстати, здесь делаете? Вы же должны были остаться в больнице.

– А вы должны были вернуться домой, – парировала я.

Непринужденность ответа слегка подпортило постукивание зубов.

– Вы же замерзаете, – провозгласил Бен, скидывая толстую куртку, которую, видимо, взял в машине, прежде чем отправиться на поиски моего пропавшего питомца.

Он расправил куртку, и хотя в первую секунду я хотела отклонить приглашение просунуть руки в рукава на теплой флисовой подкладке, разумная часть моего мозга не позволила это сделать. Я с благодарностью надела куртку, позволив толстой ткани и остаточному теплу его тела окутать меня.

Не забывая о моей поврежденной руке, Бен привлек меня к себе и начал энергично растирать мне спину – так вытирают искупавшуюся собаку. Этой очень странной ночью обычные границы личного пространства, похоже, полностью исчезли.

– Вы не должны вот так ходить по улицам среди ночи, – пробормотал он, и я почти не расслышала его за шумом, с которым он энергично двигал ладонями по ткани куртки.

– А вы должны? – не согласилась я.

– Я, по крайней мере, не в пижаме, – строго ответил он.

Совершенно уморительный образ Бена в чем-то розовом и пушистом возник у меня в голове и отказался испаряться, как ему следовало бы.

– Мне уже лучше, – сказала я, с некоторой неуклюжестью отступая, чтобы оказаться вне пределов его досягаемости.

Он не стал спорить, но в его глазах отражалась тревога, когда он смотрел, как я поеживаюсь в собравшейся складками, не по размеру большой для меня куртке. Я окинула взглядом тускло освещенный переулок. Блок гаражей какого-то промышленного предприятия, переполненный контейнер для крупногабаритного мусора и ряд сараев и хозяйственных построек, принадлежавших жильцам соседних домов. По сути, здесь были сотни, может, даже тысячи мест, где мог спрятаться в темноте один маленький,

перепуганный кот. Немного смущаясь, я приложила ладони ко рту, как исполнитель йодля, и позвала в ночь:

– Фред! Фред!

Я вглядывалась в темноту, желая, чтобы тени превратились в мчащийся ко мне маленький серый комочек пуха. Мы несколько минут молча ждали, пока Бен не тронул меня мягко за локоть, уводя прочь.

– Давайте попробуем чуть дальше по дороге.

Я пошла следом за Беном, чувствуя себя виноватой, что не даю ему отдохнуть, но в то же время безмерно радуясь, что делаю это не в одиночестве.

– Спасибо вам... снова, – тихо проговорила я, когда мы стояли плечом к плечу, всматриваясь в густую чащу деревьев. – Это действительно любезно с вашей стороны. – Прошло несколько секунд, прежде чем я надумала спросить: – А как бы вы опознали Фреда, если бы нашли его?

Бен немного сконфузился.

– Да, что ж, план был не идеальный. Фред ведь не рыжий, с порванным ухом и отвратительным характером?

– Нет. А что?

– Это был первый кот, которого я попытался поймать.

Это не могло быть смешным, и мне никак не стоило смеяться, особенно при виде длинной царапины, которую беспризорник оставил на его руке. Но все мои эмоции были настолько близко к поверхности, что любая из них могла вырваться наружу при малейшем побуждении: слезы, смех, что угодно.

– Теперь, с вами это будет легче, – признал Бен.

Но легче не получилось. Не знаю, сколько еще мы продолжали бы поиски, если бы не крыса. Она оказалась единственным живым существом, с которым мы столкнулись, ходя взад и вперед по пустынным улочкам и переулкам. Когда она выскочила из-за мусорного бака, то победителя в гипотетическом состязании по прыжкам в высоту определили бы только по фотофинишу.

– Ой, мама! – вскрикнула я, отскакивая за Бена и используя его в качестве щита от грызунов.

Я вцепилась в его предплечья и под ткань рубашки почувствовала, как напряглись мощные мышцы.

– Предупреждаю, если это существо вернется, каждый за себя, – бросил Бен через плечо, не отрывая взгляда от теней под фургоном, где исчезла крыса.

Мгновение я думала, что он шутит, но отвращение на его лице, безусловно, казалось настоящим. Бен поймал мой изучающий взгляд и усмехнулся, по-прежнему не отрывая глаз от фургона.

– Теперь я уже не такой храбрый и героический, да?

В тот момент я поняла, что мне нравится этот человек, и не потому, что он меня спас и продолжает присматривать за мной после того, как мог бы просто уехать. Нет, мне действительно понравилось, что он не видел ничего плохого в проявлении слабости. Уверена, многих людей привлекло бы его приятное лицо, глаза цвета жженого сахара или подтянутая фигура. Но я прониклась к нему симпатией, когда он издал тот возглас при виде крысы.

Поиски прекратила я. Я настолько измучилась, что едва могла идти ровно, и Бен тоже

выглядел измотанным, постепенно замедляя ход, пока мы безуспешно прочесывали местность.

– В темноте ничего не выйдет, – сдалась я.

Бен, что показательно, не стал со мной спорить.

– Вам нужно расклеить объявления с его фотографией и вашим номером. Может, даже предложить вознаграждение.

Интересно, не забыл ли он, что общая сумма всего моего имущества – одежда, которая на мне, и двадцать фунтов, которые он мне одолжил. Как ни странно, но я и сама почти забыла об этом, пока мы вместе обыскивали в темноте улицы.

– Послушайте, не хочу, чтобы это прозвучало двусмысленно или как-то еще. Но давайте поедem ко мне и что-нибудь напечатаем. Тогда вы хотя бы сможете расклеить их в этом квартале при свете дня.

Имелось множество причин, по которым мне не следовало даже рассматривать его предложение. В спокойном состоянии я увидела бы, что это безрассудно – возможно, даже опасно. Никто не знал, где я, с кем и куда еду – даже я не знала. Я была совершенно уверена, что Джулия убьет меня, когда узнает, насколько я рисковала. Но об этом я побеспокоюсь позже. Имелось огромное количество причин, по которым я должна была вежливо, но твердо отклонить приглашение Бена. Вместо этого я удивила не только себя, но и его, когда сказала: «Хорошо. Отличная мысль», и позволила ему повести меня к поджидавшему автомобилю.

Я попросту уснула по дороге в его дом, еще больше шокировав себя полным пренебрежением к собственной безопасности. Я заслуживала того, чтобы проснуться и обнаружить, что мы приехали к какой-нибудь чрезвычайно жуткой одинокой хижине в лесу. Я себе ясно ее представила. На крыльце там стоял бы топор, прислоненный к стене рядом со старым креслом-качалкой, которое само со скрипом покачивалось. Там, конечно же, не было ни телефонной связи, ни интернета, никаких других средств, чтобы вызвать помощь.

Когда автомобиль наконец остановился, я с облегчением отметила, что мы находимся на обыкновенной улице жилого квартала, а не в обстановке, перекочевавшей прямоком из фильма ужасов. Но все равно я пережила мгновение откровенной паники, когда Бен положил руку мне на плечо и тихонько потряс меня, пробуждая. Мой травмированный мозг цеплялся за убежище сна, и когда я, прищурившись, посмотрела в темноту, то не поняла, почему я не в своей кровати или почему рядом со мной мужчина. Затем все вернулось, обрушившись на мою голову, как незаметно накатившая волна. Я полностью очнулась от сна, вдруг все вспомнив.

Я устала на трехэтажный особняк передо мной. Он был большой, и если бы меня спросили об эпохе, я бы назвала Викторианскую. Историческое здание того типа, которые часто превращают в многоквартирные дома, и мне стало интересно, какой этаж принадлежит ему. Оказалось, что *все*. Я покинула переднее сиденье автомобиля кряхтя и с осторожностью человека в два раза старше, чем я. Все болело, как будто я перетрудила в первый день в тренажерном зале и теперь глубоко сожалею о своем энтузиазме. Уверена, Бен заметил, что я прихрамывала, пока шла рядом с ним по мощеной подъездной дорожке, и хотя он был слишком вежлив, чтобы прокомментировать это, его шаги замедлились, подстраиваясь под мои.

Когда мы приблизились к арочным двойным дверям, автоматически зажглись фонари

системы безопасности, заливая подход к дому светом, отчего парадный вход слегка смахивал на церковный портал. Возможно, именно поэтому я ожидала увидеть внутри готический интерьер, когда Бен отпер двери и впустил меня в свой дом. Мое предположение было далеко от истины, сообразила я, осматривая громадное открытое пространство первого этажа. Вот тогда-то меня настигло смутное чувство дежавю, еще до того, наверное, как Бен закрыл за нами щелкнувшую язычком замка дверь. Волосы на затылке зашевелились, и я снова враз оказалась на зловещей территории. Я совершенно точно никогда не была раньше в этом месте, тогда почему оно казалось таким невероятно знакомым?

Я с опаской шагнула в комнату, охватывая всю ее взглядом. Она была огромной по площади, как гламурные апартаменты в нью-йоркском лофте, таинственным образом скрытые внутри самого неподходящего по виду здания.

– Предыдущий владелец был архитектором, – объяснил Бен, включая свет и бросая ключи от дома на столик рядом с дверью.

Мое подсознание продолжало настаивать, что я действовала опрометчиво, приехав в дом к незнакомому человеку среди ночи, и велело мне запомнить, где лежат ключи. На всякий случай. Я же так и стояла с открытым ртом, слегка ошеломленная домом Бена. Вся задняя стена была стеклянной, предлагая вид на искусно подсвеченную деревянную террасу. Сад за ней оставался тайной, хотя неясное колебание веток с большими листьями наводило на мысль о чем-то совершенно непохожем на типичную для пригорода квадратную лужайку с крохотными цветочными клумбами.

Я повернулась вокруг своей оси, вбирая все это – от современных линий шикарной кухни, которая незаметно перетекала в обеденную зону, со столом, слишком большим для одного человека. Казалось маловероятным, чтобы Бен жил здесь один. Такая мысль должна была бы успокоить, однако почему-то не успокоила.

Пространство блестящего от полировки деревянного пола было четко разграничено на две зоны: в одной размещался большой угловой диван рядом с современным, вмонтированным в стену камином, а в другой части комнаты находилось оборудованное рабочее место и письменный стол. На нем стояли компьютер и принтер, воспользоваться которыми я и приехала в дом Бена.

Я чувствовала на себе его любопытный взгляд и осознала, что при всей странности моих слов придется объяснить, почему я так неприлично разглядываю его дом.

– Это место... ваш дом... я понимаю, что это, вероятно, прозвучит безумно, но у меня такое чувство, будто он мне знаком. Как будто я бывала здесь раньше. – Я указала на коридор, отходивший от главной комнаты. – Он ведет в хозяйскую спальню. И в ней устроена огромная душевая без перегородок, так?

Я ожидала, что шокирую его, но он просто подтвердил мои слова.

– Верно. Хотите посмотреть?

Я покачала головой. Осмотр его спальни – это уж совсем опрометчивый шаг, но глаза у меня расширились от удивления. *Откуда я все это знаю?*

Бен легко рассмеялся.

– Не надо так тревожиться. Вы не первая это говорите. Пару лет назад этот дом фигурировал в программе по переделке домов.

Внезапно все встало на свои места, и я перестала думать, что травмирующая ночь каким-то образом превратила меня в ясновидящую.

– О, да! – воскликнула я с явным облегчением. – Теперь я вспоминаю, там, кажется,

была жена, пострадавшая от какого-то несчастного случая.

– При катании на лыжах, – подтвердил Бен, подходя к компьютеру и включая его. Экран послушно моргнул, оживая. – Вот почему здесь полностью открытое пространство – чтобы облегчить передвижение в электрическом инвалидном кресле. Но я не поэтому его купил, – добавил он, оглядываясь на меня через плечо и одновременно набирая на клавиатуре пароль. Откатил от письменного стола стул и жестом пригласил меня сесть на мягкое кожаное сиденье. – Сейчас вы не можете видеть, но сад – самое лучшее, что здесь есть. Именно он стал решающим фактором при покупке. Каждое утро я словно просыпаюсь в гуще тропического леса.

Дотянувшись через мое плечо, он нажал еще несколько клавиш. Я уловила запах дыма от пожара и насыщенный феромонами аромат, который в любовных романах, вероятно, назвали бы «мужским», но в реальной жизни его называли более прозаически – пот. Нос у меня чуть дернулся, как у кролика, и я порадовалась, что Бен не мог этого видеть.

Пиксели на экране монитора сложились, образовав знакомый логотип хорошо известной поисковой системы.

– Готово, – объявил Бен, его губы находились так близко, что я почувствовала, как его дыхание словно взъерошило мои волосы. – А пока вы тут начинаете, я заварю нам обоим чаю.

Я кивнула, привычно положив пальцы на клавиатуру. К тому времени, когда он вернулся с двумя дымящимися кружками, я уже извлекла пару последних фотографий Фреда со своей странички в «Фейсбуке». Бен поставил одну кружку рядом с моей правой рукой и посмотрел на экран.

– А я-то гадал, где вы возьмете фото.

Я перестала кадрировать снимок и с некоторой робостью подняла на Бена взгляд.

– Ну да, я из *тех* людей, которые выкладывают фотографии своих питомцев в «Фейсбуке». Я разрешаю вам посмеяться.

Он посмотрел на меня, коротко глянул на экран, а потом снова – очень долго – на меня.

– Я не смеюсь.

У меня вспыхнули щеки, и я вновь сосредоточилась на объявлении. Бен прислонился к стене рядом с письменным столом, наблюдая за мной, и по какой-то причине это заставило меня несколько раз нажать не на те клавиши, пока я набирала краткое описание Фреда. Откинувшись на спинку стула, я внимательно прочла его, стараясь не поддаваться эмоциям из-за глаз Фреда, которые с укоризной смотрели на меня с экрана.

– Не забудьте упомянуть о вознаграждении, – напомнил Бен.

Я ухмыльнулась.

– У меня на данный момент всего-то двадцать фунтов, да и те не мои, а ваши.

Он легко рассмеялся.

– На этот счет не переживайте. Я могу одолжить вам денег, пока ваши финансовые дела не наладятся. Вы же хотите, чтобы у нашего Фреда был резон вернуть его вам.

– У кота есть чип, – вздохнула я и пояснила в ответ на недоуменный взгляд Бена: – Микрочип.

Переведя курсор на новую строку, я помедлила, прежде чем напечатала номер своего мобильного телефона для контакта.

– Впишите и мой тоже, на тот случай, если кто-то найдет Фреда раньше, чем вы купите новый телефон, – предложил Бен.

Я в волнении прикусила губу. Наши взаимоотношения уже должны были закончиться. Случившееся сегодня ночью должно было стать единичным событием, и однако же каждый раз, когда я думала, что наше общение подходит к концу, происходило нечто, его продлевающее. Это меня смущало и в то же время радовало, и я, по правде сказать, не знала, какое из чувств тревожило меня больше.

Когда сотня экземпляров объявления была распечатана и сложена на столе аккуратной стопкой, до распространения их в моем квартале никакого дела больше не осталось. Я выключила компьютер, подошла и встала рядом с Беном у стеклянной стены, выходящей в сад.

– Когда вы хотите поехать к вашей подруге?

– Если можно заказать такси часов на восемь, было бы здорово, – застенчиво попросила я, надеясь, что денег, которые он дал мне, все еще хватит на оплату поездки отсюда. Где бы это «отсюда» ни находилось.

У Бена на уме был иной план действий.

– Не нужно вам такси, я вас отвезу.

Я нервно сглотнула.

– Вам совершенно не обязательно это делать. Вы уже сделали для меня более чем достаточно.

Он перехватил мой взгляд и задержал его, и я уговаривала себя, что меня отвлекает необычный цвет его глаз, заставляя терять нить мысли. Почти физическим усилием я кое-как прервала наш зрительный контакт, чувствуя себя слишком опустошенной, чтобы спорить. От изнурения у меня уже ни на что не было сил, кроме как на согласие, которое я и дала, слегка пошатываясь от изнеможения.

– Может, вы сядете и немного отдохнете? – предложил Бен.

Я посмотрела на стулья вокруг обеденного стола, а потом на диван. В доме Бена было много белого и кремового, а на мне и моей одежде – много черного.

– Чего мне *по-настоящему* хотелось бы, так это смыть с себя запах дыма. Я могу где-нибудь освежиться? – смущенно спросила я.

Итак, уже находясь в уязвимом положении, что еще более глупое может сделать женщина в доме незнакомого мужчины? Добровольно раздеться, вот что.

Из мощного душа на меня лилась горячая вода. Отвратительные мыльные пузыри с серой пеной, которые стекали по моему телу после первых двух порций шампуня, наконец-то исчезли, смытые начисто. Но даже когда мои волосы сделались чистыми и больше не пахли дымом, они по-прежнему казались грязными и ломкими. Я провела ладонью по неровным кончикам и на мгновение, очень по-женски, позволила себе пожалеть себя – то, что так долго было частью меня, буквальным образом сторело в огне менее чем за несколько секунд.

Мытье в душе с помощью только одной руки оказалось на удивление непростым делом, проблемой, о которой я даже не подумала, поднимаясь вслед за Беном по лестнице из одних горизонтальных плашек.

– Ванная комната здесь, – сказал он, указывая на одну из дверей в просторном холле. – Сами берите туалетные принадлежности и полотенца... и все что нужно, – закончил он тоном, по которому я поняла, что на самом деле Бен понятия не имеет, чем пользуются женщины для наведения красоты. – Эти две спальни гостевые, поэтому не стесняйтесь,

воспользуйтесь любой из них, чтобы переодеться, или прилечь, или поспать.

Я с благодарностью кивнула.

– Это большой дом, вы живете здесь один?

Секунду он медлил с ответом, и я испугалась, не принял ли он мое праздное любопытство за грубость. Я снова прокрутила это предложение в голове, но ничего плохого в нем не увидела, но с другой стороны, моя способность судить здраво серьезно пострадала от недостатка сна, поэтому кто знает.

– Да. Я люблю, чтобы вокруг меня было много свободного пространства.

В этом доме его уж точно было в избытке, подумала я, оглядывая обширную спальню рядом с ванной комнатой. Громадная двуспальная кровать – на которой я *не* буду спать, и зеркальный гардероб, в котором достаточно места, чтобы запросто повесить мои вещи, все до единой. «Которых у меня больше нет», – мысленно поправила я себя, когда ко мне вернулось осознание того, что теперь в моем распоряжении всего один-единственный предмет одежды. По-видимому, эта же мысль пришла и Бену.

– Я посмотрю, не найдется ли у меня для вас чего-нибудь достаточно маленького размера, и положу вот здесь... если только вы не захотите остаться в своей одежде?

Я посмотрела на свою в пятнах и саже пижаму, которая вряд ли когда-нибудь снова будет белой, сколько бы раз я ни прокрутила ее в стиральной машине.

– Это было бы здорово, спасибо, Бен.

В первый раз я назвала его по имени, и он чуть улыбнулся, когда услышал его из моих уст, словно это стало приятным сюрпризом.

– В душе-то вы справитесь?

Я, моргнув, уставилась на него, гадая, действительно ли он только что предложил мне помочь искупаться. Я невольно приподняла правую бровь. Он понял выражение моего лица и рассмеялся, но в его смехе послышалась нотка смущения.

– Я имел в виду это, – сказал он, указывая на мою повязку.

Настал мой черед смутиться. *Не каждый мужчина, которого ты встретишь, окажется дерьмом*, наставляла Джулия после того, как моя последняя попытка свидания закончилась полным провалом. Тогда я ей не поверила, но может, следовало. С доверием и близостью у меня проблемы, и это еще мягко сказано.

– Простите, – проговорила я, чувствуя, что краснею. Я со времен подросткового возраста столько не краснела. Мне казалось, что я переросла эту привычку, но сегодня ночью она вернулась с удвоенной силой. – Да, конечно. Я даже не подумала... Вам тоже надо бы ее защитить, – сказала я, прекрасно сознавая, что несу чушь, но у меня всегда так, когда я выставляю себя душой.

Бен спустился вниз и вернулся с рулоном скотча, ножницами и несколькими прочными полиэтиленовыми пакетами. Пять минут спустя мы оба щеголяли одинаковыми защитными рукавицами, как будто собирались на боксерский ринг, а не в душевые кабинки. Его руки двигались быстро и сноровисто, обматывая мою руку скотчем. Бен действовал удивительно нежно, даже нежнее, чем любые доктора и медсестры. Я посмотрела на его голову, сосредоточенно склоненную над моим запястьем, и почувствовала взрыв непонятных ощущений, электрическим током бегущих вверх по моей руке. Это события последних шести часов. Это шок. Это адреналин. Это незнание того, что будет со мной дальше, сказала я себе, когда наконец сняла с себя одежду и шагнула в душевую кабину. Да, все это здесь присутствовало... но было и еще что-то, что-то новое и незнакомое. И оно меня пугало.

Сознание того, что мы оба одновременно принимаем душ, таинственным образом дезорганизовывало, но я не стала углубляться в слишком пристальный анализ, почему это должно меня беспокоить. Бен находился внизу, в собственной ванной комнате. Он был истинным джентльменом и исключительно вежливым человеком, но это все равно не помешало мне поискать замок на двери в ванной комнате на втором этаже. Замка не было.

Когда я наконец покинула душ, розовая и раскрасневшаяся, свою грязную пижаму я связала в узел, а сама завернулась в огромное пушистое полотенце, накинув другое на плечи. Единственными оголенными участками кожи были мои ступни, пока я шла через холл до гостевой комнаты. Бен явно побывал здесь, пока я принимала душ, потому что на подушке лежали аккуратно сложенные спортивные брюки и футболка. Я срезала с руки защитный пакет, с удовлетворением обнаружив, что эластичная повязка осталась сухой, а затем замерла с ножницами в руке, разглядывая свое отражение в зеркальных дверях гардероба. Я печально смотрела на свои обгоревшие, неровные волосы. Когда я была помоложе, я умоляла маму позволить мне сделать короткую стрижку, но она всегда отказывала, говоря, что мои волосы – это мое «главное украшение». В школе я была единственной девочкой, которая в буквальном смысле могла сидеть на своих волосах – интересное, но несколько бессмысленное достижение. Привычка, однако, вторая натура, и хотя взрослой я уже не носила такие длинные волосы, при любом визите в парикмахерскую я по-прежнему просила лишь подровнять концы.

Ножницы в руках человека, который не полностью владеет своими эмоциями, всегда плохая идея. Свидетельство того, *насколько* эта идея плоха, вскоре валялось на полу вокруг меня. Несомненно, труднее всего было отхватить первую прядь... после этого я обречена была продолжить. Я стригла с беспощадностью, чувствуя, как падающие обрезки щекочут мои босые ступни. Я продолжала кромсать, словно во всем случившемся были виноваты мои волосы. В разгар стрижки я остановилась и посмотрела на себя в зеркало и издала крик отчаяния. И без того уже катастрофическое положение я привела в еще больший хаос. Такое впечатление, будто я сходила к стилисту, который стрижет клиентов садовыми ножницами.

Топот на лестнице оторвал меня от пугала, смотревшего из зеркала.

– С вами все в порядке? Я услышал... – Бен осекся. – О.

– Кажется, я сделала только хуже.

Он перевел взгляд с меня на обрезки волос, устилавшие ковер вокруг моих ног, а потом снова на меня. Тот факт, что он вообще ничего не сказал, был красноречивее всяких слов. Женщина в зеркале, у которой *действительно* плохая прическа, казалось, сейчас заплачет. Бен посмотрел на свое пустое запястье, словно удивленный, что там не хватает часов. Это была не единственная отсутствующая вещь, внезапно заметила я. Бен оделся лишь наполовину, он откликнулся на мой вопль, успев натянуть только выцветшие джинсы. Голые ступни, как и у меня, и голый торс – крепкий, мускулистый и все еще загорелый после отдыха, куда уж он там ездил. Мне вдруг стало неловко от скудости нашей одежды. Однако Бена, похоже, гораздо больше занимала моя катастрофическая прическа.

Он глянул на электронные часы у кровати. Было без четверти шесть, и, следя за выражением его лица, я увидела рождение идеи и процесс ее преобразования в решение.

– У меня есть очень хорошая подруга, она парикмахер... ну, у нее собственный салон вообще-то. И она до смешного рано встает.

– Бен, мы не можем. Это страшно рано для воскресного утра. Она не захочет возиться с

этим ужасом в такой час в выходные.

Он уверенно улыбался.

– Захочет. Ей очень нравится, когда ей предлагают сложные задачи.

Нет, на самом деле ей нравишься ты, вдруг поправил меня внутренний голос. Это ты ей нравишься, а не задачи. Должно быть, я выглядела немного напуганной, как будто Бен мог слышать эту неуместную случайную мысль.

– Правда, доверьтесь мне. Я знаю, что она не станет возражать. Она уже проснется, а ее квартира – над салоном. Давайте позвоним и спросим у нее?

Я еще раз посмотрела на свое отражение. То, что я нуждалась в помощи профессионала, чтобы ликвидировать нанесенный ущерб, сомнению не подлежало. Но действительно ли я хотела, чтобы это сделала «очень хорошая подруга» Бена? Было шесть утра воскресенья, и никаких других вариантов у меня не было.

– Ладно. Если только она не будет против...

– Она, правда, не будет. Она на самом деле славная.

Он оставил меня, чтобы пойти позвонить своей *на самом деле славной* подруге, которая ему не откажет – это я поняла еще прежде, чем он снова поднялся наверх через несколько минут с подтверждением встречи.

Я торопливо надела принесенную Беном одежду. Все было слишком велико, но я туго, сместив, наверное, пару внутренних органов, затянула шнурок спортивных штанов, уверенная, что хотя бы они не свалятся в самый неподходящий момент. Отсутствие лифчика было до смущения очевидно через мягкую, поношенную ткань футболки, но с этим я мало что могла поделать. Придется мне не обращать внимания на мои полные болтающиеся груди и надеяться – Бен в достаточной степени джентльмен или настолько поглощен своей подругой-парикмахером, что тоже не обратит на них внимания.

– До салона Карлы ехать всего десять минут, поэтому мы по-прежнему успеем отвезти вас к вашей подруге к восьми, – заверил Бен, открывая пассажирскую дверь автомобиля.

Было холодно, и дорожка покрылась тонким слоем изморози, которая заиграла в лучах фар, когда Бен включил двигатель.

– Вам пока не удалось вспомнить ее номер? – спросил Бен, вырвав с дорожки на пустую улицу.

Честно говоря, я даже и не пыталась, но не хотела показаться нерадивой, признаваясь в этом, и поэтому лишь проговорила:

– Нет. Пока нет.

На заднем сиденье, перетянутая резинкой, лежала стопка объявлений, которые, будем надеяться, помогут мне воссоединиться с моим пропавшим котом. Мне больше ничего не нужно было забирать из дома Бена. Больше ничего у меня и не было.

– Обидно, что вы не увидите это место при свете дня, – пожаловался Бен, когда выключил свет в кухне и проводил меня до двери. – Сад поистине эффектный.

Я не особенно увлекалась садоводством, и самое доброе, что я могла сделать для растения, это не купить его. Но кое-что возбуждало мое любопытство.

– Почему архитектор продал этот дом? Ведь он, очевидно, потратил много времени и денег, превращая его в идеальное место для своей жены. Почему они переехали?

Бен в тот момент выключил последний светильник, поэтому превратился для меня в смутную фигуру, лица которой я не видела, когда он отвечал. Единственный положительный

момент в этом – он не мог видеть моей реакции на его слова.

– Она умерла, – прямо сказал он, абсолютно не подозревая о физическом воздействии на меня его слов. Да и с чего ему подозревать? Это была неестественная реакция, ненормальная, но с другой стороны, разве это не является определением психоза? – Она умерла, и ему невыносимо было жить здесь без нее.

Ненормально плакать, когда слышишь о смерти человека, которого никогда не знал. Но я все равно заплакала.

Короткое время в пути я потратила, представляя себе Карлу, подругу-парикмахера Бена, которая практически не спит и «на самом деле славная». К тому моменту, когда он объявил, что мы почти приехали, я была совершенно уверена, что вычислила ее. Она будет такой же энергичной и модной, как ее первоклассный салон; ноги у нее растут из подмышек, короткая стильная стрижка. И разумеется, она будет блондинкой.

– Все еще очень рано кого-то навещать, – сказала я, нервно теребя край позаимствованной у Бена футболки, пока мы ехали мимо скромной вереницы магазинов. Кроме маленькой булочной на углу, где только-только отпирали двери, все они стояли темные. – Вы действительно уверены, что она не против?

– Абсолютно, – заверил Бен. – Я знаю Карлу. Она встала, оделась и позавтракала задолго до того, как я ей позвонил.

Было бы слишком уж невежливо спрашивать, откуда он так хорошо знает ее утренние привычки, но вряд ли я сильно промахнулась. Я так и видела их вместе – завтракают в ее современной квартире раздражающе зеленым соком из ростков пшеницы и чем-то еще более полезным, приготовленным из киноа. Судя по описанию, она не походила на девушек, которые едят на завтрак кукурузные хлопья.

При всем старании я не могла ошибиться больше. Как только Бен остановился перед неосвященным салоном, я начала пересматривать свое мнение. Снаружи заведение не выглядело эффектным или каким-то особо модным, а вывеска, сообщающая, что во вторник пенсионеров обслуживают за полцены, не совсем укладывалась в тот образ, который я нарисовала в своей голове. Мы вышли из машины, и Бен достал из кармана мобильник, а я рассмотрела ярко-розовую табличку с золотыми витыми буквами: «У Карлы».

– Мы здесь.

Говорил он тихо, но, учитывая тишину вокруг, легко было услышать главные нотки тепла и симпатии в его голосе. Мне показалось, будто я подслушиваю.

Чуть коснувшись ладонью моей талии, Бен направил меня ко входу в салон. Я увидела появившуюся из полумрака в глубине помещения женщину. Она весело и с энтузиазмом нам помахала, как будто подавала самолету сигнал к приземлению. В отражении зеркального стекла витрины я увидела, что Бен помахал в ответ. Карла плавно шла по темному салону и включала свет. Это оказались не пронзительно яркие лампы точечного освещения, как я воображала, а просто скромные, слегка старомодные длинные лампы дневного света. Прежде чем залить заведение ослепительно-ярким светом, они мгновение мигали, словно решая, утруждать себя работой или нет. И Карла, которую я нарисовала в своем воображении, исчезла словно в облачке дыма фокусника.

Ослепительно-яркими в салоне были не только лампы. Женщина, приближавшаяся к нам с большим комплектом ключей в руке, пальцы которой были унизаны кольцами, походила скорее на экзотического жителя Карибских островов, чем на парикмахера из пригорода. В ее шелковой тунике был представлен весь спектр мыслимых цветов. Ярче одеяния была только широченная улыбка, которой низенькая женщина средних лет одарила Бена, прежде чем утопить его в складках ткани ради еще более сердечного объятия.

– Как ты, дорогой мой? – Она отстранилась от него, увидела забинтованное запястье, и сияющее выражение ее лица затуманилось и дрогнуло, сменяясь озабоченностью. – Что это?

Ты не говорил, что поранился.

– Пустяки, – отмахнулся Бен, с чем я могла бы поспорить, если бы на некоторое время не лишилась дара речи из-за колоритного – во всех смыслах – персонажа, стоящего рядом с нами.

– А вы, должно быть, новая подруга Бена София, – воскликнула Карла, обращая ко мне широкую улыбку накрашенных красной помадой губ.

Я поправила произношение моего имени, но недоразумение насчет того, что мы с Беном друзья, оставила как есть.

– Что ж, приятно с вами познакомиться, Софи, – заявила Карла и застала меня врасплох, обняв почти с такой же сердечностью, что и Бена. – Я так понимаю, у вас выдалась та еще ночка, бедняжка.

Я посмотрела на Бена, не зная, как ответить, но Бен лишь улыбнулся мне легко и ободряюще. *Все здесь в порядке. Расслабьтесь*, молча проинструировал его теплый взгляд.

– Итак, Бен говорит, что вам вроде бы нужно немного изменить стиль, – дипломатично сказала Карла, отступая на шаг и изучая своеобразное воронье гнездо, притворившееся моими волосами. Она слегка нахмурилась, словно разглядывала выставленное в галерее произведение современного искусства, не совсем ей понятное. Я посмотрела на свое многочисленное отражение в стенных зеркалах и, по совести, обвинить ее не смогла.

– Они обгорели... потом я попыталась их подровнять, но...

Я умолкла. Карла была слишком профессиональна, чтобы озвучить предполагаемые мысли: *Ну и бардак вы устроили на голове, милочка*. Еще с минуту она меня изучала, и я все больше внутренне сжималась в ожидании негромкого, себе под нос присвиста, как делают сантехники или электрики, когда выясняется, что объем работ, который они пришли оценить, значительно превзошел их прогнозы. Но вместо этого глаза Карлы весело блеснули.

– Ничего такого, что нельзя поправить, моя дорогая, – сказала она, тепло пожимая мне руку.

В глазах у меня защипало, и я несколько раз сильно зажмурилась, потому что для одной ночи я уже достаточно наплакалась. Бен был прав: Карла действительно была *славной*.

– Итак, – проговорила она, переключая внимание на Бена и заставляя его оторвать взгляд от меня. – Вот чего нам, девочкам, не нужно, так это чтобы здоровый, неповоротливый мужик путался у нас под ногами, пока мы занимаемся своими делами. Поэтому я предлагаю тебе сходить к Антонио за булочками из первой партии и слойками с пылу с жару. Скажи ему, что ты от меня, и он, вероятно, даст тебе еще и кофе, – сказала она, твердой рукой разворачивая Бена в сторону двери.

Маленький разноцветный сгусток энергии, как крохотный локомотив в тунике, она выталкивала Бена прочь. Но роста она была небольшого, и Бен с легкостью посмотрел поверх ее головы, глазами задав мне вопрос: *С вами все в порядке? Хотите, чтобы я остался?* Я покачала головой, и моя ответная улыбка дрогнула лишь самую малость.

Карла снисходительно наблюдала за тем, как Бен закрывает за собой дверь, поднимает воротник куртки, защищаясь от холодного предрассветного ветра, и направляется к пекарне. Я украдкой с любопытством глянула на Карлу, пытаюсь разобраться в их неправдоподобной дружбе. Она годилась ему практически в матери, но я почему-то сомневалась, что они состоят в родстве. Почти на всех пальцах у нее красовались кольца, на всех, кроме безымянного. На запястьях позвякивали браслеты, а в ушах покачивались длинные серьги из бусинок, почти совсем скрывшиеся под красно-золотым нитяным платком, обмотанным

вокруг головы на манер тюрбана. Мне стало интересно, может, и у нее сегодня неудачная прическа?

Легко входя в свою профессиональную роль, Карла повела меня к маленькому ряду раковин в дальнем конце салона, не прекращая поток бессвязной болтовни. *Сейчас она спросит, куда я поеду отдыхать в следующем году*, мелькнула нелепая мысль, и я вынуждена была как следует прикусить губу, чтобы не захихикать. Я слишком устала и была слишком взвинчена, чтобы хоть как-то контролировать свои чувства.

Подобно маленькому матадору, Карла накинула мне на плечи парикмахерский пеньюар и усадила у раковины. Вероятно, у нее была команда помощников, которые обычно подготавливали клиентов, но Карла ничем не показала, что это ниже ее достоинства, умело вымыв с шампунем мои волосы и обсушив их полотенцем.

– Вы очень любезны, – неуклюже начала я, когда она перевела меня к рабочему месту. – Но мне неловко, что Бен побеспокоил вас в воскресенье утром.

Она встретилась со мной взглядом в зеркале, и я не смогла оторваться от ее глаз, в голубых глубинах которых было столько понимания. Брови у нее, подметила я, были густо прорисованы карандашом, словно делая яркое заявление. Они хорошо сочетались с остальным ее обликом.

– Никакого беспокойства. Что касается меня, то любой друг Бена автоматически получает обслуживание по высшему разряду. Знаете, он отличный парень. Настоящий бриллиант, как говаривала моя старая мать.

Я судорожно сглотнула, не зная, известно ли Карле, что еще несколько часов назад Бен был для меня совершенно незнакомым человеком... *по-прежнему* был совершенно незнакомым человеком, если уж на то пошло. Карла, похоже, считала, что нас связывают гораздо более глубокие отношения, и мне показалось не очень вежливым открыто ее поправлять.

– После всей той помощи, которую он мне оказал, это самое малое, что я могу для него сделать, – таинственно добавила она.

Спросить Карлу, что именно она подразумевала под этой интригующей фразой, было бы проявить явную невоспитанность, но вопрос этот вертелся на языке, умоляя, чтобы я его задала, пока женщина брала ножницы и расческу и приступала к работе.

– Значит, вы давно знаете Бена? – в итоге спросила я, когда сверкающие лезвия начали лязгать и пощелкивать в моих каштановых волосах.

– О, довольно давно, – подтвердила Карла, ничего тем самым для меня не прояснив. – Нас познакомил один общий друг, и когда Бен узнал, что у меня есть кое-какие проблемы с этим местом, – она широко взмахнула рукой, указывая на салон, – он дал мне дельный совет и оказал помощь. – Бен коммерческий директор или консультант по финансовым вопросам? Это можно представить. – И моя поездка в Вегас вообще вряд ли состоялась бы без его помощи, – продолжила Карла.

– Он агент бюро путешествий? – отважилась я высказать догадку, не вполне видя Бена в этом качестве.

Карла очаровательно рассмеялась, смех у нее был совсем молодой.

– О, бог с вами, милая, нет, – сказала она наконец, смахивая крохотную слезинку веселья из уголка глаза. – Просто он много путешествовал по миру. Он помог мне все заказать – билеты на самолет, отели и все остальное. Если бы не он, я, наверное, до сих пор листала бы брошюры и мечтала о поездке. Хотите посмотреть мои фото? – возбужденно

предложила она, отложив ножницы, чтобы порыться в маленьком ящике стойки администратора.

Я была зрителем и слушателем поневоле, поэтому разве могла отказаться? С вежливой улыбкой я приняла у нее пухлую папку с фотографиями.

Пока Карла сушила феном мои волосы, я перебирала глянцевые снимки. Карла рядом со знаком Лас-Вегаса, широко улыбается у «Сизарс-пэласа» и «Белладжио» и, наконец, стоит под руку с очень похожим двойником Элвиса. Все казалось знакомым, хотя я никогда не была в Америке. На фотографиях из последней пачки Карла стояла в опасной близости от крутого обрыва в Большом каньоне, представшем во всем своем слоистом великолепии. Под палящим солнцем Невады она казалась краснолицей и воодушевленной. Смотрела в камеру победоносно, торжествуя подняв оба больших пальца. На макушке у нее сидели очень большие солнцезащитные очки, сдерживавшие густую копну рыжих волос.

Карла выключила фен, посмотрела через мое плечо на фотографию у меня в руках и с легкой тоской вздохнула.

– Это был *очень* хороший день.

Поток прохладного воздуха выдул затяжной зной пустыни, сменив его на холодное влажное утро, когда Бен вернулся в салон, неся два огромных пакета с логотипом пекарни. Аромат теплой выпечки смешался с запахом лака для волос. Они не должны были бы сочетаться, но, странно, показались идеальной смесью.

– Вы закончили или хотите, чтобы я еще пару раз прогулялся вокруг квартала? – поинтересовался Бен.

Карла ответила кратким восклицанием, как будто слова Бена вызвали у нее легкое раздражение. Опровержение подобного предположения горело в ее глазах огнем маяка, пока она наблюдала, как он снимает свою толстую куртку.

– Ты пришел как раз вовремя. Мы закончили, – провозгласила Карла, в последний раз профессионально взъерошив пальцами мои свежестриженные волосы.

Я никогда не носила их так коротко и на мгновение не узнала себя в зеркале. Я повернула голову направо, налево, почувствовала непривычное покалывание, когда волосы коснулись затылка.

– Очевидно, вы можете снова отрастить их, но я лично думаю, что так вам лучше, – подтвердила Карла. – Твое мнение, Бен?

Я чувствовала на себе его изучающий взгляд, словно он видел гораздо больше, чем просто новая стрижка.

– Выглядит потрясающе. Очень... э... привлекательно.

– Я бы хотела, чтобы она взяла за свою работу хоть какие-то деньги, – раз в пятый сказала я, когда мы покинули салон и поехали к дому Джулии.

Было начало девятого, и хотя я никогда в жизни так не уставала, настрой у меня был гораздо более позитивный. Возможно, благодаря искусной помощи Карлы или трем сахарным пирожным, которые я уплела за завтраком. *Наверняка, все правила диеты можно на законном основании вышвырнуть в окно в тот день, когда огонь уничтожил твой дом?* В пожаре никто не погиб, мое имущество покроет страховка, а объявления помогут мне найти Фреда. Жизнь продолжится. Она всегда продолжается.

Мы свернули на улицу, где жила Джулия, и я как раз показывала Бену, куда поставить машину, когда это произошло. Возможно, знакомый вид их современного дома в сплошном

ряду таких же домов простимулировал память, или, может, практичному семейному автомобилю, припаркованному на подъездной дорожке, удалось наконец отпереть дверь в моей голове? Меня даже немного смутило, с какой легкостью цифры номера вдруг слетели у меня с языка. Их монотонный ритм издевался над моей неспособностью вспомнить их в течение последних восьми часов. Таинственным образом телефонный номер Джулии всплыл на поверхность оттуда, куда его запрятал мой пострадавший от потрясения мозг.

– Я же говорил, что вы вспомните, – легко улыбнулся Бен и поставил машину на ручной тормоз.

– Почему ты не пригласила его войти? – спросила Джулия и тут же заглушила мой ответ, что я это сделала, но Бен отказался, новым восклицанием: – О боже, Софи, не могу поверить, что твоя квартира сторела!

Я снова увидела и пережила это ее глазами, и ко мне пришло пугающее осознание, с какой легкостью моя жизнь могла закончиться минувшей ночью... если бы не Бен.

– Да как ты вообще смогла выпрыгнуть в окно? – спросила Джулия. – Там же так высоко. – Я чуть пожала плечами. Я всегда умела выражать свои мысли словами, собственно, так я зарабатывала себе на жизнь, но не было слов, способных адекватно описать момент ужаса, когда ты делаешь что-то немыслимое, потому что альтернатива еще ужаснее. – Ты могла сломать ногу... или шею, – драматически заявила Джулия.

– Думаю, более вероятно, я могла сломать их Бену, – серьезно сказала я, снова вспоминая, как я использовала его в качестве живой подушки безопасности, смягчившей мой прыжок.

– Мне правда очень жаль, что он не зашел. Мне бы хотелось поблагодарить его за спасение жизни моей лучшей подруги, – объявила Джулия, вытаскивая салфетку из стоявшей между нами на кухонном столе коробки и несколько раз звучно сморкаясь. Когда она закончила, я дотянулась через сосновую столешницу и пожала Джулии руку. В словах нужды не было; мы обе это понимали.

Гэри поставил перед нами по кружке с дымящимся кофе, даже не спрашивая, хотим ли мы еще. Он был хорошим человеком; он знал, что от него требуется.

Джулия благодарно ему улыбнулась и, тряхнув головой, убрала назад свои длинные золотисто-каштановые волосы. Слежавшиеся после ночи, они были еще не расчесаны. Очевидно, Джулия все еще не в состоянии была переварить все случившееся со мной после нашего с ней разговора вчера днем.

– Я просто не могу поверить, что пока мы были здесь, спали и храпели всю ночь напролет, ты в полном одиночестве прошла через такое страшное испытание.

– Не совсем в полном одиночестве, насколько я могу судить, – мягко поправил ее муж, собирая грязные чашки и относя их в раковину. – И мы не *просто спали*, – добавил он. – Лично я героически расправился с двумя грязными подгузниками, запачканными твоим сыном, – сказал он, запечатлевая легкий поцелуй на макушке жены.

Я улыбнулась, как это часто бывало, когда я видела этих двоих вместе. Гэри был идеальным противоводием для излишней драматичности Джулии. Он великолепно знал, как отвлечь ее от любого потенциального нервного срыва, будь то надвигающиеся роды или едва избежавшая гибели подруга.

– Как так получается, что «сын» всегда «мой», когда у него закаканы подгузники? – спросила Джулия, прекрасно сознавая, что ее муж в очередной раз продемонстрировал свою

личную разновидность обаяния. Гэри пожал плечами, словно это стояло в одном ряду с величайшими тайнами вселенной.

– Это выше моего понимания.

Через несколько секунд он тактично покинул кухню, пробормотав что-то вроде «чтобы не раздражать вас», и это замечание заставило меня смущенно провести по шее, которую непривычно щекотали мои короткие волосы. Джулия одарила меня сочувственной улыбкой и одобрительным кивком.

– Выглядит хорошо. Не переживай. – Я заставила себя опустить руку на стол. – Ну, так что теперь?

– Не имею ни малейшего понятия, – ответила я, делая большой глоток горячего кофе в надежде, что кофеин поможет и оживит участки моего мозга, которые хотели погрузиться в глубокий и беспробудный сон. – Думаю, завтра я позвоню в страховую компанию и узнаю, как писать заявление. Возможно, существуют какие-то средства на случай чрезвычайных ситуаций, и мне их выделяют, пока я не разберусь со своими финансами.

Я увидела, как Джулия встревоженно закусила губу, и, достаточно хорошо зная свою подругу, поняла, что она уже страдает из-за невозможности помочь мне деньгами.

– Мне ничего от тебя не нужно, – настоятельно произнесла я, – кроме, быть может, временного пристанища.

– Ну, это само собой, – автоматически ответила Джулия, все еще с озабоченным видом. Дотянувшись через стол, я обеими руками сжала ее ладонь.

– Серьезно, Джулс, я знаю, что вы с Гэри живете сейчас только на его зарплату, поэтому даже не думай предлагать мне деньги. – Я издала тихий звук, почти похожий на смех. – Если бы мне нужно было только это, я бы поймала Бена на слове.

– Он предлагал тебе займы денег? Не только на оплату такси? – В голосе Джулии прозвучало недоверие.

– Угу, – отозвалась я, ощущая почти такую же неловкость, говоря об этом с ней, какую ощущала, когда Бен поднял этот вопрос во время поездки в салон Карлы.

– Это всего лишь заем, пока вы не встанете на ноги, – убеждал он, как будто предложение займы совершенно незнакомому человеку неопределенной суммы наличными, без гарантии когда-либо получить их назад, было обычным явлением.

– Я не могу его принять, – сказала я, чувствуя, что опять густо краснею. – То есть... спасибо за предложение, это действительно очень великодушно с вашей стороны. Но, понимаете, брать у вас деньги неприлично.

– Вы говорите так, будто украдете их.

Я смущенно посмотрела в лобовое стекло, концентрируясь на чем угодно, кроме мужчины рядом со мной.

– Не хочу, чтобы вы неправильно меня поняли, но вы никогда ни с кем не говорили насчет этого вашего странного комплекса героя?

На мгновение он показался таким ошеломленным, что даже не заметил, как светофор переключился на зеленый свет, пока в автомобиле позади нас сердито не нажали на клаксон.

– Так вы считаете, что в этом моя проблема? Что я неудовлетворенный супергерой, в маске и плаще прочесывающий город в поисках попавших в беду женщин?

Я обрадовалась, что в голосе его прозвучала нотка юмора, потому что неловко вести такую беседу с человеком, по сути, тебе неизвестным, но которого ты отнюдь не хочешь

обидеть.

– Вы выполнили свой долг доброго самаритянина, а потом еще раз, – заверила я его. – Я навсегда в неоплатном долгу перед вами... Я уже обязана вам гораздо большим, чем деньги.

– Ладно. Я понимаю. И не хочу, чтобы вы испытывали в связи с этим какую-то неловкость, поэтому я скажу это еще всего один раз: если вам что-нибудь понадобится, что угодно, просто пообещайте, что не постесняетесь попросить.

– Хорошо, я обещаю, – ответила я.

Пальцы я не скрестила, я была уже чересчур стара для подобных игр, но также я знала, что не имею ни малейшего намерения держать это слово.

* * *

– Я не усну, – сказала я Джулии.

– Хорошо, – спокойно ответила она, стоя где-то на нижних ступеньках лестницы.

– Правда. Я уже перехотела. Я могу продержаться до вечера.

Мое утверждение оказалось слегка подпорчено коварным зевком, вырвавшимся, когда я заканчивала фразу.

– Конечно, можешь, – согласилась Джулия, ее голос до странности походил на тот, которым она уговаривала трехлетнюю Лейси.

– Что мне нужно, так это вернуться к дому. Мне нужно искать Фреда.

– Я съезжу, пока ты полежишь – *не засыпая*, – многозначительно добавила она.

– Он ни к кому, кроме меня, не пойдет, – сказала я.

Язык у меня начал слегка заплетаться от изнеможения, когда я вошла в хозяйскую спальню и увидела соблазнительно удобную кровать, которая просто манила. Джулия подошла к окну и задернула шторы, отгораживая меня от серого зимнего утра.

– Просто ляг и закрой глаза. Тебе не обязательно спать, – убеждала она меня, прекрасно сознавая, что когда моя голова коснется подушки, я усну в мгновение ока.

– Всего на полчаса, – промямлила я, уступая, сбросила свои грязные тапки и забралась на покрывало.

Должно быть, это Джулия укрыла меня мягким шерстяным одеялом. Именно она выключила свет и плотно закрыла дверь в спальню. Потому что это точно была не я. Я не столько уснула, сколько провалилась в сон головой вперед, словно рухнула с очень большой высоты.

Пять часов спустя я смущенно спустилась вниз. В доме было необычно тихо, никаких признаков присутствия его всегдашних, довольно шумных обитателей.

– Всего лишь хотела дать отдых глазам, да? – понимающе проговорила Джулия, когда я вошла в просторную, открытой планировки гостиную.

– Ты должна была меня разбудить, – сказала я.

Мой голос звучал странно, как будто кто-то натолкал мне в рот ватных шариков, пока я спала, а горло казалось ободраным и больным, предположительно от дыма.

– Тебе требовался сон, – сказала Джулия, передавая мне большую кружку чая. Я с благодарностью сделала глоток, обожгла небо и даже не обратила на это внимания.

– И где же все? – спросила я, осматривая явно пустой первый этаж.

– Гэри забрал детей на день к друзьям. Поэтому как только ты допьешь чай, мы пойдём и поищем тебе какую-нибудь одежду из моего обширного дорожного гардероба, затем поедём.

В университетские годы мы с Джулией практически объединяли наши гардеробы, и меня охватило любопытное чувство дежавю, когда я стояла в её спальне и перебирала её одежду, ища что-то для себя.

– По крайней мере, тебе не придется суетиться и покупать кучу новых вещей, – удрученно сказала она, глядя, как я застегиваю облегающие синие джинсы. – Мне ещё столько месяцев до того момента, когда я смогу влезть в бо́льшую часть этих тряпок, поэтому ты вполне можешь ими пользоваться.

Я была занята тем, что складывала позаимствованную у Бена одежду и размышляла, каким образом сумею вернуть её ему, но прервалась, чтобы быстренько обнять подругу.

– Я бы не раздумывая обменяла десятый размер задницы на Ноя.

– Легко тебе говорить, – проворчала Джулия, обзревая себя во весь рост в зеркале.

На мгновение я вернулась назад, в то время, от которого всегда старалась убежать. В то время, когда пределом моих желаний было спрятаться – от моих родителей, от друзей, от любых людей, действовавших из лучших побуждений и желавших мне помочь. Но больше всего я хотела спрятаться от себя. Даже теперь, столько лет спустя, тяжело было смотреть на фотографии той печальной, полной девочки-подростка. Я с трудом её узнавала, хотя лицо у неё было мое.

– Господи, Софи. Совсем же ничего не осталось.

Разумом ты, конечно, понимаешь, что означают слова «сгорело дотла», но все же есть что-то душераздирающее в этом зрелище, когда видишь его собственными глазами. Несмотря на ветер, в воздухе воняло едкой гарью.

Я начала нервничать ещё на подъезде, за несколько кварталов. Почувствовала, как участился пульс под эластичной повязкой, а в груди стало тесно, как будто я проглотила большой кусок чего-то трудно перевариваемого, который не сдвинется с места, сколько бы антацида я ни приняла.

Вокруг здания стояла толпа зевак, сгрудившись у ограждения, плечом к плечу, как на рок-концерте.

– Ротозеи, – сердито пробормотала Джулия, выбираясь из машины.

Нам пришлось встать немного дальше по дороге, практически на том самом месте, где ночью стоял автомобиль Бена. Я мимоходом подумала о том, где он сейчас. Один в своем доме, наверстывает заслуженный отдых? Или рядом с ним кто-то есть, заботится о нем? Подруга или, может, невеста?

Взяв Джулию под руку, я мягко потянула её мимо толпы, таращившейся на почернелые стены моего бывшего дома. Здесь не на что было смотреть, ничего не осталось, кроме развалин и разорения.

– Давай найдем твоего кота, – предложила Джулия, выходя из оцепенения и доставая из пакета бечевку, ножницы и скотч, которые потребуются нам, чтобы прикрепить объявления, напечатанные на компьютере Бена.

Первое из них нашла Джулия. Мы разделились и зашли с противоположных концов улицы, надеясь охватить больше пространства. Но всего несколько секунд спустя подруга позвала меня. Я побежала к ней через дорогу, Джулия стояла рядом со старым, корявым

дубом.

– Что?

Джулия ничего не ответила, но отступила в сторону, являя моему взору нечто уже прикрепленное к шершавой коре. Хлопая глазами, я глупо пялилась на листок, а потом перевела взгляд на пачку объявлений, которую держала на сгибе локтя.

– Похоже, твой новый друг добрался сюда первым, – заметила Джулия.

Мы все равно обошли соседние улицы, лишь для того, чтобы убедиться – мордочка Фреда пристально смотрела на нас практически с каждого дерева и фонарного столба. Также ее можно было увидеть в витрине буквально каждого магазина на главной улице. Пока я была занята сном... Бен был занят кое-чем другим.

– Странный парень твой новый приятель, – прокомментировала Джулия с явной подозрительностью в голосе, когда через некоторое время мы сели в машину.

– Пожалуй, да, – отозвалась я.

Хмуро всматриваясь в маленький экран, я внесла пару мелких поправок, а потом подняла взгляд.

– Так нормально звучит?

Джулия прекратила складывать кипу крохотных детских одежек, еще теплых после сушилки, и полностью переключила внимание на меня. Я откашлялась, как будто собиралась прочесть монолог.

– Оснований для паники нет, но я потеряла свой телефон, поэтому если вам нужно будет связаться со мной в ближайшие несколько дней, вы можете сделать это по телефону Джулии. Объясню толком, когда вы вернетесь. Надеюсь, вы хорошо отдыхаете.

Джулия слегка пожала плечами. Она была и матерью, и дочерью и видела ситуацию другими глазами.

– Ты не думаешь, что лучше было бы сказать им, что случилось? Если бы кто-то из моих двоих оказался в ситуации между жизнью и смертью, я уж точно не захотела бы ждать несколько недель, чтобы узнать об этом событии.

Я сдвинула телефон Джулии в сторону, так как Лейси пробиралась по моим коленям, как маленький диверсант на штурмовой полосе.

– Это не совсем то же самое, когда они еще настолько малы, что и в туалет сами не ходят, – небрежно ответила я.

Я уткнулась лицом в мягкую кожу на затылке Лейси, фыркнула туда, и девчушка захихикала.

– Ты знаешь своих родителей лучше, чем я, – сказала Джулия, возобновляя складывание выстиранного белья, но я ни на минуту не поверила, что она одобрила мое решение.

В одном только она была права: я действительно знала их и понимала, что для них лучше. В этом Джулии придется мне довериться.

Все изменилось в два десять ночи. Именно в это время зазвонил телефон. Тогда еще у моих родителей не было мобильных, поэтому разбудил нас городской телефон, пронзительно затрезвонив на столике в прихожей. Я включила ночник, бестолково шурясь, пока разглядывала цифры на дисплее радиоприемника.

Я услышала, как открылась в дальнем конце коридора дверь, и отец тихо пророкотал что-то в ответ на вопрос матери. Я откинула пуховое одеяло, разбросав выводок мягких

симпатичных игрушек в изножье кровати, словно их повалил какой-то великан. Я даже не стала их поднимать, просто переступила через упавшие плюшевые фигурки, похожие на жертв какого-то жуткого злодеяния. Но жертвой стала не коллекция милых игрушек, которую я переросла уже много лет назад; это был кто-то более близкий моему сердцу.

Тогда моя комната свидетельствовала о том, что я перехожу границу между детством и взрослой жизнью. На стене плакаты с популярным бой-бендом, на туалетном столике разбросаны косметика и украшения, а на кровати – мягкие игрушки. Я прошла к двери комнаты под невидящим взглядом парней из группы «Макфлай», которые смотрели на меня из разных мест на оклеенных розовыми обоями стенах. Отец уже преодолел половину лестницы, когда я вышла в коридор.

– Что такое, папа? Что случилось? Кто звонит нам среди ночи?

Ответила мама, стоя в дверях ее спальни. Она крепко держалась за дверные косяки, как будто находилась в лодке в бушующем море и старалась сохранить равновесие. Ее рука казалась костлявой и старой, на что я никогда не обращала внимания раньше. Я всегда это помню. Она попыталась ободряюще улыбнуться и потерпела сокрушительное поражение.

– Наверное, ошиблись номером. А может, какой-нибудь глупый розыгрыш, – сказала она, но голос ее выдал, и в тот момент я поняла, что она не больше меня верит в то, что говорит.

Я оглянулась на соседнюю со своей комнату, ожидая увидеть ее закрытой. Но дверь туда стояла нараспашку, как и три часа назад, когда я пошла спать. Комната же была погружена в темноту; на кровати не спали. Меня пронизал холод, возникнув в горле и заполняя желудок, словно я чересчур быстро выпила ледяной напиток. Я посмотрела на маму и в ее глазах увидела отражение собственного страха.

На звонок наконец ответили.

– Да. Он это я, я это он. Это я, – сказал отец, пытаясь говорить отчетливо, как никогда не заговорит человек, который зарабатывает на жизнь преподаванием английского языка.

Я отвернулась, чтобы не видеть лиц родителей, куда больше напуганная их выражением, чем своим несущимся вскачь воображением. Я подбежала к окну, к тому, что выходило на площадку перед домом. Увидела машину отца, которую он поставил как можно ближе к краю подъездной дорожки, стараясь оставить чуть больше места. А рядом я увидела... ничего не увидела... кроме большого, в стиле Роршаха черного пятна на бетоне, хорошо различимого в свете ближайшего уличного фонаря. *Это масляное пятно никогда не сойдет, ведь так? Испоганил всю дорожку.* Когда случилась эта ссора? На прошлой неделе? За неделю до этого? Стало вдруг очень важно вспомнить, когда были сказаны эти слова. Так влияет на человека паника; когда вокруг тебя начинает рушиться твой мир, она заставляет тебя хвататься за несущественные детали. И ты цепляешься за странные вещи: полузабытые ссоры, деревянные дверные рамы. Ты стараешься держаться прямо, прочно стоять на земле, но на самом деле ты находишься на траектории движения торнадо, который все равно сметет тебя на своем пути.

– Что вы говорите? Повторите, пожалуйста. Я не понимаю, – кричал папа в телефон. Он орал, а он *никогда* не орал.

– О боже, нет, – простонала мама.

Она выпустила дверной косяк и теперь хваталась за горло.

– Мы едем.

Я услышала его слова, но уже бежала, пытаюсь спастись в убежище своей комнаты,

пытаясь спрятаться, но уже зная, что это бесполезно. Никогда уже все не будет как прежде.

* * *

По пути в ожоговое отделение я дважды сбилась с дороги. У меня не хватило времени, чтобы найти больничную парковку, и в итоге я поневоле оставила автомобиль Джулии на площадке, где, по моей глубокой убежденности, на колесо ему обязательно поставят блокировку. А у меня совершенно точно не было денег, чтобы заплатить штраф в семьдесят пять фунтов, если это произойдет. Стиснув зубы, я припустила трусцой по длинному и странно пустынному больничному коридору, надеясь, что последний человек, указавший мне направление, действительно направил меня в нужную сторону (в отличие от первых двух). «Это вполне может оказаться тем моментом, когда тонкая резинка дружбы в итоге лопнет», – подумала я. Я живу в твоём доме, ем твою еду, ношу твою одежду и сплю на твоём диване, о, и кстати, на твоё имя только что был выписан приличный штраф за парковку в неподобающем месте. Разумеется, Джулия и Гэри и слушать не захотят, если я заведу об этом разговор, но уже спустя двое суток я поняла, что ночевки на диване в их гостиной очень быстро себя изживают. словно в подтверждение, поясницу пронзила резкая боль. Как только тебе исполняется тридцать лет, ночлег на полу, на кушетках или на любой замене матраса теряет значительную часть своего очарования.

А ещё кошмары, снова проникающие в мою жизнь с неприятной фамильярностью, как будто ты сталкиваешься с парнем, который издевался над тобой во время встреч одноклассников. Я с криком просыпалась среди ночи, в моих снах соединялись огонь и бесконечно звонящий телефон. Каждый раз я будила тем самым малыша, который, в свою очередь, будил Лейси. Вряд ли меня можно было называть идеальным гостем.

Я посмотрела на часы, до сих пор не привыкнув носить их не на той руке, и увидела, что уже на десять минут опоздала к назначенному времени. Я перешла на бег и покрыла оставшийся отрезок коридора на такой скорости, что, когда наконец ворвалась в двойную распашную дверь отделения, все до единого в комнате ожидания посмотрели на меня. Трудно сказать, покраснела я от смущения или в результате спринтерского рывка.

Все лица были обращены ко мне. И только на одном сияла улыбка. Бен.

– Привет, – одними губами произнесла я и жестами указала на стойку регистрации, откуда за мной наблюдала слегка раздражённая администратор. Возможно, обычно люди не входят в такой драматичной манере в тихое амбулаторное отделение.

– Простите, – извинилась я, передавая ей талончик. – Боюсь, я немного опоздала.

Женщина нахмурилась, взяла мой талон и что-то набрала на клавиатуре.

– Посидите, – велела она.

Я обернулась, оглядывая комнату ожидания. В ней находилось всего около десяти пациентов. Полно было свободных стульев, но только одно место, куда я, возможно, могла бы сесть. При моем приближении Бен встал, и я осознала, как мало мужчин теперь это делают. Феминистка во мне хотела сказать: «А чего им вставать?», но другая Софи, та, которой редко удавалось высказать свое мнение, нашла это довольно приятным.

– Мне кажется, у меня уже неприятности, – призналась я, немного растерявшись, когда Бен приветствовал меня быстрым поцелуем в щеку.

Интересно, а это уместно? Мы же не настоящие друзья, мы просто... мысли у меня

иссякли, потому что я осознала – вероятно, нет слова или словосочетания, которые могут адекватно описать наши отношения.

– Я сижу здесь почти полчаса, и еще никого не вызывали, – успокоил меня Бен, пристраиваясь на соседнее сиденье. – Как вы? Как рука?

Я посмотрела на свою забинтованную руку, а потом – на его запястье. Имелись причины, по которым наши пути в очередной раз пересеклись. Сердце у меня все еще билось учащенно, как я думала, из-за бега. Совершенно точно это было никак не связано с Беном, поскольку я знала, что существует большая вероятность столкнуться в больнице. И уж никак не потому, что он выглядел гораздо более привлекательным, чем я позволила себе помнить. Разумеется, это никоим образом на меня не подействовало.

– Немного болит, и все. А у вас?

– Да то же самое. – Я прикусила губу, снова чувствуя себя виноватой. – Кстати, спасибо за ваше сообщение, – продолжал он. – Хотя вам не нужно было меня благодарить. Труда это не составило, а в большинстве магазинов только рады были взять объявление. Ну как, еще не нашли его?

Я покачала головой, и подстриженные Карлой волосы с небрежным изяществом качнулись из стороны в сторону. Мне очень понравилось, как это вышло.

– Нет, я несколько раз туда ездила, но, похоже, он окончательно пропал. Я звонила в приюты спасательных служб и всем ветеринарам в округе...

Я умолкла, потому что сообразила, насколько все это для него малоинтересно. Вероятно, он лишь поддерживал вежливый разговор; не может быть, чтобы это искренне его интересовало. Где-то в процессе всех этих жалких свиданий вслепую и неудачных встреч через сайт знакомств я забыла, как вести нормальную интеллигентную взрослую беседу с мужчиной. Неудивительно, что Джулия полагала, будто я обречена на то, чтобы вечно быть старой девой.

– Принести вам что-нибудь попить из автомата? – предложил Бен. – Вдруг на сей раз будет что-то приемлемое, – добавил он, стараясь меня заинтересовать.

Я с улыбкой покачала головой.

– Нет, я лучше не буду. Нас, наверное, скоро вызовут, – с надеждой сказала я, глядя на большие часы на стене за стойкой администратора.

Бен улыбнулся кривоватой улыбкой, достаточно обаятельной, чтобы я забыла, где мы находимся и почему.

– Так значит, вы не знакомы с тем, как в больницах соблюдают время приема пациентов, да? – небрежно спросил он.

Я тоже ответила ему улыбкой – значительно менее обаятельной.

– Вообще-то, нет. А вы знакомы?

На мгновение Бен смутился, но выражение его лица так быстро стало прежним, что мне удалось убедить себя – мне это, наверное, привиделось.

– Да не особенно. Но мне кажется, что мы еще довольно долго тут пробудем.

По-моему, для других ожидающих мы стали куда более занимательным развлечением, чем журналы двухлетней давности и потрепанные выпуски «Ридерс дайджеста». Большинство из них даже не пытались притвориться, что не слушают расспросы Бена о том, как идет болезненный процесс восстановления моей жизни, в духе феникса – из пепла.

– Ну, я потратила достаточно времени на звонки в разные компании и организации, чтобы понять, что больше никогда в жизни не захочу услышать песню «Зеленые рукава».

Бен открыто расхохотался в чересчур тихой комнате, совершенно естественно и раскованно, закинув голову, сощурился глазами, так что в уголках их собрались морщинки. В тот момент я поняла, он из тех людей, кого вполне устраивает то, какой он есть, и кто в значительной степени равнодушен к вниманию со стороны или к тому, что могут подумать о нем другие. Я же, столько лет потратившая в подростковом возрасте на совершенствование искусства быть невидимой, находила такое безразличие крайне интригующим.

– И удалось ли все уладить?

Я пожала плечами.

– Начало я положила. По крайней мере, в наши дни все хранится где-то в облаке, – сказала я, непроизвольно глянув в окно, словно все мои личные данные действительно можно было увидеть проплывающими на кружащих по небу кучевых облаках. Не меньше трех пациентов посмотрели вместе со мной – именно *так* я узнала, что все они слушают.

– У подружки вы хорошо устроились? У них достаточно места?

Я понимала, что он просто поддерживает вежливую беседу, заполняя долгие томительные минуты в ожидании, пока нас вызовут, но так легко было обмануться и поверить, что эти теплые светло-карие глаза выражают подлинное участие.

– Да, все отлично. По крайней мере пока, – сказала я, бессознательно потирая поясницу при мысли о грядущем неудобстве третьей ночи на жестком диване Джулии.

– Вы же знаете, что у меня большой дом? – бесхитростно проговорил Бен. У меня немного приподнялись брови, как и у женщины средних лет, сидевшей напротив меня по диагонали.

– Да-а-а, – протянула я это слово, словно оно было сделано из резины.

– Так вот, если у подружки станет тесновато, я буду более чем рад, если вы переедете ко мне. Вы можете занять цокольный этаж.

Дама средних лет несколько раз моргнула от удивления. Я действительно надеялась, что не сделала то же, потому что она выглядела комически потрясенной этим приглашением.

– Это очень любезно с вашей стороны, Бен, но...

– Вы совершенно меня не знаете, – непринужденно закончил Бен.

Куда здесь подевались все врачи? Разве кого-то из этих пациентов не должны были уже вызвать?

– Дело не в этом, – сказала я, понижая голос на тон или два. Несколько из слушавших больных подались вперед на своих стульях, явно не обрадовавшись, что приходится напрягать слух. – Дело в том, что мне нужно новое *постоянное* жилье, а не очередное временное пристанище. Как только я улажу финансовые вопросы, я смогу всерьез заняться поисками. А до тех пор сойдет диван Джулии и Гэри.

Бен откинулся на спинку стула и кивнул, словно именно это и ожидал от меня услышать. Позади стойки администратора открылась дверь и вышли три медсестры, каждая держала планшет.

– Как эти чертовы автобусы, – прокомментировала дама средних лет, та, что, казалось, испытала огромное облегчение, когда я отклонила приглашение Бена. – Ждешь вечность, а потом появляются сразу три.

– Прости. Повтори, что точно он тебе сказал, – попросила Джулия, смахивая нарезанную ломтиками морковь с доски в сотейник. Ломтики летели туда, как крохотные оранжевые парашютисты. Я закончила чистить последнюю картофелину и только тогда

встретилась с Джулией взглядом.

– Бен сказал, что я могу расположиться на цокольном этаже.

Джулия принялась за лук, нож резал невинный овощ так, как будто он нанес ей какое-то оскорбление. Но, вероятно, это я нанесла его подруге.

– Прямо как в газетах читаешь. Красивая юная девушка заходит на цокольный этаж к какому-то парню, и около десяти лет никто ее больше не видит. В таком духе?

Я попыталась скрыть улыбку, но поняла, что она все равно ее заметила.

– Да, Джулс, – сказала я, подыгрывая. – В точности так. За исключением того, что эти парни, как мне кажется, вообще-то, не спрашивают сначала у женщин, не хотят ли они к ним переехать. – Джулия устремила на меня свой самый насмешливо-серьезный взгляд, но я с легкостью смягчила обстановку. – Мне кажется, он просто предложил мне пристанище на тот случай, если я вам тут мешаю, а дом у него действительно огромный.

– Да? – отозвалась Джулия, со звоном закрывая чугунной крышкой сотейник с нашей вечерней трапезой, будто овощи могли замыслить побег. – Ну, очевидно, что решать тебе, Софи. Но все это звучит более чем странно, тебе не кажется? В смысле, кто станет приглашать человека пожить у себя, зная, что у него нет денег на оплату аренды, и не попросит ничего взамен?

Мой взгляд смягчился, когда я посмотрела на Джулию, стоявшую по другую сторону рабочего стола с гранитной столешницей.

– Очень хорошая подруга, – сказала я и сжала ее руку поверх прохладной серой поверхности. – Вот кто.

Джулия отошла к холодильнику, вытащила полбутылки вина и помотала ею, соблазняя меня. Я кивнула и достала из буфета бокалы.

– Кроме того, – продолжала я, принимая протянутый мне бокал охлажденного совињона, – твоя одежда сидит на мне гораздо лучше, чем его, поэтому я *вынуждена* остаться здесь.

С обоюдного согласия мы перешли в гостиную и сели в противоположных углах дивана, подобрав под себя ноги, как пара ограничителей для книг.

– Все же это граничит с невежливостью, ты не считаешь? – заметила Джулия, с наслаждением делая первый глоток вина. Из радионяни раздалось побряхтывание, и я увидела, как напряглась, а затем расслабилась Джулия, когда за ним не последовало плача. – В смысле, у него такой огромный особняк, а он предложил тебе всего лишь темную и грязную комнату в полуподвале.

Нас с Беном вызвали на перевязку одновременно, поэтому вряд ли удивительно, что он вернулся в комнату ожидания, когда я застегивала теплое зимнее пальто Джулии. Вполне естественно, что мы покинули отделение вместе, и я приноровилась к его шагу, радуясь, что он проведет меня по множеству одинаковых с виду коридоров и лестниц на пути к главному входу больницы.

– Я так безнадежно заблудилась, поставив машину, но вы с такой легкостью привели меня к ней, что мне даже неловко, – призналась я, когда Бен без усилия привел меня к тому месту, где стоял – к счастью, не заблокированный – автомобиль Джулии.

– Не так давно у меня тут друг лежал, поэтому я запомнил план местности, пока навещал его, – объяснил Бен, небрежно пожав плечами.

– Умение ориентироваться явно не относится к моим сильным сторонам, – призналась

я, доставая из кармана ключи от машины подруги и болтая ими на пальце, как маятником.

– Тогда напоминайте мне, чтобы я не заставлял вас читать карту по навигатору, – сказал Бен, словно мы планировали совместное путешествие, чего, разумеется, быть не могло.

– Обязательно, – ответила я, протягивая руку, как для рукопожатия, а потом сообразила, насколько до нелепости формально это выглядит.

На секунду моя рука зависла в воздухе, как птица, парящая в потоке воздуха, а потом легко опустилась на плечо Бена. Думаю, я хотела изобразить воздушный поцелуй или коротко прикоснуться к его щеке, но мое умение ориентироваться снова меня подвело. В последний момент Бен наклонил голову, и вместо щеки мои губы непроизвольно задели уголок его рта. Я быстро отпрянула, подумала было извиниться, а потом сообразила, что это, возможно, смутит нас обоих. Глубоко под золотом его глаз я заметила лукавую усмешку и поняла, что, вероятно, это смутило бы только одного из нас. Он на этот счет казался совершенно пуленепробиваемым.

– Помните, что я сказал вам насчет квартиры на цокольном этаже. Предложение действительно в любое время, когда вы захотите к нему вернуться, – напомнил он, галантно придерживая дверцу автомобиля Джулии, пока я садилась в него.

– Не очень-то весело, на мой взгляд, жить в чужом темном и грязном полуподвале.

Слова Джулии вернули меня в действительность. Взгляд ее глаз был странно любопытным, однако понимающим, словно она сумела проникнуть в мои мысли и не удивилась тому, что там увидела.

– Если я помню правильно, цокольный этаж там совсем не такой.

– Ты его *видела*? – спросила Джулия, вино слегка колыхнулось в бокале, когда она в изумлении повернулась ко мне.

– Ты тоже видела. – Морщинка на лбу Джулии словно говорила мне, что подруга совершенно меня не понимает. – По телевизору. Этот дом был в той программе про жилье, которую вы с Гэри всегда обсуждали.

– А!а! – воскликнула Джулия, вскакивая с дивана и хватая пульт от телевизора. – Мы записали все до единого выпуска. Они должны быть еще целы, если Гэри их не удалил.

Потребовалось удивительно мало времени, прежде чем парадный вход Бена распахнулся на телеэкране, и мужчина, которого я не узнала, бывший владелец, пригласил съемочную группу в свой дом. Программа следовала своему обычному формату, демонстрируя законченный проект, а затем показывая, как был достигнут результат.

Я заметила на себе встревоженный взгляд Джулии, когда запись переключилась на жену архитектора, оживленно рассказывавшую с больничной койки о доме, который ее муж создал для нее. Наклонившись, я взяла бутылку и воспользовалась этим моментом, чтобы заново наполнить наши бокалы. Когда я в следующий раз глянула на плазменную панель, они уже снова беседовали о кухонном оборудовании.

Квартиру на цокольном этаже показывали в середине программы. Это было полностью автономное крыло, которое архитектор спроектировал для постоянно проживающей медсестры, чья помощь требовалась при уходе за его женой. Вместо темной и неопрятной комнаты, которую предсказывала Джулия, мы увидели удивительно светлый и просторный цокольный этаж открытой планировки, как и помещение над ним.

– Выглядит, пожалуй, неплохо, – проворчала Джулия. – Я понимаю, почему ты могла бы соблазниться.

Я ласково ткнула ее ногой в бедро, внезапно чувствуя такую близость со своей подругой, как это бывало в университете, когда мы буквально каждый вечер проводили друг у друга в комнате, с одинаковым удовольствием поглощая подборки DVD-фильмов и огромные плитки шоколада «Кэдбери».

– Честно говоря, не соблазнилась, – подтвердила я.

Я вынуждена была признать, что сад, о котором говорил Бен, выглядел невероятно, а тот факт, что жена архитектора занималась до своего несчастного случая садоводством, делал его еще более трогательным. Я с интересом отметила, что со сменой владельца внутреннее убранство претерпело лишь незначительные изменения. Должно быть, Бен купил дом практически со всей мебелью.

– *Красивый* дом, – признала Джулия. – Я это вижу. Но все равно не хочу, чтобы ты туда переезжала.

– Я тоже не хочу, – сказала я. И не покривила душой.

Ноябрь

Есть стишок, который всегда завораживал меня в детстве. Он рассказывает, как погибло целое королевство, потому что *в кузнице не было гвоздя*. Мое будущее решилось шесть дней спустя после ночи пожара благодаря почти такому же причудливому стечению обстоятельств. Если бы я купила себе на день рождения золотую рыбку вместо котенка; если бы Бен не предложил напечатать эти объявления; если бы Гэри не прописали серьезные антигистаминные средства... тогда все могло бы закончиться совершенно иначе. А может, и нет.

– Черт. На мне, пожалуй, это платье *никогда* так хорошо не смотрелось, – изрекла Джулия, мягко покачиваясь из стороны в сторону с Ноем на бедре. Она двигалась в непринужденном ритме, который в ее случае казался таким естественным, однако оборачивался абсолютно чужеродным всякий раз, когда я пыталась укачать своего крестника таким же образом. Я разгладила мягкую шерстяную ткань, которая плотно облегла мои бедра, и бросила один критический взгляд через плечо в стоявшее в спальне Джулии зеркало. – Предупреждаю тебя, Уинтер, если твоими следующими словами станут: «А мой зад...», я, возможно, задушу тебя подгузником Ноя.

Я засмеялась и сунула ноги в черные сапожки до щиколотки.

– Я, правда, сомневаюсь, чтобы размер моей задницы оказался ключевым фактором при принятии банком решения о предоставлении мне чрезвычайного кредита, – сказала я, отключая от зарядного устройства сменный телефон, который доставили накануне, и проверяя, полностью ли он заряжен.

– В дальнем углу гардероба у меня лежит топ с глубоким вырезом, который поможет решить это дело в твою пользу, – нахально предложила Джулия.

– Лучше не надо. Я приберегу его на тот день, когда пойду подавать заявку на ипотеку.

Какой бы трудной во всех смыслах ни была последняя неделя, она была бы еще труднее, если бы не помощь Джулии и Гэри, ненавязчиво поддерживавших меня, пока я начинала склеивать куски моей разбившейся жизни. Будь я моложе, я отвергла бы их помощь – *отвергла бы* помощь любого человека, с грустью признала я. Повзрослев на шестнадцать лет, я наконец-то достаточно поумнела, чтобы так не поступить. И разумеется, пожар не шел ни в какое сравнение с той трагедией, которую мы тогда пережили.

Я испытала легкий укол вины, стоя у входной двери, когда Джулия взяла из керамической вазы хранившиеся там автомобильные ключи и подала мне.

– Я могу поехать на автобусе, – снова предложила я, но она лишь покачала головой, что Ною показалось до истерики смешным. Я взяла этот маленький трюк на заметку для применения в будущем.

– Нет, совершенно точно будет дождь, – предсказала Джулия, глядя в окно прихожей на мрачные серые облака, похожие на запачкавшие небо размазанные отпечатки пальцев великана. – И у меня соберется на кофе группа матерей с малышами, поэтому ты, наверное, выбрала подходящее утро, чтобы свалить отсюда. Надеюсь, все пройдет хорошо, – сказала Джулия, наклоняясь, чтобы обнять меня, и предоставляя Ною слишком заманчивую возможность ухватить полный пухлый кулачок моих волос. – Удачи.

Все действительно прошло хорошо. И два часа спустя я сидела в теплом и душном кафе, укрываясь от дождя и наслаждаясь праздничным капучино, который, между прочим, я оплатила деньгами с собственного банковского счета. Наличных, выданных мне банком, хватит, чтобы продержаться, пока не подспеют мои новые карты. Выдача кредита займет несколько больше времени, но он в основном требовался для того, чтобы покрыть гарантийный депозит и снять новую квартиру – а ее мне нужно подыскать первым делом.

Сумочка молча завибрировала на полу у ноги, и я достала телефон в уверенности, что это Джулия – интересуется, как прошла моя встреча. Номер на экране ей не принадлежал, хотя выглядел знакомым.

– Наконец-то ваш номер заработал! – воскликнули в трубке вместо приветствия.

– Вы – мой самый первый звонок, – подтвердила я. Посмотрела на время на телефоне. – Я включила его около десяти минут назад.

– А, тогда понятно. О, кстати, мне нужно было назваться, это Бен.

– Я знаю. Я узнала ваш голос, – ответила я и, подняв взгляд, поймала свое отражение в окне кафе. На губах у меня играла глупая улыбочка, прилипшая к ним, как легкая пена с моего кофе. И через несколько секунд она стала только шире.

– У меня хорошие новости...

Дождь лил как из ведра, и даже на максимальной скорости дворники едва очищали стекла. Ехала я медленно, постоянно переключая внимание с заливаемых дождем улиц на дисплей навигатора. Улиц я не узнавала, но с другой стороны, когда я в последний раз была здесь, я по вполне понятной причине по сторонам не смотрела. Однако дом показался знакомым, потому, наверное, что всего несколько дней назад я посмотрела телепрограмму о нем. Говорить Бену об этом я не собиралась, поскольку даже я понимала, что мой интерес выглядит немного... ну, нездоровым.

Я поспешно выскочила из машины, не удосужившись даже захватить одолженное Джулией пальто. И пожалела об этом, когда неприятные струйки дождя потекли по шее, пока Бен отпирал дверь. К тому моменту, когда он это сделал, я окончательно и бесповоротно промокла и с меня текло. Бен отступил, впуская меня, и я изобразила вытирание ног о коврик, прежде чем последовать за ним в комнату.

– Где он? – спросила я, тревога, которую мне удалось подавить во время поездки, грозила прорваться наружу.

– Вон там, – ответил Бен, указывая на большую картонную коробку с проделанными для доступа воздуха отверстиями.

– Вы его не выпускали? – спросила я, идя к коробке и оставляя дорожку дождевых капель на блестящем полированном полу.

– Я не хотел его напугать. Я подумал, что лучше подождать вашего приезда.

Я опустилась на колени рядом с коробкой, которая начала дергаться и прыгать на деревянном полу, словно в ней сидело какое-то одержимое существо.

– Они сказали, что давали ему воду, и думают, что он, вероятно, пил из луж на полу в сарае. По-видимому, крыша там протекает. – Я энергично кивнула, неловкими пальцами пытаюсь отодрать скотч, которым крест-накрест была заклеена крышка. – Они уже собирались ехать в приют для животных. По чистой случайности они остановились у дерева, на котором висело объявление.

Я все еще боролась со скотчем, и обитатель коробки, узнав мой голос, просто обезумел.

– Подожди, Фред. Еще секунду, – пообещала я, сознавая, что голос звучит странно. Картонная коробка вся была усеяна каплями; часть их нападала с моих промокших волос, но другая поступала из источника, вызывающего гораздо большее смущение. Бен, вероятно, посчитает меня ненормальной из-за рыданий над котом.

– Позвольте мне, – мягко предложил Бен, отодвигая мои руки и с легкостью вскрывая коробку.

Фреда я увидела на одно мгновение. Он оказался более серым, чем обычно – ну, по сути, скорее черным, чем серым, – а также значительно более худым, хотя трудно было с уверенностью сказать за секунды, прошедшие между вскрытием коробки и его впечатляющим прыжком из нее. Серой молнией он промчался по деревянному полу и исчез под кушеткой.

Никакие уговоры не заставили его выйти оттуда, поэтому я опустилась на колени, предоставив Бену возможность обозревать мой зад, когда полезла под кушетку. Наверное, это у *него* мне следовало спросить, не слишком ли мой зад велик в платье Джулии?

– Давайте оставим его, пусть немного успокоится, – разумно предложил Бен, когда мои усилия вытащить Фреда так ни к чему и не привели. – Как насчет кофе?

Он уже шел в сторону кухни, оглядываясь на меня, но в следующий миг упал, ударившись об пол с такой силой, что я ощутила его содрогание под моими коленями.

– О господи, Бен. Вы целы? – спросила я, торопливо подбегая к нему.

– Да, все нормально, – чуть резковато ответил он, уже садясь. Он повернулся ко мне с ободряющей улыбкой. – Пустяки. Я просто поскользнулся.

– Это из-за меня, – виновато сказала я. – Я весь пол закапала.

Бен отмахнулся от моих слов, но я совсем расстроилась, особенно когда увидела, как он массирует икру через джинсы.

– Вы уверены, что не повредили ногу? – спросила я, сочувственно прикусив губу, когда он поморщился, поднимаясь на ноги и думая, что я этого не вижу, а потом повернулся ко мне с улыбкой.

– Нет. Со мной все в порядке, – заверил он, но в его походке, когда он снова пошел в сторону кухни, явно сквозила неуверенность.

Пока Бен готовил кофе, я настояла на том, чтобы вытереть оставшуюся воду. Он нашел мне тряпку, и я стала вытирать пол, возвращаясь по оставленной мною дорожке из воды, хотя то место, где поскользнулся Бен, уже практически высохло.

Дизайнерские стулья у барной стойки представляли собой определенное испытание, если вы, по случайности, надели облегающее платье. Бен вежливо смотрел в другую сторону, пока я без всякой элегантности забиралась на этот стул, который был удивительно похож на легкую плетеную корзинку, но на самом деле оказывался удивительно удобным, когда вам удавалось на него усесться.

– Воображаю, как рады вы будете, когда я наконец уйду, – проговорила я, обеими руками сжимая кружку с кофе. – Я или валюсь на вас с большой высоты, из-за меня вы получаете ожоги второй степени, или заставляю вас упасть. Моему появлению должно предшествовать предупреждение о стихийном бедствии.

Бен выразительно поднял плечи.

– Несчастные случаи бывают.

Я с трудом проглотила свой глоток кофе.

– Да, – отозвалась я, и за этим единственным словом стояла бездна чувств, ни одним из которых я не готова была поделиться. Никогда не была готова.

Я обвела взглядом гостиную, все еще дожидаясь появления Фреда. Я до странности разрывалась между желанием, чтобы он вышел и я могла бы уехать, и надеждой, что он еще посидит в укрытии, чтобы я могла остаться.

– Мне действительно очень жаль, что я трачу столько вашего времени. Должно быть, я отрываю вас от вашей работы... или от чего-то еще.

Таким неуклюжим способом я спросила о том, чем Бен зарабатывает себе на жизнь.

– Нет, нисколько. Вообще-то сейчас я нигде не работаю. – Он откинулся на стуле и потянулся, выглядя при этом абсолютно расслабленным и нисколько не озабоченным моим очевидным любопытством. – В это время в прошлом году я был классическим трудоголиком. У меня была своя компания, и я довольно хорошо зарабатывал, потому, вероятно, что жил и дышал работой практически двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. – Я окинула взглядом дом, в котором он теперь жил, и поняла, что слова «довольно хорошо зарабатывал» явно были скромным преуменьшением. – Когда ко мне обратился крупный конкурент с предложением купить мое дело, я поначалу сопротивлялся, но потом... ну, это было слишком хорошее предложение, чтобы от него отказаться. Поэтому я продал свою компанию, купил этот дом и решил взять небольшой отпуск, чтобы спокойно обдумать, что же я хочу делать дальше.

– Что ж, вы молодец, – сказала я, гадая, каково это – оставить старую жизнь и зажить совершенно новой. Меня это не касалось, и я недостаточно хорошо знала Бена для таких расспросов, но меня так и разбирало любопытство.

– Иногда нужно отойти от конвейера, чтобы понять, что в жизни существуют более важные вещи, чем работа, – добавил Бен, его взгляд устремился мимо меня на крупные тропические листья, покачивавшиеся в саду за окном. Интересно, думал ли он об архитекторе, который построил этот дом для любимой женщины. – То, чем я занимаюсь теперь, приносит гораздо больше удовлетворения, чем когда-либо приносило карабканье по корпоративной лестнице.

Я кивнула, словно полностью соглашаясь. Но поскольку переводчики редко достигают головокружительных высот на этой самой лестнице, это лишь показывало, как мало общего было у нас с Беном.

Словно осознав, что настал подходящий момент, Фред непринужденно вошел в кухню, безразлично помахивая хвостом и, по сути, обесценивая наши воспоминания о том, как мы пытались поймать его в течение последнего получаса.

Я отклонила предложение Бена поехать со мной в ветеринарную клинику, чувствуя, что и без того злоупотребила его гостеприимством. Фред возмущенно выл, когда его посадили в коробку и понесли в машину.

– Он долго будет так выть? – спросил Бен, его глаза искрились то ли весельем, то ли сочувствием, когда он поставил коробку на пассажирское сиденье.

– Вероятно, – сдержанно вздохнула я. – Наверное, ему кажется, что мы расстаемся. *Опять.* – Мы стояли на подъездной дорожке лицом друг к другу, как танцоры, забывшие следующую фигуру танца. – Что ж, спасибо еще раз за все, что вы для меня сделали... – Из машины донесся вопль. – Я действительно перед вами в долгу.

– Действительно ничего подобного, – возразил Бен, шагнув ко мне и легко поцеловав в

щеку.

От его лосьона после бритья у меня защекоotalo в носу и захотелось вдохнуть этот запах, как делаешь со свежескошенной травой. К счастью, я подавила этот порыв. Мы оба отступили назад, признавая тем самым, что наше знакомство наконец подошло к завершению. Но с другой стороны, я уже думала так прежде и ошибалась.

– Надеюсь, что его приключения ему не повредили, – сказал Бен, пока я садилась в машину и пристегивалась.

– Уверена, с ним все будет хорошо.

Я лишь надеялась, что то же самое верно и для Бена, потому что когда я посмотрела в зеркало заднего вида, он, возвращаясь в дом, похоже, все еще слегка прихрамывал после того падения.

– Прости, Софи, но он не может здесь оставаться.

Словно в подтверждение слов Джулии, Гэри снова оглушительно чихнул. Его жена взяла стоявшую рядом коробку салфеток и передала ему.

– Я отнесу его в кладовку, – сказала я, беря Фреда на руки.

Залп бьющих все рекорды чихов раздавался, как крик какого-то животного из джунглей, пока я уносила обидчика из комнаты. Я знала, что Гэри страдает от аллергии, но всегда думала, что скорее от сенной лихорадки и домашней пыли. Я никогда не видела его в муках настоящего приступа. Меня потрясло, что менее чем через десять минут после того, как мы переступили порог, один маленький кот сумел превратить рослого – шесть футов два дюйма – громадину-регбиста в шмыгающую носом развалину с покрасневшими глазами.

– Прошу прощения, – сказала я, вернувшись в гостиную, где Джулия и Гэри уже явно провели короткое бурное объяснение, в перерывах между чихами.

– Возможно, я удвою дозу своих последних таблеток? – храбро предложил Гэри, у него уже заслезились глаза.

Мои глаза тоже были на мокром месте, но совсем по другой причине, особенно когда твердо вступила Джулия. Она явно выбрала себе роль плохого полицейского.

– Нет. От них ты делаешься сонный, а это небезопасно за рулем. Да и не факт, что они помогут.

Она повернулась ко мне, и я поняла, что проиграла спор без единого слова.

– Я знаю, как ты любишь этого кота, Соф, но, учитывая аллергию Гэри, малышку и новорожденного в доме, Фред не может здесь оставаться.

Я кивнула, возможно, чуть резковато для абсолютно естественного поведения.

– Конечно. Я, разумеется, это понимаю. Полностью. Прости, я просто не подумала.

Я оглянулась в ту сторону, где из-за закрытой двери кладовки доносилось вызывающее тревогу царпанье. Крохотный нерв предательски дернулся рядом с правым глазом Джулии, а Гэри быстро чихнул четыре раза подряд.

– Я, наверное, не смогу придумать на эту ночь что-то другое, – извиняющимся тоном проговорила я, глядя на часы.

Шел седьмой час, и я потратила всю вторую половину дня и большую часть денег на обследование Фреда в ветеринарной клинике, а затем на покупку предметов первой необходимости в зоомагазине по пути домой. Мне просто не пришло в голову, что он не сможет остаться.

– Да, я это понимаю. Ничего. На эту ночь он может остаться в кладовке.

Конечно, это было лучше, чем в предыдущие шесть ночей, и я ни в коем случае не хотела показаться неблагодарной за все, что мои друзья для меня сделали. При всем при том к утру Джулия ожидает, что я найду решение проблемы.

– Может, ты отдашь его в кошачий питомник до возвращения из поездки твоих родителей, а потом, возможно, они возьмут его к себе? – предложила Джулия, когда я накрывала на стол к ужину и пыталась притвориться, что не слышу шумных протестов Фреда против заточения.

– Пожалуйста, не волнуйся из-за этого. Я что-нибудь придумаю, – заверила я подругу, мягко сжав ее плечо по пути на кухню за приправами. Я достала их из буфета и увидела, что Джулия с тревогой смотрит мне вслед.

– Мы можем сегодня же посмотреть в интернете и найти что-нибудь недалеко отсюда. Возможно, у них есть часы посещения, – предложила Джулия, явно чувствуя себя страшно виноватой.

Мне не хотелось разьяснять ей, что кошачий приют – это не больница и не тюрьма. И разумеется, я не хотела обращать ее внимание на то, что не могу позволить себе платить двадцать или около того фунтов в день, чтобы держать там Фреда до бесконечности, поскольку уже знала, что мои родители не смогут его взять. Начни я перечислять все преграды и возражения, я лишь показалась бы грубой и неблагодарной, а мне совсем этого не хотелось, особенно с Джулией.

– Такой спешки не было бы, если б он нашелся через неделю или две, потому что Гэри уезжает по делам в Торонто. У нас было бы больше времени, чтобы найти для него какое-то место.

В районе их спальни раздался звук, похожий на гудок океанского лайнера, пробирающегося в тумане. Мне кажется, я никогда не слышала, чтобы человек так громко сморкался. Или так часто. Джулия была права, конечно, права. Даже одна ночь станет испытанием – для всех и для нашей дружбы. Дольше тянуть нельзя.

Еще долго после того, как Гэри и Джулия ушли спать, я лежала без сна, перебирая и отвергая решения. Постепенно все звуки в кладовой стихли. Фред или сбежал – маловероятно, если только за последнюю неделю он не научился пользоваться отмычкой, – или наконец заснул от изнеможения. Я лишь жалела, что не могу сделать то же самое, но неудобный диван и еще более неудобная ситуация сделали все, чтобы в ближайшее время этого не случилось.

Я притворялась перед собой, что пришла к этому ответу осторожно и медленно, после долгого и тщательного размышления. Я притворялась перед собой, что после самого первого чиха не знала в точности, что буду делать. Я посмотрела на часы на своем телефоне. Половина двенадцатого. «Вероятно, слишком поздно звонить», – подумала я, но все равно прокрутила контакты и нажала на иконку с зеленой телефонной трубкой. Мне ответили после третьего звонка. Я не стала утруждать себя вступлением или хотя бы объяснением. В течение нескольких часов я точно знала, что скажу.

– Предложение насчет вашего цокольного этажа еще в силе?

Упаковка и распаковка вещей – самые нудные стороны переезда из дома в дом. Уберите это, и смена адреса – приятная прогулка. Став свидетелем маневров сродни армейским, которые требовались, чтобы выйти на улицу с трехлетней девочкой и младенцем, я

отказалась от предложения Джулии подвезти меня до дома Бена. Я понимала, что подруга до сих пор чувствует себя жутко виноватой, как будто это она выгоняет меня из своего дома, и никакие мои слова не могли убедить ее в обратном.

Я стояла в прихожей, дожидаясь своего такси, когда Джулия с шумом спустилась по лестнице, таща тяжелый чемодан.

– Ты едешь со мной? – пошутила я, когда она поставила большой красный чемодан на пол между нами. – Или убегаешь с бродячим цирком?

– Это не мой чемодан, это *твой*, – сказала Джулия, и ее глаза озабоченно потемнели, сделавшись вместо голубых серыми. – Я не могу вышвырнуть тебя на улицу без всякой одежды.

Обойдя чемодан, я крепко ее обняла.

– Послушай, дурочка, ты не вышвыриваешь меня на улицу. Вы с Гэри были на высоте, приютив меня, но мы все знали, что это всего лишь временно.

– Но не *настолько* временно, – запричитала у моего уха Джулия. Похоже было, что она вот-вот расплечется, а если это произойдет, заплачу и я. В последнее время много для этого не требовалось, и в отличие от нее я не могла списать все на гормоны. – Я буквально бросаю свою лучшую подругу в объятия мужчины, который хочет запереть ее у себя в полуподвале.

Я рассмеялась, и, к счастью, мгновение спустя Джулия ко мне присоединилась.

– Ладно, может быть, он *и правда* просто очень добрый, порядочный человек, у которого случайно есть все эти просторные комнаты в его большом старом доме. Но мы *по-прежнему* ничего о нем не знаем.

– Если честно, Джулис, вряд ли я много знала о *любом* из моих прежних квартирных хозяев. И я собираюсь пожить у него, только пока не найду что-нибудь постоянное; где можно держать домашних животных.

У Джулии дрогнули губы, и я немедленно пожалела о своих словах. Великолепно выбрав момент, положение спасла Лейси, выбежавшая из гостиной и с разбегу уткнувшись в материнские ноги, уцепившись за них, как обезьянка во время урагана.

Не знаю, кто выглядел более огорченным, когда звук подъехавшего такси дал понять, что мне пора ехать. Джулия открыла дверь, и резкий порыв ноябрьского ветра унес в сторону ее слова.

– Обещай, что если тебе там не понравится или ты там не приживешься, ты вернешься сюда.

– А как же Гэри?

– Мы *его* отправим в кошачий приют.

Снизу донесся легкий вскрик.

– Мама просто говорит глупости, – заверила я не на шутку перепугавшуюся Лейси.

– Возьми одежду, – напомнила Джулия, подвигая ко мне чемодан. – Это напрокат, пока ты не обзаведешься новым гардеробом. – Она сняла с вешалки пальто, которое я брала эти дни, и комом сунула его мне в руки. – И это.

Я покачала головой, но узнала категоричный блеск ее глаз. Она приняла решение. Я сунула руки в рукава.

– Но тебе же все равно у меня хорошо? – нерешительно спросила Джулия, когда я наклонилась за чемоданом.

– Разумеется.

– Тогда ланч на следующей неделе?

Такси нетерпеливо посигналило, и я подняла руку, словно делая ставку на торгах и покупая себе еще несколько секунд.

– Конечно.

Я поцеловала ее в щеку, мне вдруг очень захотелось уехать. Прощаться я никогда не умела, а всего через несколько дней я снова ее увижу.

Я села на заднее сиденье такси, поставив рядом новенькую переноску с Фредом и все еще не зная, приняла я лучшее или худшее решение в своей жизни. Только время покажет.

– Так, в холодильнике должна быть какая-то еда, – сказал Бен, – и какая-то посуда в буфете. Я попросил женщину, которая у меня убирает, закупить для вас самое необходимое.

Я открыла дверцу высокого узкого холодильника и разинула рот.

– Сколько же, по вашему мнению, я ем? – поинтересовалась я, скользя взглядом по забитым полкам и одновременно пытаюсь подсчитать, хватит ли у меня наличных, чтобы возместить ему все это. Что напомнило мне... – Мы не обсудили по телефону, сколько я буду платить за квартиру.

На мгновение Бен пришел в такое замешательство, что я спросила себя – может, он уже сказал мне, а я почему-то забыла.

– Э... мне не нужна от вас плата.

Я ощутила, как напряглись мышцы моего лица, пока я соображала, как бы выразиться, никого не оскорбляя.

– Ну, на мой взгляд, неправильно мне жить у вас, не платя за себя, – неловко проговорила я. Я чувствовала, что краснею, и внезапно черный джемпер Джулии с воротом поло показался крайне неудачным выбором.

Бен вышел из кухни, направляясь к гостиной, тоже имевшей открытую планировку. Походка у него была немного скованная, и я подумала, что каким-то образом мои слова вызвали у него раздражение.

– Я не квартирный хозяин, Софи. Я просто как друг предлагаю вам жилье.

Ни тем ни другим он на самом деле не был, но очевидно, что озвучивать подобное мнение было бы слишком неловко. Я подошла и села рядом с ним на маленький диванчик, рассчитанный на двоих, сдвинув предварительно в сторону Фреда – который уже удобно устроился как у себя дома.

– Бен, я не хочу, чтобы вы неправильно меня поняли, но если вы не захотите принять какие-то деньги в счет квартирной платы и основных удобств, я действительно считаю, что не смогу здесь оставаться. Это будет просто неправильно.

Он покачал головой, как будто из всех неожиданных бредовых разговоров, которые он когда-либо с кем-либо вел, этот получился самым нелепым.

– Я действительно не думал, что это станет камнем преткновения, – по-прежнему смущенно сказал он.

Я сделала глубокий вдох и, пока говорила, смотрела на свои колени.

– Что ж, боюсь, станет. Я хочу, чтобы все было... понимаете, честно.

Я подняла взгляд и увидела на лице Бена недоумение, смешанное с изумлением.

– А нам грозило *бесчестие*?

Я окончательно залилась краской, когда догадалась, что он меня дразнит. По крайней мере я надеялась, что так, поскольку на мгновение все это показалось каким-то кокетством.

– Грозило, – твердо заявила я, всем своим тоном показывая, в каких отношениях мы

находимся.

– Ну, ладно тогда, – вздохнул Бен. Он помолчал, как будто производил вычисления на калькуляторе, прежде чем сообщить мне окончательную цифру. – Как насчет этого?

Я негромко ахнула. Я попросила его назначить плату, а не ограбить меня подчистую.

– За неделю? – несолидно проскрипела я.

Бен с серьезным видом приподнял брови.

– За месяц, – поправил он.

– Так не пойдет, – покачала я головой.

– Слишком много?

– Нет. Даже близко недостаточно много.

– Неудивительно, что люди не любят брать жильцов, – заметил Бен, рассеянно потирая подбородок. Я услышала слабое царапанье темной щетины о ладонь и подчеркнуто отвела взгляд. – Ничего, кроме раздражения, это, очевидно, не приносит.

В итоге нам удалось сойтись на сумме, которую он по-прежнему считал слишком высокой, тогда как я прекрасно понимала: это всего лишь половина того, что мне следовало бы ему платить. Мое пребывание под его крышей начиналось странным и любопытным образом.

Это явно была вечеринка. Ну, может, и не вечеринка как таковая... но это, безусловно, было некое собрание. И у Бена не было никаких причин приглашать или включать меня в то, что происходило наверху в главном доме. Учитывая, чем все закончилось, когда меня в последний раз пригласили на вечеринку соседи, вероятно, и к лучшему, что он этого не сделал. Бен и без того уже проявил более чем достаточно великодушия, предоставив мне жилье. За обеспечение меня еще и светской жизнью он, естественно, не отвечал.

Однако при каждом звонке в дверь, с каждым подъехавшим автомобилем, из которого на подъездную дорожку высаживались пассажиры, я все больше чувствовала себя этакой Золушкой из пригорода, без поручений по хозяйству, разумеется, потому что моя новая квартира была безупречно чистой и опрятной.

Я сидела на диванчике, Фред спал у меня на коленях, и всякий раз, когда прибывал новый гость, я боролась с желанием посмотреть. Хотя хорошо разглядеть вновь прибывающих я, конечно, не могла. В глубине квартиры имелись французские окна от пола до потолка, пропускавшие много света из идущего уступами сада. Но в окно в передней части квартиры я видела только частично заслоненную подъездную дорожку. Это означало, что я видела только ноги гостей, или, точнее, их ноги ниже колен. Игра по мысленному заполнению недостающих фрагментов картины была гораздо занимательнее, чем, вероятно, следовало.

Телевизионные программы раннего вечера не привлекали моего внимания, но собирающиеся гости Бена с лихвой это компенсировали. Гости шли непрерывной чередой, большинство подходило к двери по одному. Они казались пестрой компанией, обоюбого пола и разного возраста. Мужчина в кожаных брюках-трубах и с тощими ногами должен был быть молодым, а вот обладатель серых фланелевых брюк с отворотами шел нетвердой походкой старика. Одна из гостей прошествовала в ярко-розовых гаремных шароварах и атласных туфлях, похоже, настоящих арабских, другая же продемонстрировала черные колготки, слегка собравшиеся на отекавших старческих лодыжках, и прошаркала мимо моего невидимого наблюдательного пункта, тяжело опираясь на трость. Одна из приглашенных проковыляла

мимо моего окна в красных туфлях на высоких каблуках, другой же надел практичные башмаки и брюки, всего на дюйм или около того ему коротковатые.

Меня это никоим образом не касается, сказала я себе, нарочно прибавляя громкость звука в телевизоре, чтобы заглушить гул болтовни, доносившейся сквозь потолок.

Бен очень скоро показал мне квартиру. Она представляла собой, по сути, одно большое жилое пространство с пристроенной кухней, удобной двуспальной кроватью и светлой современной ванной комнатой. В квартиру вел отдельный вход, сбоку от главного, и попасть к нему можно было, спустившись по короткой каменной лестнице. Но внутри оба владения соединялись. Бен стоял у закрытой двери, изучая мое встревоженное лицо.

– Она ведет наверх, в главный дом, но я только что понял, что она без замка. Это проблема?

– Да нет, – ответила я.

Да, я бы сказала, что да! – вскричала у меня в голове Джулия.

– Давайте я приглашу слесаря, он придет на следующей неделе и поставит замок, – предложил Бен.

– Хорошо. Это было бы славно, – ответила я.

Какие проблемы с поиском работающего круглосуточно слесаря, чтобы уладить этот вопрос сегодня же? – спросила моя внутренняя Джулия.

Я улыбнулась, не разжимая губ, на тот случай, если тревоги моей подруги выскользнут из меня этим путем.

После ухода Бена я потратила немного времени, бродя по удобно обставленной квартире, открывая шкафы и двери и в целом знакомясь с тем, где что лежит. Я поймала себя на том, что мой взгляд постоянно возвращается к двери, которая соединяла жилье в цоколе с местом обитания моего нового случайного квартирного хозяина. В итоге, совсем не намереваясь это делать, я оказалась перед обшитой панелями дверью и стояла, сжимая латунную дверную ручку. По другую сторону двери Бен показал мне деревянную винтовую лестницу, извилистый подъем которой заканчивался второй дверью, ведущей в его кухню. Когда в цоколе поселили помощницу с проживанием, такая связь между владениями была необходима. Теперь же приличия требовали, чтобы два дома были разделены, как будто двое разумных взрослых не могли доверять друг другу и не пересекать границу без того, чтобы не нарваться на неприятности.

Собранный для меня чемодан Джулия набила с энтузиазмом отпускника, который летит с багажом без ограничений веса. Здесь было достаточно одежды, чтобы отодвинуть ее покупку в конец списка необходимых дел. Странно было видеть столько незнакомых вещей в своем шкафу. Тем не менее они заполнили лишь половину свободного пространства, хотя Джулия была более чем щедра. Она явно вообразила для меня совершенно иную жизнь, чем та, которую, она прекрасно это знала, я вела. Я нашла наряды, которые мне никогда не представится случая надеть. Мой обычный рабочий гардероб состоял из джинсов и джемперов, а не то – когда мне просто было лень, – я могла целый день провести у письменного стола в пижаме. Я старательно напоминала себе не делать этого слишком часто, поскольку даже я понимала, что это первый шаг на скользком пути. Чтобы обуздать свои склонности к затворничеству, я заставляла себя выходить из квартиры хотя бы один раз в день, даже если всего лишь за пакетом молока.

Замечание моей матери насчет моего немного отшельнического образа жизни по-

прежнему уязвляло меня, хотя я прекрасно знала, что продиктовано оно было заботой, а не злобой. Иногда я подумывала, не сочинить ли мне для родителей целую иллюзорную жизнь и пересказывать, просто чтобы они не волновались. Я могла бы поведать им о потрясающем свидании вслепую, которое вылилось в новые отношения. Могла рассказывать о романтических ужинах в уютных рестораниках, о посещении театра и об отдыхе на выходных в бутик-отелях. Я могла изобрести совершенно другую жизнь для совершенно другой Софи. Но в итоге поддерживать такую фантазию казалось почти так же утомительно, как жить в реальности... поэтому я говорила родителям правду и пыталась не обращать внимания на озабоченность, которую слышала в их голосах во время наших еженедельных разговоров по телефону.

Гул голосов над головой стал громче, когда я переместилась в кухню, где разбила в миску яйца и принялась резать овощи для ужина с омлетом по-испански. Немного фальшивя, я напевала какой-то мотив, словно демонстрируя неизвестно для кого, насколько мало меня беспокоит, что в свой первый вечер в чужом месте я совершенно одна, прямо под ногами у участников вечеринки. «Возможно, это вовсе и не вечеринка», – подумала я. Вероятно, это какое-то скучное мероприятие, которое, по мнению Бена, я посетить не захочу. (Хотя как он мог знать подобные вещи, я понятия не имела.) Он просто избавлял меня от вечера, в ходе которого мне пришлось бы вести светские беседы с незнакомыми людьми, думала я, так энергично взбивая яйца, что маленькие желтые пятна усеяли блестящую столешницу. Не пригласив меня, он оказал мне услугу, думала я, кивая шипящей сковородке, как будто жарившиеся там овощи могли поспорить со мной на сей счет.

За исключением того, что вечеринка отнюдь не казалась скучной, вынуждена была признать я. Похоже, там веселились вовсю. Я слышала слабые звуки музыки и смех, много смеха. Я наклонила голову набок, как пес, настраивающийся на частоту, которую его владелец не совсем улавливает. Ткнув пальцем в телевизионный пульт, я убрала звук и стала ждать. Не прошло много времени, прежде чем он грянул снова. У меня хороший слух – он нужен, когда ты занимаешься лингвистикой, – и смех этот был чрезвычайно узнаваемый. Я вдруг совершенно точно поняла, кто прошептал в тех гаремных шароварах. Они были очень даже в духе Карлы. Не знаю, по какой причине Бен исключил меня из сегодняшнего собрания, но уж явно не из-за переживаний, что я никого не знаю.

– В стиле Бриджит Джонс или жутко неудобные «танга»? – спросила Джулия, ставя коляску Ноя прямо перед большой стойкой с женским бельем в популярном магазине на главной улице.

– Что-то среднее, – сказала я, снимая со стойки упаковку трусов. После секундного колебания я бросила в корзину вторую.

Джулия разглядывала упаковки на дне проволочной корзины с таким видом, будто хотела швырнуть их обратно туда, откуда они появились.

– Они не такие уж сексуальные.

– Они и не должны быть такими, – возразила я, уводя ее от стойки, пока она не решила добавить несколько воздушных кружевных предметов дамского туалета. – Никто, кроме меня, их не увидит.

Ной предупредительно захныкал, и Джулия автоматически двинула коляску взад-вперед по плиточному полу. Наклонившись, она плотнее подоткнула одеяльце вокруг своего извивающегося сына, потом сокрушенно посмотрела на меня.

– Я даю нам пять минут на то, чтобы убраться отсюда, пока он не заорет во все горло.

На самом деле мы получили всего три до того, как Ной выразил – очень громко – свое истинное отношение к походам по магазинам.

Забившись в дальнюю кабинку соседнего кафе, где в стороне от чужих глаз Джулия могла покормить Ноя, мы наконец обрели возможность нормально поговорить. Наверное, хождение по магазинам с младенцем было несколько самонадеянным предприятием, но белье было не единственным жизненно важным предметом, который мне срочно требовалось купить. По электронной почте я получила несколько напоминаний из своего агентства, что по двум рукописям приближается срок сдачи, а без замены утраченного ноутбука я с трудом справлюсь со своими обязательствами. Агентство сочувствовало моим обстоятельствам... но дело есть дело, в конце концов.

Поэтому этим утром я использовала значительную часть банковского кредита на покупку нового ноутбука и принтера, но, к моей досаде, доставить их могли только на следующей неделе.

– Приходи и пользуйся нашими, – предложила Джулия, поднимая гораздо более довольного Ноя к плечу и ритмично поглаживая его по спине. Он шумно рыгнул, а потом оглянувшись на этот звук с таким удивлением, что трудно было не засмеяться.

– Да нет, не нужно, – заверила я подругу, зная, что нигде в ее доме нет достаточно тихого места, чтобы нормально поработать, и я не хотела обижать ее, так об этом и сказав.

– Но тебе же нужны для работы тишина и покой, – сказала за меня Джулия и мимолетно мне улыбнулась. – Не забывай, я не один год жила рядом с тобой. Я тебя знаю.

– Я всегда могу поработать в библиотеке, пока не привезут мой ноут.

Мы обе посмотрели на юную официантку в зеленой униформе, которая принесла для нас обеих кофе, а также один громадный маффин с тройным шоколадом, в который Джулия, не теряя времени, вонзила зубы. И в экстазе закатила глаза.

– Боже, как же я люблю кормить грудью. Я бы могла делать это, пока ему не исполнится десять.

Я чуть не подавилась капучино.

– Фу. Прошу, не надо.

– Ты уверена, что не хочешь? – предложила она, великодушно подвигая маффин ко мне.

– Нет, спасибо. Я хочу, чтобы твоя одежда по-прежнему на меня налезала.

Джулия прожевала кусок маффина более тщательно, чем он того требовал, потом задумчиво проглотила.

– Ты все еще об этом не волнуешься, да? О весе? Я имею в виду, я знаю, что ты не очень любишь об этом говорить...

Она и сама казалась смущенной, словно сожалела, подняв одну из немногочисленных больших тем, которые мы обычно обходили. Лишь немногие до сих пор помнили ту тихую, копающуюся в себе девушку, которая приехала в университет с чемоданом, рюкзаком и большим избыточным весом, не прибавлявшим ей здоровья.

Находившаяся рядом Джулия стала свидетелем постепенного избавления от многих проблем, так долго придавливавших меня к земле. Вес был одной из них. Учеба в университете меняет людей во многих отношениях. Для меня она была больше чем просто образовательный процесс; она была очищением. Но разумеется, это было не чудесное исцеление. На моих крыльях по-прежнему налипало достаточно грязи, мешавшей взлететь. Вероятно, она будет всегда.

Неразобранные пакеты с покупками так и лежали на журнальном столике, где я их оставила. Недопитый чай все еще ждал в кухне, а незаконченные переводы все еще плавали в эфире, или в виртуальном облаке, или где там живут документы, не сохраненные на компьютере. Мне нужно было сделать много дел; разглядывание экзотического тропического сада за окном к их числу не относилось.

Сад обладал силой притягивать и манить меня, как прибой, каждый раз, когда я проходила мимо кухонного окна. Он был интригующим, таинственным и не давал покоя – еще больше оттого, что я знала историю создавшей его женщины. Он казался живым и никогда не был статичным; все в нем постоянно двигалось и покачивалось, словно невидимые ду́хи бесшумно плутали в густой листве. Именно это сейчас и происходило, осознала я, наблюдая, как две толстоствольные пальмы качаются и кланяются на ветру. Только вот ветра сегодня *не* было. Было холодно и сыро, ни один другой месяц лучше ноября не знает, как этого достигнуть, но было также совершенно тихо.

Я так долго стояла, затаив дыхание, что когда наконец выдохнула, большой участок сада исчез за пятном пара на стекле. Оно все еще медленно исчезало, когда я увидела пару ног в тяжелых ботинках, исчезающую в густом укрытии подлеска. В тот момент я могла бы сделать много всего. Всего того, что *не* заставило бы меня морщиться от стыда всякий раз, когда я потом неоднократно прокручивала в голове случившееся. Разумнее всего было бы позвонить Бену на мобильный. Судя по пустой подъездной дорожке, дома его не было, но я все равно могла с ним связаться. Или задернуть шторы, сказать себе, что это меня не касается, и отойти от окна. Или, если я искренне была уверена, что это злоумышленник, мне следовало позвонить в полицию. Любой из этих вариантов стал бы разумным выбором. Выхватить из кухонного ящика скалку, отпереть стеклянное окно-дверь и отважиться шагнуть в сад с импровизированной дубинкой в руке к такому выбору явно не относилось.

– Простите. Могу я вам помочь? – осмелилась я обратиться к большим зарослям, где в последний раз видела неизвестного незваного гостя.

Куст внезапно ожил, как будто что-то или кто-то собрался обратиться в бегство. Мое сердце застучало быстрее, и я крепче ухватила скалку обеими руками, когда подлесок раздвинулся и показался молодой человек. Одет он был неряшливо, выцветшие джинсы сидели так низко на его костлявых бедрах, что я прочла название бренда его трусов-боксеров. В его опущенной руке посверкивало что-то длинное и блестящее, и я вдруг поняла, какое глупое безрассудство я проявила, покинув свою безопасную кухню.

– Что-то печете? – осведомился молодой человек, кивая на скалку, которой я помахиwała, как пещерный человек.

– Вам можно здесь находиться? – спросила я, стараясь, чтобы в голосе не звучал испуг, хотя, думаю, по дрожанию моего голоса оба мы могли понять, что так это и есть.

– А вам? – бросил он мне ответный вызов.

– Я здесь живу. Поэтому, думаю, имею право спросить, кто...

– Том! Вот ты где! – послышался знакомый голос из возвышенного участка сада надо мной. – Прости, я опоздал.

Я посмотрела на свои ботинки, желая, чтобы земля под ногами разверзлась и поглотила меня. Но она, конечно, ничего такого не сделала.

Появившийся Бен комично приподнял брови, когда увидел меня размахивающей кухонным оружием. Улыбка, адресованная юноше, сказала все, что мне требовалось знать:

был только один человек, не имевший права находиться тогда в саду. Я.

– Простите. Я знаю, что мне не следовало смеяться, – сказал Бен, подвигая жестянку с печеньем к молодому человеку, но не сводя глаз с меня.

– Нет, продолжайте. Я это заслужила, – ответила я, наклонив голову и тут же вспомнив, что больше у меня нет моих старых и надежных длинных локонов, за которыми можно спрятаться.

– Я только не знаю, как вы собирались применить эту скалку, – сказал Том, целиком отправляя в рот шоколадное печенье, не подавившись. В одном документальном фильме о дикой природе я видела, как нечто подобное проделывала змея. – Я, правда, не представлял, собирается она тюкнуть меня по голове или быстренько настрять сконов. – Я улыбнулась, хотя и слабо. Сразу такую вину не загладишь. – Вы явно были вооружены и опасны, – согласился юный друг Бена, кивая на деревянную скалку, которая лежала теперь на столе в столовой Бена, как вещественное доказательство в зале суда.

– То же самое я подумала про вас, – защитилась я, глядя сквозь стеклянную стену на косу, которую Том прислонил к дереву.

Как будто поняв, что добродушное подшучивание заканчивается, Бен переключил внимание на молодого человека.

– Тебе удалось проверить деревья, о которых я говорил? Что ты думаешь?

– Как я тебе и говорил тем вечером, если ты как следует их не обрежешь, к весне тут будет непроходимая чаща.

Мужчины обменялись необычным взглядом, значение которого осталось для меня непонятным.

– Значит, вы садовник, Том, – сказала я, будто до меня последней дошло решение до неприличия легкого теста.

Я увидела, как Том мельком вопросительно глянул на Бена, а потом ответил:

– Да, садовник. Или, скорее, был им. Надеюсь скоро к этому вернуться... но вы же знаете, как это бывает.

Я с умным видом кивнула, хотя не имела никакого понятия, о чем он говорит.

– Ты давай подумай и дай мне знать, какую работу выполнить, когда мы встретимся в следующий раз, – предложил Том, вставая.

Бен тоже встал и молча подал Тому стоявший у стены костыль, который я почему-то даже не заметила. Молодого человека выдала походка, пока он шел по комнате; одна нога двигалась иначе и немного неуверенно. Том вдел руку в манжету костыля, а другую протянул мне.

– Что ж, было очень приятно познакомиться с вами, Софи. Надеюсь, никаких обид из-за этого недоразумения?

Я пожалала ему руку, признавая, что он воспитан гораздо лучше меня.

– Мне действительно очень жаль...

Он прервал меня.

– Эй, не переживайте из-за этого. Никто не пострадал, так что все в порядке.

За исключением того, что это не совсем так, думала я, наблюдая, как Бен провожает его до двери. Очевидно, что пострадавшие есть и не все в порядке, раз такой молодой человек, как Том, потерял ногу.

Проводив Тома, Бен вернулся и, проходя мимо моего стула, легко сжал мое плечо.

Заметил он выражение моего лица, когда я увидела инвалидность Тома? Или мне успешно удалось замаскировать свое потрясение? Я надеялась на это, потому что не имела никакого желания объяснять Бену свою реакцию.

– С вами все хорошо? – легко спросил Бен.

– Просто я ужасно себя чувствую... вот так обвинив его.

Бен усмехнулся.

– На сей счет я бы не стал беспокоиться. Том не одну неделю будет рассказывать эту историю в пабах. И с вашей стороны это была *вполне* понятная ошибка. Мне следовало предупредить вас, что в саду будет кто-то гулять. Вы могли ходить раздетой... или что-то в этом роде.

– Это могло смутить, но не вызвать такую воинственную реакцию.

Бен так расхохотался, что из глаз у него потекли слезы. Этот момент показался мне подходящим, чтобы уйти.

– Спасибо за чай, но мне действительно пора. – Я встала, собрав наши три кружки. – Вы случайно не знаете, здесь нет поблизости библиотеки с компьютерами и доступом в интернет?

Бен нахмурил лоб.

– Не знаю. Если вам нужен компьютер, тогда не стесняйтесь, воспользуйтесь моим. Я все равно скоро уйду.

Мы оба посмотрели на письменный стол Бена и рабочее место в дальнем конце комнаты, где в ночь пожара я печатала объявления. Казалось, прошло гораздо больше времени, чем всего пара недель.

– Вы уверены?

Уже на пути к столу Бен глянул на меня через плечо.

– Это действительно не проблема. Сегодня днем я везу друга в аэропорт, поэтому дом в вашем распоряжении.

– Значит, ты собираешься немного... э... осмотреться, пока его не будет?

Джулия тщательно подбирала слова, но не смогла меня провести.

– Пошпионить, ты имеешь в виду? Нет, моя подозрительная и, откровенно говоря, морально разложившаяся подруга, не собираюсь. – Я постаралась, чтобы в моем голосе прозвучало достаточно ужаса в отношении ее предложения, а не заинтересованность. – Это было бы полным злоупотреблением доверия Бена.

Я услышала разочарованный вздох на том конце провода.

– Я говорю так только потому, что ты живешь в непосредственной близости от человека, про которого ничего не знаешь.

– Ну, последняя группа людей, в непосредственной близости от которой я жила, спалила наш общий дом. Сомневаюсь, что Бен опаснее их.

Джулия в ответ хмыкнула, по-прежнему явно склоняясь к полному осмотру дома Бена в духе детектива Нэнси Дрю.

– Просто мне кажется, пока что он не все тебе о себе рассказал... что-то немного не сходится. И от интернета никакого толку.

– Ты что, его гуглила?

– Возможно.

Я покачала головой, зная, что стоило бы затребовать у нее информацию, но понимая,

что с ее стороны это не было праздным любопытством. Джулия просто пыталась защитить меня, как она обычно это делала.

– И?..

– И ничего. Я нашла только то, что ты уже мне сказала. У него была успешная компания, которую выкупила большая корпорация... и все такое прочее. О, но я *таки* нашла в сети несколько его фото с корпоративных мероприятий – с потрясающей рыжей девицей под ручку. Думаю, они были помолвлены, а возможно, жили вместе, но больше ничего об этом я не нашла.

Я обвела взглядом комнату, уже зная, что личных фотографий на виду не было. Особенно роскошной рыжеволосой подруги; я бы заметила.

– По-видимому, она теперь с другим, – добавила Джулия, и при этих словах без всякой причины меня охватило необъяснимое чувство облегчения. В глубине души я хотела спросить Джулию о подробностях, но у меня хватило ума этого не делать.

– Что ж, мисс Марпл, сколь бы захватывающим это ни было, мне правда пора. Одной из нас нужно заняться настоящей работой, знаешь ли.

– Это и *есть* работа, – поправила Джулия. Фоном я услышала тихое воркование и представила Ноя у нее на руках, размякшего и еще не до конца проснувшегося после дневного сна. – Присматривать за тобой – моя *работа*.

– Нет, милая, – ответила я. – Твоя работа – быть моей подругой.

– Это одно и то же.

В тот день я добилась гораздо большего, чем ожидала, несмотря на два очень разных отвлекающих момента. Первым был Фред, который наслаждался свободой открытой двери между домом и квартирой в полуподвале, нарезая бесконечные круги по обоим помещениям, останавливаясь только для того, чтобы обвиться вокруг моих лодыжек, пока я работала за письменным столом Бена. Второй отвлекающий момент был неподвижным, но столь же интригующим, лежал он на углу дубового письменного стола Бена.

Обнаружился он, когда Бен в очередной раз подготавливал для моей работы компьютер. Когда экран ожил, демонстрируя знакомый логотип, Бен откатил от стола стул и издал негромкое восклицание. На черном кожаном сиденье лежала красивая разноцветная пашмина, от ее ярких складок рябило в глазах.

– А, вот она. В тот вечер где мы ее только не искали.

Я протянула руку и взяла шелковый шарф. Яркая цветная ткань с золотой нитью. Я бы угадала, кому она принадлежит, даже если бы не уловила запах духов, который помнила с того момента, когда эта женщина стояла у меня за спиной, приводя в порядок мои волосы.

– Карла подумала, что кто-то, наверное, взял ее по ошибке, но это не такая вещь, которую легко потерять.

Я с улыбкой провела пальцами по мягкой шелковой ткани накидки.

– Она оставила ее здесь недавно вечером?

Получилось скорее утверждение, нежели вопрос. Не знаю почему, но мои слова заставили Бена смущенно переступить с ноги на ногу.

– Да. Я пригласил нескольких друзей...

По какой-то причине – и я просто представить не могла, что же это за причина такая, – Бен испытывал неловкость в связи с этой вечеринкой. Возможно, задним числом он сожалел, что не пригласил меня.

Я встряхнула шарфом, как флагом, и принялась тщательно складывать его, превращая в маленький аккуратный квадрат.

– Она будет рада получить его назад. По-моему, она купила его во время недавнего путешествия, – сказал Бен.

Странно, он с бóльшим удовольствием говорил о женских аксессуарах, чем о списке гостей.

Всякий раз во время паузы в работе я ловила себя на том, что возвращаюсь взглядом к маленькому квадрату сложенной ткани. Утомившийся в конце концов от обхода владений Фред неоднократно пытался устроиться на нем подремать, пока я не прогнала его. Боясь, как бы кот не попортил нежную ткань когтями, на время работы я ради безопасности убрала пашмину в свою большую сумку-торбу на молнии.

Ближе к вечеру я наконец-то закончила наиболее срочную часть перевода. Пока страницы печатались, а я подкалывала их к договору, который требовалось подписать и немедленно отослать, я посмотрела на часы. Из-за сгущавшихся сумерек небо уже становилось дымчато-серым, но если я потороплюсь, еще успею на почту.

Я порадовалась, что не слишком сопротивлялась подарку Джулии, потому что ее пальто очень мне пригодилось, когда я, наклонив голову, шла против ветра к автобусной остановке. Крохотные белые точки, как сахарная пудра, усеяли темную ткань. Прогноз погоды предупреждал о мокром снеге или возможных снегопадах, и похоже было, что для разнообразия на сей раз они не ошиблись.

Мне пришлось пробежаться, чтобы не упустить автобус, который как раз отъезжал от тротуара у меня на глазах. Я благодарно улыбнулась водителю, который увидел меня в зеркало и подождал. У окна оказалось свободное место, и я, заняв его, расчистила рукой в перчатке маленький участок на запотевшем стекле. Вывеску я заметила только потому, что, как заблудившийся турист, ловила названия улиц, мелькавших за окном автобуса. Разумеется, трудно было пропустить яркую вязь таблички, даже на скорости, но я заметила ее лишь мельком, поэтому не была уверена до конца. Только когда автобус остановился у светофора в паре сотен метров дальше по улице и я увидела пекарню, где Бен купил еще теплую выпечку, я сообразила, где мы находимся. Я не верю в совпадения или знамения, но явно странно было, что почтовое отделение, взятое мною наугад из длинного списка, находилось практически по соседству с салоном Карлы.

Пожалуй, нельзя было выбрать худшего времени дня, чтобы встать в очередь к стойке. Казалось, все стоявшие передо мной отсылали охапки посылок или стопки открыток и писем. Наконец, усталая работница пригласила меня к окошечку. Я полезла в сумку за кошельком, погребенным под обычной россыпью разных мелочей, и наткнулась вместо него на что-то мягкое и незнакомое. Я осторожно потянула ткань, и женщина за стойкой перестала отклеивать с листа марки, наблюдая, как я, словно фокусник, демонстрирующий некий трюк, вытащила из сумки полосу цветной материи. Я поспешно затолкала ее назад в сумку и нашла кошелек.

На мгновение я почувствовала себя жутко виноватой, словно меня поймали на магазинной краже. Я убрала пашмину Карлы к себе в сумку, чтобы уберечь ее, а не украсть, и напрочь забыла, что она там лежит. И теперь я здесь, всего в нескольких минутах ходьбы от ее жилья. Для человека, который отказывается верить в знамения, становилось трудно игнорировать накопившиеся совпадения.

Я опустила конверты с наклеенными марками в почтовый ящик и помедлила, стоя на

тротуаре, который быстро исчезал под мягким пушистым покрывалом белых хлопьев. Кратковременный снегопад стал мини-метелью, и, несомненно, разумно было бы направиться к крытой автобусной остановке и попасть домой, пока погода не ухудшилась. И тем не менее... я подняла воротник пальто и пошла назад по главной улице сквозь колючие льдистые снежинки.

– Господи боже, Софи, это вы здесь?

Я тряхнула головой, и на мои плечи посыпался белый душ, как самый страшный в мире случай перхоти. Карла собиралась закрывать свое заведение, и если бы я подошла минутой позже, наверняка не застала бы ее. Свет в салоне был уже выключен, а персонал со всей очевидностью закончил свой рабочий день. Только огонек, светившийся в кабинете в глубине помещения, заставил меня постучать в дверь.

Карла уговорила меня войти, невзирая на мои причитания насчет стекающей воды и луж, и плотно закрыла дверь, отрезая метель, которая как будто была не против войти и присоединиться к нам. Карла расстегнула пуговицы на моем пальто и стянула его с меня, прежде чем я успела сказать, что не собираюсь оставаться.

– Глупости, – заявила она, вешая влажное пальто посушиться перед батареей. – Вы по крайней мере заслуживаете чашку чая за то, что не испугались этой жуткой погоды. Пойдемте вверх, в квартиру, где можно нормально посидеть.

Она схватила теплое полотенце из стопки и подала мне, а потом исчезла в узком проходе в задней части салона. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

Если я считала, что у Карлы яркий гардероб, он был ничто по сравнению с отделкой ее квартиры. В декоративных тканях были представлены все цвета, независимо от того, гармонируют они или нет с соседними. Если бы когда-нибудь на фабрике красок произошел взрыв, конечный результат, вероятно, во многом походил бы на квартиру Карлы. Ей бы быть раздражающей и безвкусной, но в действительности она была невероятно теплой, яркой и гостеприимной. Совсем как женщина, которая ее создала.

– Ну что, сделать вам укладку? – спросила Карла, протягивая руки, чтобы принять полотенце, которым я энергично вытирала насквозь промокшие волосы. Я улыбнулась ей, потому что в ее компании трудно было делать что-нибудь еще, *кроме как* улыбаться. Карла была схожа с солнечным светом, воплощенным в маленькой, слегка полноватой фигурке ростом пять футов два дюйма.

– Нет. Категорически «нет» – вы на сегодня уже закончили. Вообще-то у меня уже вполне сносно получается укладывать их самой. Я получила несколько комплиментов, – добавила я, немного преувеличивая, потому что Карла относилась к тем людям, кого просто хотелось порадовать.

Карла удовлетворенно улыбнулась.

– Ну, разумеется, получается, милая. Но комплименты были вашей внешности... не моей стрижке.

Я покраснела, поскольку всегда смущалась от лести в свой адрес, даже такой искусной.

– Так, я только поставлю чайник, а потом вы расскажете мне, что же вынудило вас выйти на улицу в такую ужасную погоду.

Она исчезла в аккуратном кухонном уголке с ярко-оранжевой мебелью, цвет которой заставил бы меня надеть темные очки – до первой чашки кофе утром.

– Соорудить вам что-нибудь поесть? А может, останетесь на ужин?

Я покачала головой, и без ужина я чувствовала себя виноватой, что явилась без

приглашения.

– Нет, но спасибо за предложение. Я скоро пойду, пока не начало заносить дороги.

Карла кивнула и посмотрела в окно гостиной. Ветер бросал в стекло снег, отчего создавалось впечатление, будто мы сидим у руля космического корабля, летящего сквозь усеянный звездами Млечный Путь. Мне показалось, что в глазах Карлы мелькнуло разочарование, но когда она снова повернулась ко мне, то снова ослепительно улыбалась. Тогда мне впервые пришло в голову, что под колоритным фасадом и хорошим настроением Карла, быть может, скрывает одиночество.

Пока она готовила чай, я подошла к полочке с эклектичной и интригующей коллекцией разных вещей. Здесь, прислоненные к стене позади ярко раскрашенного бумеранга аборигенов, стояли две красивые, отделанные драгоценными камнями венецианские маски. Чуть дальше в ряду стояла грубой резьбы фигурка африканского слона, а рядом пристроилась фоторамка с надписью «*Что случается в Вегасе...*».

Карла появилась и подала мне дымящуюся кружку.

– А вы посетили действительно интересные места, – заметила я, кивая в сторону впечатляющего собрания сувениров.

Взгляд Карлы потеплел, когда она посмотрела на памятные предметы.

– Честно говоря, я пока что побывала только в Лас-Вегасе. Остальные все еще числятся в моем списке желаемого. Я купила эти сувениры скорее для того, чтобы они напоминали мне о местах, куда я все еще хочу поехать, а не о тех, которые уже посетила. – Она самокритично усмехнулась. – В наши дни через интернет можно купить что угодно.

Я сделала большой глоток чая, хотя он был чересчур горячим, чтобы так быстро его проглотить. Что-то в признании Карлы до странности опечалило меня. Покупка напоминаний о местах, где ты никогда не бывал, показалась до боли трогательной. Чтобы стряхнуть внезапно нахлынувшее мрачное настроение, я поставила кружку и взяла свою сумку.

– Вообще-то я свалилась вам на голову без предупреждения, чтобы вернуть вот это.

Я вытащила из торбы пашмину и протянула Карле.

– О, вот спасибо, Софи. Вы нашли мой платок.

– Ну, на самом деле Бен нашел, – призналась я.

– Что ж, а *вы* бросили вызов арктическим погодным условиям, чтобы вернуть его мне, – с теплотой проговорила Карла. – Какая же вы милая. Бен был совершенно прав на ваш счет.

«Проклятый румянец», – подумала я, чувствуя, как он уже заливает мои щеки, словно мини-пожар.

– А что? Что он обо мне сказал? – спросила я, удивляясь своему сдавленному хриплому голосу.

Карла подняла пухлые плечи так высоко, что ее длинные висячие серьги звякнули, как ветряные колокольчики.

– Только то, что вы очень милая, – сказала она, чуть поблескивая от удовольствия глазами.

Мне тогда подумалось, что, наверное, Карла не против выступить в роли свахи, если есть такая возможность. Я все еще обдумывала, нравится мне эта идея или нет, когда Карла вдруг поднялась.

– Прошу прощения, я отлучусь на минутку, милая. Просто хочу немного облегчить голову. Садитесь. Чувствуйте себя как дома, – проговорила она.

Вынимая из своих ярко-рыжих волос невидимки, Карла пошла из комнаты. Я последовала за ней, отнюдь не из желания подглядеть. Просто по пути из гостиной в спальню Карла продолжала говорить, и трудно было расслышать ее слова.

– Конечно, сегодня Бен везет Фрэнклина в аэропорт. Он вовремя выехал? О, как же я надеюсь, что на сей раз он таки сядет в этот проклятый самолет.

Мне показалось невежливым кричать в ответ, поэтому я прошла чуть ближе к двери в спальню. Я не видела Карлу, только ее отражение в трельяже туалетного столика – она вынула из волос еще несколько невидимок и сняла ярко-рыжий парик. Под ним обнаружилась совершенно лысая голова, и я попятилась, запинаясь и переживая, не посчитает ли это Карла вторжением в несомненно интимный момент.

Я тихонько прокралась назад в гостиную, плюхнулась в ярко-красное кресло с фиолетовыми подушками и взяла лежавший поблизости парикмахерский журнал. Карла появилась минутой или две спустя, ее голова была обмотана очередным шарфом с ярким узором. Я прикусила губу, прикидывая, должна ли я что-то сказать по поводу только что увиденного или полностью проигнорировать заметное изменение во внешности Карлы.

Карла непринужденно облегчила мой выбор.

– От парика ужасно голова чешется. Но что поделаешь... люди не захотят ходить к безволосому парикмахеру.

Она улыбнулась мне, и я поняла, что она видела меня в зеркале, как я видела ее. Наклонившись, она ненавязчиво перевернула журнал с прическами в моих руках, который я, оказывается, держала вверх ногами.

В тот момент я точно поняла, почему Бен так к ней относился. Карлу было очень легко любить.

Дом стоял темный, когда такси доставило меня назад. Подъездная дорожка без следов от ног или автомобильных шин была укрыта толстым белым одеялом, слишком красивым и идеальным, чтобы по нему идти. Снег намел миниатюрные сугробы на каждом подоконнике, придавая им вид рождественской открытки в духе Диккенса. Хотя Карла хотела отвезти меня домой, я проявила твердость и настояла на такси. Метель по-прежнему не проявляла признаков утомления, и я предпочитала представлять Карлу в безопасности и тепле ее квартиры, когда мы расставались, а не бросающей вызов скользкой дороге, сидя ради меня за рулем автомобиля.

Из-за погоды поездка заняла в три раза больше времени, чем в обычных условиях. Пока водитель прилагал все усилия к тому, чтобы колеса нашего транспортного средства двигались вперед по прямой линии, мои мысли и чувства скользили во все стороны. После короткого замечания о неудобстве парика Карла больше не упоминала о своем состоянии, поэтому и я не решилась завести об этом разговор. Я оставалась в неведении, что послужило тому причиной – болезнь, странный модный жест или благотворительные цели. Я очень надеялась, что последнее из трех.

О чем Карла хотела говорить, так это о Фрэнклине, друге, которого Бен повез в этот день в аэропорт.

– Хуже фобии я не видела, – призналась она, качая головой и неодобрительно цокая языком. – На этом фоне мой страх перед пауками не стоит даже упоминания. – Должно быть, она заметила мое недоумение, потому что наклонилась вперед и слегка понизила голос, будто желая избавить отсутствующего Фрэнклина от неловкости. – Просто цепенеет

при мысли о полете. Он уже дважды предпринимал попытку совершить это путешествие, чтобы навестить живущую в Новой Зеландии дочь, но пока что он даже не дошел до выхода на посадку. Он не видел ее больше десяти лет, а теперь еще и новый внук... и при таком положении дел, ну, можно понять, почему для него так важно совершить это путешествие. Поэтому Бен и предложил проводить его сегодня, для моральной поддержки. Если кто и уговорит Фрэнклина сесть в этот самолет, то это Бен.

– Почему так?

Голубые глаза Карлы затуманились, и я подумала, что каким-то образом обидела ее своим вопросом.

– Потому что Бен один из самых спокойных и умеющих обнадежить людей, каких я когда-либо встречала. Он заставляет тебя поверить, что ты можешь одолеть все что угодно, что бы это ни было. Очень многим людям пришлось бы гораздо хуже, если бы в их жизни не появился Бен.

Я вряд ли могла поспорить с этим утверждением, потому что *сама* была одной из этих людей.

Поэтому-то, когда несколько недель спустя Бен попросил меня об одолжении, у меня и мысли не возникло ему отказать.

Декабрь

– Французский... вы говорите на этом языке?

– Да, и по-немецки, и по-испански могу вполне прилично, если это нужно.

Последние пять минут Бен, похоже, находился на грани принятия решения. Как прыгун в воду, который доходит до края вышки, а потом передумывает и пятится. Он очевидно о чем-то хотел меня спросить. Неясно было только, почему он колеблется. Когда в итоге вопрос прозвучал, я все равно ничего не поняла.

Подходило время ланча, когда Бен негромко постучал во внутреннюю дверь, разделяющую наши владения. Мы уже несколько дней не встречались, и первое, что бросилось мне в глаза, когда он вошел в мою кухню, это его стремление оберегать при ходьбе правую ногу.

– Скользкий тротуар – одно очко. Здоровый идиот ростом шесть футов два дюйма – ноль, – объяснил он с кривой усмешкой.

Засмеявшись, я жестом пригласила его сесть, поспешно подхватив со стула кипу чистого белья и сбросив ее в стоявшую рядом корзину для белья грязного. Я, конечно, и не думала, что вид моего нижнего белья кого-нибудь возбудит. Прошло страшно много времени с тех пор, когда я на законном основании могла заявить, что *это* произошло. Я отпихнула непрошеную мысль и корзину для белья в сторону.

– Что ж, если вы не слишком заняты, – продолжил Бен, совершенно не подозревая, какие мысли крутились у меня в голове, – я тут подумал, нельзя ли мне дать вам заказ... или заручиться вашим согласием... или нанять вас... или как это правильно называется, на выполнение перевода.

– Нет, – ответила я, опираясь на стол локтями и наклоняясь вперед с теплой улыбкой, которая, вероятно, вступала в противоречие с моим отказом. – Но вы *можете* попросить меня о дружеском одолжении, и я готова согласиться.

– Вы даже еще не знаете, что это такое, – возразил Бен. – Может, у меня огромный объем, который вы только что вызвались сделать бесплатно.

Я подавила возникшую на мгновение панику, прикидывая, не лишилась ли я только что денег на внесение платы за следующий месяц. Не слишком удачно, учитывая, что Бен был моим квартирным хозяином.

– Это неважно. Я ваша должница.

Бен покачал головой, но в его глазах стояла совсем не понятная мне печаль.

– У меня есть друг, которому нужно написать письмо. По-французски.

Я ободряюще кивнула.

– Это все? Я могу это для вас сделать.

– Я надеялся, что вы так скажете. Понимаете, он уже довольно давно думает об отправке этого письма, но постоянно откладывает. Но теперь он принял окончательное решение, и мне кажется, что он действительно хочет устроить это как можно скорее. Он больше не хочет терять времени. Вы уверены, что включите это в ваш график?

У меня в работе были другие заказы, но они, вероятно, могли подождать, а кроме того, история со срочным письмом друга Бена меня заинтриговала.

– Конечно. Без проблем. Просто ради интереса, как долго этот ваш друг откладывал

отправку своего письма?

Глаза цвета жженого сахара встретились с моими.

– Семьдесят два года.

– Ой! – вскрикнула я, когда моя крохотная парикмахерша в очередной раз умудрилась стукнуть меня по голове щеткой для волос с деревянной ручкой.

– Осторожно, Лейси, не ушиби тетю Софи, – пожурила Джулия.

Громадные васильковые глаза Лейси смотрели на меня с тревогой, пока я не подмигнула ей и не потерлась шутливо носом об ее нос в эскимосском приветствии, отчего девочка всегда хихикала.

– На твоём месте я бы не спешила это делать, – предостерегла Джулия, ненадолго скрываясь в чулане, – половина яслей лежит с простудой, а другая половина утирает носы руками.

– Фи, – наморщила я нос, отчего Лейси захихикала еще громче.

Она взяла расческу и несколько ярко-розовых, в стиле Барби, блестящих заколок и вернулась к созданию моей прически. Выбор аксессуаров определенно вызвал бы одобрение Карлы.

– Знаешь, мне все это по-прежнему кажется странным, – заявила Джулия, появляясь с корзиной белья, которую удерживала на бедре. – Все его друзья похожи на карикатуры в дурацкой книжке комиксов: парикмахерша без волос, садовник без ноги, путешественник, который боится летать, и девяностолетний старик с разбитым сердцем. В смысле, как это характеризует Бена, если у него такие друзья?

Джулия говорила не всерьез, но моя рефлекторная реакция защитить людей, большинство из которых я едва знала, удивила меня.

– Не знаю, Джулс, – отрезала я. – Ты *моя* подруга. И как это характеризует меня?

Джулия на мгновение опешила, но потом добродушно пожала плечами.

– Ладно. Я это заслужила. Тем не менее есть у него «нормальные» друзья?

Это слово она взяла в кавычки движением пальцев.

На сей раз плечами пожала я.

– Не знаю. А у кого они есть?

Джулия сдвинула в сторону принадлежавшую Лейси маленькую коллекцию ленточек для волос и примостилась на диванчике.

– Так когда ты идешь на встречу с этим стариком?

– С Генри, – подсказала я, глянув на часы. – Мне уже скоро уходить. Но поскольку он живет так близко от тебя, я не смогла удержаться и заскочила, чтобы быстренько сделать прическу и обняться, – объявила я, обнимая Лейси и зарываясь лицом в ее мягкую, пухлую шейку. Она была теплой и чуть влажной.

– Ою, а ты горячая, малышка. Ты хорошо себя чувствуешь?

Джулия замерла, не закончив складывать детский комбинезончик, который собиралась добавить к небольшой стопке рядом с собой, и привычным движением приложила тыльную сторону ладони ко лбу Лейси. Морщинка прорезала лоб Джулии, когда она убрала руку.

– Ты *действительно* горячая, цыпленок. Ты хорошо себя чувствуешь?

– Горло болит, – драматически заявила Лейси, сжимая ручонкой болезненное место, как будто у нее только что волшебным образом украли голос. Это движение она явно позаимствовала из одного своего любимого диснеевского фильма.

– О господи, – вздохнула Джулия, вставая и направляясь на кухню. – Выпьешь парацетамол, моя хорошая, – провозгласила она. Увидела мое озабоченное лицо и улыбнулась. – Она должна была что-то подцепить. Я только хотела, чтобы она подождала до возвращения Гэри. – Радионяня ожила, донося горестное заявление Ноя, что он проснулся. – Каковы ставки, что сегодня ночью мне не удастся выспаться?

Комната была маленькой и перегретой. В воздухе стоял слабый запах корицы, смешанный с ноткой карамели конфет «Вертерс ориджинал». Запах дедушек и бабушек. Хотя мои давно уже умерли, этот аромат до сих пор возвращал меня к тем детским визитам, которые я вспоминала с любовью.

Я медленно шла по его улице, высматривая плохо заметные номера домов, когда чуть впереди распахнулась дверь одного из домов. Вышел пожилой мужчина, свет ярким всплеском отразился от его выданных Национальной службой здравоохранения очков-полумесяцев, когда он посмотрел в мою сторону. Его редкие белоснежные волосы быстро растрепал ветер, а горчичный кардиган на сутулых плечах, казалось, совсем не защищал от декабрьского холода. На ногах у него были тапочки, определенно не подходившие для преодоления обледеневшей дорожки. С усилием, которое даже с расстояния в пятьдесят метров выглядело мучительным, Генри немного выпрямился, придерживаясь за дверной косяк изуродованной артритом рукой.

– Вы Софи? – спросил он, делая осторожный шаг по дорожке в мою сторону.

Я инстинктивно ускорила движение. Скользкие дорожки и девяностолетние старики – так и напрашивается сломанная шейка бедра.

Широко улыбнувшись, я подтвердила, что это я, отодвигая задвижку на низкой кованой железной калитке и спеша по дорожке навстречу Генри.

– Я выглядывал вас, потому что не хотел, чтобы вы заблудились.

Я моментально почувствовала себя виноватой. Пока я медлила за последней чашкой чая с Джулией, Генри, вероятно, стоял, как часовой, в своей узкой прихожей и поджидал меня, пристально оглядывая пустынную улицу.

– Входите же, не стойте на холоде, – пригласил он, прошаркав коротенькое расстояние от двери до гостиной.

Я могла быть кем угодно, пожелавшим откликнуться на имя Софи. Его доверие и уязвимость поразили меня, как два неожиданных удара. Узкая прихожая была оклеена темно-красными обоями с тиснением. На узоре кое-где виднелись проплешины размером с ладонь, совпадавшие, похоже, с теми местами, где Генри часто требовалась поддержка при ходьбе. За входной дверью стояли ходунки, алюминиевые детали которых сияли девственной чистотой. Судя по наброшенной на них одежде, я поняла, что Генри, возможно, использует ходунки в качестве вешалки.

– С вашей стороны очень любезно, что вы пожертвовали мне время, – проговорил он, слегка задыхаясь после короткого перехода.

– Никаких сложностей, – заверила я его. – Рада это сделать.

Он улыбнулся, а потом замешкался, словно не зная, что должно произойти дальше. Я так и видела, как он подыскивает ключик доступа к памятке о том, что необходимо делать, когда принимаешь гостей. Ясно, что их у него давно не было.

– Может быть, сядем? – предложила я, беря инициативу в свои руки.

Он благодарно кивнул и, опираясь на руку, осторожно опустился в мягкое кресло

поблизости от электрообогревателя с двумя спиралями, которые излучали так много тепла, что казалось, будто мы находимся в тропиках. Я быстренько скинула пальто, пока не потеряла сознание.

– Вам достаточно тепло? – спросил Генри, ловя тепло ладонями со скрюченными пальцами.

– В самый раз, – солгала я, пристраиваясь в другом кресле как можно дальше от обогревателя. – Так, Бен сказал мне, что вы хотели бы написать письмо подруге во Францию?

Генри посмотрел на каминную полку, где в декоративной серебряной рамке стояла старая черно-белая фотография пары в день их бракосочетания. Даже по прошествии времени я узнала в женихе Генри. Он перевел взгляд на меня, и в глубине его поблекших голубых глаз я заметила намек на виноватость.

– Это была моя Айрис. Мы прожили вместе шестьдесят лет. Последние десять лет без нее были... они были...

Старик умолк, но по изрезанной морщинами щеке скатилась одинокая слеза. Чувствуя его неловкость, я стала рассматривать комнату, давая Генри возможность успокоиться. Кашель и трубное высмаркивание сообщили мне, что я могу без опасений повернуться к нему.

– Дело в том, что Айрис была чудесной девушкой. Мы знали друг друга с малолетства, – признался он с хриплым смешком. – Она писала мне всю войну, и эти письма имели для меня огромное значение, но... но... – Он перешел на шепот, словно невеста на фотографии слушала его признание. – Была одна девушка, Люсиль ее звали, она жила недалеко от Парижа, и если бы ее семья не приняла меня и не спрятала в амбаре... что ж, думаю, я не сидел бы здесь сейчас и не разговаривал с вами. – Он посмотрел сквозь меня, как будто воспоминание о том времени открыло портал в прошлое. – Айрис была той, которая ждала меня дома. Айрис была девушкой, которой я дал обещание. Айрис была той, на ком я женился. Но Люсиль была девушкой, которую я никогда не забывал.

Я подозревала, что история Генри будет чем-то в этом роде, но и представить не могла, что она так меня тронет. В результате пожара мои чувства научились тихо бунтовать, отказываясь утихомириваться, и приобрели неприятную привычку взбрыкивать и сбрасывать меня в неподходящие моменты. Это был один из таких. Думаю, мы оба с Генри обрадовались, когда он предложил выпить по чашечке чая, прежде чем перейти к составлению письма к женщине, которой, по моему представлению, могло уже и не быть в живых.

Кухня Генри оказалась безупречно чистой и аккуратной – она содержалась в гораздо большем порядке, чем моя, что я и сказала ему. Он встретил мой комплимент с тихой гордостью.

– Айрис любила, чтобы все было в полном порядке, – сообщил он. – Ей было бы неприятно, если бы я все тут захламил только потому, что ее нет.

Мы ждали, пока старомодный чайник со свистком запоет свою песню, а Генри тем временем достал из буфета блюдо с узором из ивовых веток, а потом прошаркал в кладовку и вернулся с пачкой печенья.

– Берег его для особого гостя, – объявил он, теребя непослушными пальцами целлофановую упаковку.

– Давайте помогу, – предложила я, забирая пачку из его неловких рук.

Перевернув ее, я увидела, что срок годности истек пять лет назад. Генри надел разноцветный вязаный чехол на заварочный чайник и посмотрел на меня, в нерешительности державшую пачку залежалого печенья.

– Очень люблю «Бурбон», – признался Генри, причмокнув в предвкушении губами.

– Я тоже, – заявила я, высыпая содержимое пачки на блюдо.

В тот день меня ждали три сюрприза. Во-первых, я не спешила покинуть дом Генри, даже после того, как его письмо было составлено, переведено и написано. Вероятно, Генри уже много лет не позволял себе роскоши пересказать историю своего французского романа, а в моем лице он обрел слушателя поневоле. Это была история любви и трагедии, рассказ о жертве и настоящей любви, у которой никогда не бывает счастливого конца.

Вторым сюрпризом стало открытие, что хотя, возможно, некоторый риск и присутствует, ты не умрешь, если съешь черствого, на пять лет просроченного печенья.

Но больше всего меня потряс третий сюрприз. Это был терпеливо дожидавшийся меня Бен, когда я наконец покинула перегретый кокон жилища Генри. Хотя я не сразу сообразила, что стоящий у обочины автомобиль с тихо работающим двигателем принадлежит ему. Пока я сидела у Генри, темнота и налетевший мокрый снег сделали дорожку перед домом вдвойне ненадежной. Уткнувшись подбородком в воротник пальто, неотрывно глядя под ноги, я с осторожностью пробиралась к тротуару. Острые иголки мокрого снега неоднократно впивались в мою оголенную шею, заставляя тосковать о волосах, которых уже давно не было, или о толстом шерстяном шарфе.

Стоявший прямо напротив дома автомобиль включил фары, и летящий мокрый снег пылинками заплясал в свете двух лучей. Дверь машины открылась, и из салона вышел высокий мужчина, положивший руки на крышу автомобиля и позвавший меня.

– Я уже начал думать, что Генри вас похитил.

Я так быстро развернулась к Бену, что мои ноги в предназначенных для теплой погоды ботинках заскользили, и в течение нескольких тягостных секунд я выделяла на льду такие движения, какие, по моей глубокой убежденности, выглядят очаровательными только в исполнении олененка Бемби. Я шаталась, ехала и скользила, пока наконец не ухватилась за стойку калитки. К тому времени, когда я снова овладела контролем над своими ногами, Бен уже перешел через дорогу – предположительно с намерением забрать меня с тротуара. Слава богу, на сей раз ему не нужно было меня спасать. Я нервно засмеялась, как делают взрослые, едва избежав падения, какое большинство пятилетних детей восприняло бы спокойно.

– Я собирался выставить вам абсолютные шесть баллов, – улыбнулся Бен, твердой рукой поддерживая меня за локоть. Через толстую ткань пальто я ощутила силу его пальцев. Будь я теперь на голом льду, ни за что не упала бы.

– Что вы здесь делаете? – спросила я, и в моем голосе прозвучало гораздо меньше благодарности, чем я чувствовала на самом деле, но сердце до сих пор странно стучало в груди, видимо, из-за почти неминуемого падения. *Из-за этого?*

– В смысле, помимо того, что ждал вашего тройного сальхова? – мягко подколот Бен. Я подняла на него взгляд, и в желтом свете ближайшего уличного фонаря, похоже, каждая крохотная льдинка, осевшая на его волосах и ресницах, заискрилась и замерцала мельчайшими осколками бриллианта. – Я был в этом районе и вспомнил, что сегодня днем вы встречаетесь с Генри. Поэтому я подумал, самое меньшее, что я могу сделать, это постоять здесь и привезти вас обратно, поблагодарить вас.

Я посмотрела на часы. День уже сменился ранним вечером.

– Вы, наверное, целую вечность прождали.

Бен непринужденно пожал плечами, открывая и придерживая для меня калитку. Стоявший у обочины теплый автомобиль гостеприимно манил, однако я все равно колебалась. Границы между нами все больше размывались и путались. Подразумевалось, что квартирные хозяева назначают грабительскую плату и никогда не ремонтируют посудомоечную машину или подтекающий бачок в туалете, когда те ломаются. Хозяин же, который спас тебе жизнь, назначил всего лишь номинальную арендную плату, а затем добавил специальную службу такси, а это выходило за пределы всего, с чем мне доводилось сталкиваться. Но было бы невозможно, а также крайне невежливо отклонить предложение Бена подвезти меня, поэтому я и не отказалась.

Что мне, вероятно, *следовало* сделать, так это куда серьезнее воспротивиться, когда он предложил на обратном пути домой заехать поужинать в пиццерию.

– Если только у вас, разумеется, нет планов на этот вечер? – спросил он, повернув ко мне голову, пока мы ждали зеленого сигнала светофора.

Я слегка занервничала и обрадовалась, когда янтарный свет включился под своим красным собратом, заставив взгляд Бена вернуться к дороге. В мои вечерние планы входил незаконченный перевод и очередная серия из комплекта видеодисков, который я постепенно одолевала. Несколько вежливых отказов промелькнуло у меня в голове, пока я не остановилась на самом удачном, но не успела я его озвучить, как Бен перевесил чашу весов на свою сторону.

– Вообще-то в последнее время я беспокоился за Генри. Мне кажется, ему тяжело, и было бы здорово услышать ваше впечатление... точку зрения стороннего наблюдателя. Подозреваю, что сейчас для него трудное время года.

Последний толчок моя решимость, и без того шаткая, как башня «Дженга», получила, когда вдруг все до единой витрины магазинов, мимо которых мы проезжали, напомнили о приближающемся праздничном времени. Мигающие китайские фонарики на наряженных елках, сугробы из искусственного снега и Санты, позвякивающие колокольчиками и подпоясанные до невозможности широкими поясами. Иногда безжалостное веселье может быть совсем угнетающим. Так ли это для Генри, который шаркает по дому, постоянно поддерживая в нем порядок именно так, как того хотела бы Айрис?^[1]

– Мне действительно нужно закончить одну работу...

Я выложила свое оправдание, как игрок в покер, который уже знает, что его карты будут биты.

– Вам все равно нужно поесть, – возразил Бен. – Давайте быстренько перекусим, а потом поедем дальше? Так у вас останется время поработать попозже.

Вероятно, существовало множество причин, по которым мне следовало отклонить это приглашение. Но все они как одна улетучились.

В пиццерии было тепло и восхитительно пахло расплавленной моцареллой и чесночным хлебом. Еще здесь было полно народу. Нам пришлось подождать на входе пять минут, прежде чем нас усадили. Пока мы ждали, я оглядывала занятые столики. Вечер пятницы, вечер свиданий, и это объясняло, почему за большинством столов сидели пары. Я всегда любила наблюдать за людьми – или просто подсматривать, как всегда говорила Джулия. Мы стояли в теплом потоке воздуха, льющемся на нас из обогревателя в дверях, а

я скользила взглядом от столика к столику. Те пары, что сидели держась за руки, явно пришли на свое первое свидание, так же, как и девушки, кокетливо улыбающиеся или слишком оживленно смеявшиеся над тем, что, вероятно, было даже не смешно. Интересно, какими кажемся им мы с Беном. Наверное, плохо сочетающимися. Но ничего плохого в этом не было, потому что в отличие от всех остальных пар в ресторане мы пришли не на свидание.

Молоденькая официантка с темно-фиолетовыми волосами и пирсингом в ноздре провела нас к маленькому столику у окна, умело обходя препятствия в виде других посетителей или официантов, как едущий по скоростному спуску опытный лыжник. Мы остановились, чтобы пропустить официантку, которая за один раз несла впечатляющее количество пиццы. Я посмотрела на соседний столик, и меня как током ударило. Мужчина, который наклонялся к своей спутнице, чтобы расслышать ее слова, поднял взгляд... а потом посмотрел прямо сквозь меня. На его лице не промелькнуло и тени узнавания.

Наша официантка оглянулась на нас через плечо и лучезарно нам улыбнулась.

– Этот подойдет? – спросила она, уже выдвигая для меня стул рядом с окном.

Деревянные ножки скрипнули по каменной плитке, как ногти по классной доске, подняв во мне даже больше раздражения, чем неожиданная встреча. Закусив губу, я обвела взглядом переполненный ресторан. Очевидно, что других свободных столиков не было, поэтому я удивилась, услышав, что Бен вежливо спрашивает, нельзя ли посадить нас в другое место.

– Простите. Все занято. Сегодня у нас действительно много народа, – ответила девушка.

– Все нормально, – заверила я, сознавая, что наше колебание привлекает внимание нескольких посетителей поблизости.

Я села на стул – как можно ближе к окну и как можно дальше от мужчины, с которым почти десять месяцев назад я сходила на три свидания – практически рекорд для меня. Ну и что, что он совсем меня не узнал? Вероятно, с новой стрижкой я выглядела совершенно иначе. А я даже не могу вспомнить его имя, сказала я себе, а затем решительно отказалась слушать, как мое подсознание пискнуло: *Мэтью. Его звали Мэтью.*

Бен подождал, пока официантка подаст нам меню очень большого формата и примет его заказ на маленькую порцию светлого пива и мой – на воду из-под крана. Во рту у меня вдруг невероятно пересохло, но это случалось всегда, когда я нервничала или чувствовала себя неловко. Я передвинула стул так, чтобы не видеть Мэтью и его новую подружку. Подняла меню, достаточно большое, чтобы за ним спрятаться, но некоторые люди одарены зрением таким острым, что оно позволяет им видеть то, чего не видят другие. Бен принадлежал к числу таких людей.

– Кто он?

Немного опустив меню, я уставилась поверх него на Бена.

– Прошу прощения?

Бен ничего не сказал, но наклонил голову в сторону столика, на который я и смотреть-то не хотела. Я неловко сглотнула и опустила взгляд. Названия порционной пиццы расплывались и плясали, отказываясь войти в фокус, сколько бы я ни моргала.

– Хотите подождать другой столик или уйдем? – спросил Бен. – Как вариант, могу просто подойти и сшибить его со стула и покончить с этим?

Мой смех удивил меня, потому что вырвался без предупреждения. Бен улыбнулся в ответ, полностью удовлетворенный реакцией. Затем он еще больше вывел меня из

равновесия, наклонившись и мягко накрыв ладонью мою правую руку. Я даже не сознавала, что бессознательно тереблю столовые приборы, пока его пальцы не переплелись с моими и нож, который я крутила, не упал обратно на салфетку.

Глаза Бена поблескивали, но в них проскользнула тень беспокойства, когда он спросил:

– Нужно ли мне попросить официантку убрать все острые предметы с нашего стола или я неправильно все понял?

Я улыбнулась и с удовольствием поняла, что мое зрение абсолютно очистилось, во многих смыслах.

– Нет. Со мной все в порядке. Я просто немного... удивилась, увидев знакомого человека. Только и всего.

Бен отпустил мои пальцы и занялся своим меню. Без его прикосновения моей руке стало холодно, и я опустила ее на колени, пока она не совершила какой-нибудь глупости, например, не потянулась по грубой дубовой столешнице к ладони Бена. В течение нескольких спокойных минут Бен вроде бы не обдумывал ничего более волнующего, чем достоинства «Кальцоне» против испеченной на камнях «Маргариты». Но оказалось, что с неприятной ситуацией еще не покончено.

– Я так понимаю, он ваш бывший?

Бен коротко глянул на Мэтью, по-прежнему совершенно не подозревавшего, какое внимание он вызывает. Я за его взглядом не проследила.

– Нет. Я так его не назвала бы. Я *никого* так не назвала бы. На самом деле я не *завожу* отношений.

Бен полностью опустил меню, и наша официантка, восприняв это как знак, оживленно подскочила к нам, держа наготове блокнотик, чтобы принять заказ. Бен покачал головой и, жестом попросив ее отойти, дождался, пока она не скроется в тени.

– Что именно это означает? Вы не *заводите* отношений?

От неловкости я рассердилась, понимая, что ненароком открыла дверь и позволила Бену увидеть комнату, куда за все время входило очень мало людей. И я действительно хотела снова ее захлопнуть, прямо сейчас, только вот Бен выставил свою ножищу двенадцатого размера, мешая мне это сделать.

– Знаете что, Бен. Мне не очень приятно вести этот разговор. Вы не против, если мы закроем эту тему?

Есть правила поведения. Когда кто-то произносит эти слова, другой человек должен немедленно дать задний ход и зашебетать о счете недавних футбольных матчей или об ужасной погоде, которая стоит в последнее время... или совершенно о чем угодно. Повидимому, Бен не принадлежал к людям, которые действуют по инструкции.

– Почему?

– Почему – что?

Я подозревала, что могу играть в эту игру остаток вечера, но все равно не выиграю. Что-то подсказывало мне, что Бен так легко не сдастся. Впервые мне приоткрылись упорство и решимость человека, который явно был очень успешным и целеустремленным бизнесменом. Он мог скрываться под образом спокойного парня, которого знала я, но он никуда не делся.

– Почему вы больше не заводите отношений? – спросил Бен, отделяя слова одно от другого паузой, словно у меня могли возникнуть проблемы с их пониманием. Разумеется, «больше» намекало на то, что были времена, когда я *была* готова подпустить кого-то поближе, но я не стала поправлять Бена. И без того уже складывалось впечатление, что наша

беседа вращается вокруг меня, как приближающийся шторм, и я была занята тем, что задраивала люки. Практикуя это всю жизнь, я чрезвычайно в этом преуспела.

– Я предпочитаю держать людей на разумном расстоянии.

Я многозначительно посмотрела Бену в глаза. Если он не услышит слов «*Заткнись сейчас же*», которые так и напрашивались, значит, он далеко не так умен, как я полагала. Жженый сахар его глаз потемнел, превратившись по цвету в сахар растопленный, но затем Бен моргнул, и больше ничего, кроме сочувствия, я в его глазах не увидела. Возможно, он решил, что кто-то в прошлом украл мое сердце и разбил его, и была только рада оставить его в этом заблуждении.

– Вы уверены, что не хотите, чтобы я расквасил ему нос? Потому что у меня уже очень давно не было достойной причины навалить кому-нибудь.

Я посмотрела на мужчину, который не сделал мне ничего плохого, а только сказал правду, которую в то время я слышать вовсе не хотела. Я до сих пор не хотела ее слышать.

– Нет, не сегодня, Рокки.

Незадолго до того, как нам принесли наш заказ, проходивший мимо официант наклонился и зажег единственную свечу в стеклянном подсвечнике, стоявшую между Беном и мной. Пламя мигнуло, оживая, и без единого слова или осознанного решения мы оба наклонились и задули ее. Я почувствовала на лице легкое дуновение его дыхания, как и он – моего. Невинное происшествие внезапно переросло в момент интимности. Наши глаза встретились, и сила связи, родившейся в ночь пожара, разгорелась, как одна из тех свечей, что невозможно затушить.

– День рождения? – не угадал официант. Он достал вторую спичку, чтобы снова зажечь свечу.

– Вообще-то, если вы не против, мы бы предпочли, чтобы она осталась незажженной, – сказал Бен, коротко коснувшись руки мужчины. – Мы достаточно насмотрелись на огонь.

Можно было подумать, что после такого несколько сумбурного начала я не смогу расслабиться и насладиться вечером, но я это сделала – в гораздо большей степени, чем ожидала. Бен оказался великолепным компаньоном; его юмор был острым и быстрым, а улыбка – непринужденной и обаятельной. Каким-то образом благодаря ему даже я почувствовала себя более занятой и остроумной. Мне очень понравилась та Софи, которой я была с ним, хотя я никогда раньше с ней не встречалась. Но даже она была способна увидеть красный стоп-сигнал очень своевременного предупреждения. Бен обладал уникальной способностью привлекать к себе людей. Достаточно было услышать, с какой теплотой отзывались о нем Карла и Генри, чтобы понять, как легко его обаяние рушило барьеры возраста и пола. Он походил на искусного рыболова, закидывающего удочку харизмы, и я собиралась плыть гораздо энергичнее, чем делала сейчас, чтобы не попасться на нее.

Когда принесли счет, возникла небольшая схватка, поскольку Бен категорически отказался позволить мне заплатить свою половину.

– Вы пожертвовали вашим днем, и если вы будете настаивать на том, чтобы поделить чек, тогда вам придется выставить мне счет за время, которое вы потратили на перевод письма Генри.

Есть сражения, в которых я не сдаюсь без боя, но это к ним не относилось. Я улыбнулась и подтолкнула блюдечко со сложенным счетом на половину стола Бена.

– Спасибо, – смилостивилась я. – Хотя предупреждаю, в следующий раз по счету плачу я.

Бен приподнял брови, и я торопливо прокрутила свои слова в голове, недоумевая, почему еще до того, как они слетели у меня с языка, я не сообразила, насколько самонадеянно они прозвучали. *В следующий раз.* Да кто сказал, что будет следующий раз?

– Заметано, – откликнулся Бен, вставая и кладя маленькую стопку банкнот и эффектно закрывая тему, прежде чем я успею отказаться от своих слов.

Вечер был в полном разгаре, и в ресторане по-прежнему былолюдно и подходили новые посетители, когда мы стали пробираться к двери. Маршрут, как и ранее, должен был провести нас непосредственно мимо столика Мэтью. Не успели мы до него добраться, как наперерез нам со смехом стала протискиваться группа возбужденных женщин, очевидно, девичник. От моего внимания не укрылось, что по крайней мере трое из них одобрительно посмотрели на Бена – включая и ту, на голове которой красовалась диадема, а через плечо – розовая лента с надписью «Невеста». Бен добродушно улыбнулся, пока они на него напирали, их действия задерживали нас именно там, где я не хотела находиться, прямо за стулом Мэтью. Он посмотрел на нас и любезно попытался отодвинуться с нашего пути. К счастью, меня скрывала широкая спина Бена, и внимание Мэтью сосредоточилось только на нем, когда он поднял взгляд.

– Прости, приятель, я мешаю?

Мне почудилось, или Бен выдержал секундную паузу, прежде чем ответить словами, которые я, несомненно, буду долго разбирать и анализировать, пока в конечном итоге сон не сморит меня в тот вечер.

– Нет. Совсем не мешаешь.

Первое, что потрясло меня, когда я проснулась от звонка своего мобильного, это то, что было *не* десять минут третьего ночи. Зеленый неон на дисплее часов сообщил мне, что до рокового времени еще больше часа. Правда, мое сердце все же колотилось в панике, пока я нащупывала телефон, неуклюже свалив его с прикроватного столика, так что пришлось потратить драгоценные секунды, чтобы поднять его за провод зарядного устройства.

К тому моменту, когда телефон оказался у меня в руке, я уже была уверена, что на том конце услышу мамин голос. Инфаркты – как землетрясения, они разрушают структуру и стабильность твоего мира. Но в отличие от землетрясений, больше всего ты боишься повторного толчка – *повторного* инфаркта.

Поэтому когда на том конце линии я услышала голос Джулии, а не родителей, я всего на мгновение испытала безмерное облегчение. Это чувство рассеялось почти так же быстро, как и возникло, когда я услышала всхлипывания и откровенный страх, сжимающий ее горло и не дающий говорить.

– Я... я в больнице.

Последние остатки сна мгновенно слетели с меня, когда слова подруги ледяной водой наполнили каждую жилку в моем теле. Желудок свело, и я заново узнала и поняла происхождение выражения «тошнит от страха».

– Что такое? Что случилось?

Мне пришлось мучительно долго ждать ответа, потому что Джулия снова расплакалась, так как слова, о которых никакая мать не хочет и думать – не то что произносить, – наполнили ее настоящим ужасом.

– Это Лейси. Она серьезно больна. Ее подключают к искусственной вентиляции легких. Я ахнула громко и хрипло, резкое эхо разнеслось по спальне.

– Но... но она же всего лишь простудилась. У нее болело горло, и все.

Стон Джулии напомнил скорее волчий вой.

– Я не знаю... я не понимаю. Я... я думала, это круп, но номер с чайником не прошел... а потом температура так подскочила, и голос у нее сделался такой странный, и...

Я прервала ее.

– Какая больница? Какое отделение? Я еду.

Джулия отважно подавила всхлип благодарности на достаточно долгое время, чтобы сообщить мне название больницы и сказать, что они находятся в отделении детской реанимации. После этого мы обе дали отбой, даже не подумав попрощаться, потому что это был не обычный звонок, это была не обычная ночь. Я сглотнула слюну и почувствовала во рту привкус желчи с горьковатым оттенком страха, пугавшего, что после этой ночи ничто в жизни Джулии *никогда* не будет обычным.

Странно, как действует на нас паника. Пока мы теряем присутствие духа: натягиваем чулки от разных пар, раздраженно швыряем через всю комнату лифчик, не желающий застегиваться, и суем руки в вывернутую наизнанку толстовку, мысленно мы уже обращаемся к практическим сторонам вопроса. Очевидно, что вызов такси был моей первоочередной задачей, но, еще не взяв телефон, я уже отбросила этот план в пользу другого. Натянув подхваченные с пола джинсы с проворством опытного артиста-трансформатора и на ходу их застегивая, я уже открывала дверь в кухню и шумно взбегала по

лестнице в дом Бена. В тот момент я как никогда была рада, что он не торопился договориться со слесарем о разграничении наших владений. Наверху лестницы я распахнула дверь и ворвалась в темную кухню Бена.

Мгновение я помедлила, чтобы сориентироваться в темном пространстве. И все равно умудрилась больно удариться о край обеденного стола в темноте. Тупая боль в бедре не заставила меня замедлить бег в сторону спальни Бена. Эту часть первого этажа я видела только в телепрограмме, но мои ноги вели меня именно туда, куда нужно.

Оказавшись у двери в спальню Бена, я не постучала. Стук подразумевает нечто спокойное и сдержанное, а моя барабанная дробь по гладкой поверхности из древесины кедра не была ни тем, ни другим. Я била по ней, как человек, который застрял в лифте и испытывает приступ клаустрофобии. Я все еще колотила в нее, когда вдруг дерево исчезло, и я по чистой случайности не заехала крайне изумленному Бену по лицу. Он перехватил летящий кулак, не дав ему коснуться своего лица, легко сжал мое запястье и поддержал меня, когда у меня подкосились ноги.

– Ваша машина, – выдохнула я без предисловий. – Мне нужна ваша машина. Это срочно. Дадите мне ключи?

Не знаю точно, какого развития событий я ожидала. Неужели я и правда думала, что он просто даст мне ключи, без вопросов? Да *кто* бы так поступил? Я сообразила, что следовало лучше сформулировать свою просьбу, объяснить толком, но это потребовало бы времени, а мы уже слишком много его потеряли. Я вырвала руку и попыталась протиснуться мимо Бена, как будто имела полное право проникнуть в его комнату и самой взять ключи.

– Софи. Софи, – повелительно произнес Бен, наклонившись так близко к моему лицу, что я почувствовала его теплое дыхание на своих губах. – Успокойтесь. Скажите, что случилось.

Одновременно с этим он положил руки мне на плечи. Я не осознала, что он по пояс обнажен, пока не уперлась ему в грудь ладонями, чтобы освободиться. Я до сих пор не помню, что – если вообще что-то – было надето у него ниже пояса, потому что я не отрывала взгляда от его глаз.

– Лейси... дочка Джулии... серьезно больна. Ее придется инту... инту...

– ...бировать? – закончил Бен, словно в процессе безумной ночной игры в шарады.

Я бешено закивала.

– Она плохо дышит. Джулия думает... Джулия думает... – Я расплакалась, не в состоянии завершить предложение. Мы оба прекрасно понимали, что думает Джулия. – Гэри – ее муж – в Канаде. Она совершенно одна в больнице. Мне нужно туда. Мне нужно туда *прямо сейчас*.

Бен кивнул, понимая, слава богу, срочность ситуации.

– Могу я взять на время вашу машину? – спросила я, уже протягивая руку за ключами. Вероятно, я никогда не была так близко к тому, чтобы от разочарования ударить человека, когда Бен в ответ покачал головой.

– Нет. Не можете. – К счастью для Бена, реагирую я не слишком быстро, потому что я еще даже не успела занести руку, как он добавил: – В таком состоянии вы за руль не сядете. Я вас отвезу.

Почувствовав облегчение, я обняла его за обнаженный торс и даже не сообразила, как легко положиться на Бена, и не только физически.

– Заканчивайте одеваться, и я жду вас через две минуты на подъездной дорожке, –

сказал он, очень деликатно расцепляя мои руки у себя за спиной.

Я посмотрела на свои ноги – я стояла без обуви, только в носках от разных пар. Кивнув, я бросилась вниз по лестнице с той же головокружительной скоростью, с которой поднималась по ней менее двух минут назад. Только когда я, носясь по своей квартире, сыпала сухой корм в кошачью миску и искала под диваном пропавшие ботинки, я сообразила, что, возможно, Бен имел в виду не только отсутствие обуви, когда предложил мне одеться. Каким-то образом, спеша разбудить Бена ради автомобиля, я совершенно забыла застегнуть «молнию» на толстовке. Насколько я была расстроена, говорит тот факт, что мне, похоже, было почти неважно, что Бен видел и обнимал меня полураздетую.

Бен вышел на дорожку раньше меня и деловито очищал лобовое стекло от наледи. Я прыгнула на пассажирское сиденье, как преступник, сбежавший с места преступления. Выезжая на дорогу, Бен встревоженно на меня посмотрел, и меня не удивил его озабоченный вид. Я сидела прямо, подавшись вперед, словно наклон моего тела мог каким-то образом приблизить нас к цели нашего путешествия.

– В какую больницу я еду? – спросил он, снова переключая взгляд на обледеневшую дорогу.

Я назвала, и оказалось, что по случайному стечению обстоятельств это была та же самая больница, где нам оказывали помощь в ночь пожара. Неужели это было всего два месяца назад?

Я молила, чтобы все светофоры не переключали зеленый свет, когда мы к ним приближались, и большинство их любезно повиновались. Я так напряженно смотрела сквозь лобовое стекло, что даже вынуждена была напоминать себе моргать. Улицы и тротуары были покрыты ледяной коркой, а потемневшая листва нависающих деревьев и кустарников казалась облитой хрусталем. Красота той ночи полностью ускользнула от меня, когда я посмотрела на спидометр, желая, чтобы Бен еще сильнее нажал на газ. Несмотря на мои телепатические пассы, стрелка замерла на дозволенной скорости. Вероятно, хорошо, что он все же не одолжил мне машину, потому что очень сомневаюсь, что я вела бы так спокойно и безопасно. Но, с другой стороны, он не знал и не любил людей, к которым мы спешили. Не так, как я.

– Ваша подруга сказала, что конкретно с ее дочерью?

Я покачала головой, а потом сообразила, что внимание Бена приковано к потенциально опасной дороге, и он попросту пропустил мой молчаливый ответ. Я попыталась ответить как можно более нормальным, учитывая обстоятельства, голосом.

– Не знаю. Я толком не поняла. Она сказала что-то странное насчет чайника, а потом сказала, что у Лейси странный голос... Но если они подключают ее к искусственной вентиляции, это значит, что она не может дышать самостоятельно, так?

Я стиснула кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони. Бен нежно взял меня за руку. Пальцы у него были теплые, несмотря на температуру за окном, а от мягкого поглаживания большим пальцем по ладони у меня побежали мурашки. Все до единого нервы как будто лишились своей обычной защиты. Я чувствовала все; все могло причинить мне боль.

– Если она настолько плоха, тогда она уже в правильном месте, – мягко проговорил Бен. Никто не мог дать мне большего утешения, и я с готовностью его приняла.

Хотя Бен придерживался разрешенной скорости, пустые улицы и поздний час позволили нам добраться до больницы в рекордно короткий срок. Бен свернул с дороги на

территорию, и пока я лихорадочно изучала указатель с нелепым количеством стрелок, он уже двигался по одному из проездов. На следующей маленькой круговой развязке я снова вглядывалась в освещенный указатель в поисках направления, но Бен уже нашел нужный путь. Он провел свою машину по сети больничных дорог и наконец остановился недалеко от входа в педиатрическое крыло.

– Слава богу, что я с вами, – сказала я, выпрыгивая из машины, пока он ставил ее на ручной тормоз. – Я бы сто лет искала нужное отделение.

– Вы добрались бы сюда, – уверенно сказал он, обходя автомобиль спереди и ободряюще кладя мне руку на плечо. Бессознательно я прислонилась головой к теплу его тела, как будто так и надо было. Я так быстро подняла голову, что удивительно, как ничего не растянула.

Вероятно, это началось, когда мы шли по парковке. Возникло оно как неприятное старое воспоминание, которое я решительно игнорировала. Очевидно, любой почувствовал бы тревогу при таких обстоятельствах; это было вполне естественно. Я полюбила Лейси того самого момента, как увидела ее на руках у Джулии в родильном отделении, и полюбила еще больше, когда Джулия дала мне подержать крохотный сверток в розовом одеяльце. Она в этом мире была менее получаса, а уже собрала маленькую команду, которая не пожалеет жизни, чтобы ее защитить. Я никогда не забывала этого момента и никогда не забуду.

Я этому не поддамся, решительно сказала я себе, когда через автоматические двери мы входили в больницу, мгновенно переместившись из Антарктиды в Сахару. Возможно, из-за этого внезапного контраста температур на лбу у меня выступили капельки пота, как резкое обострение угревой сыпи. А возможно, и нет.

Стойка администратора была безлюдна, но ничего удивительного, учитывая ряды пустых стульев в ярко освещенной зоне ожидания и поздний час. Ощутил ли Бен мою скрытую нерешительность в походке, когда вел меня к лифтам? Должно быть, он уже посмотрел указатели на стене, и его низкий голос легким эхом разнесся в пустынном холле, когда он сказал:

– Детская реанимация, похоже, на пятом этаже. Вы там встречаетесь с вашей подругой, так?

Я тупо кивнула, когда он нажал на кнопку вызова. Украдкой бросила быстрый взгляд на Бена, пока мы стояли плечом к плечу и ждали, когда откроются матовые серебристые двери. Я уже чувствовала неприятную тяжесть в груди и дышала, кажется, с некоторым трудом, словно больничный холл был выстроен на плато с разреженным воздухом.

Входя в лифт, я запнулась, и Бен тут же поддержал меня под локоть.

– Все будет хорошо, – подбодрил он, когда двери с шипением закрылись, и он выбрал кнопку с освещенной цифрой пять.

Затрясло меня где-то между вторым и третьим этажом. Я чувствовала, как по телу пробегает дрожь, слишком сильная, чтобы ее скрыть. Бен должен был быть слепым, чтобы этого не видеть, а он уже зарекомендовал себя очень и очень наблюдательным в том, что касалось меня. Разумеется, он ее видел.

– Софи, что такое?

В его голосе прозвучало столько заботы, что от этого стало почему-то только хуже. Мне нужно было, чтобы кто-нибудь велел мне прекратить. Резкая пощечина, так это делают в кино, верно? Интересно, как отреагирует Бен, если я попрошу его ударить меня. Только я не могла ни о чем-то попросить, потому что единственными звуками, слетавшими с моих губ,

были еле слышные панические повизгивания, как у животного.

Бен беспомощно оглянулся в нашем стальном замкнутом пространстве, как будто в него мог проникнуть незамеченным очень маленький врач; кто-то, кто знает, как помочь его спутнице, внезапно охваченной паникой.

– Это из-за лифта? – спросил он в отчаянии. – У вас клаустрофобия?

Я покачала головой и почувствовала, как моментально все расплылось перед глазами, когда пот, словно сдерживаемые слезы, залил мне глаза. В итоге Бен сделал единственное, что мог и что на самом деле было, вероятно, наилучшим выбором. Он привлек меня к себе и крепко-крепко обнял. Он продолжал обнимать меня, когда двери лифта открылись и мы вышли на пятом этаже. Тут все навалилось на меня разом: запах антисептика и дезинфекции, спокойная больничная тишина и горький вкус страха. Мне захотелось сбежать, и если бы не ставшие ватными ноги, я, возможно, так и поступила бы.

Не обращая внимания на стрелку, направлявшую нас к детскому отделению реанимации, Бен привел меня в маленькую темную комнату отдыха. Положил свои большие ладони мне на плечи и мягким нажатием усадил на стул с джутовой обивкой. В углу комнаты стоял маленький кулер, и Бен отошел от меня, только чтобы наполнить водой конусообразный стаканчик, который затем подал мне. Пальцы Бена оставались поверх моих, пока он не убедился, что я в состоянии держать стаканчик, не расплескав на себя его содержимое. Ледяная вода подействовала освежающе, но я и так почувствовала, что приступ паники проходит. Всегда ощущение такое, будто он длится несколько часов, но в реальности редко продолжается больше нескольких минут. Я посмотрела на Бена, испытывая неловкость, словно он застиг меня за совершением какого-то личного действия, не предназначенного для посторонних глаз. Мне стало стыдно.

– Это была паническая атака, да? – спросил он, присаживаясь на корточки, чтобы наши лица находились на одном уровне.

Я кивнула, но глаз не подняла, разглядывая свои пальцы, которыми с такой силой сжимала бедра, что, наверное, останутся синяки. Бен осторожно отцепил мои руки от моих ног. Имелась не одна причина, по которой интимность его прикосновения должна была заставить меня громко ахнуть. Почему именно я ахнула, определить было невозможно.

– Раньше это когда-нибудь случалось?

Я почувствовала, что вся моя жизнь сейчас развернется перед ним, как скатанный в трубку ковер. И я инстинктивно закрылась от Бена, как множество раз делала в прошлом.

– Это просто из-за больницы, – ответила я и сделала глоток воды не потому, что нуждалась в нем, а чтобы выиграть несколько секунд, прежде чем ответить на замечание, которое, я знала, неизбежно последует.

– Но с вами ничего подобного не было, когда нас привезли сюда после пожара. Тогда вы держались нормально.

Я слегка пожалала плечами и с трудом поднялась. Бен тоже выпрямился.

– Можем поговорить об этом как-нибудь в другой раз, – сказала я, зная, что не имею ни малейшего желания когда-нибудь это делать. – Сейчас нам нужно найти Джулию. – Я провела руками по лицу, как будто приступ паники был пятном, которое нужно было стереть первым делом. Бен еще колебался, но я уже направлялась к двери. – Правда, Бен, со мной теперь все в порядке, – солгала я, когда мы снова вышли в коридор.

Я увидела указатель отделения реанимации и захлопнула тяжелую стальную дверь, отрезая все воспоминания, которые мчались к ней, как обезумевшая толпа. Мысленный

барьер устоял, и пока я нажимала на механизм открытия дверей на входе в отделение, а потом выдавливала на руки дезинфицирующее средство, я лишь надеялась, что сумею продержаться, иначе Джулии от меня будет очень мало толку.

* * *

Когда вы дружите с человеком так долго, как я дружила с Джулией, ваши общие переживания можно сравнить с булыжником, которым вы мостите свою общую дорогу. Я знала ее лучше кого-либо другого; она была *моим человеком*. Но у детского отделения меня встретила другая Джулия, которую я никогда раньше не встречала. Она мерила шагами маленький участок пола в дальнем конце коридора, не отходя слишком далеко от двойных синих дверей, ведущих в отделение реанимации. Завершив очередной круг, она замедляла движение и заглядывала в маленькое дверное окошко.

Я побежала к ней, не обращая внимания на шум, создаваемый моими ботинками среди ночной тишины больничного отделения. Освещение было тусклым, но все равно достаточным, чтобы я увидела красные круги вокруг глаз и странно постаревшее лицо, прежде чем обняла ее.

– Как она?

Джулии потребовалось много сил и несколько секунд, чтобы ответить.

– Им пришлось ввести ее в кому. – *Кому*. Слово это срикошетило у меня в голове, отдаваясь эхом от стен моей памяти. – Им нужно дождаться, чтобы прошел отек в горле. – Джулия горько усмехнулась, в смешке слышались нотки истерики. – Я дала ей парацетамол от болезни настолько серьезной, что им пришлось подключить ее к искусственной вентиляции легких. Что я за мать?

– Ты *прекрасная* мать, – преданно запротестовала я. – Ты до Гэри дозвонишься?

Джулия покачала головой.

– Я оставила сообщения практически во всех городах Канады. Но до сих пор его не нашла.

– Если хочешь, я продолжу, – вызвалась я, радуясь, что есть какое-то дело.

Джулия кивнула и показалась мне такой потерянной и напуганной, что я шагнула ближе и крепко обняла ее, совсем как Бен – меня, словно его сила была эстафетной палочкой.

– А пока он не вернется, у тебя есть мы.

Я удивилась, что она обратила внимание на местоимение, но возможно, в моих устах оно звучало так необычно, что всегда будет поражать. Я проследила ее любопытный взгляд до входа в отделение, где терпеливо ждал Бен.

– Ты привезла своего квартирного хозяина?

В любое другое время ее слова заставили бы меня улыбнуться.

– Я привезла своего друга, – поправила я, – или вернее, он привез меня.

Впервые я осознала, что Бен уже давно заслужил право на это звание. Как будто почувствовав, что является предметом нашего разговора, Бен медленно отделился от стены, к которой прислонялся, и двинулся к нам.

Представлять их друг другу необходимости, пожалуй, не было, но есть что-то успокаивающее в таких совершенно нормальных действиях в разгар ночи, когда все остальное казалось ненормальным. На глазах у Джулии выступили слезы, когда Бен

задержал ее руку в своих гораздо дольше, чем предписывается этикетом, и ненавязчиво произнес слова поддержки.

– Пойду узнаю, не удастся ли взять нам кофе, – сказал он, беря совершенно верный тон – властный, но без нажима.

– Похоже, он хороший человек, тот, кто будет рядом в момент кризиса, – заметила Джулия, когда Бен уже не мог ее услышать.

– Да.

– Мне только хотелось бы, чтобы *никому* из нас не нужно было находиться здесь.

– Полностью согласна, – с чувством ответила я.

В этот момент все разговоры прервались, потому что Джулию вызвали, чтобы сообщить о текущем состоянии Лейси. Она поспешила к маленькой группе врачей, ожидавших у кровати ее ребенка, а я тем временем нерешительно топталась у двери, не зная, можно ли войти и мне. В палате была занята еще только одна кровать, вокруг которой сгрудилась невероятно большая и очень встревоженная азиатская семья. Джулия, по контрасту, стояла рядом с Лейси совсем одна. Оковы прошлого держали меня в плену в дверях, но я стиснула зубы и попыталась из них вырваться как раз в тот момент, когда ко мне подошла старшая медицинская сестра палаты, с сожалением качая головой.

– Боюсь, находиться у постели больного могут только члены семьи.

– Я – *член* семьи, – решительно сказала я, переступая порог и подходя к подруге, прежде чем медсестра успела выставить меня в коридор.

От Джулии меня отделяли всего каких-то десять шагов, но пройденное мною расстояние было неизмеримо. Джулия это поняла, подтвердив тем, что взяла мою руку и крепко сжала, давая и принимая поддержку, пока мы слушали тихий говор врачей на фоне постоянно пищущих приборов.

К тому времени как мы вышли из палаты, я, видимо, была бледной как полотно. Бен устремил взгляд прямо на меня, как бы спрашивая. *С вами все хорошо?* Я кивнула, на удивление как должное воспринимая эту новую связь между нами. Бен где-то смог добыть три порции довольно приличного кофе в настоящих фарфоровых чашках. Скорее всего, он очаровал какую-то медсестру.

Джулия осушила свою чашку гораздо быстрее нас, и понятно было, как ей не терпится вернуться к Лейси.

– Софи, не могу выразить, как я благодарна тебе за твое присутствие здесь, но что мне нужно на самом деле, так это чтобы ты сейчас поехала домой.

– Что? Но я только сюда приехала.

Джулия покачала головой.

– Не к тебе домой, милая. Ко мне. Я хочу, чтобы ты присмотрела за Ноем, пока мы не привезем Лейси домой.

– Ной! – воскликнула я, чувствуя, что должна хлопнуть себя по голове, как мультяшный персонаж, за то, что даже не заметила отсутствие в нашей компании четырехмесячного малыша. – Где он?

– За ним присматривают сестры в соседней палате, – объяснила Джулия. – Но ему нельзя находиться в реанимации, и мне было бы гораздо спокойнее, если б я знала, что он дома, в своей кроватке, среди своих вещей, с человеком, которому я доверяю. – Она секунду помолчала. – С человеком, который его любит, – добавила она, на случай, если требовался дополнительный аргумент.

Логика ее просьбы была мне понятна, но я все еще не хотела покидать Джулию.

– Тогда я присмотрю за ним здесь, так никому не придется уезжать.

Джулия стиснула зубы, и по опыту прежних лет я поняла, что она уже приняла решение. Именно по этой причине она и вызвала меня сюда среди ночи. Двое детей и всего один родитель – по крайней мере, до возвращения Гэри. Чистая математика.

– Мне все равно неприятно оставлять тебя здесь одну, – спустя четверть часа повторила я, наверное, в десятый раз.

Неправильно было держать Ноя на руках, пока мать малыша целовала его на прощание. Должно было быть с точностью до наоборот.

– Ты знаешь, где что дома лежит. Знаешь его распорядок дня. Это для всех наилучшее решение. Пожалуйста, Софи.

Странно было уезжать из больницы с ключами и младенцем, который не принадлежал ни мне, ни Бену.

– Думаю, справедливо будет предупредить вас, – сказал Бен, открывая машину и закрепляя автомобильное кресло Ноя, – что все известное мне о младенцах вполне можно уместить на обратной стороне почтовой марки.

Я устало улыбнулась и развернулась на сиденье, чтобы взглянуть на спящего малыша, пребывающего в счастливом неведении относительно событий, сотрясавших его крохотный мир.

– Достаточно присутствия, – сказала я.

Бен улыбнулся, и на этой улыбке стоило бы задержаться, а потом еще раз проанализировать ее при менее удручающих обстоятельствах. Для человека, который никогда прежде не полагался на мужчину в поисках силы или поддержки – или чего угодно, коль на то пошло, – я до странности легко позволила ему проникнуть под мою защитную оболочку.

Я не ждала, что Бен проведет эту ночь со мной в доме Джулии. Разумеется, я его об этом не просила... но опять же, не слишком протестовала, когда он сказал, что останется.

– Так разумнее, а вдруг вам понадобится спешно вернуться в больницу.

Я остановилась на середине кухни Джулии с бутылочкой теплого молока для Ноя и молча уставилась на Бена, понимая, что он прав; вполне возможно, что ночь еще не закончила забрасывать нас эмоциональными гранатами. Я кивнула и постаралась вести себя не как перепуганный подросток, внезапно очнувшийся от шестнадцатилетней спячки.

Накормив Ноя, поменяв ему подгузники и уложив спать, я еще долго сидела у его кровати, наблюдая, как он постепенно проигрывает битву со сном. Я низко наклонилась над перекладной кровати, прикрывая брыкающиеся ножки, когда услышала в коридоре предательский скрип половицы.

Я медленно обернулась, прижав к губам палец. На ковер упала тень Бена, но он остался на пороге детской, не отваживаясь шагнуть в комнату. Я чувствовала на себе его внимательный взгляд, пока включала маленький ночник и радионяню. Бен улыбнулся, когда я на цыпочках неуклюже заковыляла по толстому ковру, и протянул мне руку. Когда его кожа коснулась моей, я вдруг увидела другой дом, который никогда раньше не видела и где в колыбели лежал другой младенец, с необычными глазами цвета жженого сахара. Образ был такой ясный и такой непрощеный, что я тихо ахнула. На сей раз Бен приложил палец к

губам, и я поймала себя на мысли – когда же этот знакомый жест стал внезапно таким сексуальным.

Откуда вообще взялись эти мысли? Меня к Бену не тянуло, хотя он был очень привлекательным мужчиной. Я испытывала к нему только дружеские чувства и была признательна за все, что он для меня сделал. И только? Если они как-то изменились, неужели я не должна была хотя бы заметить это? И Бен, совершенно очевидно, никогда не давал понять, что ищет большего, чем моя дружба. Поэтому обнаружив, что мое подсознание отклонилось совсем в другую сторону, я испытала серьезный шок. Я не проронила ни слова, пока мы не вернулись в гостиную и тревожащий образ будущего не начал рассеиваться.

– Вы очень хорошо за ним ухаживаете, – прокомментировал Бен, сдвигая в сторону небольшой сверток из одеял и подушек, который я положила на диванчик, и садясь.

– Он хороший малыш. А пожив здесь после пожара, я знаю его распорядок. Это, пожалуй, единственный положительный момент в том, что мой дом сгорел.

Бен вытянул свои длинные ноги, заполнив пространство между его диваном и тем, на который примостилась я.

– Не единственный, – медленно проговорил он.

Я так громко сглотнула, что он наверняка это услышал.

– Ээ... не хотите выпить... или поесть?

Я напряглась, как бегун на стартовых колодках, готовая рвануть в убежище кухни. Но Бен просто покачал головой и откинулся на подушки.

– Что я на самом деле надеялся сделать, так это поговорить.

Я мгновенно поняла, о чем он хочет поговорить, и тут же посмотрела на часы.

– Послушайте, сейчас три часа ночи. Поздновато для разговоров. Может, попробуем поспать?

– Я не устал, – перебил Бен, прерывая мои сомнительные возражения. – А вы?

– Я тоже. Все еще чувствую себя на взводе, – честно ответила я.

Я подтянула ноги на кушетку и взяла одну из декоративных подушек, выставив ее перед собой, как щит. Не нужно было быть экспертом по языку тела, чтобы распознать очевидный знак преграды.

– Вы здорово напугали меня в больнице.

– Простите, – пробормотала я, не сводя глаз с геометрического узора на подушке, которую сжимала двумя руками.

– Я не знал, что для вас сделать, как помочь.

Подняв голову, я печально улыбнулась.

– Вы все правильно сделали. Никто ничего *не может* сделать, только подождать, пока это пройдет. У меня уже довольно давно не было этих приступов.

Бен наклонился вперед, опираясь локтями на колени.

– Что случилось, Софи?

Я смущенно покачала головой.

– Паническая атака, – ответила я, тщательно проговаривая слова. – Ничего страшного.

Бен еще больше подался вперед, его тело превратилось в мост, перекинутый через разделявшее нас пространство.

– Не этой ночью. Я имею в виду, что вообще произошло, вызвало их появление.

Я вжалась в спинку дивана, бессознательно отвечая на расспросы Бена. Существовал тщательно отрепетированный сценарий дальнейших реплик. Но, открыв рот, я ничего не

смогла произнести. Ни один актер, дожидаящийся подсказки, не был бы поставлен в более неловкое положение, чем я, вдруг обнаружившая, что должна объясняться без подготовки. Потому что Бен заслуживал большего, чем моя обычная, отретушированная версия правды. Сегодня я среди ночи вытащила его из постели, и он, не задавая вопросов, сделал все, о чем я попросила – для людей, которых он даже не знал. Он заслуживал того, чтобы узнать, почему мой визит в больницу превратил меня в существо, незнакомое для нас обоих.

– Мы никогда не говорили о наших семьях, не так ли?

Бена, казалось, ничуть не удивило, что я так очевидно сменила тему, он подхватил ее.

– Да, по-моему, не говорили. – Он секунду помолчал и добавил: – Моя живет за границей.

Я сделала глубокий вздох, прежде чем начать откровенный разговор.

– Когда меня спрашивают, есть ли у меня братья или сестры, я всегда отвечаю, что нет.

Глаза Бена сверкнули, и крохотный мускул дрогнул рядом с уголком рта.

– Но моя мать... в общем, моя мать до сих пор всем говорит, что у нее *двое* детей. – Я думала, что научилась читать эмоции Бена по выражению его лица, но теперь я этого сделать не могла. – Мы обе правы... и обе не правы.

– Что случилось? – хриплым шепотом спросил Бен.

– Моего брата убили.

Бен резко откинулся назад, как будто его подстрелили. Полагаю, мои слова прозвучали очень грубо, но ведь я не практиковалась в рассказывании именно этой истории. Фальшивая куда как легче слетала с языка.

– Его убил пьяный водитель, врезавшийся на машине в мотоцикл Скотта на перекрестке.

Горло Бена дрогнуло, и я поймала себя на том, что смотрю на его кадык, потому что намного легче было смотреть на него, чем в глаза, полные сочувствия.

– Я очень, очень сожалею.

Люди всегда говорят это, услышав о чьей-то потере, и я никогда не понимала, почему.

– Вы не виноваты.

Впервые с ночи нашего знакомства Бену, кажется, было не по себе в моем обществе. Возможно, *было бы* лучше, если б я солгала, как обычно делала. Но теперь я ступила на этот путь и понимала, что должна закончить.

– У него были страшные травмы. – Несмотря на всю мою браваду, следующие слова застряли у меня в горле. – Несовместимые с жизнью.

Гостиная освещалась только двумя маленькими настольными лампами, поэтому невозможно было сказать точно, но глаза Бена как будто бы ярко засверкали. Его сопереживание было так неожиданно, что и мои глаза наполнились слезами.

– Скотт находился в коме три дня, а потом его отключили от аппарата, который за него дышал. Только я хотела, чтобы подождали еще, хотя врачи и говорили, что он никогда не очнется. Я не могла принять, что мы все предавали моего старшего брата. Я умоляла их подождать... но я была всего лишь пятнадцатилетним ребенком.

Для крупного человека Бен умел передвигаться удивительно быстро. Он сменил место, вдруг оказавшись рядом со мной, словно так и надо. Очень нежно обнял меня, держа так, будто я была сделана из хрупкого фарфора.

– Я так и не пришла попрощаться. Мне невыносимо было находиться там, когда они... когда они... – Большая часть моего последнего предложения прозвучала непривычно глухо,

потому что я говорила, уткнувшись в рубашку Бена, во впадинку у плеча. Я подняла голову и поняла, что старая боль отразилась на моем лице с той же безжалостностью и свежестью, как и шестнадцать лет назад. – Мне нужно было прийти попрощаться. Я должна была сказать ему, что любила его.

– Уверен, он это знал, – сказал Бен. – А вы были всего лишь ребенком.

– Он был моим братом. Мы были командой... а я просто его бросила. И до самой смерти я никогда себе этого не прощу.

Слезы начались с прерванного всхлипа, так в начале грозы раздается удар грома. Плакала я долго, и руки Бена все крепче обнимали меня и держали, пока я плакала, как не плакала много лет. В конце концов, когда одно плечо его рубашки стало на три тона темнее другого, я подняла голову. Поискала взглядом коробку салфеток, зная, что в доме с младенцем и трехлетним ребенком одна всегда будет поблизости. Бен взял коробку со столика и подал мне.

– Значит, эта ночь просто вернула воспоминания, – осторожно проговорил Бен, пока я пыталась высморкаться, стараясь при этом не издать похожий на сирену звук. Я уперлась ладонью ему в грудь, чтобы сесть прямо, но Бен крепче обнял меня, и я не стала вырываться, но снова прижалась щекой к сырому, наплаканному мной пятну.

– *«Вернула»* подразумевает, что они ушли. Но вы правы... сегодня ночью мне пришлось туго. Я впервые за шестнадцать лет находилась в отделении реанимации.

* * *

Странно, что в доме, полном пустых кроватей, мы оба предпочли уснуть на диване в гостиной. Должно быть, я уснула в объятиях Бена, а когда рано утром меня разбудило воркование Ноя, я так там и лежала. Только теперь я была укрыта одеялами, а под голову мне подсунули подушку. Бен устроился с куда меньшим комфортом, скрючившись в уголке дивана, чтобы предоставить мне львиную долю пространства. Зов Ноя сделался чуть более настойчивым, и я мягко освободилась от непривычной тяжести руки Бена, лежавшей у меня на талии. Давно уже я не просыпалась рядом с мужчиной и порадовалась, что Бен настолько измучился, что не пошевелился, когда я встала с дивана и пошла к своему крестнику.

Я вернулась пятнадцать минут спустя, держа на руках голодного, в чистом подгузнике младенца, и обнаружила Бена уже на кухне, помещивающего в двух чашках кофе.

– С молоком и одной ложкой сахара, правильно? – уточнил он, идя к холодильнику за молоком. Двигался он немного скованно и рассеянно потирал правую ногу.

– Простите, Бен, вам, наверное, было совсем неудобно на диване.

Он пожал плечами.

– Мне доводилось спать и в худших местах, хотя, возможно, не с такими шумными соседями.

Я почувствовала, что краснею, но с таким же успехом потому, возможно, что не могла оторвать глаз от руки Бена, которая по-прежнему ритмично разминала затекшие мышцы бедра.

– О боже, я храпела?

– Немного, – ответил Бен, закончив, к счастью, свой импровизированный массаж. – И пару раз вы разговаривали, но не волнуйтесь, я ничего не разобрал.

– И вот почему я никогда не провожу ночь с кем-либо, – легко проговорила я.

– Да?

Вопрос отнюдь не был шутливым; он прозвучал серьезно. Разговор сделался вдруг слишком уж напряженным для половины седьмого утра.

Я круто развернулась и полезла в холодильник за одной из бутылочек, которые хранила там Джулия.

– Вы не брали эти для кофе? – спросила я, зная, что мой вопрос ослабит напряженность момента.

– Нет. А должен был?

– Только если вы предпочитаете в своем эспрессо грудное молоко, – усмехнулась я.

Бен засмеялся, и неловкий момент миновал. На время.

Джулия позвонила немного позже, вскоре после того, как Бен поехал домой принять душ и привезти для нас обоих чистую одежду. У Лейси наблюдаются небольшие признаки улучшения, ей поставили диагноз эпиглоттит, рассказала Джулия, в голосе которой прозвучала осторожная надежда. Она не скрывала облегчения, когда сообщила, что наконец-то поговорила с Гэри, который в настоящий момент находится, как можно надеяться, где-то над Атлантикой на пути домой.^[2]

– Уверена, что продержишься, пока кто-то из нас не сменит тебя? – озабоченно спросила Джулия.

Меньше всего она должна была беспокоиться о Ное, поэтому я, возможно, слегка переусердствовала с ответом.

– Конечно, мы продержимся. Ной так хорошо вел себя прошлой ночью. Он даже разбудил нас только в шесть утра.

– Ладно, сейчас я закрою глаза на эти «мы» и «нас», но не сомневайся, мы вернемся к этому, как только жизнь войдет в нормальное русло.

– Просто поцелуй от меня Лейси и сообщи, если надо будет приехать в больницу.

– Честно говоря, я бы предпочла, чтобы ты оставалась дома с ним. – Она сделала паузу и добавила: – Под «ним» я подразумеваю Ноя, если ты не поняла.

Я улыбнулась в трубку.

– Просто береги себя. И постарайся не беспокоиться.

Легко было это советовать, и я по опыту знала, что Джулия не сможет этому совету последовать.

Положение улучшилось только позднее, днем. Когда Бен вернулся, я немедленно послала его в больницу с небольшой сумкой для Джулии – со сменой одежды и основными туалетными принадлежностями. В полученном от нее сообщении содержались два замечания. «Говорят, что сегодня чуть позже Лейси отключат от аппарата». Это я услышать надеялась. А вот на второе замечание: «А твой новый приятель мне нравится», надежды у меня отнюдь не было.

Меня не было в комнате, когда вернулся Гэри, и первое, что он увидел покрасневшими и уставшими с дороги глазами, был незнакомый мужчина, сидевший в его гостиной.

– Кто-то из нас ошибся домом? – спросил Гэри.

Я уронила корзину с бельем, которую несла из чулана, и бросилась от души обнять мужа своей подруги. Он тоже обнял меня, и я поняла, что он задержал меня в объятиях чуть дольше обычного, чтобы собраться с духом.

– Джулия сообщила, что Лейси отключают от аппарата искусственного дыхания, – прошептала я ему в шею.

Гэри энергично закивал.

– Да, я знаю. Я только что говорил с ней из такси.

– Отвезти вас в больницу? – предложил Бен, вставая и протягивая руку Гэри, который показался мне значительно старше, чем я запомнила его неделей раньше.

– Нет, спасибо. Я хочу, чтобы там был наш автомобиль. – Он пожал Бену руку и рассеянно кивнул. – А кто же вы, кстати?

– Это Бен, – поспешно представила я, зная, что любые дальнейшие объяснения будут мгновенно забыты. Вполне возможно, что Гэри забудет его имя, едва покинет гостиную.

Как я и ожидала, Гэри отказался есть или пить и даже сменить одежду, в которой путешествовал. Слишком сильным было стремление оказаться рядом с женой и дочерью.

– Вы *можете* остаться на этот вечер? – спросил он, беря ключи от машины из вазы, где они хранились. – Моя мать едет поездом из Глазго и прямо с вокзала приедет сюда, чтобы сидеть с Ноем.

За прошедшие годы я встречалась с матерью Гэри несколько раз. Она была очень маленькой, но опытной бывшей медсестрой, которая – если уж совсем откровенно – пугала меня своей неукротимой деловитостью. Я вспомнила, как однажды Джулия сказала мне: «Каждый раз во время своих визитов она настаивает, чтобы я гладила все кухонные полотенца. Да кто это делает?»

– Знаешь, я рада буду присмотреть за Ноем столько, сколько нужно. Если твоя мама захочет поехать в больницу, могу снова остаться на ночь.

Гэри слишком устал, чтобы беспокоиться, покажется или нет его ответ немного невежливым.

– Нет, не нужно, Софи. Ты и так уже сделала для нас более чем достаточно. Но ты знаешь, как это бывает в подобных случаях. В такие моменты семья сплачивается.

Я знаю, он не хотел ранить меня этими словами. И, вероятно, даже не понял, что сделал это, не понял даже тогда, когда Бен положил руку мне на плечо и легонько сжал, успокаивая меня.

На обратном пути домой глаза у меня закрывались сами собой. Бен, недоспавший, как и я, не показывал, к счастью, никаких признаков этого, сидя за рулем автомобиля. Мною овладело странное беспокойство, когда я оставила Ноя в несомненно квалифицированных руках его бабушки. Она живо переделалась, словно по-прежнему была медсестрой, заступившей на смену, и делала неразборчивые пометки в блокнотике, который достала из сумочки.

– О, мы прекрасно поладим с этим молодым человеком, – заверила нас она, провожая до входной двери, как маленький шотландский смерч, полный, казалось, решимости выдуть нас из дома.

– Нас просто выставили? – поинтересовался Бен, его рука естественно покоилась на моей талии, когда он вел меня к автомобилю.

– Да, пожалуй, что так, – ответила я, зевая во весь рот.

Бен включил радио, и машина наполнилась мягкими звуками джаза. Я одобрила его выбор музыки. И это тоже нравилось мне в этом человеке. Каким-то образом, пока я отвлеклась, Бен нашел трещинку в стене, которую я так старательно возводила вокруг себя.

И думаю, он не имел ни малейшего представления, что сделал это. Я почувствовала, как непроизвольно улыбаюсь, наблюдая за его пальцами, рассеянно отбивавшими ритм песни по рулю. Подходящий ли это момент, чтобы немного приоткрыть дверь подвала, или следует, как обычно, держать ее плотно закрытой? Я сделала глубокий вдох, как прыгун с вышки, и нырнула.

– А чего в жизни боитесь вы, Бен?

Он на долю секунды оторвал взгляд от дороги.

– Клоунов, – решительно ответил он. – Жутко страшные, правда?

Моя улыбка застыла.

– Нет, я имею в виду, чего вы *действительно* боитесь?

На сей раз он посмотрел на меня гораздо дольше и смотрел до тех пор, пока на светофоре не загорелся зеленый свет.

– Я так понимаю, вы имеете в виду вовсе не пауков с волосатыми лапами или мою последнюю налоговую декларацию? – Я кивнула. – Не знаю. Надо об этом подумать. А чего боитесь *вы*?

Он перекинул мне вопрос, как я и предполагала.

– Того, что случилось прошлой ночью. – Мой ответ прозвучал немедленно, пронесшись по темному салону автомобиля, как летучая мышь. – Потери еще одного близкого мне человека из-за болезни или ранения – *это* ужасает меня больше всего. Думаю, можно сказать, что у меня настоящая фобия в этом отношении.

– С этим, наверное, трудно справиться. Я имею в виду, это невозможно контролировать.

– Кроме как ограничить число людей, о которых я беспокоюсь, я мало что еще могу сделать. И хотя я понимаю, что мое чувство неразумно, это не означает, что я могу его пресечь. Я повсюду вижу смерть.

– Надеюсь, не в духе «Шестого чувства»?

– Он всегда рядом, этот страх. Как мерцание на краю поля зрения. Эта тревога изнуряет, – со вздохом призналась я, – но я не могу перестать. Она здесь, когда я закрываю глаза, и здесь – когда я снова просыпаюсь. – На этот раз я действительно засмеялась, но без всякого веселья. – Это кошмар, который просто продолжает меня преследовать.

– Не поймите неправильно, – неуклюже начал Бен, – но...

Я перебила его, чтобы избавить от неловкой необходимости закончить предложение.

– Посещала ли я психолога или психотерапевта? Да. Нескольких. Но от этого труднее избавиться, чем от простого страха перед полетом в самолете или страха перед бегущим по потолку пауком. Эти вещи вас не убьют, то, чего боюсь я, убьет.

– Вы не можете отгораживаться от жизни из страха, что однажды потеряете человека, которого любите. Это бессмысленно.

Я криво усмехнулась.

– Да уж яснее ясного.

– Тогда перестаньте это делать.

Со вздохом я потянулась к регулятору громкости радио. Время признаний закончилось.

– Легче сказать, чем сделать. У меня шестнадцать лет практики, поэтому теперь у меня это очень хорошо получается.

Это не побег, если вы заранее говорите людям, что уезжаете, оправдывалась я перед своим отражением в зеркале на следующее утро, пока чистила зубы. Бросив зубную щетку поверх кучки туалетных принадлежностей в несессер, я обратила внимание на темные круги под глазами. Мне бы провалиться в сон, но всю длинную ночь я урывками ловила отдых, да и тот перемежался несвязными и тревожными сновидениями. Неудивительно, что многие из них были как-то связаны с больницами, хотя пациент на железной кровати не был Лейси и даже не был Скоттом... это всегда был мой отец. После третьего резкого пробуждения с ощущением неминуемой беды я перестала бороться с подсознанием и приняла решение. Я захотела – нет, испытала потребность – увидеть свою семью и не хотела ждать пару недель до Рождества.

Я беспорядочно побросала одежду в дорожную сумку и налила третью чашку кофе в ожидании подходящего времени для раннего утреннего визита, чтобы попросить еще об одном одолжении. Я погромче включила радио, потому что хотела заглушить внутренний голос, не устававший предостерегать меня, что дружба Бена и его терпимость подвергаются опасности растянуться, как резинка, до критического состояния, если я не проявлю осторожность.

Квартира на цокольном этаже была хорошо изолирована, но звуки все равно доносились из владений наверху, поэтому легко можно было понять, когда Бен вставал и начинал ходить. Я рассеянно потирала лоб, взбираясь по деревянной лестнице между жильем Бена и моим. Беспокойная ночь наградила меня тошнотворной головной болью, а из-за кофеина она сделалась совсем уж нестерпимой.

На этот раз я не стала врыватья прямо в кухню, а подождала, пока Бен ответит на мой стук.

– Доброе утро, Софи, – непринужденно улыбнулся он мне, открывая дверь и жестом приглашая следовать за ним, словно очередное появление у него на пороге докучливой квартирантки вовсе не было чем-то необычным. Одет он был для другого климата или другого времени года. Обтрепанные понизу джинсы и застиранная серая футболка выглядели старыми и удобными. Ноги – босые, а с волос еще падали капли воды после душа. «Бен только что вернулся с пляжа, или после сёрфинга, или после какого-то другого здорового дела на свежем воздухе», – подумала я, идя за ним на кухню.

– Кофе? – предложил он, беря стеклянный кувшин и соблазнительно им покачивая.

– Мне не надо, – ответила я, а себе он налил щедрую кружку. – Прошу прощения за беспокойство...

– Да я вроде как уже привык, – пошутил он. – Так куда мы рванем сегодня?

Я виновато прикусила губу, зная, что заслужила это. Я *использовала* Бена в качестве личного водителя с автомобилем. Этому явно нужно положить конец, строго приказала я себе.

– Вообще-то это я уезжаю на день или два, но я хотела попросить вас об одолжении – кормить Фреда, пока меня не будет. – Бену вроде бы очень не понравилась моя просьба. – Безусловно, если это слишком хлопотно, я могу взять его с собой, но...

– Никаких хлопот.

– Вы уверены? Потому что воодушевления на вашем лице я не вижу.

– Может, потому, что я не рад вашему отъезду? Без вас тут будет ужасно скучно.

Он прищурился при этих словах. Он меня дразнил. Очевидно, дразнил. И в мои годы я должна была уметь парировать подобное замечание так же легко, как отбить теннисный мяч. Только вот со спортом я не ладила и, по-видимому, еще меньше – с дружеским подшучиванием... если это то, чем мы сейчас занимались.

– Хм, я написала инструкцию по его питанию, – сказала я, доставая из кармана джинсов сложенный листок. – А на столешнице стоит громадный пакет с кошачьей едой.

Бен потянулся за листком, и наши пальцы соприкоснулись. Я заметно дернулась, словно бумага была наэлектризована.

– Так куда же вы едете? – спросил Бен, переводя взгляд с наших рук на мое лицо. Проклятие, он заметил, как я отдернула руку.

– Домой, – ответила я.

– В Коттерхэм?

Я в изумлении вскинула голову. Разве я говорила ему, где живут мои родители? Что-то не припомню, и даже если и упомянула между прочим, как он умудрился это запомнить?

– Да, – немного озадаченно проговорила я. – Мне кажется, что вчерашние слова Гэри о семье крутились у меня в голове всю ночь. Сегодня утром я проснулась, зная, что должна туда поехать, – мое лицо исказилось, – да еще с жуткой головной болью. – В глазах Бена немедленно отразилось сочувствие. – У вас случаев нет парацетамола или чего-то такого, а? После пожара я так еще и не запаслась лекарствами.

– Конечно, – сказал Бен. – В шкафчике в ванной у меня, вероятно, есть запасная пачка. Сейчас принесу...

Уже приподнимаясь со стула, он замолчал, потому что его перебил зазвонивший в другом конце кухни мобильный. Бен сменил направление, свернув к звонившему телефону, жестами указывая в сторону ванной комнаты и давая понять, чтобы я взяла лекарство, пока он ответит на звонок.

Странно было идти по его спальне, хотя он только что разрешил мне это сделать. Пуховое одеяло был отброшено, скомкано, словно он только что выбрался из-под него, а подушка с правой стороны кровати все еще хранила видимый отпечаток головы. Я всегда любила спать слева, и эта мысль совершенно не имела права приходить мне, пока я обходила изножье кровати.

Возможно, я очень кстати уезжаю на несколько дней. Это даст мне достаточно времени, чтобы обуздать все эти странные мысли и отправить их восвояси. Границы между реальностью и фантазией начали размываться, доставляя мне беспокойство, и мне требовалось сменить обстановку, пока из жильца я не превратилась в преследователя.

Разумеется, ворошить вещи в шкафчике в ванной комнате Бена было не лучшим способом проиллюстрировать эту новую решимость, сообразила я, открывая дверцы с двойными зеркалами и разглядывая аккуратно разложенное содержимое. Нижняя полка была ожидаемо заполнена туалетными принадлежностями, и я успешно остановила внутреннего воришку, не дав ему ни до чего дотронуться, хотя мой нос заходил, как у кролика, когда я распознала несколько запахов, уже помеченных у меня в мозгу как «Бен».

Лекарства он держал на верхней полке, и если они были доступны человеку его роста, я категорически не могла до них дотянуться. В дальнем углу я разглядела пачку болеутоляющего. Я потянулась вверх над глубокой фаянсовой раковиной, кончики пальцев скользнули по краю коробочки. Оставалось несколько миллиметров, и, пока я пыталась

сдвинуть коробочку, с полки свалилась маленькая коричневая бутылочка с таблетками. Она с шумом упала в пустую раковину, катаясь там, как шарик рулетки, пока не остановилась, этикетка виднелась лишь наполовину. Я взяла бутылочку, чтобы вернуть ее на место. Увидела имя Бена и дату, отпечатанные на сигнатуре, и мне действительно хотелось думать, что я проявила бы достаточно уважения к его частной жизни и не посмотрела бы на название лекарства, но шанса узнать это мне не представилось. В зеркале позади меня вдруг появилась высокая темная фигура, и одним быстрым движением Бен взял бутылочку с таблетками и поставил на верхнюю полку этикеткой внутрь.

– Позвольте, я достану, – сказал он, беря обезболивающее и подавая мне.

Никогда прежде я не видела у Бена такого выражения глаз. Не могу точно определить его, но оно очень походило на разочарование, и я немедленно почувствовала себя ростом в шесть дюймов. Неудивительно, что я не могла дотянуться до этой проклятой полки.

– Значит, она выздоровеет, дочка Джулии? – спросил отец, ставя мою сумку в багажник своего автомобиля.

– Да, слава богу. Джулия сказала, что уже с трудом удерживает ее в кровати.

– В этом возрасте они очень быстро поправляются.

Я украдкой посмотрела на него, пока он садился и пристегивался. Мы обменялись кратким взглядом, но за ним стояло очень многое.

Большую часть двадцатиминутной поездки от вокзала до родительского дома заняли забавные истории отца об их недавнем отдыхе. Я слушала вполуха, производя мысленный обзор его здоровья. Не задыхается, поднявшись по короткой лестнице к вокзальной парковке; щеки загорелые после нескольких недель под карибским солнцем; руки морщинистые и в старческих пятнах, но спокойно держат руль. По очереди вычеркнув каждый пункт в моем виртуальном списке, я почувствовала, как слегка ослабла опутавшая меня тугая сеть тревоги.

– Значит, вернуться назад в старую квартиру после пожара было невозможно?

Виноватый взгляд я спрятала, притворившись, что рассматриваю знакомые виды, мелькавшие за боковым окном. Я изложила маме и папе другую версию того, что случилось в ночь пожара. Моим стареющим родителям совершенно незачем было знать, насколько близко они оказались к тому, чтобы пережить вторую трагедию. Но мне потребуется быть начеку, чтобы не ошибиться и не запутаться в своей же истории.

– Нет. Пожар причинил слишком большой ущерб.

В этом я по крайней мере не солгала.

– Но тебе нравится новое место, которое ты нашла?

– Очень, – ответила я. И снова – абсолютно честно. – Бен, хозяин дома, оказал мне всяческую поддержку и помощь.

Папа кивнул, и это показалось мне подходящим моментом, чтобы задать вопрос, который я обдумывала на протяжении всего пути в поезде.

– Папа, вы с мамой не будете возражать, если я на пару дней приглашу его к нам на Рождество?

Отец приподнял густые седые брови, что было вполне ожидаемо.

– Ну... нет. Хотя должен сказать, я очень удивлен. Ты никогда раньше не привозила с собой парня.

На то были серьезные причины, но сейчас не хотелось в них разбираться. Более

актуальной мне представлялась необходимость убедиться, что все всё правильно понимают.

– Папа, Бен не «парень», он успешный бизнесмен, ему за тридцать. Но что важнее, мы с ним не... не... пара, – сбивчиво закончила я.

Переводчики умеют подбирать слова; это наша работа. Но мне не удавалось подыскать выражение, объясняющее, кем мы с Беном были друг другу – если оно вообще существует.

– Бен просто друг, – негромко, но четко подтвердила я. – И когда на днях он сказал, что его семья живет за границей, я подумала, что пригласить его к нам на Рождество – благое дело.

Я осталась весьма довольна таким объяснением. Моя мать самозабвенно участвовала во многих местных благотворительных обществах. Это был выбранный ею способ выжить. Каждый из нас что-то себе нашел.

Я понимала, что мой ответ не станет универсальным решением.

– Благим делом, да? – переспросил мой отец с усмешкой, которой я давно от него не слышала.

Тогда я и осознала, что нет никакой разницы, что я скажу о моей дружбе с Беном. Отец уже составил свое мнение.

– Что ж, я не возражаю, если ты хочешь его пригласить. – Он легко сжал мое предплечье. – Я давно жду, чтобы ты привезла домой парня.

Я вздохнула и выпустила воздух из легких долгим ровным потоком. Отец посмотрел на меня и подмигнул, и я слабо улыбнулась в ответ. Он проделывал ту штуку, которая всегда доводила меня до бешенства; он притворялся, что найти «подходящего парня» и обзавестись семьей – для меня всего лишь вопрос времени. А я, со своей стороны, притворялась, что, конечно, это до сих пор вполне возможно; что шрамы прошлого достаточно поблекли, чтобы больше не ранить нас. В семье мы играли во много подобных игр.

– Но спать ему придется на раскладном диване в кабинете, ты же понимаешь?

Я кивнула. Что бы они ни думали о моих отношениях с Беном, замечание отца никак не касалось приличий. Мои родители жили в просторном доме с тремя спальнями, но одна комната навсегда была закрыта для гостей.

– Уверена, ему будет там вполне удобно – *если* он вообще приедет. До Рождества всего две недели, и он, вероятно, уже договорился с друзьями или с кем-то еще... у него много друзей.

Звук телевизора, работающего для аудитории в лице одного спящего человека, поднимался по лестнице вслед за мной. Папа уронил голову, едва начались вступительные титры дневной викторины. Однажды я присутствовала на сеансе гипноза, так даже там не удалось так быстро погрузить человека в сон.

Я вежливо отклонила предложение мамы сопроводить ее на собрание книжного клуба.

– Мне действительно нужно пойти, потому что именно я предложила книгу этого месяца, – объяснила она. – Если бы мы заранее знали, что ты приедешь...

Я услышала легкую критику в ее словах. Я пропустила ее мимо ушей: какой смысл приезжать повидать родителей, а потом обижаться на какие-то мелочи.

– Иди и наслаждайся своим собранием. Давай я приготовлю ужин, пока тебя не будет? – предложила я.

Мама взяла ключи от машины и бумажный пакет, стоявший наготове рядом с ее сумочкой. Она уже пошла к двери, а потом в последний момент вернулась и неожиданно

быстро обняла меня. В нашей семье объятия были не приняты, и когда я пришла в себя от изумления и собралась обнять маму в ответ, она уже отстранилась, оставив только облачко ее любимых духов, которыми она пользовалась многие годы. В моей полуподвальной квартире стоял новый флакон этих духов, дожидавшийся, когда его упакуют и положат под маленькую искусственную елку, которую скоро поставят в гостиной. При мысли об этом между бровей у меня возникла морщинка – я знала, что под этой елкой будет лежать одинокий подарок, который пролежит там, пока не пройдет двенадцать ночей и елку не разберут. На самом ли деле я хочу продемонстрировать Бену странности моей семьи? Что он подумает о них... о нас?

Это началось в самый первый год, когда наш рождественский стол накрыли на троих, а не на четверых. Кто-то из нас должен был что-то сказать тогда, но все было еще так свежо и болезненно. Не станешь ведь тревожить заживающую рану. Поэтому мы промолчали, когда моя во всех остальных отношениях разумная мать продолжила покупать Скотту рождественский свитер, когда ему уже не нужна была никакая одежда. Тем не менее, думаю, ни мой отец, ни я не ожидали, что эта своеобразная практика продлится столько, сколько длится.

Я только раз заговорила об этом с матерью, и со слезами на глазах она ответила, что ей невыносимо исключить Скотта. Ее ответ почти разбил мне сердце. Окончательно оно разбилось, когда я увидела тот джемпер в витрине местного благотворительного магазина. Я так и не решила, что хуже: моя мать скорбно разворачивает сверток и отдает джемпер или прячет его для сына, который никогда не вернется домой, чтобы его носить.

На верхнюю площадку выходили четыре двери. Только одна из них была закрыта. Я медленно подошла к ней и нажала на дверную ручку. В комнате должно было пахнуть плесенью или затхлостью, но воздух был свежий, потому что дверь часто открывали. Слишком уж часто. Я скользнула в щелку и плотно закрыла дверь за собой. Всегда наступал момент, даже по прошествии стольких лет, когда шок того события по-прежнему так на меня воздействовал, что ноги не слушались. «Сознание того, что он никогда не встанет в этой комнате, никогда не заорет, чтобы я отсюда убиралась, по-прежнему действует на меня убийственно», – подумала я с нервным смехом. Я подошла к кровати и села на угол.

– Здравствуй, Скотт, – прошептала я в пустой комнате.

Привет, Софи, последовал воображаемый ответ брата.

Все мы заходили сюда, но всегда по одному. Мы никогда об этом не говорили. Это было личным делом, как посещение исповедальни, где продолжал жить наш грех, а Скотт – больше не жил. В этом месте мы с родителями чувствовали себя ближе всего к нему. В этом месте я по-прежнему слышала его голос. Здесь, где плакаты на стене напоминали нам о его любви к хеви-метал, полка со спортивными наградами свидетельствовала о мастерстве владения мячом, прислоненная к стене электрогитара – на которой он так и не научился играть, – напоминала о неосуществленных стремлениях. Я смотрела на его вещи, хотя столько раз видела их раньше, что они всегда были со мной, словно лазером выжженные на сетчатке.

Однако именно зеркало всегда тянуло меня к себе. Я повернула к нему голову, видя не отражение женщины, которой уже исполнилось тридцать, а ее более молодую версию, смеющуюся вместе с братом в тот момент, когда он засовывает билет на музыкальный фестиваль за раму, пристраивает его за полоской снимков из фотоавтомата, на которых запечатлены они оба. На всех четырех фотографиях пятнадцатилетняя девочка широко

улыбалась в камеру, а мальчишка рядом с ней строил глупые рожи, показывал язык или делал ей рожки.

Закрыв глаза, я перенеслась в тот летний вечер. *«Ты же знаешь, что они никогда не разрешат тебе поехать на этот фестиваль в Германию. Только не с этими парнями».*

«А зачем мне их согласие. Мне почти восемнадцать. Мне не нужно их разрешение или чтобы они выбирали мне друзей. Кстати, спасибо, что одолжила денег, Соф. Ты лучшая».

«Только не говори предкам, откуда ты их взял, а то они убьют и тебя, и меня».

Комната слегка поплыла, когда на меня нахлынули воспоминания из прошлого. Неужели я действительно сказала те слова, всего за несколько дней до того, как его положат на холодный, жесткий стол в морге?

«Я все тебе верну, как только найду работу на лето», – пообещал Скотт.

«Когда я освоюсь с математикой, я начислю проценты», – со смехом сказала я.

Я встала и потрогала загнущиеся концы неиспользованного билета на фестиваль. Шрифт выцвел в лучах солнца, светившего из окна. Дату было почти невозможно прочитать. Пройдет еще шестнадцать лет, а он все так же будет здесь, пожелтевший квадратик, слова не видны, память не уничтожима?

Поругался бы он в тот вечер с родителями, если бы этот билет не был куплен? Сосредоточился ли в нужной мере на езде или гневные слова все еще крутились бы у него в голове? На эти вопросы невозможно было ответить. И был еще один, не желавший оставаться втуне, сколько бы раз я ни приходила в это место. Если бы я не одолжила Скотту те деньги... если бы он не купил тот билет, был бы он жив сейчас?

О моем возможном рождественском госте мама упомянула только на следующее утро, когда отец ушел за своей ежедневной газетой. После инфаркта они отказались от услуг разносчика. Теперь в их холодильнике не водилось никакой тяжелой пищи, а к дверце были прикреплены магнитиками расписания сеансов в бассейне и занятий в тренажерном зале. Физические упражнения и здоровое питание не спасли ее сына, и мама жила с почти фанатичным настроением, что при ней никто больше не умрет. Постоянное бдение, должно быть, изнуряло, об этом говорили лучики морщинок в уголках глаз, и в каждый приезд я видела, что морщинки эти делались чуть глубже, чуть длиннее.

Я потянулась за банкой джема, и мамин взгляд упал на маленький участок кожи на моем запястье, видневшийся из-под манжеты джемпера.

– Что это? – Я торопливо натянула рукав, скрывая шрам, который, уже поняла я, спрятать от мамы не удастся. – Это ожог, Софи?

Мгновение я прикидывала, не солгать ли. Не обойдется ли, если я скажу, что обожглась утюгом? В конце концов, утюг *был* задействован... в известной мере.

– Ничего страшного, мама. Не переживай.

Не обращая внимания на мои слова, она взяла меня за руку, держа ее так, как всегда делала пару десятков лет назад, когда мы переходили через дорогу. Очень нежно она перевернула мою руку и сдвинула манжет, обнажая запястье. Ожог не был уродливым и больше уже не болел, но ясно было, что это недавняя травма. Мама очень долго молчала, просто рассматривая отметину на моей руке. Когда она в конце концов подняла голову, я удивилась тому, что ее глаза ярко блестят от слез.

– О, Софи, – грустно проговорила она. – Ты должна была что-то сообщить. Почему ты нам не сказала?

Я пожалала плечами, снова чувствуя себя подростком.

– Да фигня, – сказала я, сознавая, что вернулась к лексике, которую уже очень давно не употребляла.

– Если ты получила травму, совершенно очевидно, что не фигня, – решительно не одобрила она мой ответ.

– Было бы еще хуже, если бы рядом не оказалось Бена.

– Это тот мужчина, у которого ты снимаешь квартиру?

Я кивнула.

– Тот, которого ты хочешь пригласить сюда на Рождество?

Я судорожно проглотила последний кусок тоста и почувствовала, как он больно повернулся где-то в глубинах моего желудка. Отец сказал, что улучит подходящий момент, чтобы спросить у нее, и я надеялась, он отыщет его, когда я уже буду в поезде по пути домой.

– Ну что ж, хорошо. Я действительно хочу познакомиться с этим молодым человеком.

О боже. Что я наделала?

Дом стоял темный, когда я вернулась, и это было необычно, но я так торопилась внутрь с холода, что даже не обратила внимания, есть ли на подъездной дорожке автомобиль Бена. Слышно было шумное приветствие Фреда по другую сторону двери, пока я вставляла ключ в замок окоченевшими пальцами. Перенеся через порог сумку и поспешно отгородившись от холодного декабрьского вечера, я от души, с облегчением вздохнула.

Наклонившись за лежавшей на коврикe почтой, я мимоходом почесала Фреда между ушами.

– Да, я тоже рада тебя видеть, – сказала я в ответ на упоенное мурлыканье, отсутствуй я месяц, а не одну ночь, он и то не проявил бы большего энтузиазма.

Но *действительно* приятно было вернуться, признала я, и это гораздо больше походило на «возвращение домой», чем любое возвращение в ту квартиру в мансарде. Сейчас я ничего так не хотела, как включить отопление, надеть самую удобную пижаму и собрать себе что-нибудь поесть.

Выпрямившись в темноте, я потянулась к выключателю в прихожей. Несмотря на то, что я несколько раз щелкнула им, давая безжизненной лампочке достаточно возможности передумать, она не ожила.

– Потрясающе, – пробормотала я, направляясь к чернильной темноте кухни и по пути умудрившись эффектно споткнуться о сумку и натолкнуться на несколько предметов мебели. – И готова поспорить, запасной лампочки у меня нет.

Пошарив по стене рукой, я нащупала следующий выключатель, и только когда он тоже отказался работать, я сообразила, что проблема серьезнее, чем просто одна перегоревшая лампочка. Даже сад, который обычно был искусно подсвечен синими и зелеными прожекторами, был погружен в полную тьму.

Фред вился у меня под ногами, не подозревая, что только один из нас был способен видеть, куда идет. Я достала из кармана мобильник, включила фонарик и осторожно повела тонким, как карандаш, лучом по кухне. Я не представляла, отключили электричество или выбило пробки, но в любом случае блок предохранителей находился в той части дома, где жил Бен.

Я прислушалась в темноте, пытаюсь понять, скрип над головой – это чьи-то шаги наверху или просто дом готовится ко сну.

– Оставайся здесь, – приказала я коту, не имея возможности увидеть, подчинился он моему приказу или нет, открыла дверь на лестницу и поднялась наверх, светя себе мобильником. Наверху я открыла дверь, позвала Бена по имени и вошла в кухню, направляя луч света в центр помещения. Другой, гораздо более мощный луч ударил мне в лицо, на мгновение ослепив меня.

– Бен? Это вы? – глупо спросила я.

– Да, – ответил бестелесный голос. – Подождите минуту, Софи. Я дойду до блока предохранителей и посмотрю выключатели. Не двигайтесь.

Я выключила свой фонарик и стала ждать. Темноту прорезали звуки падения каких-то предметов и ругательств, которых я никогда прежде от Бена не слышала. Я улыбнулась, хотя никто не мог меня видеть. Я все еще улыбалась, как идиотка, когда свет включился, и обнаружила, что стою перед комнатой, но не пустой, а полной людей.

Если бы это было в кино, в этот момент все вскочили бы и закричали: «Сюрприз!», но, понятно, никто этого не сделал. На меня смотрели, словно я была рабочим, случайно вышедшим на сцену в разгар спектакля. Я начала было чувствовать себя неловко, когда знакомый голос нарушил тишину.

– Софи! Как приятно снова вас видеть.

Карла встала, ослепительная в своем наряде переливчатого синего цвета с серебром. Я едва узнала ее под угольно-черным, с челкой париком в стиле Клеопатры.

– Как поживаете, Карла? – спросила я, благодарно идя в ее распахнутые объятия.

Тепло ее приветствия растопило холодок неловкости, возникший оттого, что я ввалилась в помещение, полное незнакомых людей. Правда, теперь, когда у меня появилась возможность оглядеться, я увидела, что не *все* они незнакомые.

Генри наклонил голову, приветствуя меня.

– Здравствуйте, юная леди.

А из глубины кожаного кресла я услышала другой голос, шутливо спросивший:

– Что? На этот раз без оружия, Софи?

Я слабо улыбнулась Тому, который широко улыбнулся в ответ и вонзил зубы в огромный ломоть пиццы.

– Думаю, все в порядке, – объявил Бен, присоединяясь к своим гостям. – Сообщите мне, Софи, если внизу что-то все еще не работает.

До меня начало доходить, что я помешала вечеринке Бена, находившейся в полном разгаре. На рабочем столе в кухне я увидела несколько пустых винных бутылок, а рядом – стопку коробок от еды навынос, достаточно больших, чтобы в них поместилась пицца размером с велосипедное колесо. Запах расплавленного сыра и чесночного хлеба облачком витал над группой друзей, и я взмолилась, чтобы мой желудок не подал голос, ставя меня в неловкое положение.

– О, отлично, спасибо, – проговорила я, не сразу поняв, что меня выпроваживают.

Я оглянулась и поймала на лице Карлы неодобрительное выражение, которое она даже не пыталась скрыть. Несколько других гостей смущенно заерзали на стульях, внезапно найдя крайне занимательной текстуру деревянного пола.

– Я не знал, вернетесь вы сегодня вечером или завтра утром, – непринужденно сказал Бен. Невозможно было не заметить руку, которую он положил мне на талию, мягко подталкивая меня к двери. – Как бы то ни было, кота я покормил раньше, – добавил он.

– О, так это *ваш* кот? – спросил немолодой женский голос.

Улыбка Бена показалась немного натянутой, когда мы оба повернулись и увидели Фреда, вечного приспособленца, который поднялся за мной наверх и теперь с довольным видом свернулся клубочком на коленях очень маленькой седовласой женщины с яркосиними глазами, каких я никогда не видела. Костлявыми пальцами она с любовью гладила Фреда по спине, и он явно наслаждался вниманием.

– Какой красавец, – заявила женщина. – Мне *очень* не хватает компании кошки. Можно, он немного здесь побудет?

Бен, казалось, искренне страдал. Наверняка в данный момент приглашение должно было распространиться не только на незваного кота, но и на незваного гостя? Не я должна была нарушить неловкое молчание, но я все равно это сделала.

– Да, конечно. Просто отправьте его вниз, когда он начнет вам надоедать, – сказала я Бену, который стоял с видом смущенным, но непреклонным. – Что ж, приятно было со всеми вами познакомиться, – добавила я, обращаясь к собравшимся в целом, и спустилась в свой полуподвал, где ирония моих прощальных слов оглушила меня, как удар кирпичом. Потому что ни с кем из гостей Бен меня не познакомил. Я не познакомилась с ними... потому что Бен этого не хотел.

Стук в дверь был настойчивым и раздражающим. Я нажала клавишу «Сохранить» и пошла открывать, все еще прокручивая в голове сложности отрывка, над переводом которого я работала. Как только дверь открылась, в щель просунулись планшет и ручка. Передо мной стоял крепкий мужчина в толстом анораке, на лице его было написано легкое недовольство.

– У меня для вас дерево.

Я лишь моргнула, прикидывая, не ослышалась ли. Прежде мне присылали цветы, раз или два, но никогда – целое дерево.

– Прошу прощения?

Мужчина тяжело вздохнул.

– Дерево. Хвойное, если быть точным. Заказ на имя... – Он забрал у меня планшет и прочел неразборчивые каракули в какой-то графе. – Стивенса.

– А, ясно. Вам нужен *главный* вход, – объяснила я, уже закрывая дверь.

Мужчина ухватился за нее рукой, удерживая, и заговорил, как мне показалось, с ненужной злостью.

– Послушайте, милочка, я десять минут звонил в дверь, и никто не ответил. У меня целый грузовик доставки. Может, просто распишетесь за дерево? Я оставлю его на подъездной дорожке.

Я начала замерзать, стоя в открытых дверях, и мне действительно нужно было вернуться к переводу, поэтому я взяла ручку, которой он мотал у меня перед носом, и расписалась в получении. Я вернулась к своей работе и напрочь забыла обо всем этом, пока некоторое время спустя мой телефон не пискнул, приняв сообщение. Оно было от Бена.

«Вы что-нибудь знаете о гигантской секвойе, перегородившей подъездную дорожку?»

Я не стала тратить время на ответ. Просто вскочила, сунула руки в рукава куртки, висевшей у двери, и выбежала на улицу. Я увидела только голову и плечи Бена, прохаживавшегося вдоль необычайно длинного и густого хвойного дерева, лежавшего поперек дорожки.

– О, – только и сказала я, уже ощущая, что чувство вины бросает меня в неприятный

жар.

На тротуаре рядом с домом, мигая аварийными огнями, стоял автомобиль Бена. Только чудом он не врезался в это дерево.

– Думаю, мне доставили дерево, явно предназначенное для Трафальгарской площади, – криво усмехнулся Бен.

Наш разговор по разные стороны дерева напоминал беседу в лабиринте.

– О боже. Полагаю, отчасти это и моя вина, – страдальчески проговорила я. – Я расписалась за это дерево, не посмотрев на него. Я так понимаю, вы заказывали не такой размер?

Он пожал плечами, по крайней мере, мне так показалось. Сложно было рассмотреть сквозь густые ветки, заслонявшие обзор.

– Ну, я попросил от маленького до среднего... и точно не выбирал большой.

Должна признать, что Бен, похоже, воспринял эту путаницу спокойно. Хотелось бы мне знать, что может его разозлить или возмутить. Казалось, он все всегда воспринимал с бесстрашием.

– Что ж, сейчас я мало что могу с этим поделать. Сомневаюсь, что мы сможем поднять его вдвоем. Я попозже позвоню Тому и узнаю, поможет ли он.

Я посчитала неуместным напоминать, что физические ограничения Тома могут сделать его даже менее полезным, чем я, когда дело дойдет до поднятия огромного дерева.

– Ну, я все равно собирался потом на прогулку, – заявил Бен, взглянув на тучи, которые сталкивались в небе, как серая сахарная вата. – Но, думаю, можно сделать это и сейчас. Хотите присоединиться?

Я оглянулась на свою квартиру, где ждал перевод, подбивая меня отказаться.

– Вообще-то да. Пожалуй, свежий воздух мне не помешает. Я только возьму пальто потеплее.

Однако когда через несколько минут я вышла на улицу, то поняла, что переход с моей стороны дерева на сторону Бена легким быть не обещает.

– Вы сумеете перелезть?

Я выразительно пожалала плечами.

– Давайте попробуем?

Бен стал раздвигать наиболее густые ветки, показывая мне пример. Неуклюже продираясь со своей стороны, я таки ухитрилась добраться до ствола.

– Вроде вы говорили, что были сорвиголовой, что *всегда* лазали по деревьям, – заметил Бен с другой стороны препятствия.

– Была. Но двадцать лет назад. И почему-то это легче делать, когда дерево находится в вертикальном положении, – заявила я, закинув наконец одну ногу на колючий ствол.

Сквозь последний слой хвои Бен подал руку, я протянула свою навстречу. Бледный свет зимнего солнца вдруг прорезался через серые облака и упал на внутреннюю сторону запястья Бена, словно лучом фонаря высвечивая шрам от ожога. Мой шрам соединился с его шрамом в одну линию, как две половинки сломанного талисмана. Бен крепче сжал мою руку и мягко потянул к себе. Никто из нас не сказал ни слова. Он держал меня крепко и сильно, и мы как никогда близко оказались лицом к лицу. Я чувствовала жар его дыхания на своих губах и испытывала почти непреодолимое желание ликвидировать оставшееся между нами маленькое расстояние. Впервые, даже не помню за какое время, я действительно хотела, чтобы меня поцеловали. И не просто кто-то, а Бен.

Выбирать дорогу я предоставила ему, с радостью шагая рядом с ним в приятном молчании по лесной дорожке, которая вела к большому парку. Бен отводил в сторону ветки, оказывавшиеся на уровне моего лица, а когда резиновые подошвы моих кроссовок заскользили на влажной почве, взял меня за руку и как-то забыл ее убрать, а я как-то забыла ему об этом напомнить.

– Так вы всегда заказываете такие огромные елки на Рождество? – в конце концов спросила я, идя бок о бок с Беном между деревьев, ветви которых смыкались над нашими головами, напоминая старинное кружево.

– Нет. Но с другой стороны, последние несколько лет меня не было на Рождество в Великобритании. Мы с моей подругой... – Он покачал головой, словно не веря, что так оговорился. – Мы с моей *бывшей* подругой обычно уезжали на праздники кататься на лыжах.

Впервые он упомянул рыжеволосую красавицу, которую я, понятное дело, не удержалась и поискала в сети. Холли. Такое имя легко запомнить в это время года, но я не сомневалась, что не забуду его и в любой другой сезон. [\[3\]](#)

– Вы катаетесь на лыжах, Софи?

Я засмеялась.

– В первый же день отдыха меня спустили бы с горы на носилках.

Он сжал мои пальцы, и этот жест сказал гораздо больше, чем простое соприкосновение рук.

– Теперь я подозреваю, что и меня тоже.

Странное замечание, но я не успела спросить, что имел в виду Бен, потому что он явно хотел о чем-то поговорить. По его глазам я видела, что он немного нервничает.

– Это Карла отругала меня вчера за то, что дом не украшен к Рождеству. Она была хорошей подругой прежних владельцев, а у меня не хватает праздничности.

Минуту мы шли молча, потом он выложил остаток признания, тот, что заставлял его так нервничать.

– Вообще-то Карла дала мне не только это задание. Она была очень разочарована тем, как я вытолкал вас вчера вечером вниз.

– Вы не вытолкали, – сказала я, прекрасно понимая, что мы оба сознаем – *именно* это он и сделал.

– Она описала это так, будто я выгоняю вас вместе с шестью белыми мышами и тыквой.

Я отвернулась, чтобы скрыть улыбку, зная, как легко было представить красочную, эксцентричную Карлу в роли моей феи-крестной. Это, разумеется, превращало Бена в прекрасного принца, роль, которую он сыграл бы с легкостью. Я в роли Золушки, будущей принцессы, была единственной неудачно подобранной актрисой в этом сценарии, насколько я могла судить.

– Я не хотел нарочно исключить вас... – Бен покачал головой, почти сразу же противореча себе. – Нет. Это ложь, я *пытался* помешать вам познакомиться с ними, но не потому, что хотел вас исключить... потому что хотел защитить вас.

Его объяснение было таким неожиданным, что я споткнулась.

– Почему? Ваши друзья чем-то опасны?

Бен почти рассмеялся.

– Нет. Ну, в любом случае не в том смысле, какой вкладываете вы. Возможно, мне следовало бы объяснить более полно.

– Неплохая идея.

Он сделал глубокий вдох, и я поняла: то, что он собирается сказать сейчас, он уже неоднократно мысленно прорепетировал. Это не сулило ничего хорошего.

– Все люди в этой группе давно знают друг друга, гораздо дольше, чем знают меня. Полагаю, можно сказать, что я «унаследовал» их с покупкой этого дома.

– Как уже имеющихся жильцов? – спросила я, и мой наморщенный лоб показал, что я по-прежнему понятия не имею, о чем говорит Бен.

– Эта группа привыкла регулярно встречаться в этом доме, когда здесь жили архитектор с женой. Фактически вместе они собрались именно благодаря жене архитектора Марии.

– Женщине, которая пострадала в аварии?

– Правильно.

– Женщине, которая умерла?

Бен прикусил губу, и на его лице отразилось колебание. Он явно не знал, правильно ли в итоге поступил, заведя этот разговор, но теперь он уже зашел слишком далеко.

– Друзья, которых я вчера собрал, – а теперь они и *мои* друзья... у них всех есть нечто общее. Нечто, возможно, очень для вас неприятное, если вы будете находиться рядом.

Действительно ли в парке вдруг похолодало на градус или два или подсознательно я уже выявила эту связь? Лица мелькали в моей голове, как база данных ФБР. Мужчины, женщины, молодые, старые... какая же связь? Затем их вытеснил другой ряд образов: экзотические головные уборы Карлы, ее парики, костыль Тома, прислоненный в углу на кухне у Бена, и кто знает, сколько других подсказок, на которые я просто не обратила внимания.

– Они все больны, да? Все до одного в вашей группе друзей больны.

Бен печально покачал головой. Я думала, что готова услышать его ответ, но, оказывается, нет, совершенно не готова.

– Нет, Софи. Все они умирают.

Я вполне могла не спешить к своему переводу, потому что в тот день, разумеется, не сумела бы сосредоточиться на таких банальных вещах, как причастия прошедшего времени и сослагательное наклонение. Как Бен справлялся с таким знанием? Как можно смотреть на своих друзей и знать, что вскоре ты потеряешь их всех до одного? И ты ничего не можешь сделать, чтобы этому помешать.

– Как вы оказались вовлечены в это дело и... *почему?*

Внезапная, поистине ужасная возможность пришла мне на ум, едва я задала этот вопрос. От шока у меня расширились глаза, и я инстинктивно попыталась вырвать свою руку из руки Бена. Только он не дал мне этого сделать.

– Со мной все в порядке, Софи. И в основном я могу сказать то же самое о всех людях, которых вы видели вчера вечером.

– За исключением того, что с ними не все в порядке, – сдавленно возразила я.

Бен не обратил на это внимания и помолчал, прежде чем ответить, пока мимо нас пробегала группа из трех смеющихся и беззаботных детей и собаки. Они обогнули нас и побежали через лес, направляясь к большому озеру, видневшемуся за деревьями. Я внезапно поежилась, как будто на меня повеяло каким-то потусторонним холодом.

– С некоторыми из них я познакомился, когда смотрел дом, – продолжал Бен, когда мы снова остались одни на дорожке. – Адам, муж Марии, продолжал эти встречи даже после смерти жены. Видимо, они были важны для нее, поэтому, возможно, он таким способом ощущал ее близость.

Я кивнула. Это я могла понять.

– Но к *вам-то* какое это имеет отношение? Наверняка никто не ждал, что вы позволите им продолжать встречи в доме после его продажи?

Вопрос был разумный, но я знаю, что мне не померещилось разочарование, которое я заметила в глазах Бена, когда задала его.

– Никто *не ожидал*, что я это сделаю... я сам предложил. Я был чужим в этом районе и никого не знал, но когда меня познакомили с Карлой, а потом с Томом, я почувствовал... не знаю... они меня вдохновили, полагаю. Я продал свое дело, порвал со своей подругой и переехал за сотни миль от всех, кого знал, но у этих людей с таким зыбким будущим был гораздо более позитивный взгляд на жизнь, чем у меня. Среди них приятно было находиться. И до сих пор приятно. Поверьте мне, я получаю от этого больше, чем они. Они многому меня научили.

Если и так, я от всей души надеялась, что не этот урок Бен хотел мне преподать, потому что моей непроизвольной реакцией было бежать от этой ситуации и из этого места так быстро, как только что сделали те трое детей.

– И что же происходит во время этих встреч в вашем доме?

Мне представилось, как они планируют заупокойные службы, выбирают гимны, обсуждают достоинства гробов, в которые их положат. По выражению моего лица Бен понял, что я до сих пор не понимаю.

– Ничего не «происходит». Они собираются, общаются, едят пиццу и пьют пиво. Шутят, рассказывают о своих семьях и строят планы. Они просто... *живут*.

Бен говорил на языке, который я просто не понимала, несмотря на выбранную мною

профессию. Он остановился и мягко положил мне на плечи руки, повернул меня к себе, чтобы теплый взгляд этих глаз цвета жженого сахара встретился с моим.

– Софи, мы *все* умрем... со временем. Никто не может этого изменить. Важно, что ты делаешь до того, как это случится. Никого не запоминают по тому, как он умер. А по тому, как он жил... ну, об этом никогда нельзя забывать.

Остаток нашей прогулки Бен говорил о других вещах, но они были неуловимы, как кружащая в аквариуме золотая рыбка. Я думала только о мрачном и одиноком будущем для Бена. Что он будет делать, когда все, с кем он подружился, умрут? Неужели я единственная из его знакомых, кто не живет под страхом смертного приговора? В этом же есть что-то нездоровое.

Вероятно, это и заставило меня передать приглашение, которое ранее в этот день я практически отклонила в телефонном разговоре с Джулией.

– Не думаю, что Бен из таких людей, – нерешительно протянула я, когда подруга озвучила свое предложение.

– Что? Он не ест? Разве не *все* ужинают?

Я вздохнула и почти сдалась тогда, без всякого символического сопротивления. Джулия обладала способностью за полмили заметить одну из моих баррикад и понять, как сквозь нее прорваться.

– Послушай, не переживай, – продолжала она, в ее голосе появились льстивые нотки, так мы пытаемся убедить дикое животное подойти чуточку ближе. – Обещаю, я никак не поставлю вас в неловкое положение и не упомяну, какой хорошей парой вы смотрелись на днях. Когда надо, я могу быть тактичной. Но серьезно, Соф, Бен действительно очень помог той ночью, когда Лейси забрали в больницу... ну, вообще-то, вы оба. И пригласив вас на ужин, мы с Гэри получаем отличную возможность должным образом вас поблагодарить.

– Могу я подумать и перезвонить тебе? – спросила я, уже прикидывая, как вывернуться из всего этого, никого не обидев.

Поэтому когда мы вернулись после прогулки домой, думаю, себя я удивила больше, чем Бена, когда приглашение Джулии неожиданно сорвалось у меня с языка.

– С удовольствием, – ответил Бен, с такой готовностью, что все предлоги, которые я заготовила для выхода из трудного положения, внезапно показались излишними. – Приятно будет как следует познакомиться с вашими друзьями, в менее стрессовой ситуации.

Я слабо улыбнулась, зная, что вечер, в ходе которого придется уворачиваться от деликатного, как фугасы, сватовства Джулии, очень вероятно, окажется более стрессовым, чем почти все, через что мы уже прошли вместе.

Это не свидание, поэтому совсем неважно, хорошо ли лежат волосы. Но я с удовольствием отметила, что лежат они хорошо. Это не свидание, поэтому мне не нужно покупать новую блузку, но она окликнула меня, когда я пыталась пройти мимо витрины магазина, и отказывалась успокоиться, пока, завернутая в папиросную бумагу, не оказалась на дне фирменного пакета, повисшего у меня на руке. Это не свидание, но я побрызгала духами запястье, и пульс чуть участился, нанесла красноватый блеск на губы, слегка трепетавшие под прикосновением кисточки.

Это не свидание, но в ответ на легкий стук Бена я метнулась к двери в кухне, словно перевозбужденный подросток. «Подросток, каким я никогда вообще-то не была», – грустно подумала я, открывая дверь и встречаясь взглядом не с Беном, а с двумя огромными

плюшевыми игрушками. Я знала, что он должен быть где-то там, скрытый за громадным дельфином и симпатичным тигром. Животные вошли первыми, за ними – Бен.

– Они выглядят... большими, – нескладно закончила я.

Бен говорил, что хочет купить Лейси подарок в честь выздоровления, и это показалось мне отличным жестом. Просто я не ожидала, что подарок будет больше получателя.

– Ну... один из них для младенца, – объяснил Бен, слегка нахмурившись в ответ на мою реакцию. – Они не годятся?

При виде его неуверенности мне вдруг стало тепло на душе. Представив его бродящим по магазину игрушек, старательно выбирающим подарки, я невольно улыбнулась, не совсем понимая, почему.

– Они просто идеальны. Дети будут безумно рады. – Это по крайней мере было правдой, особенно в отношении Лейси. – И Гэри все говорит о том, что нужно расширять дом, – поддразнила я, – так что они, вероятно, послужат толчком, ведь им понадобится жилье.

Бен улыбнулся.

– Я же предупредил вас, что мало знаю о детях. – Он вдруг умолк, будто язык проглотил, потом покачал головой, словно безрассудство стало новым благоразумием. – Но одно я знаю... – Он выдержал достаточную паузу, чтобы я посмотрела на него в ожидании, когда он закончит предложение. – Сегодня вы по-настоящему отлично выглядите.

Слова повисли между нами, совершенно неуместные между хозяином квартиры и арендатором и чуть менее неуместные между друзьями. Наверняка такие слова говорят, когда двух людей связывает нечто более осязаемое?

– Я сказал лишнего? – спросил Бен, его голос и выражение лица говорили о том, что он готов дать задний ход, если я этого захочу.

Я покачала головой, чувствуя, как уложенные волосы качнулись и коснулись щек, будто в рекламе.

– Нет. Это было... мило, – ответила я и, чтобы скрыть румянец, пошла в другой конец комнаты за своими более скромными подарками для наших хозяев: бутылкой вина и букетом цветов.

Мы посадили купленных Беном зверей на заднее сиденье автомобиля и большую часть пути считали водителями, реагирующими на наших огромных спутников. Я не сразу поняла это про Бена. Из него, как подземный поток, который полон решимости вырваться на поверхность, били ключом несерьезность и юмор. Я по умолчанию была негативна и старалась оставаться в тени, у него же привычное состояние было совершенно противоположным. Делало это нас сочетаемыми или совершенно неподходящими друг другу? Я еще размышляла над этим, когда моя старая подруга открыла дверь и впустила нас.

Лейси, пока еще бегавшая в пижаме, с восторгом приняла подарок. А какой трехлетний ребенок поступил бы по-другому? Едва обхватывая ручонками серо-голубого дельфина, она застенчиво смотрела на мужчину, от которого его получила, и бормотала слова благодарности.

– Какой щедрый подарок, Бен, – заявила Джулия, одаривая его легким поцелуем в щеку.

«Даже я этого не делала», – подумала я и удивилась, откуда взялось это неожиданное желание защитить свою территорию. Особенно если учесть, что у меня не было обоснованных притязаний ни на это чувство, ни на этого мужчину.

– Итак, Бен, Софи говорит нам, что вы вышли на пенсию, – сказал Гэри, вообще-то

неверно цитируя то, что я рассказала им о человеке, сидевшем напротив меня за столом. – Вы должны рассказать мне, как такой молодой парень, как вы, умудрился справиться с этой задачей. Потому что вот она, – он с любовью кивнул в сторону жены, – заставит меня вкалывать, пока мне не будет уже хорошо за восемьдесят.

Бен сделал глоток вина, позволил он себе только один бокал.

– Вообще-то я скорее сделал перерыв, а не на пенсию вышел. После продажи компании мне не хотелось быстро во что-то ввязываться, поэтому, думаю, можно сказать, что я взял своего рода годичный отпуск, чтобы понять, куда мне двигаться дальше.

– Хотела бы и я взять себе такой отпуск. А может, и на *два* года. Чтобы вернуться домой, когда все здесь научатся ходить в туалет. – Глаза Джулии озорно блеснули. – Это и к тебе относится, – подколола она мужа.

Я засмеялась, но почувствовала крохотный укол зависти, как иногда случалось, когда я осознавала, какая большая часть жизни Джулии – даже те ее стороны, на которые она со смехом жаловалась, – никогда, вероятно, для меня не откроется.

Бен негромко сказал что-то забавное, я совершенно не расслышала, но все засмеялись, поэтому засмеялась и я, встретившись с ним взглядом поверх свечей, поставленных на стол Джулией. Возможно, Бен не так понял выражение моих глаз из-за язычков пламени, потому что протянул через стол руку и коротко, ободряюще пожал мою ладонь. Хотя беспокоили меня не свечи, я все равно тепло ему улыбнулась, мне нравилось, как он за мной, похоже, присматривает. Глянув на Джулию, я увидела, что она тоже улыбается – так широко, что я, наверное, могла бы пересчитать ее зубы. Вероятно, следовало порадоваться, что она не скидывает кулак с победным кличем.

Все шло хорошо, слишком уж хорошо. Много лет я не проводила вечер вчетвером – в последний раз, видимо, в студенческие годы. Конечно, я никогда не знакомила Джулию и Гэри с временными поклонниками, которые быстро появлялись в моей жизни и быстро из нее исчезали. Поэтому спокойный вечер с дружеской болтовней и смехом должен был бы показаться мне чем-то новым и странным, но фактически оказался чем-то уютным, знакомым и необыкновенно непринужденным.

Джулия держала слово и не расспрашивала Бена о его прошлом, хотя я видела, что желание сделать это было для нее как нестерпимый зуд в ране, которую до смерти хочется расчесать. По сути, именно Гэри вторгся на территорию, которую я мысленно огородила невидимой лентой, наподобие той, какую криминалисты вешают на месте преступления. Гэри явно витал в облаках во время инструктажа, который, я уверена, Джулия провела перед нашим прибытием.

Сделав глоток вина, он откашлялся, как отец невесты на свадьбе перед своей речью.

– Серьезно, ребята, я только хочу сказать, как много значит то, что вы оба поддержали Джулс, когда Лейси заболела.

– Рад был помочь, – отозвался Бен.

– И еще я хочу сказать, что чрезвычайно счастлив, что Софи встретила такого, как вы. Она говорила, что вы хороший, и теперь, когда я с вами познакомился, я понимаю, что она имела в виду.

Он протянул Бену руку, который после мгновенного, на удивление, колебания ее пожал. Я уже хотела взять салфетку или диванную подушку, что угодно, лишь бы заткнуть Гэри рот, и, видя, как тянет его за рукав Джулия, поняла, что ее обуревают те же чувства.

– Что? – спросил он, искренне не понимая, что делает не так. – Я просто говорю, что

Софи заслуживает парня, на которого можно рассчитывать в трудной ситуации, и что для нас сделал Бен, и как он помогает своим больным друзьям...

Я вскочила так стремительно, что едва не затушила свечи. Как слепая собрала какие-то тарелки и блюда.

– Поставлю в посудомоечную машину, – промямлила я, быстро уходя на кухню.

– Трудно, наверное, когда знаешь, как мало можешь сделать, чтобы помочь им, – услышала я жизнерадостное продолжение речи Гэри, все еще не сознававшего, что почва, на которую он ступил, была зыбучим песком.

– Вообще-то вы бы удивились, узнав, сколько можно сделать. Я...

Я открыла кран на полную мощность, заглушив ответ Бена и залив водой почти всю столешницу. Я деловито ополаскивала тарелки, не совсем понимая, зачем я это делаю, и шумно загружала в посудомоечную машину все, до чего могла дотянуться, пока разговор в соседнем помещении не слился в приглушенный гул и я перестала различать отдельные слова.

Я подождала дольше, чем было необходимо, чтобы тема себя исчерпала, включив кофеварку Джулии и достав из буфета чашки, а из холодильника – молоко. И все равно, когда мне уже ничего не оставалось, как вернуться за стол, беседа, к несчастью, все еще шла полным ходом.

– Это поистине чудесно. Какое удовлетворение должно приносить участие в подобном проекте, – заявил Гэри, похоже, совсем не обращая внимания на смертельный луч моего взгляда, который я метнула в него, проскальзывая на свое место. – Знаете, Бен, если я когда-нибудь смогу вам чем-то помочь... что ж, буду счастлив это сделать.

– Спасибо. Я буду иметь в виду, – спокойно ответил Бен и повернул ко мне голову, чтобы взглядом сказать, что он прекрасно понимает, как неловко я себя чувствую. И снова его рука дотянулась до моей. На этот раз он ее не выпустил.

– Ты же знала об этом, Соф, да? – так простодушно спросил Гэри, что я искренне ему посочувствовала, зная, что Джулия наверняка устроит ему головомойку после нашего ухода. – Ты знала, что Бен помогает своим больным друзьям в осуществлении их последних планов?

Я искоса глянула на Бена и увидела в его глазах столько понимания, что мне вдруг захотелось плакать.

– Нет, – приглушенно, как в святилище, ответила я. – Вообще-то не знала.

– Ну, я думаю, это просто фантастика. Каким полезным, должно быть, чувствуешь себя, когда помогаешь людям воплотить в жизнь мечты.

Ощущение было такое, будто Гэри засунул руку глубоко мне в грудь, обхватил мое сердце и вырвал его. Джулия твердо положила ладонь на руку мужа и с такой силой сжала ее, что на коже остались следы ногтей.

Гэри обиженно охнул.

Джулия не дала ему возможности заговорить.

– Своди-ка Бена в гараж и покажи ему классический спортивный автомобиль, который ты реставрируешь.

Она произнесла это весело, легким, певучим голосом, но всем, кто ее знал, было совершенно ясно, что это скорее приказ, нежели предложение.

Бен выпустил мою руку и поднялся.

– С удовольствием посмотрю, – проговорил он с таким энтузиазмом, что я удивилась.

Прежде он никогда не проявлял никакого особого интереса к реставрации классических автомобилей.

Гэри, которого легко было переключить с одной темы на другую, тоже встал.

– Мне еще долго возиться, но недавно я нашел несколько потрясающих подлинных деталей...

Джулия ничего не сказала, пока мужчины не вышли через заднюю дверь в гараж.

– Я его убью. Медленно и мучительно. Даю тебе слово.

Я покачала головой и кое-как сумела улыбнуться.

– Он действовал из лучших побуждений.

– О да, – сказала Джулия, крепко обняв меня. – Я знаю. Просто иногда он забывает, что есть вещи, о которых человек не хочет говорить. – Она взяла две пустые бутылки из-под вина. – Это тоже не лучшим образом сказалось на его памяти, – сокрушенно проговорила она.

Я собрала со стола что-то еще и пошла за подругой в кухню.

– Не знаю, насколько это важно, но в одном мой муж прав, хотя и выступил невпопад.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты нравишься Бену. *По-настоящему* нравишься.

Покачав головой, я принялась счищать объедки в ведро с гораздо большей сосредоточенностью, чем требовало это занятие.

– Он просто хороший друг, – был ответ, который я в итоге нашла.

– Тут больше. Но ведь ты и раньше нравилась парням... почему бы и нет? Ты красивая.

– Ты предвзята.

Джулия улыбнулась и налила нам кофе.

– Может, и так. Но еще я достаточно умна, чтобы понимать, в этот раз все по-другому.

– В каком смысле?

Легкая улыбка, игравшая на ее полных губах, и возбуждение во взгляде делали ее похожей на Лейси – такой, какой она была этим вечером, когда увидела дельфина.

– Потому что в этот раз, моя осторожная в отношениях подруга, в этот раз и *он* тебе нравится. Ты просто пока этого не знаешь.

Тут вернулись мужчины, вытиравшие обрывками кухонного полотенца перепачканные маслом руки, поэтому ответ, который они помешали мне высказать, остался только у меня в голове, что, вероятно, было для него наилучшим местом. *Вообще-то, знаю. Знаю уже какое-то время. И честно говоря, это страшно меня пугает.*

* * *

– Мне нравятся твои друзья.

Бен первым нарушил молчание, царившее в машине. Темный салон уже нагрелся, обогреватель на приборной доске работал на полную мощность, однако слова Бена наполнили меня теплом. Я не могла требовать от него официального признания, что Джулия и Гэри *действительно* милые, но тем не менее слова Бена прозвучали именно так.

– Они замечательные. – согласилась я. – Не знаю, что бы я без них делала.

Я поморщилась и прикусила губу, досадуя на свою глупость. У Бена тоже были хорошие друзья, и немало. Только, в отличие от меня, ему *предстояло* узнать, как он будет без них

обходиться, без всех до единого. Мне даже и думать не хотелось, на что это похоже. Неужели помощь в осуществлении их последних планов облегчает примирение с их потерей? Я знала, что вряд ли когда-нибудь захочу обсуждать этот вопрос.

Когда в конце концов Бен въехал на подъездную дорожку и я увидела наряженную елку, мои глаза расширились от удивления. Дерево исчезло с дорожки несколько дней назад и теперь стояло в гостиной Бена, освещенное, кажется, тысячами крохотных мерцающих белых огоньков. Бен проследил мой взгляд.

– Да, я знаю. Комната *действительно* немного похожа на пещеру Санты. Но Том с друзьями так долго помогали мне втаскивать ее внутрь, что у меня не хватило духу сказать, что она немножко великовата.

Я медленно вышла из машины, мое внимание было приковано к сверкающему дереву, но не настолько, чтобы я не чувствовала мягкого давления руки Бена, которую он дружески положил мне на плечо. Я испытала сильное – почти кошачье – желание нагнуть голову и потереться щекой о его пальцы, о чем я здорово пожалела бы.

– Хотите войти и посмотреть поближе?

Становилось поздно, и моя входная дверь находилась менее чем в десяти метрах от того места, где мы стояли, но я вдруг поняла, что не готова закончить вечер. Может, и Бен тоже не был к этому готов.

– Ух ты. Вертикально он выглядит даже больше, – объявила я, подходя к гигантскому стволу.

Бен хмыкнул, пытаясь не рассмеяться в ответ на мою реплику, которая, должна признать, прозвучала, как в пошлой комедии.

Я засмеялась, чтобы скрыть смущение.

– Я хотела сказать...

– Я знаю, что вы хотели сказать, – мягко прервал меня Бен, его глаза все еще искрились весельем, пока он шел на кухню и пару раз остановился, чтобы зажечь по пути настольные лампы.

Он открыл один шкафчик, который по разнообразию бутылок мог бы посоперничать с любым баром. Это напомнило о том, как часто он устраивал вечеринки, но я отбросила эту мысль, потому что знала, куда она меня приведет, а я совсем не хотела туда идти.

– Бренди? – спросил он, снимая с полки бутылку с янтарной жидкостью.

Обычно я такое не пила, но, с другой стороны, вся эта ситуация была для меня необычной. Я тихо вздохнула, как ветерок, слегка меняющий направление. Впервые за долгое время я поняла – я хотела, чтобы все было по-другому, я просто не знала, как этого добиться.

Я приняла из протянутой руки Бена тяжелый хрустальный бокал с бренди и направилась к камину вслед за хозяином. Он чиркнул зажигалкой, и газовый огонь прыгнул и послушно заплясал по его команде. Несмотря на множество мест, где можно было посидеть, я опустилась на колени на толстый коврик из овечьей шкуры перед камином. Бен последовал моему примеру и сел напротив, прислонившись спиной к дивану. Когда мы вошли в дом, негромко играла музыка.

– Не люблю возвращаться в тихий дом, такое ощущение, будто тебе не рады, – объяснил Бен и, взяв пульт, убавил громкость. Из скрытых динамиков лился берущий за душу джаз в исполнении саксофониста.

– Может, вам кота завести. Панацея от тишины и одиночества.

Глаза Бена казались темнее при этом освещении, когда он встретился со мной взглядом поверх края своего бокала. Я опустила глаза, с таким вниманием рассматривая вращающееся у меня в бокале бренди, что казалось, будто я что-то там потеряла.

– А вам одиноко, Софи?

Его вопрос застал меня врасплох, и я потянула время, сделав глоток. Уловка ничем хорошим не кончилась, так как огненная жидкость обожгла горло, и я закашлялась, как подросток, тайком хлебнувший алкоголя. Бен переместился ко мне, осторожно взял у меня бокал и похлопал по спине, что, вероятно, оказалось бы совершенно неэффективно, поперхнись я *по-настоящему*, но все равно было приятно.

Когда приступ прошел, я посмотрела на Бена слезящимися глазами.

– Принести воды?

Я покачала головой, ощущая легкое смущение. Ладонь Бена по-прежнему лежала у меня где-то между лопаток, и мне было нелегко сосредоточиться на чем-либо еще.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Периодически все чувствуют себя одиноко, – сказала я, сознавая, что прячусь за обобщением. – Если ты один, это не значит, что ты одинок, но пребывание в толпе тоже от этого не спасает.

Бен медленно кивнул, как будто мои слова выявили истину, которую он уже для себя открыл. Я немного пошевелилась на толстом коврике, и Бен убрал руку. Рождественское дерево сверкало с завораживающей ритмичностью, каждая лампочка гналась за соседней в этой бесконечной игре в салочки.

– Оно такое красивое, – сказала я, машинально делая глубокий вдох, чтобы вобрать в себя лесной запах хвои, наполнявший комнату. – Я и забыла, как пахнет настоящая елка.

– А вы дома ее не ставите?

Мои глаза загуманились, потому что я вспомнила елки своего детства. Я вспомнила, как ходила по бесконечным рядам в садовом центре, пока родители добродушно спорили, какая из них достаточно велика для гостиной, а мы со Скоттом нетерпеливо ждали, пока они купят елку – любую, – чтобы началось веселье: мы наряжали ее, это всегда было нашей обязанностью. Я закрываю глаза и ясно вижу: чтобы дотянуться до верхних веток, я сижу у него на плечах, как на рок-концерте, только вот никакой уважающий себя рокер не наденет дурацкую шапку Санты. Я помню, как Скотт зашатался, когда я водрузила звезду на макушку елки, а потом разразился истерическим смехом и уронил меня на диванные подушки, заявив, как может только брат: *«Больше никаких тебе сладких пирожков, туша»*. Какая ирония, потому что в те дни я еще была тощей, как жердь.

Я вернулась в настоящее, снова упрятав воспоминания в коробку, где они лежали.

– Нет. У нас искусственное дерево, блестящее, – с грустью сказала я.

Воспоминание почти естественно подвело меня к вопросу, который я все откладывала со времени возвращения от родителей. До сих пор не знаю, правильно ли я поступила или мне следовало, как я делала это всю свою взрослую жизнь, по-прежнему полностью изолировать друг от друга разные части своего мира.

Вопрос вылетел сам собой, как будто устал ждать, когда его зададут.

– Бен, какие у вас планы на Рождество? В смысле, я знаю, что не спросила заранее и вы уже, вероятно, с кем-то договорились и все такое, и я все понимаю, особенно учитывая, что кто-то из ваших друзей...

– С удовольствием.

Я села ровнее, хлопая от удивления глазами, как сова.

– А?

– Я с удовольствием встречу Рождество с вами и вашей семьей, – уточнил он с улыбкой.

– С ним все будет хорошо, – заверил Бен, когда мы отъезжали от аккуратного домика. – Думаю, труднее всего вам будет убедить его вернуться к вам.

– Я знаю, – слабо улыбнулась я, повернувшись на сиденье и оглядываясь на дом, где Фред, вероятнее всего, по-прежнему лежал, удобно устроившись на руках у Элис, довольно мурлыча в связи с неожиданным улучшением жилищных условий.

Неразбериха в кошачьем приюте поставила мои рождественские планы под угрозу срыва, и радость от того, что все сложилось удачно, была сродни выбросу адреналина. Примечательно, что первой моей реакцией было ощущение, будто я увернулась от пули – хотя курок спустила именно я.

Когда Бен предложил очевидное решение проблемы – в лице Элис, явно обожавшей кошек, – я должна была бы почувствовать благодарность. Вместо этого я испугалась, что возможность отменить приглашение ускользает сквозь пальцы.

– Было такое ощущение, будто меня вот-вот собирались помиловать, а потом в последнюю минуту обнаружили, что электрический стул все же работает.

Джулия засмеялась на другом конце провода.

– Ты единственная из всех моих знакомых, кто мог придумать такое сравнение. Это же была *твоя* идея, ты не забыла?

– Плохая идея, – упрямо ответила я.

Джулия несколько дней слушала мои терзания по поводу моего решения и, видимо, решила, что настало время проявить жесткость, пусть и с любовью.

– Как одна из очень немногих, кого ты приглашала домой за последние шестнадцать лет, вынуждена не согласиться с тобой по этому вопросу. Я считаю, что это именно *то*, что нужно тебе – и твоим родителям. Визит Бена будет как глоток воздуха в душной комнате.

Моей матери, почти одержимой ведением домашнего хозяйства, не понравилась бы такая аналогия, но я поняла, что имеет в виду Джулия. И через четыре с небольшим часа, если позволит дорожное движение, я узнаю, права ли она... так или иначе.

Мое вечное нежелание вступать с кем-либо в серьезные отношения оставило огромное количество пробелов в моей жизни. Пробелов, о существовании которых я до сего времени даже не подозревала. «Например, я никуда никогда не ездила с мужчиной», – подумала я, восхищаясь новизной впечатления, когда увидела свой чемодан рядом с чемоданом Бена в багажнике автомобиля. Он застал меня с любопытством разглядывающей два чемодана.

– Вы забыли что-то положить? – ошибочно предположил Бен.

– ММ-м, точно не знаю, – солгала я, потому что и речи быть не могло, чтобы сказать, о чем я думала *на самом деле*.

– Мы всегда можем остановиться по дороге на заправке, и вы купите то, что забыли.

Я улыбнулась ему, прежде чем захлопнуть багажник. Я почему-то всерьез сомневалась, что магазин «Мото» сможет восполнить шестнадцать лет упущенных возможностей. Бен не сразу завел машину, терпеливо дожидаясь, пока я пристегну ремень. Единственным из известных мне людей, настолько же озабоченным безопасностью, был мой инструктор по вождению – и, вероятно, неспроста.

– Я по-прежнему рада буду сменить вас за рулем, если захотите, – снова предложила я,

вполне ожидая, что он откажется, как делал раньше.

– Если я устану, то дам вам знать, – ответил Бен.

«Интересно», – с улыбкой подумала я, он нервничает в роли пассажира (вроде не тот тип), трясется над своей машиной (*определенно* не тот тип) или просто предпочитает – в буквальном смысле – находиться на водительском месте.

Я слегка пожала плечами.

– Что ж, сообщите мне, если передумаете. Дороги за Коттерхэмом могут обернуться небольшим кошмаром, если они вам незнакомы, особенно если к тому времени стемнеет.

Бен быстро глянул на меня, и я подумала, не задела ли я его самолюбие. Единственный раз на моей памяти я видела Гэри раздраженным на Джулию, когда она решила покритиковать его вождение. Однако, думаю, не об этом говорило выражение лица Бена, когда он переключил внимание на дорогу.

– Не потому, что я не чувствую себя с вами в безопасности, – поспешила добавить я. – Потому что я чувствую себя в абсолютной безопасности. В полной.

Он снова посмотрел на меня, и я с облегчением заметила пляшущий в его глазах огонек веселья, похожий на крохотных светлячков. Я не нанесла никакого урона его самолюбию.

– Очень рад это слышать, – повторил Бен голосом низким и столь же таинственным для понимания, как кошачье мурлыканье.

Может, свой автомобиль он мне и не доверял, но за музыку во время нашего путешествия отвечала я. Принимая во внимание, что стоял день накануне сочельника, Бен не должен был удивиться диску с рождественскими песнями, который я одолжила у Джулии и достала сейчас из сумки.

– Только если вы не ждете, что я буду подпевать, – с добродушной улыбкой предупредил Бен, когда я вынула из плеера альбом классического джаза и вставила слащавый рождественский сборник.

– Боюсь, я – буду, – важно кивнула я, получив в ответ негромкий смешок.

– Мне кажется, нам предстоит очень долгое путешествие, – мрачным голосом предсказал Бен.

Мы *уже* проделали долгое путешествие, чтобы добраться до этой точки, но думаю, он имел в виду совсем другое.

Один раз мы остановились на заправочной станции, чтобы выпить кофе и размяться. Я заметила, как Бен устало растирал ногу, сидя за рулем, но признаться, что мое внимание было сосредоточено на его бедрах, было бы неприлично, поэтому я никак не прокомментировала его немного скованную походку, пока мы шли по парковке. Почти все машины, мимо которых мы проходили, были, как сани Санты, нагружены подарками, и заднее сиденье Бена не стало исключением. По сравнению с его коробкой, полной свертков в блестящей красной бумаге, перевязанных сверкающими серебряными ленточками, мои дары, упакованные в бумагу из супермаркета, выглядели уныло. В качестве «дополнения» Бен купил для моих родителей ящик изысканного вина и нежную орхидею. Его щедрость уже заставила меня переживать – начинало казаться, что книги по истории джаза, которую я для него нашла и была этим очень довольна, будет недостаточно.

И это было не единственное, что меня тревожило. Всякий раз, когда я представляла Бена за нашим семейным рождественским столом, сидящего на стуле, который столько лет оставался свободным, под ложечкой у меня начинал ворочаться, словно спящий дракон, клубок дурных предчувствий. Это был очередной жизненный опыт, о котором я ничего не

знала. Неужели все нервничают, когда знакомят нравящегося им человека со своими родными? И разве не самое смешное в мире то, что я дожила до тридцати одного года, чтобы задать себе этот вопрос?

Когда мы выехали с заправочной станции, темнота уже прочертила первые полосы по краям неба, меняя дневную картинку на ночную.

– До темноты, думаю, мы не успеем, – встревоженно нахмурилась я, что немедленно подтвердилось сообщением по радио – диктор известила о вставшей поперек дороги фуры и потенциальных многочасовых задержках.

Бен беспомощно пожал плечами и с сочувствием посмотрел на меня, когда я достала телефон и начала срочно набирать сообщение.

– После несчастья со Скоттом они всегда волнуются, когда я задерживаюсь. Я всегда об этом помню.

– Ну, конечно, – мгновенно раскаялся Бен. – Простите, я не подумал. Естественно, они будут волноваться.

Несколько минут спустя моя досада возросла.

– По-прежнему никакого сигнала.

– Вот, попробуйте с моего, – предложил Бен, передавая телефон, который, невольно отметила я, еще хранил тепло от соприкосновения с его бедром.

Я набрала номер родителей и приложила телефон к уху, соединение шло через прокси-сервер.

Домашний телефон не отвечал, но возможно, родителям в последнюю минуту понадобилось купить для праздника какую-то провизию. Сигнал то появлялся, то исчезал, и так как пробка, в которую мы теперь попали, практически не двигалась, я поняла, что моему сообщению придется подождать.

– Оставьте пока у себя, – предложил Бен, когда я протянула ему телефон. – Один из них рано или поздно поймает сигнал.

Я бы лучше воспользовалась своим телефоном, потому что телефон Бена таил мины-ловушки. Пытаясь отправить с его устройства сообщение, я наткнулась в контактах на имя «Холли» и порадовалась, что мои пальцы проявили уважение к личной жизни Бена и не тронули цепочку старых сообщений, мой взгляд выхватил дату последнего из них, о чем я всерьез пожалела. Будешь знать, как подглядывать, язвительно сказала я себе. Да и вообще, почему бы Бену и не поддерживать связь со своей бывшей девушкой? Ясно, что их связывает целая история отношений, когда у нас ее вообще нет. Но перспектива создать такую историю все же мерцала в отдалении, как свеча, обещающая радушный прием там, где я никогда раньше не бывала. Поэтому понятно, насколько сокрушительным стало осознание того, что *Холли Как-Ее-Там* оказалась не совсем «бывшей», какой я предпочла бы ее считать.

Есть много такого, чего не стоит делать во время автопутешествия. Взрывать цистерны с бензином, как персонажи фильма «Тельма и Луиза»; есть крутые яйца – по множеству причин; и засыпать, когда ты должен показывать дорогу. Я провинилась в последнем. В свою защиту хочу сказать, что в машине было *чрезвычайно* тепло, подголовник – удобный, а диск – прокручивавшийся в пятый или шестой раз – вогнал меня в святочный ступор. Сон, этот бандит, выждал и напал на меня в тот момент, когда мои веки дрогнули, закрываясь, и победа далась ему легко.

Я резко проснулась с чувством вины, ощутив по шуму дороги под колесами, что мы

наконец-то вырвались из пробки. Я немного сползла на сиденье и быстро выпрямилась, с ужасом увидев, что прошел целый час с тех пор, как я в последний раз что-то говорила.

– Простите, Бен. Надо было меня разбудить. Я не хотела...

Я оборвала извинения, потому что за окном промелькнула очень знакомая церковь. Та, которую я много раз посещала на протяжении своей жизни, а от нее было меньше пяти минут езды до родительского дома.

– Откуда вы узнали, как сюда добраться? – спросила я, вертясь на сиденье, сверяясь с окружающей местностью. Да, вот парк, в котором я играла, а чуть дальше – футбольное поле, где я провела бесчисленные воскресные утра, с гордостью поддерживая старшего брата и его команду. – Я же не давала вам адрес, нет? – спросила я, нисколько не сомневаясь, что не давала.

– Нет, – ответил Бен, немного смущенный внезапным допросом.

– Тогда откуда вы узнали, как сюда доехать?

Бен взял свой телефон, на экране которого все еще присутствовала карта.

– В Коттерхэме гораздо легче ориентироваться, чем можно было судить по вашим словам. Я лишь рискнул угадать, в какую часть города ехать. Шанс был пятьдесят на пятьдесят. Вообще-то я как раз собирался вас разбудить, чтобы получить окончательные указания.

Что-то было не так в его тоне. Слишком уж гладко это прозвучало, словно Бен мысленно репетировал свое объяснение, прежде чем озвучить его. Он включил аварийный сигнал и съехал к обочине.

– Что-то не так, Софи?

Я очень ясно видела его в оранжевом свете уличного фонаря, под которым мы остановились. Ну и что с того, если он высказал предположение и угадал? Ведь в этом нет ничего странного, не так ли? Поставить ему в вину умение хорошо ориентироваться – очень плохой способ начать праздники.

Я улыбнулась, и улыбка почти добралась до моих глаз. Я все еще никак не проснусь, сказала я себе. Все еще в том состоянии, когда логика сна кажется более веской по сравнению с логикой бодрствования. Вполне убедительное объяснение, но я уже понимала, что правда таится глубже. Я все еще с подозрением ждала проявления у Бена каких-то недостатков. Он просто был слишком хорошим, слишком совершенным. Я все еще ждала чего-то неприятного и постоянно надеялась, что, когда это неизбежно произойдет, оно не похоронит под собой меня и мои надежды.

Очень быстро стало ясно, что моим родителям почти так же не по себе на этой незнакомой почве, как и мне. Убеждена, я никогда раньше не слышала, чтобы отец так досконально обсуждал автострады и соединительные дороги, но ему удалось выжать пятнадцатиминутную беседу из этой темы, когда мы только приехали. Почти без паузы мама завела разговор, который совершенно непонятным образом блуждал от находящихся на свободном выгуле индеек до плохо написанного, но колоритного бестселлера, который в настоящее время читают в ее книжном клубе. От загазованности до мягкого порно – всё в течение получаса с момента прибытия Бена. Из другого конца гостиной я бросила ему извиняющийся взгляд, гадая, не сожалеет ли он уже, что принял мое приглашение. Справедливости ради ничто в его взгляде об этом не говорило. Сказать, что все семейство Уинтеров нервничало, значило ничего не сказать.

Думаю, я перевела дух только после того, как родители пожелали нам спокойной ночи, извиняясь при этом, что так рано уходят спать. Я почувствовала, как меня оставляет напряжение, словно воздух выходит из надувной игрушки, когда я слышала, как они медленно поднимаются вверх по лестнице. Я подождала для верности, чтобы они меня не услышали, и повернулась к Бену с извинениями.

– Прошу прощения.

Бен, казалось, искренне озадачился.

– За что?

– За атмосферу, за все эти вопросы, за то, что любая беседа начинается с имени «Скотт». Наверное, мне следовало предупредить, как обстоят дела.

Бен встал из кресла у камина и втиснулся рядом со мной на старый уютный диванчик для двоих.

– Софи, все прекрасно. Да, ваши родители много говорят о вашем брате... но это вполне естественно. И они оба такие славные. Честно говоря, они именно такие, какими я их представлял. Я знал, что они мне понравятся.

– И почему это?

– Потому что вы родились у этих людей, в этой семье, – тихо ответил Бен, на несколько минут очистив мою голову от всех остальных мыслей.

Я откинулась на диванные подушки и закрыла глаза, вдруг почувствовав изнеможение, и слушала звуки дома, в котором выросла, заново с ними знакомясь. Меня куда-то уносило под однообразный свист ветра в трубе, когда слова Бена резко вернули меня к действительности.

– Где вы?

Я сонно моргнула, собираясь извиниться за то, что я почти такая же плохая хозяйка, как и штурман, когда увидела, что он слева направо осматривает комнату, обводя взглядом предметы в ней, словно камера наблюдения. Я следила за его взглядом, все еще не понимая вопроса.

– Где вы в этой комнате? – спросил Бен, закончив осмотр помещения и повернувшись ко мне. Мне не нужно было больше смотреть на собрание дорогих сувениров, чтобы понять, о чем он говорит. – Фотографии на каминной полке, на стенках и полках, на них только ваш брат, а вас нет.

Я выпрямилась, внезапно приготовившись обороняться.

– Это неправда. Я на многих снимках.

Бен коротко глянул на ряд фотокарточек в разнообразных рамках.

– Не на столь и многих. И нигде одна.

– Возможно, я просто не так фотогенична, – парировала я чуть резче, чем намеревалась.

Бен протянул руку так неожиданно, что я ахнула, когда его пальцы приподняли мой подбородок.

– Это просто неправда, – поправил он.

Не знаю, как я восприняла эти слова или его прикосновение, но прежде чем я успела разобраться в своей реакции, Бен уже указал на шкаф со стеклянными дверцами.

– Все призы там, все до единого, принадлежат вашему брату. Почему так?

– Потому, думаю, что я никогда не играла в футбол.

Это была удачная попытка внести немного юмора в наш разговор, который внезапно начал выходить у меня из-под контроля.

Бен с грустью покачал головой.

– Не делайте этого. Не позволяйте им делать вас невидимкой.

В глазах неприятно защипало, но я твердо решила не плакать.

– Это не они... ну, не *только* они. Я тоже виновата. Мы все хотели – ну, нам *нужно* было, – чтобы вокруг нас было как можно больше Скотта. Это не мои родители, а я убрала дипломы по классу фортепиано и другие фотографии.

Глаза у Бена были грустные и немного сердитые.

– Но они вас не остановили. А следовало бы.

Когда мы стелили постель на диване в кабинете, который папа называл своей берлогой, и это прозвище делало комнату гораздо уютнее, чем она была на самом деле, Бен вернулся к тому, что, мне казалось, ускользнуло из его поля зрения.

– И как же так получилось, что вы ни разу не упомянули, что играете на фортепиано?

Я дала подушке пару тумачков, расправляя перья, а потом, перевернув ее, набросилась на перья с другой стороны, как будто они меня чем-то раздосадовали.

– Играла, – поправила я.

– Больше не играете?

Я посмотрела на стену, у которой стоял теперь большой книжный шкаф, – на том месте, где когда-то стояло пианино. Если присмотреться и если свет падал под нужным углом, до сих пор можно было увидеть слабый отпечаток его ножек на выцветшем узоре ковра.

– Мы продали пианино.

– Почему? – спросил Бен, чрезвычайно умело заправляя углы простыни, как это делают в больнице или в гостинице, и подтыкая простыню и одеяло под матрас.

Я подивилась, где он научился это делать; эффектная бывшая подруга вроде бы не походила на девушек, умеющих аккуратно застилать кровать. Возможно, Бену довелось побыть курсантом военного училища, размышляла я, понимая, что с легкостью могу исписать дюжину тетрадей всем тем, чего я о нем *не* знала.

– Полагаю, я переросла свою любовь к игре, – сказала я, что было всего лишь половиной правды.

По выражению лица Бена я поняла, ему не требуется спрашивать, *когда* именно это случилось в моей жизни, потому что ответ он уже узнал.

Наклонившись, я провела ладонями по его постели, разглаживая одеяла, и постаралась не думать о мужчине, который вскоре будет под ними лежать. Моя комната находилась как раз над кабинетом, и я знала, что у меня будет достаточно времени, чтобы подумать об этом, пока я буду лежать без сна.

Давно уже я не слышала, чтобы к смеху мамы присоединился мужской смех: в смысле не папин. Это заставило меня помедлить в коридоре рядом с кухней, слегка засосало под ложечкой, как бывает, когда ты ставишь ногу на ступеньку, которой нет. Я покачала головой, тяжелой и сонной после того, как я проспала, не услышав будильника. Бросить Бена на растерзание моим родителям – с которыми он только что познакомился, – было неппростительной невежливостью, но когда я открыла кухонную дверь и увидела его, с радостным видом сидящего за столом и наворачивающего толстые куски горячих тостов со сливочным маслом, большая часть моей виноватости улетучилась.

– Доброе утро, соня, – приветствовала меня мама.

Ее щеки разругались, а в голосе, в котором я с трудом узнала мамин, звучало веселье. Бен одарил меня теплой улыбкой, а его глаза, встретившиеся с моими поверх его кружки с чаем, определенно блестели. Каким-то образом, пока я спала, он приобрел новых членов для своего необычного фан-клуба, состоящего из пожилых людей. «Интересно, как он это *делает*», – подумала я, усаживаясь на стул, который выдвинул для меня Бен. Неужели он одинаково очаровывает всех до одного, кто с ним знакомится? Возможно, мне не стоит так уж удивляться, что меня к нему тянет... очевидно, что тянет *всех*.

– У нас с вами впереди насыщенный день, – уведомил Бен, наблюдая, как я сыплю в миску кукурузные хлопья. – Нам нужно выбрать индейку, забрать заказ из фермерского магазина и до темноты втиснуть экскурсию по городу.

Я посмотрела в кухонное окно. Небо уже было темным, но только из-за густых облаков, висевших толстым пластом. Они обещали снег, и букмекеры повсеместно уже, наверное, сожалели, что поставили против белого Рождества.

– Я предложил, чтобы мы взяли это на себя, – без нужды пояснил Бен. – Но я не уверен, что ваша мама считает, что мы подходим для такого задания.

– Ах, вы... – проговорила мама голосом настолько незнакомого мне человека, что я не донесла до рта ложку с хлопьями. Она что, правда, краснеет? Господи, действительно. Бен подмешал ей что-то в чай?

Я покачала головой, гадая, в какой же альтернативной вселенной я случайно проснулась.

– Экскурсия? – переспросила я, выбрав самый безобидный вопрос, вместо того, чтобы задать тот, который я действительно хотела озвучить: «*Какого черта ты сделал с моей матерью?*»

– Я хочу увидеть город, в котором вы выросли.

– Правда?

– Да. Я хочу увидеть, где вы ходили в школу, парк, в котором играли, где вы учились ездить на велосипеде, – глянул, проверяя, не слушает ли мама, – где вы ходили на ваше самое первое свидание и впервые поцеловались.

Я медленно сглотнула и наклонилась поближе к Бену над поданными к завтраку блюдами.

– Некоторые из тех событий были значительно памятнее других, – шепотом призналась я.

Как и предполагала, я возбудила в нем интерес.

– А есть места, которые вы особенно хотели бы навестить?

Я встала и принялась собирать грязную посуду. Мои волосы упали вперед, скрыв непривычную лукавую усмешку от всех, кроме Бена.

– Даже не могу сказать.

Он тихо смеялся, пока я загружала посудомоечную машину. Забудем о загадке, что же он сотворил с моей матерью... что он со *мною* сделал? Потому что даже я не узнавала себя в этой игривой женщине, которая наслаждалась непривычным дружеским подшучиванием и впервые за долгое время с огромным нетерпением ждала предстоящего дня.

В багажнике автомобиля Бена совершала свое последнее путешествие индейка, а из переполненного покупателями фермерского магазина мы вынесли две коробки фруктов и овощей, которых явно хватит на Рождество, даже если праздник вдруг продлится до конца января.

– Она по-прежнему закупает продукты так, будто кормит ненасытного подростка, – заметила я, в очередной раз размышляя над тем, почему так много семейных привычек застряли в прошлом.

– Надо же, а я было подумал, что это из-за *меня* сделали такой громадный заказ.

– Ну, возможно, отчасти это так. – Я поглубже сунула руки в карманы старой дубленой куртки, которую отыскала в недрах своего шкафа. – Но это не означает, что вы должны были оплачивать счет.

Бен наморщил нос, и я вдруг увидела, каким он, наверное, был в детстве. Или, возможно, увидела сына, отцом которого он однажды станет. От этой мысли я неожиданно поежилась. Бен хмыкнул.

– Значит, вы увидели?

– Боюсь, да. И нет ни малейшей возможности отвертеться от возмещения расходов.

С озорным блеском в глазах Бен взял меня под руку.

– Вот что я скажу: в глубине фермерского магазина я заметил кафе. Давайте вы купите нам какой-нибудь необыкновенный кофе, и мы будем в расчете?

Кафе было яркой современной пристройкой в глубине переделанного под фермерский магазин амбара. Две стены от пола до потолка были стеклянными, и через них открывались потрясающие виды на холмистые окрестности. Мой взгляд устремился туда, проверяя, по-прежнему ли соседское стадо коров нахально тыкалось мордами в сетчатый забор. Так оно и было.

Молоденькая замученная официантка бросилась к нам почти бегом. Похоже, этим утром мы оказались не единственными покупателями, которые решили вознаградить себя кофе с пирожными. В поисках свободного столика я обвела взглядом большое помещение, подмечая, что светлые дубовые столы прекрасно сочетаются с балками и стропилами.

– Есть один столик вон там, в углу, – сказала я, заметив единственный свободный стол во всем кафе. Привычка – вторая натура.

– О, да. Спасибо, – сказала девушка, огорчившись, что я выполнила за нее ее работу. Но с другой стороны, я *делала* ее работу, когда она, наверное, еще лежала в пеленках.

Бен широко улыбнулся, когда мы сели у окна. Несмотря на темнеющие небеса, вид все равно был впечатляющий.

– Действительно, очень красиво, – объявил Бен, беря меню. – Что вы порекомендуете?

– Сконы здесь потрясающие.

– Тогда – сконы, – согласился он, радостно повторив наш выбор женщине средних лет, которая через несколько секунд подошла принять у нас заказ.

Мне не нужно было читать надпись на бейджике на ее пышной груди, чтобы узнать имя.

– Чай «Инглиш брекфаст» или вы предпочитаете?.. – Она комично осеклась, не закончив вопроса, вытаращив от изумления глаза. – Софи? Софи Уинтер? Это ты?

Я автоматически коснулась своих по-новому подстриженных волос, хотя понимала, что это не самая радикальная перемена в моей внешности с нашей последней встречи. Женщина отложила блокнотик и ручку и так долго держала меня в объятиях, что несколько сидевших рядом посетителей с улыбками на нас загляделись.

– Здравствуй, Марджори, – сказала я, искренне радуясь, что снова вижу ее. – Как ты?

Моя прежняя начальница немного отступила, все еще недоверчиво качая головой.

– О боже мой, милая моя. Я едва тебя узнала. Сколько времени прошло.

Я кивнула, соглашаясь.

– Последний раз мы, наверное, виделись перед моим отъездом в университет.

– И вы только посмотрите. Ты совсем не похожа на ту себя, когда была моей официанткой выходного дня номер один. От той тебя почти ничего не осталось.

Я не уверена, что заслужила этот титул или этот комплимент, хотя должна признать, одежду я носила на несколько размеров больше, когда работала здесь. Я остро ощущала, что за нашей встречей тихонько наблюдает Бен, и поспешила представить их друг другу.

– Очень приятно познакомиться, Бен, – тепло произнесла Марджори, пожимая вежливо протянутую руку Бена. – Значит, вы молодой человек Софи? – спросила она в присущей ей манере «а теперь пусть земля разверзнется и проглотит меня», о которой я подзабыла.

Я посмотрела на Бена, совершенно сраженная тем, что услышу сейчас прямой ответ «нет». Бен ловко вывернулся, избавив меня от неловкости.

– Думаю, я немного староват, чтобы называться «молодым», – пошутил он.

Хороший ответ, и Марджори продолжала посмеиваться, записывая наш заказ.

– Итак, вы играли на пианино и одно время работали официанткой, – объявил Бен, подобно археологу, только что сделавшему удивительное открытие. – Этот визит проливает свет на очень многое.

– Ну, у каждого в шкафу гремят один или два скелета, не так ли?

Впервые за тот день в золотистом жженом сахаре глаз Бена мелькнула печаль. Думал ли он о своей бывшей девушке? Вероятно, в это время в прошлом году она была рядом с ним, спускаясь с горы в Санкт-Морице, Клостерсе или на каком-нибудь другом дорогом курорте, куда я вряд ли когда-нибудь попаду.

– Просто тогда мой скелет был чуть более «упитанным».

Выражение глаз Бена смягчилось, и я вдруг осознала, что его взгляд скользит по моему телу так, как я никогда не замечала раньше.

– Мне кажется, я бы хотел увидеть вас более... фигуристой.

– Сомневаюсь, – ответила я, удивившись по-прежнему звучавшей в голосе горечи при воспоминании о том черном периоде моего прошлого и о том, что его вызвало. – Это называют заеданием стресса. По-видимому, это очень распространено после тяжелой утраты. – Я грустно вздохнула, вертя перевернутую чашку на блюдце с другим цветочным узором. – Правда, утешения не получила, только лишний вес.

– После несчастного случая со Скоттом? – мягко спросил Бен.

– После его смерти, – поправила я, потому что никогда не видела смысла скрывать

правду за эвфемизмами.

– Я очень сочувствую, что вам пришлось пережить тогда такое ужасное время, – произнес Бен, беря меня за руку. Я посмотрела на его руку и подумала, не наблюдает ли за нами исподтишка, со своего места за стойкой Марджори, принимая это за нечто совсем другое. – Мне действительно жаль, что я не был знаком с вами тогда. Мне бы хотелось помочь – взять на себя часть боли.

– Никто не смог бы этого сделать.

Бен кивнул с таким взволнованным видом, что я почувствовала – мне следует разогнать мрачное настроение, в которое я нас втянула.

– Но хорошо то, что вы *действительно* появились как раз тогда, когда я в вас нуждалась. И я по-прежнему очень рада этому.

– Я тоже, Софи. А теперь, раз уж я здесь, вы должны знать, что у меня нет никаких других планов, пока я до чертиков вам не надоем и вы не отправите меня паковать вещи.

С деревьев свисали длинные ленты разноцветных огоньков, а над головами собравшихся певцов время от времени сгушался восхитительный аромат глинтвейна. В последний раз вечерний концерт рождественских песнопений на городской площади я посещала много лет назад, хотя некоторые мои самые ранние и лучшие воспоминания были связаны с этой местной традицией. Я и забыла, как сильно я всегда любила эту диккенсовскую атмосферу, когда друзья, родные и соседи собираются вместе рядом с мерцающей рождественской елкой, все держат фонарики, берут друг друга под руки, и в целом кажется, будто мы все сошли прямиком с традиционной рождественской открытки. Посещение этого концерта стало еще одной дверью, которую мы тихонько закрыли, потеряв Скотта.

Но этим вечером, рядом с Беном, я была рада, что пришла. Я посмотрела на него, и, несмотря на снег до щиколотки и свежий ночной воздух, грозивший новым снегопадом, мне стало тепло. Бен беззвучно шевелил губами, следя за словами на листке бумаги с рождественскими гимнами, но только я, стоявшая достаточно близко, знала, что он лишь притворяется поющим. Я невольно улыбнулась. Однажды, поклялась я себе, я заставлю его спеть для меня, просто чтобы выяснить, так ли ужасен его голос, как он заявляет. Бен заметил, что я за ним наблюдаю, и почти неуловимо подмигнул, а затем молча присоединился к знакомому припеву.

Я вовсе не удивилась, когда мои родители решили не ходить с нами. Годы, прожитые вдали от дома, давали мне преимущество анонимности, но им это было гораздо труднее. Подобные события были для них тяжким испытанием, и вряд ли я могла винить их за это. В такое время года сложно притворяться, что ты «радуешься и торжествуешь», когда на самом деле ничего этого нет. ^[4]

К моему смущению, «Тихая ночь» вызвала у меня слезы, и пока я еще притворялась, что мне что-то попало в глаз, Бен незаметно вложил в мою ладонь бумажный носовой платок и твердой рукой отвел меня в сторону. *Вот он, этот момент? Это случится сейчас? Возможно.*

После концерта люди стояли маленькими группами, не желая, чтобы волшебный вечер заканчивался, а может, просто дожидаясь, пока закончится горячее ароматное вино. Взяв для нас два пластиковых стаканчика, Бен понес их к одному из деревьев, увитому китайскими фонариками, и мы стояли под его ветвями, наслаждаясь атмосферой и душистым напитком.

– За лучший в моей жизни рождественский сочельник, – провозгласил Бен, чокаясь со

мною.

– Серьезное заявление, если приходилось праздновать на самых шикарных лыжных курортах мира.

– Дело не в том, где, – заявил Бен, понижая голос до еле слышного шепота и наклоняясь ко мне. – Дело в том, с кем.

На один безумный миг мне почудилось, что он сейчас меня поцелует, прямо здесь, на площади, а вокруг стоит полгорода в качестве зрителей. Вместо этого он пальцем заправил выбившуюся прядь волос, упавшую мне на глаза. Долго после того, как он убрал руку, я чувствовала на виске проложенную его пальцем дорожку. *Это был тот самый момент?*

Когда городские часы пробили половину двенадцатого, я неподдельно удивилась. Вечер, как и предшествовавший ему день, пролетел слишком уж быстро, и мне не хотелось, чтобы он заканчивался. Так как парковка рядом с центральной площадью была ограничена, мы оставили машину Бена дома, а увидев длинную очередь, выющуюся кольцами в ожидании такси, я предложила пойти пешком.

– Я знаю, что холодно, но это недалеко.

Бен радостно согласился, и я сказала себе, что, возможно, он тоже не хочет, чтобы этот день заканчивался. Когда мы покидали площадь, посыпались первые смелые снежинки, и, защищаясь от них, я подняла воротник дубленой куртки. Наш путь пролегал мимо рощицы, по краю которой шла узкая дорожка. Помню, Скотт всегда предостерегал, чтобы я не ходила там одна. *Обязательно позвони, если когда-нибудь застрянешь в городе, неважно, сколько будет времени. Никогда не ходи там одна. Обещай.* Многие старшие братья чересчур опекают своих сестер, но Скотт превратил это, можно сказать, в вид искусства. Одобрил бы он мужчину, шедшего позади меня след в след, пока я вела нас домой? *«Нашелся бы вообще мужчина достаточно хороший для его малышки-сестры?»* – спросила я себя. Я все еще задавала себе безответные вопросы, когда Бен позади меня негромко, удивленно вскрикнул. Я развернулась на каблуках, едва не потеряв равновесие на скользкой дорожке, и – никого не увидела. Бен исчез.

– Бен? Бен? – Дорожка не была освещена, и разглядеть кого-то было невозможно. – Бен?

На этот раз в моем голосе послышалась паника, когда в голову вдруг пришли тысячи рождественских историй, обязательно с безголовым всадником.

– Я здесь, внизу, – послышался голос откуда-то слева, от подножия скользкой, поросшей травой насыпи. За исключением того, что сейчас склон был покрыт отнюдь не травой, а снегом, что делало его похожим на миниатюрный лыжный трамплин.

Я достала из кармана телефон и направила свет его фонарика в сторону голоса. Луч нашел Бена, он лежал на спине, след в снегу указывал проделанный им путь с дорожки. Я навела свет на Бена, перепугавшись, что он пострадал. Луч фонарика выхватил его лицо, выражение его было непроницаемым, но с болью, похожей, не связанным. Тем не менее я первым делом спросила, цел ли он.

Бен покачал головой, и странное выражение лица незаметно исчезло, осталась только грустная улыбка.

– Вот интересно, что они подмешали в вино?

Я понимала, что два маленьких стаканчика алкогольного напитка с фруктовым ароматом не имели к этому отношения, но, возможно, имела я.

– Надо было предупредить, что дорожка становится скользкой, – повинулась я.

Бен все еще не вставал, и я заволновалась, что, несмотря на заверения, он все же что-то

повредил при падении.

– Вы можете встать?

Он открыл рот, а потом с улыбкой закрыл.

– Мне бы не помешала помощь, – вдруг сказал он.

Я сбросила с плеча сумку и немедленно съехала по склону. К тому моменту я была совершенно уверена, что Бен не пострадал, но когда он протянул руку, ища поддержки, я без колебаний ухватила ее за нее и напрягла все силы, чтобы поднять своего спутника. Но едва его пальцы обхватили мою ладонь, как потянул он, неожиданно свалив меня с ног, и я мягко плюхнулась в снег, который облачком пудры взметнулся вокруг нас.

– Очень смешно, – сказала я, прикидывая, очень ли по-ребячески будет засунуть ему за шиворот горсть снега.

– Мне показалось интересным вновь пережить ваше падение на меня, с более приемлемой высоты на сей раз, – поддразнил он.

Я игриво толкнула его в плечо, гораздо больше выбитая из колеи морально, чем физически.

– Я испугалась, что вы действительно пострадали.

– Простите, – произнес он покаянным тоном. Помедлил секунду и закусил губу с непривычным выражением неуверенности на лице. – Просто это показалось мне слишком хорошей возможностью.

– Для чего?

Бен не отвечал, слегка наклонив голову набок, словно чего-то дожидаясь. Может, он все же *пострадал*. Может, ударился головой, потому что явно вел себя очень странно.

– Бен? Слишком хорошая возможность для чего? – повторила я.

На городской площади в отдалении четко прозвучал и поплыл под холодным ночным небом первый удар часов, знаменуя рождественское утро. Это был сигнал, которого очевидно дожидался Бен.

– Если это Рождество должно стать для меня незабываемым, я хочу, чтобы оно началось правильно.

А потом его губы уже ничего не произносили. Они припали к моим, и у них был вкус вина, снега и холода и удивительным образом – возвращения домой. Поцелуй продолжался гораздо дольше, чем били часы, и оба мы немного запыхались, когда наконец оторвались друг от друга.

– Я сказал себе, что не сделаю это вот так, что это слишком скоро и что нам не нужно в жизни это осложнение, – признался он в темноте.

– Ты все это сказал себе?

– Да.

Интересно, понимал он по моему голосу, что я улыбаюсь.

– И что же случилось?

Он крепче обнял меня, опять привлекая к себе.

– Еще я сказал себе, что я идиот, если упускаю этот шанс.

А потом он снова меня поцеловал. И *тогда* я наконец узнала ответ на вопрос, который молча задавала себе. *Это* был момент, когда я поняла, что впервые в жизни влюбляюсь.

Когда на следующее утро мы сидели вокруг елки, я пристально смотрела на Бена, пытаюсь понять по его лицу, провел ли он несоразмерное количество времени, снова и снова

переживая те минуты в снегу? Глаза Бена казались яркими и ясными, и невзирая на ночь на нашем совсем древнем раскладном диване, выглядел он вполне отдохнувшим. Я улыбнулась ему поверх обязательного бокала хереса, чувствуя, как румянец заливает щеки, когда ответная улыбка Бена сказала, как убедила я себя, гораздо больше, чем просто «доброе утро».

Когда я спустилась вниз, дом благоухал жарившейся индейкой, а хор Королевского колледжа послушно исполнял свой репертуар, звучащий через колонки в гостиной. Ароматы и звуки этого времени года были очень знакомыми, но внутри я чувствовала себя новой и другой. Я увидела это на своем лице, когда быстро подкрашивала ресницы и наносила блеск на губы; губы, на которых, клянусь, я все еще чувствовала его вкус. Надо было поставить будильник, сказала я себе, открывая дверь в гостиную и видя там Бена, увлеченно беседующего с моими родителями, потому что теперь я упустила возможность поговорить с ним до того, как ритуалы дня закружат нас на американских горках разных мероприятий. Но если бы нам выдалась минутка наедине, что я ему сказала бы? Было ли произошедшее минувшей ночью мгновенным романтическим порывом или это значило нечто большее? В тридцать один год я должна была иметь достаточно опыта, чтобы знать ответы на эти вопросы, но я просто не имела никакого понятия.

– Веселого Рождества! – приветствовал меня Бен, встал и поцеловал в щеку абсолютно приличным поцелуем «двоюродной бабушки». Маленький огонек, мерцавший в моем сердце, погас, но тут же ожил, когда пальцы Бена коснулись моей ладони и помедлили, прежде чем он вернулся на свое место. Прикосновение было легким и мимолетным, но сказало мне обо всем, что я хотела услышать.

– Было время, когда ты *никогда* не опаздывала рождественским утром, – объявил отец. – Вы со Скоттом обычно...

Он умолк, как актер, который только что забыл слова перед полным залом, и секунду или две неловко откашливался.

Мама улыбалась слишком лучезарно, слишком широко, я видела, что ее взгляд бессознательно возвращается к единственному свертку, почти спрятанному позади елки. Мне не требовалось читать ярлычок на серебристой фольге, чтобы понять, кому предназначался этот подарок.

– Итак, подарки! – весело провозгласила я, до жути напоминая ведущую детской телевизионной программы. – Займемся?

Я люблю Рождество. Я люблю все его традиции. Как семья, мы придерживались всех ритуалов прошлого, ничего не меняя, страшись опустить даже один крохотный элемент, чтобы не потускнело еще одно воспоминание о Скотте. Но в этом году мы стояли на новой земле, переписывая настоящее и, возможно, даже глядя вперед, а не назад. И все благодаря Бену. Я подняла взгляд и на один скоротечный миг представила, как Скотт наблюдает за нами, прислонившись к стене в той старой, знакомой позе – согнув одну ногу и упершись ботинком в стену, оклеенную обоями с цветочным узором. Только на сей раз его ботинок не оставит следа. Он был бы немногим старше, чем Бен сейчас, если бы авария не отняла его у нас, но Скотту из моих воспоминаний, с легкой улыбкой наблюдавшему за нами из другого угла гостиной, было семнадцать, и глаза его озорно блестели. Он не старел, не менялся; смерть сделала его бессмертным. Я моргнула, и он исчез.

– А это для вас и Теда, – объявил Бен, доставая из стоявшего рядом пакета большой плоский подарок.

– О, Бен, вы не должны были, – сказала мама, точно зная, что она должна сказать.

Затем она развязала ленточку достала из блестящей красной бумаги подарок и не нашла вообще никаких слов. Честно говоря, я тоже. Прежде всего, я понятия не имела, когда была сделана эта фотография в серебряной рамке.

– Как хорошо ты получилась на этом снимке, – заявила мама. – Когда его сделали, Софи?

Я озадаченно пожала плечами.

– Даже не представляю. Бен?

Я перебрала вопрос мужчине, который тайком меня сфотографировал, и не знала, считать это тревожным знаком, вроде преследования, или просто милым жестом.

Ответ Бена прозвучал спокойно и правдоподобно, и внезапно я вспомнила точный день, когда была сделана эта фотография. Зимнее солнце пробивалось сквозь тропические растения в его саду, и я, думая, что одна в доме, вышла туда и гуляла среди тенистых ветвей, выныривая в лучи солнца, которые освещали мое поднятое лицо, как прожектор. Этот-то момент Бен и зафиксировал своей камерой.

– На самом деле я снимал кое-какие деревья для Тома... моего садовника, – пояснил он. – Поэтому этот снимок стал неожиданным бонусом. – Он с улыбкой посмотрел на моих родителей. – Я сразу понял, что вы тоже захотите иметь его.

Тоже? Это значит, что он сделал отпечаток и для себя? Зачем? И даже более впечатляюще – что я чувствую по этому поводу?

– Я найду для нее особое место, – пообещала мама, уже снова заворачивая фотографию в рамке в подарочную бумагу.

Я увидела, как в уголках рта Бена напряглись желваки, и направила ему телепатическое сообщение. *Все нормально. Ничего не говори. Пусть будет как будет.* Но получилось так, что Бену и не пришлось ничего говорить. Мой отец молча встал со стула и забрал у матери фото в тяжелой серебряной раме. Со спокойной решимостью он убрал с середины каминной полки две фотографии Скотта и поставил на их место мою. Отступил и кивнул.

– Вот ее место, – сказал он странно хриплым голосом.

Глаза матери блестели слишком ярко, но она не возразила, лишь наклонила голову, быстро и молча соглашаясь.

Маленькое происшествие, огромное происшествие, и оно заставило меня задуматься, знает ли человек, которого я привела в наш дом, как сильно он начал менять всех нас.

Когда все пополнили на очередной год свой запас носков, шлепанцев и туалетных принадлежностей, мои родители в итоге удалились на кухню, вежливо, но твердо отказавшись от всех предложений помощи. Впервые после поцелуя мы с Беном остались вдвоем, и я вдруг занервничала. Книгу о джазе, которую я ему преподнесла, Бен принял с гораздо большим воодушевлением, чем она того заслуживала, но ничего не подарил мне в ответ. До этого момента. Точно убедившись, что мы одни, Бен достал из стоявшего рядом с ним пакета последний подарок. Протянул его мне, и когда я его брала, мои пальцы почему-то дрожали.

Я узнала имя на коробочке с ювелирным украшением, узнала по рекламе на обложке глянцевого журнала, ни разу не отважившись зайти в их магазины. Оберточная бумага, порхая, упала к моим ногам, а я замерла, касаясь пальцами пружинной крышки этой коробочки.

– Мне нравится, Бен, – тихо сказала я, и мои голубые глаза смотрели в глаза цвета

жженого сахара. Я понимала, что должна разыгрывать свои карты более хладнокровно, чем я это делала. Но я просто ничего не могла с собой поделаться.

– Ты же даже не знаешь, что там.

– Мне и не нужно, – уверенно ответила я, – мне уже нравится.

И с этими словами я нажала на пружинку, крышка откинулась, и я увидела подарок Бена – на черном бархате лежал красивый серебряный браслет. Я осторожно подняла его, он повис на моей ладони, словно тоненькая серебряная змейка. Единственный брелок крутился и вертелся на свету, вызывая у меня улыбку. Когда я посмотрела на Бена, он тоже улыбался, но в глазах поблескивала неуверенность.

– Какое совершенство, – вырвалось у меня.

– Очень мило, – заявила мама, входя с подносом канаве и останавливаясь, чтобы полюбоваться нежным браслетом. – Какой необычный брелок, – заметила она, наклоняя голову, чтобы получше рассмотреть крохотный серебряный предмет, прикрепленный к первому звену браслета. – Не могу разобрать, что это...

– Это уют, мама, – тихо проговорила я, наши с Беном взгляды говорили о принадлежавшем только нам моменте и о ночи, когда мы познакомились. О той ночи, когда он спас меня в первый раз, не зная, что будет делать это снова и снова. – Это уют.

– Принимая во внимание все обстоятельства, полагаю, что все прошло очень хорошо.

– В самом деле? – переспросила я, поворачиваясь к Бену, насколько позволял ремень безопасности. – Даже когда они случайно называли тебя Скоттом три или четыре раза? А неоткрытый подарок под елкой и... и вообще всё?

Я выразительно взмахнула рукой, охватывая общую странность жизни моей семьи.

– Семьи несовершенны, – изрек Бен. – Это не мешает им быть полноценными.

Я вздохнула.

– Чуть больше нормальности было бы в самый раз.

– Нормальность скучна. Люди проявляют себя с наилучшей стороны в наихудших ситуациях.

– По-моему, ты украл эту сентенцию из какого-то фильма.

Бен усмехнулся.

– Очень возможно.

Украл или нет, но его положение, пожалуй, давало ему неоспоримое право судить. Очень многие из его друзей наверняка переживали худший период в своей жизни, и при этом внешне они казались более увлеченными жизнью, чем люди, которые не слышали бесшумного тиканья своих часов. Интересная мысль, а я никогда по-настоящему над этим не задумывалась. *Потеряв тебя, Скотт, я стала лучше?* Я печально покачала головой. Я совсем так не считала.

Пока мы ехали по знакомым улицам моего родного города, я бессознательно теребила крохотный серебряный утюжок, который нежно подпрыгивал, ударяясь о внутреннюю сторону запястья. Я не снимала браслет почти два дня, с тех пор, как Бен застегнул его на моем запястье, низко наклонив голову, пока его большие пальцы сражались с миниатюрной застежкой. Он не торопился отпустить мою руку, когда в итоге застегнул его, и провел пальцем по пустым звеньям.

– Может, со временем мы заполним их новыми воспоминаниями? – нерешительно спросил он.

Я посмотрела на звенья, пытаясь представить коллекцию воспоминаний, которую мне еще предстояло создать. И в душе у меня проклюнулись и начали медленно подниматься ростки тепла и надежды.

– Я с удовольствием.

Я настолько увлеклась мечтами, замороженная направлением, в котором мы с Беном неожиданно двинулись, что не обратила внимания на *реальное* направление. Я огляделась и увидела недалеко впереди оживленный перекресток, и все теплые чувства у меня в душе моментально уничтожились. Я никогда не ходила этой дорогой. Я тратила минут двадцать, выбирая противоположное направление, лишь бы избежать этого участка, но, очевидно, Бен понятия об этом не имел. На следующий день после аварии я видела фотографии в газетах. Я видела автомобиль, развернувшийся поперек дороги, с покореженными и перекрученными металлическими деталями. А метрах в пятидесяти, в том месте, где наконец закончилось смертельное скольжение, лежала драгоценная собственность Скотта – его мотоцикл – или то, что от него осталось. Проезд по тому месту, где у моего брата отняли будущее, был для меня таким же кощунственным, как пикник на могиле. По внушительной веренице машин, выстроившихся за нами, я поняла, что поздно просить Бена повернуть назад. Я автоматически схватилась за ручку дверцы, словно можно было сбежать. Бен что-то тихонько сказал, издал какой-то звук, наверное, ругнул другого водителя, если не считать тревоги на его лице, когда он увидел муку на моем. Как он понял значение этого места, хотя я никогда не говорила ему об этом, осталось тайной. Возможно, эта недавно возникшая между нами связь эмоционально соединила нас таким образом, какой я даже и представить себе не могла. Отняв одну руку от руля, Бен взял меня за руку. Другой рукой он так сильно сжал руль, что побелели костяшки пальцев. Он казался шокированным собственной неосмотрительностью, но правда, *откуда* он узнал, как я буду реагировать? Как я всегда реагировала?

– Закрой глаза, Софи, – тихо сказал он. – Я скажу тебе, когда открыть.

Я повиновалась, так и не увидев место катастрофической встречи автомобиля и мотоцикла. Я знала, что мы уже, наверное, давно миновали этот перекресток, но Бен по-прежнему не велел мне открывать глаза, поэтому я сидела в темноте, привязанная к нынешнему времени и месту только его рукой на моей руке. Я почувствовала, что машина замедляет движение, останавливается, и услышала тихий щелчок, когда выключился двигатель.

– Открой глаза, – спокойно проговорил Бен.

Я совсем не знала, где мы, где остановились, потому что смотрела не по сторонам, а прямо в лицо Бену, которое находилось так близко, что наше дыхание перемешалось, когда он приблизил свои губы к моим. Прикосновение его губ было нежным, ожидающим моего ответа. Кто-то застонал, наверное, это была я, а потом его губы уже не задавали вопроса, они вели, и я счастлива была идти, куда бы ни повел меня этот поцелуй. Я больше не заблужусь; невозможно будет не найти дорогу вперед, пока он продолжает целовать меня и обнимать так, будто не хочет отпускать. Я находилась за несколько миль от места, где жила... но я наконец нашла путь домой.

– Ты уверена, что не передумаешь?

Я покачала головой, глядя на дом Бена и тихо дивясь, сколько всего изменилось в наших отношениях с тех пор, как три дня назад мы отсюда уехали.

– Может оказаться, что тебе понравится, – мягко убеждал он меня.

– Дело в том, что я *всегда* провожу следующий за Днем подарков день с Джулией и Гэри. И у меня подарки для детей. И Джулия меня ждет.

Все это были хорошие доводы, веские, но не по этой причине я не собиралась присоединиться к вечеринке с караоке, которую Бен устраивал этим вечером для своих друзей.

– Караоке? – недоверчиво переспросила я. – Но мне казалось, ты говорил, что не поешь. Вообще.

Бен усмехнулся.

– Поверь мне, ничей слух я терзать не стану. Вечеринка в любом случае устраивается ради Саймона.

– Ради Саймона? – спросила я, уже зная, что, скорее всего, не хочу слышать, почему такое нехарактерное мероприятие устраивается этим вечером в доме Бена.

Он на секунду оторвал взгляд от дороги, словно хотел оценить ситуацию, прежде чем продолжить.

– Всю свою жизнь Саймон мечтал быть певцом... и голос у него потрясающий. Но он так и не смог преодолеть страх перед аудиторией. Но среди друзей, среди людей, которым он доверяет, думаю, мы сможем убедить его взять микрофон.

– О...

Я подала голос тихо и осторожно, инстинктивно зная, что продолжение истории Саймона следует.

– Через несколько дней ему предстоит серьезная операция, и шансы... – Бен опечаленно умолк. – Что ж, они не самые лучшие. Поэтому сегодняшней вечер посвящен ему.

Конечно, меня тронула история Саймона – а кого бы она не тронула? Но одно сострадание не готово было изменить мое решение. Более того, оно усилило мою решимость сохранять как можно большую дистанцию между собой и группой несчастных друзей Бена. Думаю, он понял мои чувства, потому что нежно сжал мою руку и больше не настаивал.

– Прости, но я не могу прийти... не могу... понимаешь, там Джулия, и она будет...

– Я понимаю.

– И она купила еду и...

– Я понимаю.

– И Лейси, и Ной будут разочарованы, если...

– Я понимаю, Софи. Правда.

И когда я посмотрела в его глаза, я увидела понимание, что ничуть меня не удивило. Взяв мою руку, ту, на которой был браслет, Бен поднес ее к губам и поцеловал кулак, а я даже не заметила, как сжала его.

– Я знаю, что для тебя это трудно, Софи, и я не хочу на тебя давить. Но мои друзья – обычные люди, несмотря на их болезни. Просто они пытаются как можно лучше разыграть скверные карты, которые сдала им жизнь, и насладиться оставшимся им временем. Разве не

это делает любой из нас?

– Я понимаю, что веду себя нелогично, и, возможно, однажды я смогу преодолеть свои чувства. Но не сейчас. Для меня это слишком скоро.

Трусиха, прошептал мне на ухо мой погибший брат, так громко, что я вздрогнула от звука его голоса в своей голове. *Ты всё убегаешь, Софи. Не убегай от этой ситуации.*

– Может быть... однажды, – повторила я обоим мужчинам, присутствующим в машине – живому и мертвому. – Просто дай мне время. Спешить ведь некуда, верно?

Бен казался немного расстроенным, и я предположила, что мой ответ, видимо, разочаровал его, хотя сам он покладисто ответил:

– Нет, спешить некуда. Привыкай, сколько тебе нужно.

У Джулии и Гэри я просидела гораздо дольше, чем следовало бы, притворяясь, что не замечаю зевков украдкой или незаметных поглядываний на часы и телефоны. Чтобы заставить меня уйти, моим друзьям оставалось разве что спуститься вниз в пижамах и домашних халатах. Я практически злоупотребила их гостеприимством, когда наконец призналась себе, что не могу дольше откладывать уход.

Смешно, как я нервничала, когда такси подъехало к дому, и уж откровенно нелепой была моя просьба остановиться на другой стороне улицы, где мое прибытие, знала я, будет скрыто за густыми ветвями раскидистых деревьев. Какая разумная, взрослая женщина чувствует необходимость прятаться, как вор, в тени, надеясь незамеченной проскользнуть в свой же дом? Ясное дело, та, у которой остались нерешенные проблемы, и разобраться с ними следовало много лет назад.

По крайней мере, мне не пришлось волноваться, что шум моего возвращения кого-то побеспокоит, потому что тихий скрип гравия у меня под ногами не будет слышен за пульсирующим грохотом караоке. Я могла бы пройти по подъездной дорожке с барабанным боем и трубным ревом, и никто ничего не услышал бы. За исключением, возможно, одного человека, чей силуэт я заметила в одном из окон наверху. Это мог быть кто угодно: заблудившийся гость, искавший туалет, или кто-то, забиравший свое пальто. У меня не было причин думать, что это Бен высматривает меня. Однако мое сердце застучало в непривычном темпе, когда я вошла в квартиру на цокольном этаже. Я постояла в темной прихожей, не отрывая взгляда от двери, соединяющей наши дома, ожидая, что в любой момент постучится Бен, приглашая меня присоединиться к ним.

Но этого не произошло, и я рада этому, сказала я себе, быстро раздевшись и юркнув под толстое одеяло, плотности которого все равно не хватило, чтобы заглушить просачивающиеся сквозь потолок звуки. Какой-то звук, нечто среднее между всхлипом и смешком, вырвался у меня, когда не один, а много голосов вдруг соединились, подпевая классике караоке. Я накрыла голову подушкой, но все равно слова знакомой песни доносились и мучили меня, пока голоса наверху громко пели, бросая вызов и правде, и логике, «I will survive^[5]».

– У меня полный холодильник еды, оставшейся от вечеринки. – Заманчивое предложение для женщины, в холодильнике у которой лежал заплесневелый кусок сыра, два увядших помидора и полбанки кошачьих консервов. – А еще куча наполовину полных бутылок вина, попозже мне потребуются помощь и с ними.

Я тоже улыбнулась, глядя на это красивое лицо, лучившееся улыбкой, и мне так

страстно захотелось провести пальцами по щеке и подбородку Бена, что понадобилось сознательное усилие удержать свою руку.

– Мне не хватало тебя вчера вечером, – сказал Бен, сделав навстречу мне шаг и остановившись, чтобы оценить мою реакцию.

Внутри у меня словно взорвалась фабрика фейерверков; крохотные неожиданные вспышки сыпались отовсюду. Каждое нервное окончание ожило и в то же время волнуяще вышло из-под контроля. Не почувствовав сопротивления, Бен протянул ко мне руки, положил свои широкие ладони мне на талию, словно балетный танцовщик, приготовившийся поднять партнершу.

– Ты оптимист, – сказала я, удивляясь своему голосу, который враз осип и потерял громкость.

Бен точно так же засмеялся.

– Потому что надеюсь, что ты так же сильно хочешь поцеловать меня, как я хочу поцеловать тебя.

Голова у меня кружилась, и я понимала, что мне трудно вести связный разговор, да и вообще, скоро я уже не смогу его поддерживать.

– Нет, это я насчет вина. Ты сказал наполовину полных, но я бы назвала их наполовину пустыми. Мы такие разные.

Судя по беспечному виду Бена, его не так-то легко было сбить с толку.

– Ты никогда не отвечаешь на мои вопросы. – Я нервно сглотнула. – Я действительно хочу поцеловать тебя прямо сейчас, Софи Уинтер.

Он не отрывал взгляда от моих губ, и я чувствовала, что их уже покалывает в предвкушении. Все потеплело и окрасилось в красный цвет: его губы, мои губы, мой румянец, жар в его глазах.

Я покачала головой, откидывая назад волосы, и только когда взлетевшие пряди коснулись и моих, и его щек, я поняла, насколько близко мы стоим друг к другу. Бен еще не брился, был довольно ранний час после вечеринки, и мне, конечно, понравилось, что прежде всего остального он постучался ко мне.

– Мне нравятся различия между нами, – тихо проговорил Бен, привлекая меня к себе, прижимая тесно-тесно; мягкие выпуклости прижались к жесткой и мускулистой стене его грудной клетки. – Так интереснее.

Шершавая от щетины щека соприкоснулась с моей мягкой и гладкой. Теплый взгляд его глаз цвета жженого сахара сливался с льдистой голубизной моих. Он крепко обнимал меня, и мои руки показались хрупкими в сравнении с его руками, когда я обняла Бена за шею.

– Доброе утро, – выдохнул он, его слова коснулись моих губ. – Я еще этого не говорил?

Ответить я не смогла бы, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Что он там сказал насчет того, хочу ли я его поцеловать? Я не могла думать ни о чем другом. Я была как пьяная или кайфующая после всего одной дозы какого-то снадобья, которое мне отнюдь не следовало даже пробовать. Я никогда не была беспечной, никогда не действовала бездумно или импульсивно. Не слишком ли я стара, чтобы начинать теперь, или я просто ждала этого момента и этого мужчину, чтобы наконец начать жить?

Интригующий вопрос, но я так никогда и не узнала ответ, потому что затем Бен поцеловал меня, и мир опрокинулся и снова встал на место, сделавшись новым и восхитительно нормальным.

Следующие четыре дня Бен был постоянно рядом. Создавалось впечатление, что тридцать один год независимости и убеждения себя, что близость опасна, были религией, которую исповедовала совершенно другая Софи Уинтер. Новая версия меня не думала ни о чем кроме того, чтобы каждый момент проводить рядом с Беном, чувствуя себя счастливой.

Мы готовили яичницу-болтунью у меня на кухне, а потом съедали ее в кухне наверху. Мы отправлялись в длительные прогулки, уходя через мою дверь, а возвращаясь через его вход. Словно наши жизни слились в одно целое. Разумеется, тоненький тревожный голосок продолжал нашептывать мне, что это не может длиться долго. Мы застряли в тех странных днях между Рождеством и Новым годом, когда время кажется до странности застывшим. Личный оазис, когда работа и рутина отложены в сторону, когда жизнь допускает временную апатию, которая не исчезнет, пока на календаре не появится январь. А пока этого не произошло, я была готова унести на волне чувств, которые были такими новыми и полными надежды, что наполняли голову мыслями о совершенно новом грядущем годе.

Январь

Свернувшись калачиком, я сидела на диване рядом с Беном. Был день Нового года, и в воздухе витало ощущение последнего дня отпуска, из которого ты совсем не хочешь возвращаться. Нас обоих одолевала сонливость, потому что мы бодрствовали не один час до того момента, когда один год сменился другим. Думаю, мы оба не хотели, чтобы эта ночь заканчивалась.

Когда приблизилась полночь, Бен достал бутылку шампанского и два бокала, и, вооружившись теплым одеялом, мы отважились выйти в прохладную декабрьскую ночь, чтобы встретить Новый год и посмотреть фейерверки. Бен взял меня за руку и повел по извилистой тропке между тропическими деревьями в своем саду, пробираясь по едва заметной под нависающими ветками дорожке, которая ускользнула от моего внимания во время прежних моих прогулок. Я сомневалась, что мы увидим хотя бы кусочек чернильного неба, такая густая была листва. Но этот сад, как и его владелец, хранил тайны, которые мне еще предстояло узнать.

Бен замедлил шаг и посмотрел на меня через плечо.

– Закрой глаза, – велел он.

Земля была скользкой и подмороженной, и мы оба поскользнулись на дорожке, но я сделала, как он просил. Потому что доверяла ему. Полностью. И я до сих пор думаю, что он не осознавал в полной мере, насколько это было для меня сложно.

– Не открываешь? – спросил Бен, останавливаясь и кладя руки мне на плечи.

Я уже собралась ответить, но он заглушил мои слова неожиданным поцелуем, который получился гораздо крепче и продолжительнее, чем Бен, наверное, намеревался.

Когда мы оторвались друг от друга, он немного задыхался.

– Хорошо, можешь теперь открыть.

Сначала я увидела только огоньки, множество чайных свечей, наполняющих пространство мерцающим светом. В глубине тропического сада был устроен скрытый оазис. Тут была сооружена маленькая низкая платформа, на которой стояла изогнутая скамья, заваленная грудой подушек. По кругу над платформой, на манер спутников на орбите, Бен развесил стеклянные емкости, в каждой из которых мерцала чайная свеча.

– Я подумал, что на улице свечи не опасны, – сказал он, встал рядом со мной и, обняв за талию, привлек к себе.

Бен приложил столько усилий, чтобы создать это волшебное место, что было бы неблагодарностью указывать, что кольцо свечей в заросшем деревьями пространстве было не самым разумным решением. Но несмотря на мои периодически повторяющиеся ночные кошмары о пожаре, сейчас я страха не чувствовала. Потому что была с Беном. Впервые за все время своей взрослой жизни я поняла, что значит чувствовать себя в полной безопасности.

Я повернулась в его руках и подняла к нему лицо. Обычно ему только и требовалось такое приглашение. Но не в этот раз. Он лишь крепче обнял меня, прижимая к себе, как будто существовала опасность, что я могу исчезнуть в любой момент. Печаль, почти сожаление туманило его глаза, и их выражение меня напугало. Теребя густые волосы на затылке Бена, я пригнула его голову, чтобы получить свой поцелуй. Его глаза закрылись, когда наши губы соприкоснулись, но воспоминание о выражении в них осталось со мной.

Мы подождали фейерверков с ближайшей площадки, согреваемые мощным уличным обогревателем и шампанским. Бен укутал нас в толстый клетчатый плед, и мы уютно устроились под ним, дожидаясь, когда в полночь пробьют часы. Большой близости у нас не было, потому что несмотря на несомненное взаимное притяжение, мы еще не перешли финальной черты.

Последние четыре вечера заканчивались тем, что Бен продолжительно целовал меня у входа в мою квартиру. Но даже когда я оставляла дверь открытой и оглядывалась на него с таким выражением лица, что даже слепой его понял бы, Бен все равно не делал попыток последовать за мной. Он, а не я, сдерживался, и я не знала почему. Следует признать, что в последний раз я увлеклась кем-то довольно давно, но не настолько давно, чтобы не узнать признаков влечения Бена ко мне. Когда мы расставались у моей двери, нас обоих охватывала дрожь, дыхание становилось прерывистым, и прижимавшееся ко мне тело Бена хранило мало секретов. Я лишь предполагала, что он думает, будто я не готова перейти на новый уровень отношений. Но, по правде говоря, я была настолько готова, что даже стыдно.

Новый год я встречала очень по-разному, но уже знала, что в далеком будущем, когда я стану хрупкой старушкой с седыми волосами и провалами в памяти, эта ночь по-прежнему будет со мной. Эту ночь я никогда не забуду.

Я нашла для своей головы удобную впадинку на плече Бена, а когда я обняла его под одеялом за талию, то почувствовала, как тепло его довольного вздоха взъерошило мои волосы. Мы не спорили, чокаться при первом ударе часов или при двенадцатом. Мы до сих пор не знаем точно слова песни «Старое доброе время». И когда первые ракеты взлетели в черный бархат небес, мы их не увидели. Это была лучшая встреча Нового года, наступление которого мы пропустили, потому что Бен пробормотал что-то вроде «не могу ждать» и принялся целовать меня, мягко опрокидывая на подушки.

Кажется, прошло очень много времени, когда Бен с неохотой освободил меня от тяжести своего тела. Мой затуманенный взгляд не видел ничего, кроме Бена. Несмотря на свежий ночной воздух и падающую температуру, участки моей обнаженной кожи, до которых он дотрагивался, казались горячими и обожженными.

– Не здесь, не сейчас. – В голосе Бена слышалась боль, как будто он не мог поверить, что именно он произносит эти слова. Он приподнял мое лицо, держа за подбородок. – Пока нет, – уточнил он, выдавливая обещание вопреки своему чрезмерно жаждущему сознанию.

Бен протянул мне руку, помогая встать, и я помедлила, прежде чем вложить в нее ладонь. Я не заметила, как он положил туда крохотный брелок, но ощутила его острые краешки, едва он убрал свою руку. Мои пальцы медленно разжались, как расцветает цветок при замедленной съемке, и я увидела блестящий серебряный брелок, лежавший, как знамение, на моей линии жизни. Это была миниатюрная, из серебра высшей пробы бутылочка шампанского, которое мы только что выпили.

– Мне захотелось, чтобы на твоём браслете появилось напоминание об этом вечере. Чтобы ты всегда его помнила.

Я прикрепила крохотную памятку на следующее, пустое звено и подняла руку, чтобы мы оба могли увидеть две вехи, покачивающиеся рядом на цепочке.

– Я никогда не забуду, – благоговейно проговорила я, словно молясь, и повернулась к Бену. – Я люблю... это.

Не знаю, заметил ли он мою едва уловимую заминку, секунду, когда я медлила в опасной близости от слова «тебя» вместо «это». Это было слишком скоро и слишком уж быстро, и я никак еще не могла быть уверена в этих чувствах. Но желание сказать ему горело у меня в горле, когда я проглотила слова, которые, я понимала, недолго еще смогу удерживать в себе.

– Итак, новогодние обещания? Ты что-нибудь выбрала?

Вопрос Бена прозвучал неожиданно, поскольку последние полчаса, пока мы смотрели старый черно-белый фильм, Бен сидел так тихо, что я была почти уверена, он спит.

– Нет, – сказала я, широко зевая и вытягивая ноги, потому что сидела на диване, подогнув их под себя. – Честно говоря, я в это не верю.

Бен тепло улыбнулся.

– На самом деле они того стоят, и я уверен, что загадать хотя бы *одно* нужно обязательно.

Взяв пульт, я убрала звук.

– Правда? – парировала я, совершенно уверенная, что Бен меня дразнит. – Ну, а как же тогда твои обещания? Ты что-нибудь выбрал?

– Возможно, – таинственно ответил он.

– Полагаю, ты не скажешь – а вдруг они не сбудутся?

Он притянул меня к себе и поцеловал в лоб.

– Мне кажется, ты путаешь их с желаниями.

Я вздохнула, а потом улыбнулась.

– Ну, они все равно не сбываются. – Его взгляд встретился с моим, и в нем содержался немой упрек за мое последнее утверждение. Я сдалась. – Хорошо, они *обычно* не сбываются, – уступила я.

Бен очень долго молчал. Я подумала, что тема закрыта, но тут он взял меня за руку, наши пальцы переплелись.

– Возможно, это удачный год, чтобы принять одно решение. Хотя бы маленькое, – предложил он.

Я подняла на Бена взгляд, зная, что он говорит не о том, чтобы сбросить вес, пойти в спортзал или улучшить свое финансовое положение. Я точно знала, что он надеется от меня услышать: чтобы я перестала избегать того, что больше всего меня пугает.

Ты, черт возьми, должна, усмехнулся у меня в голове голос Скотта.

– Ты хочешь, чтобы я общалась с твоими друзьями, да?

Мой голос вдруг зазвучал тоненько, мне вдруг опять было пятнадцать лет.

– Думаю, это было бы хорошее начало.

Перестань ходить вокруг да около, Софи. Просто скажи «да», или ты и это испортишь. В последнее время высказывания воображаемого Скотта стали отличаться гораздо большим красноречием, не могла не отметить я.

– Может, я попробую, – нерешительно проговорила я.

– Думаю, это было бы просто здорово, – сказал Бен.

Самое время, добавил Скотт.

Она уже стояла в теплом зимнем пальто и шапке, когда мы подъехали к ее дому. В окно дома я увидела, как она торопится к двери, переживая, как бы не заставить нас ждать. «Не то

чтобы я была против задержки или даже переноса мероприятия», – подумала я, наблюдая, как Бен идет по дорожке и поцелуем в щеку приветствует значительно более возбужденную, чем обычно, Элис. С терпением, какое мне и не снилось, он ждал, пока она тщательно запрет дверь, проверит, а потом еще раз проверит, что дом надежно закрыт. Наконец Элис посмотрела на Бена, едва заметно, решительно кивнула и взяла его под руку, давно подставленную.

Бен разумно поступил, выбрав это для первого мероприятия с моим участием. Он знал, что я уже симпатизирую Элис и благодарна ей за помощь с Фредом. Он понимал, что я в какой-то мере чувствую себя обязанной ей и что эту просьбу трудно будет отвергнуть.

– Думаю, ей нужно только, что называется, подвести итог, – пояснил Бен, изложив свое предложение.

– Она хочет выпить чаю с подругой, которую не видела больше шестидесяти лет? *Это* ее желание?

Сдвинув в сторону тарелки на моем кухонном столе, Бен взял в свои руки мою ладонь, словно подняв эту тему, он мог вызвать во мне желание сбежать.

– Да, – подтвердил он, внимательно глядя мне в лицо.

– Чай? – уточнила я, качая головой в попытке поставить себя на место восьмидесятилетней женщины, которая поссорилась со своей лучшей подругой больше шести десятилетий назад. – Для списка желаний, для того, что ты *действительно* хочешь сделать, прежде... прежде... ну, ты понимаешь... – Я умолкла. – Просто это кажется немного скучным, только и всего.

– Ну, не все же хотят подняться на Килиманджаро, или увидеть пирамиды, или заняться сёрфингом на Бонди-Бич. – Он заметил мои приподнятые брови. – Том, – пояснил он, отвечая на мой незаданный вопрос. – Хотя, думаю, с этим, вероятно, придется подождать до следующей операции.

Я сделала большой глоток воды, словно ощущаемый мною дискомфорт был дурным вкусом, который можно смыть или разбавить. Ничего, разумеется, не вышло.

– Элис хочет только получить возможность положить конец своей ссоре с Глэдис. Думаю, можно сказать, она приводит в порядок свои дела.

Неуклюже поднявшись, я принялась убирать грязную посуду. Бен знал, как неловко я чувствовала себя всякий раз, когда разговор касался требований квалификационного «экзамена» для его группы друзей.

– Но разве тебе не кажется, что Элис, с ее слабым сердцем, не стоит подвергать себя такой нагрузке? Ситуация может оказаться слишком стрессовой. Опасной для ее здоровья.

– Там будут сконы, маффины и сэндвичи с огурцом. Никакой особой нагрузки я в этом не вижу, – рассудительно заметил Бен, вставая и обнимая меня за плечи.

Я прислонилась к нему и почувствовала, как немного спадает напряжение, словно внутри Бена имелось какое-то устройство, способное нейтрализовывать мою тревогу.

– Элис просто хочет, чтобы кто-нибудь с ней поехал, для поддержки, и хотя я *мог бы* поехать – и поеду, если ты действительно пока не чувствуешь себя готовой к этому, – мне кажется, что присутствие мужчины придаст их воссоединению другой характер. Я уверен, что Элис и Глэдис будут чувствовать себя куда спокойнее, если третьей в их компании будет женщина, кто-то с более тонким восприятием.

Он подтвердил свои слова, поднеся мою руку к губам и нежно целуя чувствительную кожу на кончиках пальцев, прежде чем спуститься к ладони.

– Ты нечестно играешь, – сказала я, тихонько постанывая, когда его действия вызвали у меня ответную реакцию. – Как я могу тебе отказать, когда ты это делаешь?

Он прижал меня к себе, уставившись на мои губы.

– Я еще даже и не начинал, – хрипло проговорил он.

Я согласилась не из-за поцелуев Бена или их уникальной силы убеждения. Я согласилась, поскольку почувствовала, что это нужно сделать. Элис старая и слабенькая. Если это единственное незавершенное дело, если она действительно этого хочет и ей это нужно, тогда я помогу осуществить ее желание по примирению с подругой. В конце концов, какие трудности могут возникнуть во время чаепития с двумя старушками, которым перевалило за восемьдесят?

Элис забралась на заднее сиденье автомобиля, и после минутного колебания я отстегнула ремень безопасности и быстро глянула на Бена.

– Давайте я сяду с вами, если вы не против, Элис? – сказала я.

Бен улыбнулся, его глаза излучали тепло, когда он едва заметно кивнул мне.

Элис нервничала, это было заметно по тому, как она то откладывала свою сумочку в сторону, то брала ее, словно той грозила опасность быть похищенной, едва хозяйка ослабит внимание. Она возилась с ремнем безопасности, который я ненавязчиво взяла из ее тонких, узловатых пальцев и застегнула. Женщина села в машину на волне ландышевых духов и чрезмерного количества лака для волос, и по толстому слою пудры на ее морщинистых щеках и ярко-красной помаде я видела, что она проделала большую работу над своей внешностью.

– Глэдис всегда была красавицей, – сказала она, когда я заметила, как хорошо она выглядит. – Мальчики так и вились вокруг нее, как пчелы вокруг горшка с медом. – Взяв мою руку повыше ладони, она привлекла меня ближе к себе, хотя я уверена, что Бен все равно не мог слышать нас с водительского места. – Ну, и грудь у нее была пышная, что, вероятно, тоже имело к этому отношение. А я была плоской, как блин.

В зеркале заднего вида я заметила, как дрогнули в улыбке губы Бена.

– Ну, мы все красивы, каждый по-своему.

Элис натянуто улыбнулась и снова потянулась к сумочке, как будто та могла потеряться за последние тридцать секунд.

– И как вы с Глэдис стали подругами?

– Еще с колыбели, – ответила Элис. – Ее семья жила в доме напротив, и наши матери были хорошими приятельницами. Еще до нашего рождения они решили, что мы будем подругами. Так и получилось. А поскольку ни братьев, ни сестер у нас не было, мы стали даже еще ближе. У вас есть братья или сестры, моя дорогая?

Я снова глянула в зеркало, на этот раз глаза Бена весельем не искрились.

– У меня... был. – Мой голос прозвучал, как при сильнейшей простуде – сдавленно и хрипло. – Но он умер, когда я была подростком.

Ни Элис, ни Бен просто не могли знать, что даже это признание было для меня огромным шагом. *Наконец-то*, возликовал у меня в голове голос Скотта. *Мне, знаешь ли, здорово надоело не существовать.*

– О, это печально, – проговорила Элис с невозмутимостью человека, который за долгие годы любил и потерял множество друзей и родных. Это был, так сказать, производственный риск для человека, пережившего всех, кого ты знал. И это делало ее желание встретиться

с Глэдис более понятным.

– Значит, вы с Глэдис были очень близкими подругами, так что же случилось? Почему вы поссорились? Или вы не хотите об этом говорить?

Элис рассмеялась смехом старой дамы, похлопала по сумочке, убедилась, что та все еще рядом, а потом задумчиво вздохнула.

– Ох, боже мой, я не против рассказать, столько лет прошло. В любом случае я, вероятно, заговорю об этом во время нашего чаепития. – Она ностальгически улыбнулась и секунду смотрела в окно, потом повернулась ко мне. – Из-за чего могут поссориться две двадцатилетние девушки? Из-за парня, конечно.

Взгляд и внимание Бена были прикованы к дороге, я же не отрываясь смотрела на Элис. – Его звали Винс, и в тот вечер на танцах он мог бы завладеть вниманием любой девушки, но пригласил он меня. – Даже в самом конце жизни воспоминание об этом моменте заставило глаза Элис ярко засиять. – Тогда же я сразу поняла, что это мой парень.

Элис посмотрела на безымянный палец левой руки, на котором никогда не было кольца. Ее история осталась без сказочного конца.

– Что же случилось? – мягко подбодрила я.

– Глэдис, – просто ответила Элис, словно ответ был очевиден. – Она на некоторое время уезжала, но знала все о Винсе из моих писем. – Элис взяла сумочку и принялась рассеянно щелкать замком. Посмотрела на меня и почти равнодушно сказала: – Самый большой дурак тот, который не видит, что происходит у него под самым носом, верно?

– Они полюбили друг друга? – Мой голос упал до едва слышного шепота.

– Бог с вами, Софи, я до сих пор не уверена, *нравился* ли он Глэдис. Просто она не могла стерпеть, что у меня есть что-то, чего нет у нее. Поэтому она открыла на него охоту, стала стрелять этими своими большими карими глазами, и не успела я опомниться, как он уже держал за руку *ее*, а не меня.

Момент показался мне подходящим, чтобы взять Элис за руку и так крепко сжать ее, что пергаментная кожа собралась складками.

– Вы заслуживали лучшего мужчины, – тихо сказала я и была вознаграждена добрым взглядом.

– Ты милая девочка, пытаешься меня утешить, но я давно уже пережила историю с Винсом. Хотя, возможно, не так быстро, как Глэдис, – добавила она, неодобрительно хмыкнув. – Еще не узнав о его смерти, она уже нашла себе нового ухажера. Мы никогда не разговаривали с того вечера, когда я увидела ее целующей моего парня.

При этом воспоминании Элис прижала трепещущую руку к груди, и я в панике бросила взгляд на Бена в зеркало заднего вида, судорожно вспоминая все, что знаю об оказании первой помощи при остановке сердца. Но под внешностью божьего одуванчика у Элис таился железный стержень.

– Возможно, ни одна из нас не вышла бы за него замуж. Но я лишь знаю, что в тот вечер я потеряла не только своего парня, но и лучшую подругу, и теперь мне бы хотелось должным образом попрощаться с ней, пока не стало слишком поздно.

– И вы сможете это сделать, – сказал Бен, въезжая на парковку напротив маленькой деревенской площади. – Потому что мы приехали.

Элис выпрямилась на сиденье, демонстрируя в равной мере несгибаемые позвоночник и решимость, и перевела взгляд на маленькое деревенское кафе, выбранное ею для воссоединения с подругой.

– Вы точно не против посидеть здесь? – спросила она Бена, снова всполошившись теперь, когда мы добрались до места назначения.

– Со мной все будет в порядке, – заверил ее Бен. – Вы, девушки, можете никуда не торопиться.

Место вокруг нас словно сошло с видовой открытки и представляло собой квинтэссенцию Британии. Тут было даже утиное семейство, которое, переваливаясь, шествовало от пруда, чтобы нас поприветствовать, когда я, взяв Элис под руку, помогла ей перейти площадь к маленькому кафе, разместившемуся в доме эпохи Тюдоров. Стояла еще середина дня, но его многостворчатые окна уже светились изнутри теплым светом. Дверь была низкой, скорее по росту Элис, и мне пришлось нагнуться, чтобы не удариться лбом о перекрещенные балки у нас над головой. Внутри было уютно и тепло, и это впечатление лишь усиливалось большим пламенем, ревушим в камине, таком высоком, что в нем можно было встать во весь рост.

– Давайте ваше пальто, – предложила я, но Элис не услышала меня, потому что ее внимание было приковано к столику в задней части кафе, где сидела почтенного возраста женщина. Элис двинулась вперед, причем значительно быстрее, чем переходила деревенскую площадь.

– Это она, – подтвердила Элис, пытаясь улыбнуться. Я поняла, она совсем не была уверена, что Глэдис приедет.

Я поспешила догнать Элис, целеустремленно направлявшуюся к своей бывшей лучшей подруге. Женщина за столом подняла на нас глаза. Благодаря выкрашенным в золотисто-каштановый цвет волосам она выглядела по меньшей мере на десять лет моложе Элис, а мягкая шерсть ее джемпера и кардигана смотрелась дорого.

– Она хорошо вышла замуж, как я слышала, – сообщила нам ранее Элис. – И не один раз, насколько я знаю.

Свидетельством тому на пальцах Глэдис засверкали кольца с бриллиантами, когда она поманила нас рукой. По мере приближения к столу, на котором уже стояли коричневый керамический чайник и блюдо с пирожными, Элис замедлила шаги. Не знаю, как у нее, но у меня во рту вдруг пересохло от нервного напряжения, и я с вождением устремила взгляд на кувшин с ледяной водой, стоявший на столе.

– Здравствуй, Элис. Давно не виделись. – Элис взялась за горло, и я снова запаниковала, прикидывая, как скоро я найду таблетки в недрах ее сумочки, если все это окажется слишком для пожилой дамы с нездоровым сердцем. – Хорошо выглядишь, – продолжала Глэдис, перемещая взгляд со своей бывшей подруги на меня. – А это твоя внучка?

Она явно не знала, что после Винса Элис не обрела другой любви.

– Я просто подруга, – поправила я, когда Элис промолчала. – Элис никогда не была замужем, – добавила я, гадая, услышит ли другая женщина скрытое неодобрение в моем голосе.

Глэдис как будто смутилась, но не настолько, насколько, по моим представлениям, следовало.

– О, что ж, это не у всех бывает, – проговорила она, отмечая целую жизнь воспоминаний, которой она одним быстрым заявлением лишила Элис.

Я встала поближе к моей подопечной и взялась за толстую ткань ее пальто.

– Элис, не хотите ли сесть?

Она покачала головой, но на меня не посмотрела; ее взгляд был прикован к бывшей

подруге.

– Позвольте мне взять ваше пальто, – снова предложила я. – Здесь ужасно жарко, – добавила я, чувствуя, как по спине лениво ползет струйка пота. Позади нас с треском вспыхнул в камине огонь, когда упало, осыпавшись градом угольков, полено.

Элис тоже было жарко, я видела это по крохотным капелькам испарины, выступившим поверх толстого слоя пудры над верхней губой. Я налила Элис стакан воды, но она не обратила внимания, даже когда я поставила его на стол прямо перед ней. Возможно, это стало моей первой ошибкой.

– Может, вы обе присядете, – напомнила Глэдис, указывая на два свободных стула. – Нам нужно столько навестать.

Я стала выдвигать один из стульев с высокой спинкой, но остановилась, увидев, что Элис не делает попытки последовать моему примеру. Мой взгляд метался между двумя женщинами, наблюдая за их молчаливой беседой, которая шестьдесят лет ждала своего часа. Эта пара застала меня врасплох, ибо не было ни обсуждения, ни предисловия.

– Винс был недостаточно хорош для тебя. Вероятно, ты должна быть благодарна мне за то, что я это тебе показала, – сказала Глэдис, ее губы, накрашенные ярко-розовой помадой, чудовищно не сочетавшейся с ее волосами, сжались в тонкую линию.

Я вдруг по-настоящему пожалела, что это не Бен стоит рядом с Элис. Он бы знал, что сделать или сказать, чтобы ослабить напряжение. Я же была опасно близка к тому, чтобы сказать что-нибудь совершенно непростительное престарелой женщине.

Не знаю, слова ли Глэдис стали последней каплей или Элис с самого начала знала, как именно закончится это воссоединение. В ее глазах засветилась решимость, они засверкали, когда она взяла налитый мною стакан воды. *Ты хочешь пить. Пожалуйста, ты просто хочешь пить*, поймала я себя на лихорадочной мысли. Элис подняла стакан, и мгновение ситуация могла повернуться в любую сторону, а потом шестьдесят лет ожидания перевесили чашу весов, и вода взлетела и маленьким водопадом понеслась в сторону Глэдис.

– Сучка, – почти с наслаждением произнесла Элис.

Это было первое и последнее слово, сказанное ею женщине, с которой она приехала сюда повидаться. Я почувствовала, что все присутствующие развернулись в нашу сторону и от столика к столику, как волна на стадионе, пронеслось коллективное аханье.

– Теперь мы, пожалуй, можем уйти, – сказала Элис, поворачиваясь ко мне с милейшей улыбкой пожилой дамы, какую мне когда-либо доводилось видеть.

Упрашивать меня не пришлось. Я бросила один краткий взгляд на Глэдис, которая выглядела ошеломленной, вода медленно стекала по ее все еще примечательной груди. По крайней мере, Элис не попала ей в лицо.

Я беспомощно покачала головой, глядя на Глэдис, не вполне уверенная, кто же здесь пострадавший. Выговорила одними губами: «Простите», хотя не думаю, что искренне, а потом как можно скорее повела Элис к двери. Холодный январский воздух полоснул меня по лицу, как пощечина, когда мы вышли из кафе и направились к ожидавшему нас автомобилю Бена.

Я увидела его озабоченный взгляд при нашем приближении, заметила, что он хочет выйти из машины, но настойчивым знаком велела ему оставаться на месте. Понятия не имею, что он подумал, видя, как мы торопливо пересекаем площадь, потому что была занята тем, что в страхе оглядывалась, ожидая, что за нами бросится рассерженный персонал кафе. Я открыла заднюю дверь, и Элис не по годам проворно забралась в машину. Я запрыгнула на

сиденье рядом с ней.

– Поезжай! – приказала я Бену, еще даже не захлопнув дверцу.

Доведись нам сматываться с места преступления, из Бена получился бы дрянной водитель, потому что реакция у него была слишком замедленная.

– Что такое? Что случилось?

– Просто поезжай, – настойчиво повторила я.

Рядом со мной блаженно улыбалась Элис.

– Спасибо, – сказала она нам обоим. – Теперь я действительно чувствую себя гораздо лучше.

– Расскажи еще раз, – умоляла Джулия, вытирая слезящиеся от смеха глаза.

– Трех раз достаточно, – чопорно заявила я.

Джулия удивленно покачала головой.

– Ты уж точно никогда не говорила, что помощь друзьям Бена может оказаться такой занимательной.

– Для тебя, может быть, – сказала я, хотя трудно было удержаться от улыбки всякий раз, когда я мысленно возвращалась к событиям прошлой недели.

Я обвела взглядом кафе, где мы с Джулией встретились за ланчем. Никто ни в кого не плескал капучино, никто не улаживал шестидесятилетнюю вражду, и сварливые пенсионеры не устраивали в углу потасовку. Скучновато.

– И что теперь? Это твое первое и последнее мероприятие для его друзей?

Я поднесла к губам чашку и отвлеклась на блеск серебра. Теперь на моем браслете качались три брелока, и мой взгляд, пока я отвечала, остановился на последнем пополнении, крохотном пианино.

– Не совсем. Теперь я вроде как помогаю еще одному человеку.

Через три дня после того, как Элис таким драматическим образом свела давние счета, Бен постучал в мою дверь в середине дня. Уговаривать меня не пришлось, я только рада была бросить исключительно скучный перевод, над которым работала, и выпить с Беном чаю.

– У меня пончики, – начал он, когда я отодвинула щеколду и увидела прислонившегося к косяку Бена.

– Это диагноз или кондитерское изделие?

Губы Бена дрогнули, и меня охватила тихая радость. Ему нравилось мое чувство юмора, а мне – тот факт, что в последнее время я, похоже, вновь открыла его в себе после долгого перерыва.

– Поднимемся наверх? – предложил Бен, протягивая мне руку. – Я хочу кое-что тебе показать.

– Интригующе, – пробормотала я, позволив ему повести меня вверх по деревянной лестнице. И так это и оказалось: интригующе, ошеломляюще и совершенно неожиданно.

Я не могла не заметить его, едва мы ступили в жилую часть дома. Блестящее черное дерево в солнечном свете зимнего дня сияло зеркальным блеском. Оно было большое, легко занимавшее целый угол комнаты.

– Это пианино, – проговорила я, словно Бен мог не заметить внушительный кабинетный рояль, который вдруг появился в его жилище.

Бен выпустил мою ладонь и засунул руки в карманы джинсов. Качаясь на пятках, он на минуту показался школьником-переростком, который точно не знает, сколько его ждет неприятностей.

– Да, – подтвердил он.

– Но ведь ты не играешь, – добавила я, на тот случай, если он, возможно, забыл этот весьма важный факт, прежде чем покупать инструмент, без сомнения, стоивший не одну тысячу фунтов.

– Да, не играю, – сказал он, подошел к пианино и провел рукой по поднятой крышке, как будто погладил породистое животное. – Но играешь ты. Или скорее, играла.

– Ты купил это для меня?

В моем голосе звучало недоверие, но в глубине души разве я не заподозрила это в тот момент, когда вошла в комнату?

– Ну, можно и так сказать. Но просто этот угол комнаты выглядел очень голо, поэтому все равно нужно было что-то туда поставить.

– Большинство людей выбрало бы растение в горшке, – еле слышно произнесла я, застенчиво занося руки над эбеном и слоновой костью клавиатуры.

Полжизни прошло с тех пор, как я играла, и я не была уверена, готова ли к тому, что Бен взломает очередную дверь, которая очень долгое время была заколочена.

Я нерешительно опустила пальцы, и инструмент мелодично отозвался знакомым аккордом. У него был совершенно другой звук, нежели у нашего старенького пианино; пианино, от которого родители избавились по моим настойчивым просьбам. Я почти не заметила, как оказалась сидящей на вращающемся табурете, разминая пальцы, прежде чем с чуть большей уверенностью опустить их на молочно-белое совершенство клавиш.

– После стольких лет хорошо у меня не получится, – предупредила я.

– У меня все равно нет слуха, – пожал плечами Бен. – Поэтому для меня все звучит здорово.

* * *

– Значит, теперь Бен дает тебе дополнительный заработок как учительнице музыки? – спросила Джулия, изучая счет, прежде чем я забрала его и полезла за кошельком.

– Сегодня я получила вот это, – сказала я, кладя на фарфоровое блюдце банкноты и монеты. – И не думаю, что если я учу одного парня играть пьесу для его жены, меня можно считать настоящим учителем.

– А этот парень... он тоже болен?

Я покачала головой, представляя Чарли, моего единственного ученика. По профессии строитель; могучая шея; румяное лицо и мускулистые татуированные предплечья. Он отнюдь не *выглядел* человеком, который стораает от желания разучить нежную пьесу «К Элизе».

– Нет, больна его жена. Поклонница классической музыки она, а не он. Он показался мне скорее любителем тяжелого металла. – Джулия захихикала, наклоняясь над детской коляской, и убрала под одеяло крохотную ручонку Ноя. – Она всегда хотела, чтобы он ходил вместе с ней на концерты, но он никогда не ходил. Она понятия не имеет, что в программу концерта, на который она пойдет в следующем месяце, включен необъявленный номер. – Джулия смотрела на меня, и я почти ничего не могла прочесть по ее лицу. – Бен знает

одного из организаторов, – пояснила я.

Джулия села прямо, и поначалу я подумала, что озабоченное выражение ее лица связано с женой Чарли, Жаклин, чья болезнь уже приковала ее к инвалидному креслу. Но я ошибалась.

– Тебе не кажется, что события развиваются слишком быстро?

– О боже, ты, наверное, шутишь. Каждый раз, когда Чарли играет, можно подумать, что Фреду прищемило дверью хвост. Будет чудо, если он выучит ее вовремя.

Джулия покачала головой, и длинные золотисто-каштановые пряди метнулись влево и вправо, как ленты майского дерева.

– Я не о них говорю. Я имела в виду тебя... или точнее, тебя и Бена и то, как вдруг все, что ты делаешь, оказалось связано с ним. Я хочу сказать, этот парень купил тебе чертово пианино!

– Оно заполняет пустой угол у него в комнате, – сбивчиво сказала я, повторяя объяснение Бена. В моем исполнении оно прозвучало не более убедительно, чем в его.

Джулия взяла меня за руку.

– Просто я за тебя переживаю. Я не хочу, чтобы ты пострадала. Ваши с Беном отношения разогнались до ста километров в час за очень короткое время, и теперь он покупает тебе рояли и украшения и вы практически живете вместе.

– Едва ли, – пробормотала я, и мои щеки налились непрошеным жаром.

– Ну да, кроме секса, – мрачно проговорила Джулия, словно мне требовалось напоминать об этом исключении.

– Прости, ты не хочешь сказать это немного погромче? Мне кажется, та пара у окна тебя не расслышала.

Джулия постаралась напустить на себя вид одновременно сокрушенный и благочестивый, что было большим достижением.

– Я просто думаю, что, может, пора немного нажать на тормоз, только и всего, – закончила она, смягчая свои слова мягким пожатием руки.

– Ты потратила годы – в буквальном смысле – заставляя меня не дичиться и с кем-нибудь познакомиться, перестать прятаться от собственных эмоций, и когда я наконец выполняю твои пожелания, ты хочешь, чтобы я пошла на попятный? Я думала, что ты за меня рада, – почти обвиняющим тоном сказала я. – Мне казалось, Бен тебе *нравится*.

– Мне он действительно нравится. Правда. Просто я не понимаю, почему все должно происходить так быстро? Тебе что, трудно попросить его немного замедлить темп? В смысле, ведь нет причины, чтобы ты спешила, а?

Дом был погружен в темноту, что было странно, потому что машина Бена стояла на подъездной дорожке. Не знаю, какое чувство заставило меня свернуть к его двери, а не к моей. Бен так долго не открывал на звонок, что я начала думать, не ошиблась ли я, и его действительно *нет* дома.

Я уже собралась пойти вокруг, к себе, когда дверь распахнулась. Свет на первом этаже не горел; светил только наружный фонарь системы безопасности, но даже его хватило, чтобы понять – волновалась я не напрасно. Бен выглядел ужасно. Лицо было какое-то серое, глаза – мутные и измученные. Он держался за край двери, словно нуждался в опоре, чтобы стоять прямо. Выглядел он ранимым, и такого выражения лица я никогда у него не видела.

– Что случилось? Ты заболел?

Естественная первая реакция; откуда я могла знать, что правда много хуже? В ответ на мой тревожный вопрос боль в глазах Бена сменилась чем-то более тревожным.

– Со мной все хорошо, – сказал он, хотя явно солгал. Даже в голосе у него звучала боль, словно слова царапали горло.

Не дожидаясь приглашения – потому что сильно подозревала, что такового может не последовать, – я протиснулась мимо Бена в дом, плотно закрыла за собой дверь. Только тогда, убедившись, что так просто он меня не выставит, я снова повернулась к нему.

– Что такое, Бен? Что-то явно случилось.

Секунду мне казалось, что он снова станет отрицать, но потом он покачал головой.

– У меня... у меня плохие новости.

Люди говорят, что у них, мол, застыла в жилах кровь. Ясно, что на самом деле этого не происходит. Уверена, что моя кровь (первая группа, резус-фактор отрицательный) преспокойно текла по моим жилам с температурой 37 градусов, но ощущение было такое, будто ее заменили ледяной водой.

– Судя по твоему виду, тебе надо сесть, – сказала я, *сама*, безусловно, испытывая в этом необходимость.

Не скажу точно, кто кому помогал, но мы прошли по комнате и сели на диван, рядом, но не касаясь друг друга. Бен как будто бы нарочно отстранялся от меня, и я вдруг снова перепугалась.

– Что за новости?

Мой ли это был голос? Таким мог говорить ребенок, напуганный ребенок, и я внезапно услышала то эхо из прошлого, разговор, который так часто всплывал в моих двухчасовых ночных кошмарах.

В каком смысле Скотт пострадал в аварии? Папа? Что за авария? Он же поправится, да... да?

Я тряхнула головой, но сосредоточиться было трудно, потому что я была слишком заиклена на личном кошмаре, чтобы сообразить – я сейчас в центре совершенно нового.

– Это касается Тома, – проговорил Бен, слова так скрипели, что в голосе слышалась надтреснутость.

– Тома? Садовника Тома?

Бен кивнул и медленно закрыл глаза. И тогда я поняла. Однако слова, когда они прозвучали, все равно вонзились в меня, как пули.

– Сегодня днем он умер на операционном столе.

Мы обнялись и кто-то всхлипнул. Я точно уверена, это была я, потому что по щекам Бена слезы текли совершенно бесшумно.

– Но на днях он прекрасно себя чувствовал. Снова подшучивал надо мной из-за той проклятой скалки.

Бен кивнул и отвернулся, глядя в сад, который хранил столько памяти о Томе, но это явно Бену не помогло.

– Он никому не сказал об операции... ну, очевидно, только родным. Он не хотел, чтобы вокруг него суетились. Но должно быть, он понимал, насколько серьезно положение, потому что просил отца позвонить мне, если что-то случится. – Бен помолчал, словно переживая этот телефонный разговор. – Он позвонил два часа назад.

– Но он же собирался заняться сёрфингом на Бонди-Бич, – глупо сказала я. – Он показывал мне клипы на «Ютьюбе», как это делают парни с протезами. Он сказал, что

добьется этого.

В моем голосе зазвучало обвинение – Том заставил меня поверить, что есть надежда, когда он, вероятно, все это время знал: шансы ничтожно малы.

– Он не переставал надеяться, что добьется этого, – печально проговорил Бен, – но думаю, он знал, что уже слишком поздно.

Я плакала дольше Бена, хотя его горе было глубже моего. Несмотря на их разницу в возрасте, они были близкими друзьями. Я содрогнулась, как быстро мой мозг автоматически перевел Тома и все, чем он когда-либо был, в прошлое время.

– Его отец сообщит, когда будут похороны. Кажется, Том сказал ему, что хотел бы, чтобы я сказал слово на церемонии. – Бен покачал головой, и я впервые увидела, что под тонким слоем скорби кипит гнев. – Какая, черт возьми, потеря. У него все было впереди. Он был так молод.

Я закрыла глаза, и перед моим мысленным взором возник калейдоскоп образов: все они были связаны со Скоттом и Томом и их украденным будущим.

Все получилось не так, как я себе представляла, и конечно, не так, как втайне рисовало мое воображение, но когда мы с Беном очутились в тот вечер в его постели в объятиях друг друга, я так до сих пор и не поняла, кто кого утешал.

– Ты останешься? – спросил он. Было очень поздно, и мы просидели в темноте несколько часов, в течение того ужасного периода неестественной оживленности, который следует за горем, взорвавшим твою реальность, как бессмысленно брошенная граната. – Сегодня мне не хочется оставаться одному, – сказал он, и мое сердце снова разбилось при виде лица Бена.

– Конечно, я останусь.

В его комнате стоял его запах; простыни пропитались им, он проник в перьевые недра его подушек. Каждый вдох был наполнен Беном. Все было именно так, как я представляла, и совершенно не так, как я мечтала.

Он встал, немного пошатываясь – или мне это показалось, – и протянул мне руку. Я вложила в нее ладонь, доверяя Бenu, как доверяла последние три месяца с той ночи, когда он спас мне жизнь. Сегодня была моя очередь проявить силу, помочь ему, и я была полна решимости не разочаровать Бена. Мы шли по темному дому в его комнату, и я радовалась, что мы не включаем свет, который разрушил бы черный бархатный кокон. Бен уверенно вел меня по первому этажу, споткнувшись, только когда мы переступали порог его комнаты, словно осознав, где мы находимся и что это подразумевает. Его глаза встретились с моими, и в лунном свете из окна я увидела, как в них медленно возникает осознание и неуверенность.

– Софи, я не... Это не то, что я... Мы не обязаны... – Он покачал головой, словно требуемые слова пропали из его лексикона. – Я не хочу, чтобы ты оставалась, если ты не хочешь, – прошептал он, как будто тени подслушивали его признание.

На сей раз был мой черед спасти его. Я преодолела разделявшее нас небольшое расстояние и нежно поцеловала Бена в губы.

– Я именно там, где хочу быть. Где мне *нужно* быть, – прибавила я.

На тот случай, если ему требовалось дальнейшее подтверждение, я дотянулась до молнии на своем платье. Треск металлических зубчиков прозвучал слишком громко в тишине его спальни. Платье упало к моим ногам мягкой лужицей шерсти, и я отбросила его

ногой, снимая туфли. Я стояла перед Беном в белье, полная уверенности и убежденности, каких никогда в жизни не чувствовала. Бен смотрел не моргая, не отводя взгляда от моего лица. Продолжая держать инициативу в своих руках, я начала медленно раздевать его. Сначала расстегнула пуговицы на рубашке, мои пальцы двигались без задержки, будто бы мы уже тысячу раз выполняли этот незнакомый ритуал. Я замедлила движение только раз, когда добралась до пояса джинсов и вытащила из них рубашку. Она свободно повисла, я взялась за ее ткань и притянула Бена к себе, нежно целуя его широкую мускулистую грудь, затем по очереди – плечи, освобождая их от рубашки. Мои губы мягко и с нежностью касались его кожи, их задачей было скорее смягчить боль, а не воспламенить тело. Думаю, Бен это понял.

Я немного повозилась с ремнем, но Бен не вмешался, не попытался мне помочь, и в конце концов я вытащила неподдающийся стерженок из дырки в ремне. Узкая полоса кожи шевельнулась ленивой змеей, и я вытащила ее и зашвырнула в какой-то угол. Наша одежда валялась повсюду, словно ее сорвал с наших тел ураган, но в действительности все было совсем не так. Весь процесс был медленным, осмысленным и неспешным. Расстегнув пуговицу на джинсах Бена, я начала расстегивать молнию, уже чувствуя отклик его тела на мои прикосновения. Только тогда Бен кратким движением взял меня за руки. Я кивнула, поняв, и убрала их. Бен освободился от джинсов и бросил их куда-то в темноту.

Как будто в своей комнате, а не в спальне Бена, я прошла к кровати, откинула одеяла и скользнула под них. Отвернула угол покрывала, приглашая Бена. Луна моментально скрылась за облаком, поэтому я ничего не видела, только почувствовала, как прогнулся матрас, когда Бен лег рядом. Затем он протянул ко мне руки, и я без колебаний откликнулась на его призыв. Наши поцелуи были продолжительными... а потом мы остановились, не перейдя черту, откуда уже не было бы возврата. Мы говорили часами, иногда неся полную бессмыслицу... а потом умолкали. Я лежала в объятиях Бена, он гладил меня по спине, ласкал округлость моего бедра и изгиб спины, но его пальцы ни разу не опустились ниже тонкого кружева моего белья. Внутри, как голодный зверь, недовольно ворчала терзающая меня боль желаний, но я не обращала на нее внимания, потому что понимала: сегодняшняя ночь должна принести облегчение другого рода. Которое было выше этого. Секс может быть скоротечным. Секс может быть бессмысленным и быстро забываемым. Но эта ночь, когда мы обнажили не наши тела, а наши души, останется со мной до моего последнего часа.

Февраль

– Мне очень жаль. Ты ведь понимаешь, да?

– Конечно, понимаю, – убеждал меня Бен. – Я всегда знал, что прошу слишком многого.

– Прости, – снова сказала я, на тот случай, если он каким-то образом пропустил последние пару сотен извинений, произнесенных мной с момента его просьбы пойти с ним на похороны Тома.

Мне было неприятно отказывать ему, когда мы лежали вместе в его постели, наслаждаясь тихой интимностью нашей близости, Бен тогда впервые попросил меня об этом; потом – еще неприятнее, когда он повторил просьбу через пару дней, он тогда писал речь для выступления на похоронах. После этого он больше меня не просил, хотя это не мешало мне извиняться.

Странная была неделя и сбивающая с толку. Проведенная вместе ночь подняла нас на новый уровень, мы стали ближе, однако моя неспособность встать рядом с Беном на похоронах вбила между нами незримый клин. Если изобразить наши отношения в виде двух частично наложенных друг на друга кругов, то мой отказ поместил меня во внешнюю часть. Чтобы разделить с Беном жизнь, стать частью его мира так, как, понимала я теперь, я этого хотела, я должна была полностью принять его отношения с группой друзей и то, что неизбежно должно было с ними случиться. Это была гораздо более серьезная «просьба», чем просто поехать днем на чай или научить кого-то играть на фортепиано. И посещение похорон – любых похорон – по-прежнему было для меня слишком большим шагом вперед.

Бен сказал, что понимает, и я действительно думала, что так и есть. Он на меня не злился. Но я была здорово зла на себя.

Я внимательно рассматривала Бена утром в день похорон. В черном костюме и в галстук он казался совершенно другим человеком по сравнению с тем, который обнимал меня, который меня смешил и который дотронулся до моего замороженного сердца и отогрел его. Стыдно и неуместно, но в строгом костюме Бен казался мне таким невероятно сексуальным. Вероятно, много раз таким видела Бена, когда он еще был преуспевающим бизнесменом, его предыдущая подруга – эффектная, как ни жаль, Холли. Мы обе встречались с одним и тем же – но совершенно разным – мужчиной. Пошла бы Холли с ним на похороны? Вопрос возник в моей голове, прежде чем я успела подвергнуть его цензуре, и отказался исчезать, пока я готовила тост и кофе, хотя была уверена в отсутствии аппетита у Бена.

Всю неделю он занимался речью, но не прочел ее мне и не спросил моего мнения. Полагаю, я утратила право услышать слова, которые он так тщательно подбирал, когда отвергла возможность пойти с ним.

Бен сделал два глотка приготовленного мною кофе, но оставил без внимания тарелку с тостом, который я намазала сливочным маслом. Я не удивилась. Он много раз смотрел на свои часы и неоднократно проверял, лежит ли в кармане напечатанная речь, над которой он работал столько часов после смерти Тома. После той ночи мы не спали вместе, и я невольно гадала, продолжилось бы это, если б я набралась смелости поддержать Бена.

Джулия поняла – или по крайней мере сказала, что поняла.

– Он *знает*, что после смерти Скотта ты *ни на чьи* похороны не ходишь? – спросила она,

преданно выступая на моей стороне, хотя я подозревала, что, по ее мнению, я в этой ситуации не права. Она не единственная придерживалась такого мнения; я *сама* считала, что не права... Просто я не знала, как мне преодолеть свою фобию, чтобы исправить ситуацию.

Один последний взгляд на дорогие наручные часы, и Бен поставил почти полную кружку кофе на стол.

– Мне пора. Я не хочу опоздать.

Времени было предостаточно, но я полностью понимала его потребность уйти; я лишь надеялась, что он понимает мою потребность остаться.

Я поцеловала его, пытаясь прикосновением губ к его губам передать последнее извинение. Бен крепко обнял меня, и я почувствовала медленное и ровное биение его сердца под черной тканью пиджака.

– Надеюсь, все пройдет... хорошо...

Я умолкла. За всю жизнь я была на похоронах всего один раз, и они меня опустошили. Возможно, если бы я посетила еще несколько похорон, я смогла бы понять, что они могут быть и празднованием длинной и плодотворной жизни. Но такой подход не имел для меня смысла, потому что я была знакома только с одной стороной этого диапазона. Я была совершенно уверена, что похороны Тома будут такими же трагическими, как похороны Скотта.

После того, как Бен наконец взял ключи от машины и уехал, в доме воцарилась просто невыносимая тишина. Я не могла оставаться в его части дома, потому что ощущала висящее в воздухе разочарование. Поэтому я вернулась в свою цокольную квартиру и попыталась чем-то себя занять. О работе и думать было нечего, поэтому я даже не сделала попытки сесть за компьютер, но стала убирать кухню, пока все поверхности не засверкали, отражая, как в зеркале, мое сокрушенное лицо. Я вытирала столешницы и драила полы так, словно моя вина была пятном, которое я могла каким-то образом отмыть. Даже Фред смотрел на меня злобно, пока я занималась домашней работой, словно отбывая наказание. Его изумрудные глаза осуждающе моргали, и клянусь, я читала в пристальном кошачьем взгляде обвинение.

Я стояла в безупречно чистой душевой кабинке, холодная вода барабанила по моей спине. *Спина, которую он гладил.* И падала на мои раскрытые губы. *Губы, которые он целовал.* Стекала по пальцам... *Пальцы руки, которую он держал.* Рука, которая должна бы держать сейчас его руку.

Я выскочила из душа, на бегу схватила полотенце и помчалась, оставляя на полу цепочку влажных следов на всем пути до спальни. Я распахнула дверцы шкафа и схватила блестящий пакет, который засунула подальше в гардероб всего две недели назад. Я гордилась собой, когда покупала эти платья. Я чувствовала, что наконец двигаюсь в правильном направлении. Но насколько же легче покупать одежду для похорон, когда никто еще не умер. Когда же реальность дала мне пощечину, моя первая реакция была та же, что и всегда: убежать и спрятаться.

Я бросила лихорадочный взгляд на часы. А вот теперь мне действительно придется *бежать*, если я хочу вовремя успеть на похороны Тома.

Иногда парки устраивают так, чтобы все было против вас. В иных случаях они решают не мешать вам. Поэтому когда я вытащила из пакета первое черное платье, оно не имело вида жеваной тряпки, как я ожидала. Черные колготки, которые я на ощупь вытащила из

ящика комода, оказались без единой зацепки или стрелки. По еще влажным волосам достаточно было провести расческой, чтобы получилась вполне презентабельная прическа. Даже боги, отвечающие за транспорт, были ко мне благосклонны. Случилось так, что водитель таксомоторной компании, в которую я наугад позвонила, только что высадил пассажира на соседней улице. Автомобиль ждал меня еще до того, как я сунула ноги в туфли и схватила сумочку. Я дала водителю название церкви и попросила поторопиться ^[6] – все на одном дыхании, пока садилась на заднее сиденье. Мое отчаянное желание посетить эти похороны было почти таким же сильным, как прежнее отчаянное желание избежать их.

Рабочий день, середина утра, и дороги, слава богу, были пустыми. Сорокаминутный путь мы проделали всего за полчаса. В течение этих тридцати минут я пыталась сохранять нейтральное состояние, потому что не хотела давать себе повода придумать в последнюю минуту причину изменить решение.

Улица перед церковью была запружена машинами. Автомобили всех цветов радуги выстроились по обе ее стороны. Непосредственно у церкви разноцветная палитра сменялась черной.

– Ближе, боюсь, не получится, – извинился водитель, втиснувшись в первый свободный просвет.

Деньги за проезд уже лежали в моей крепко сжатой ладони. Я передала банкноту в окошко, желая, чтобы он поскорее уехал, пока я не передумала и не прыгнула назад в машину.

– Спасибо. Сдачи не надо, – сказала я, торопясь догнать входившую в церковь группу опаздывающих в черном. Я шла быстро, наклонив голову, сосредоточив взгляд на своих черных туфлях, которым мои поляризованные очки придавали оттенок сепии. Я бы не стала надевать очки в пасмурный февральский день, но очень большие стекла обеспечивали защиту не только от ультрафиолетовых лучей.

Мои шаги чуть замедлились, когда я услышала медленно приближавшийся рокот маленькой автомобильной процессии. Совершенно естественно, что я обернулась назад. А вот последующее было только моей инстинктивной реакцией на похоронный кортеж. Я издала странный, похожий на вой ветра звук, когда машины медленно проползли мимо меня. Цветочное оформление практически заслонило окно первого автомобиля. Одно слово, три буквы, выложенные красными и белыми цветами. «СЫН». Почти такое же оформление выбрали шестнадцать лет назад мои родители.

Следующая машина плавно затормозила и остановилась. Она предназначалась для ближайших членов семьи. Закрыв глаза, я снова почувствовала запах кожаных сидений похоронного лимузина, хотя прошло шестнадцать лет с тех пор, как я сидела там, где сидели сейчас родные Тома. Я услышала эхо голоса распорядителя, вспомнила его бесстрастное профессиональное поведение, которое дало трещину, ненадолго явив скрытого за ним человека, когда я споткнулась, выходя из машины. *Все в порядке, милая?* – спросил он, поддерживая меня под локоть. Рядом со мной поддерживали друг друга мои родители, похожие на жертв кораблекрушения. Но человека, на которого всегда опиралась я, моего соперника-партнера по играм, больше рядом не было. Он ехал в другом автомобиле, лежа на постели из стеганого белого атласа. Никогда больше его рука не поддержит меня. Об этом позаботился безответственный водитель.

Чтобы вырваться из прошлого и вернуться в настоящее, мне потребовалось серьезное физическое усилие. Чтобы войти в темную церковь – еще одно. На мгновение я остановилась

перед открытыми двойными дверями, мои чувства работали на пределе, вбирая все это. Пьянящий аромат цветов был как удар. Они стояли повсюду, куда ни бросишь взгляд, но не традиционные розы, гвоздики и лилии. В церкви вообще не было срезанных цветов, там стояли разнообразные горшки с кустами и маленькими цветущими деревьями. Позднее я узнала, что Том, который всю свою жизнь ухаживал за растениями, не хотел, чтобы на его похоронах были срезанные цветы; все это будет снова посажено в землю и продолжит расти. Я долго плакала, когда Бен рассказал мне об этом.

Церковь была заполнена, и я поняла, что много позже родители Тома порадуются, что так много людей пришло попрощаться с их сыном. Еще я понимала – когда они войдут в церковь и пойдут к своим местам, они никого не различат. Бена я не видела, но была уверена, что он где-то в первых рядах. «Отлично», – подумала я, втискиваясь на свободное место в одном из задних рядов. Незнакомая женщина рядом со мной любезно подвинулась, освобождая для меня побольше места. Ее глаза покраснели, а в руке она сжимала уже мокрый платок. Я сочувственно кивнула ей, но немедленно ощутила себя обманщицей и самозванкой. Я посмотрела на ряды одетых в черное людей. Все они собрались здесь ради одного человека, тогда как я приехала сюда ради другого. Я надеялась, что Том поймет и простит меня. Снова я услышала эхо его тихого смеха, когда он умудрился в очередной раз упомянуть нашу безумную сцену со скалкой. Я беззвучно заплакала. Возможно, я все же приехала сюда ради *Тома*.

Взяв расписание службы, я провела пальцем по имени Бена, словно пытаюсь послать ему телепатическое сообщение о своем присутствии здесь. *Обернись, и ты меня увидишь*. Странно, но одна голова *действительно* обернулась, и пара глаз немедленно встретилась с моими. Но это был не Бен, это была Карла. То, что это она, я, разумеется, поняла задолго до того, как Карла повернулась на своем месте. В море черного и серого она сидела в самом ярком из когда-либо виденных мною платьев с цветочным узором и таком же платке. Я услышала, как кто-то позади меня неодобрительно заворчал, и я немедленно рассердилась, поскольку *точно* знала, что заставило Карлу выбрать этот наряд; она выказывала Тому свое личное уважение.

При том, что похороны Тома вряд ли будут традиционными, так как я уже различила мотив одной из песен группы «Аэросмит», звучащий, пока мы ждали начала службы. Рядом с алтарем стояли на подставках две увеличенные фотографии Тома. На одной он, голый по пояс и бронзовый от загара, работал в саду, нога в ботинке нажимала на лопату. На другую фотографию смотреть было труднее. На ней Том лежал на больничной койке. Можно было ожидать, что он станет смотреть на свою укороченную ногу, заканчивающуюся объемистой повязкой. Но что на самом деле притягивало сильнее, так это его неотразимая улыбка и жестянка пива, которую он высоко поднимал – в честь того, кто его снимал. В этом был весь Том.

Я не хотела смотреть на пустые козлы рядом с фотографиями, зная, что именно на них вскоре поставят. Гораздо лучше было смотреть на последний неожиданный предмет, прислоненный к церковной кафедре. Яркая раскрашенная доска для сёрфинга должна была бы смотреться неуместно в церкви, но поскольку она с такой силой говорила о надежде, вере и уверенности в лучшем будущем, то трудно было придумать для нее лучшее место.

Песню «Аэросмит» выключили, и все встали. По движению и шарканью ног позади себя я поняла, что сейчас гроб Тома понесут мимо его семьи и друзей для последнего

прощания. Паника, такая острая, что я почувствовала во рту вкус горечи, грозила меня задушить. Желудок свело так, что я вспомнила обо всех случаях пищевого отравления – только в десять раз хуже. На один ужасный момент я подумала, что меня действительно вырвет... а потом повернулся Бен.

Первым на его лице отразился шок – в миллион раз превосходивший обычное удивление. Глаза Бена коротко скользнули мимо меня, и я поняла, что он смотрит на приближающийся гроб. Я стояла, вцепившись в спинку деревянной скамьи передо мной, сжимая ее с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Но затем глаза Бена вернулись к моему лицу, и они светились мягким теплом; они горели чувством, которого он никогда раньше не показывал. Я не умею читать по губам, да и стоял Бен слишком далеко от меня, чтобы сказать с уверенностью, но мне показалось, я увидела, как его губы произнесли: «Спасибо». Мои руки разжались, желудок успокоился, и шум крови в ушах утих. Бен напоследок еще пристально посмотрел на меня, а потом отвернулся к алтарю, вполне законно сосредотачиваясь на церемонии и человеке, которого он пришел почтить.

Во время речи Бена плакала не я одна. Когда Бен рисовал словесный портрет отважного молодого человека, который отказывался поддаваться смертельной болезни в последние месяцы своей жизни, люди вокруг меня доставали из сумочек и карманов платки. Казалось неуместным смеяться над шутливыми историями, которые Бен включил в свое выступление, но, странно, неуместности не чувствовалось. Такую речь Бен вполне мог написать, будучи шафером на свадьбе Тома, на свадьбе, которая никогда не состоится. Подобной речью он мог бы развлекать друзей и родных на днях рождения Тома – в тридцать лет, в сорок, в пятьдесят. Это могло быть поздравление, которое Бен произнес бы при выходе Тома на пенсию. Но судьба уничтожила все события, которые как само собой разумеющиеся должны были произойти в жизни Тома, и написала совершенно другой конец его истории.

* * *

– Ты приехала...

В его голосе все еще звучала интонация, говорившая о том, что он все-таки не ожидал моего приезда.

– Приехала.

– Почему ты изменила свое решение?

Мысленно я попробовала несколько ответов:

Потому что так нужно было поступить. Нет. Слишком легко, а еще немного отдает трусливым компромиссом.

Потому что Том мне действительно нравился. Да, он мне нравился. Очень. Но со всей откровенностью, не это заставило меня преодолеть этот калечащий меня страх.

Потому что ты нуждался в моем присутствии здесь. Хорошее заявление, но тоже не совсем правдивое. Бен произнес бы свою речь с таким же чувством и состраданием, была бы я здесь или нет.

Потому что я тебя люблю и хочу быть рядом с тобой во все важные моменты твоей жизни, хорошие или плохие. Это по крайней мере было полной правдой, но признаваться в этом было очень опасно. Поскольку у меня до сих пор не было настоящего доказательства того, что Бен испытывает ко мне такие же чувства.

Черт возьми, сестренка, ты на самом деле такая тупая? – брань Скотта в храме не стала для меня неожиданностью – он никогда не был особенно религиозным. Я сосредоточилась на глазах Бена цвета жженого сахара и попыталась не позволить голосу давно умершего брата увести мои мысли в сторону. Меня совсем не удивило, что от Скотта оказалось не так-то легко отделаться. *Этот человек тебя любит, наверняка ты это уже знаешь? Что еще ему нужно сделать, чтобы доказать это? Нанять самолет и написать эти слова на небе? Разместить рекламу? Спасти тебя, рискуя жизнью? О, погоди, постой минутку, мне кажется, он мог бы...*

– Из-за тебя. Я приехала из-за тебя. Потому что хотела увидеть, как ты смотришь на меня вот так, как сейчас. С гордостью за меня.

– Я горжусь тобой. Я знаю, что это далось тебе нелегко.

Я обвела взглядом церковь. У дверей стояла, разговаривая с Генри, Карла. Элис сидела бочком, беседа с Чарли и его женой. И вкрапленных в незнакомое собрание, я заметила несколько других людей, которых узнала по вечеринкам у Бена. Людей, с которыми мне еще предстояло познакомиться; людей, знакомства с которыми я больше не боялась.

– Это оказалось не так трудно, как я представляла, – честно призналась я. – Я среди друзей.

Взгляд, которым наградил меня Бен, стоило бы закупорить в бутылку и положить куда-нибудь на длительное хранение, чтобы я могла доставать ее и изучать этот взгляд снова, снова и снова.

Бен коротко приобнял меня.

– Я хочу подойти сказать несколько слов семье Тома, пока они не ушли на церковное кладбище. Останешься здесь?

Едва заметным движением я передвинулась поближе к Бену. Он был моим щитом, крепким и надежным. Никто из тех, кто даже поверхностно знал меня в течение последних шестнадцати лет, не поверил бы словам, которые я произнесла. Я сама с трудом себе поверила.

– Нет. Я иду с тобой. Мне бы хотелось выразить свои соболезнования.

Аллилуйя, подбодрил меня шутливой похвалой воображаемый Скотт, но и это в его исполнении тоже показалось немного кощунственным.

Разумеется, мучительно было смотреть на лица этих убитых горем людей и пытаться не видеть в них, как в зеркале, боль моей семьи. Но я все равно была рада, что подошла поговорить с ними. Мать Тома сжала мои руки и сказала, как она благодарна, что я пришла, как много это для нее значит, хотя я понимала, она не имеет ни малейшего понятия, кто я такая. Но это было неважно.

По просьбе родителей Тома только небольшое число его близких друзей и ближайшие родственники провожали их на церковное кладбище. Поскольку я в эту категорию не попадала, я тихонько прошептала Бену на ухо, что незаметно уйду и поеду домой. В его глазах появилась тревога, и я поняла, что он уже волнуется насчет моего возвращения после похорон в пустой дом. «Неужели он всегда так делает?» – спросила я себя. Всегда просчитывает на шаг вперед, как опытный водитель, оценивая все возможные опасности, которые могут подстергать меня на дороге?

– Со мной все будет хорошо, – заверила я его.

Бен нежно поцеловал меня в уголок губ, мы стояли у церкви, дожидаясь, пока ее

покинут последние из пришедших. Если уж до конца честно, я рада была на законном основании не участвовать в последней части церемонии. Стоять у свежевыкопанной могилы, наблюдать, как гроб Тома опускают в землю, – возможно, я пока была не готова сделать этот шаг в новую версию моего будущего.

– Я не знаю точно, когда вернусь. Потом, наверное, все поедут домой к родственникам.

– Ничего. Не спеши и не думай, что должен уйти пораньше из-за меня. Я буду ждать тебя дома.

Внезапно налетел порыв ветра, бросив прядь волос мне на лицо. Бен успел убрать ее раньше меня.

– Мне нравится, как это звучит, – тихо проговорил он.

– Мне тоже.

Я увидела ее еще до того, как вышла из такси. Или, если точнее, я увидела ее *автомобиль*, блестящий черный «Мерседес», перегородивший вход на подъездную дорожку Бена, полностью блокируя все подступы. Копаясь в сумочке в поисках кошелька, я сначала отвлеклась на незнакомую машину, потом посмотрела дальше и увидела женщину, которая стояла прямо перед окном первого этажа и, заслонившись ладонями от света, всматривалась внутрь.

Я рассердилась еще до того, как поняла, кто она. Что-то наглое было в этом вторжении; хотя дом был не мой, я восприняла это как вмешательство в свою частную жизнь. Конечно, оглядываясь назад, я признаю, что она *никогда* мне не нравилась, что бы она ни делала.

Пальто на ней было ярко-красное. Более ужасное сочетание с ее волосами трудно было представить, но почему-то цвет ткани лишь усиливал их цвет, заставляя ниспадающие тициановские пряди сиять, как начищенная медь.

– Могу я вам помочь? – крикнула я задолго до того, как она могла меня услышать.

Во второй раз эти же слова прозвучали чуть более натянуто, чуть менее вежливо. Логически я еще не могла знать, кто она. Да только уже знала. Потому что именно так поступает с тобой жизнь, когда все идет слишком хорошо... она начинает вставлять в колеса здоровенные палки.

Холли была красива. Даже еще красивее, чем на фотографиях в интернете. Каждая черточка заслуживала десяти баллов из десяти. Математический результат их сочетания заставил меня чувствовать себя безвкусно и тускло одетой, и тот факт, что я с головы до ног была в черном, а она походила на экзотическую сказочную райскую птицу, отношения к делу не имел.

В ее глазах, когда она посмотрела на меня, я не прочла извинения. Даже ни тени смущения, что ее застали заглядывающей в окна дома ее бывшего любовника.

– Это дом Бена Стивенса, не так ли?

Голос был мягкий, а не визгливый, как я надеялась и каким он должен был оказаться, если бы в мире существовала хоть какая-то справедливость. За этим голосом стояла привилегированная жизнь, частные школы, матчи по лакроссу и субботние утра в пони-клубе.

Честно говоря, мои внезапно прорвавшиеся дурные манеры ошеломили меня, я могла списать их только на ощущение необъяснимой угрозы. Но возможно, я все не так поняла. Я выдавила улыбку, которая так и застыла на моем лице.

– Да. Бен живет здесь.

И я тоже, хотелось мне добавить, но это было бы мелочно и ввело бы в заблуждение. Я добавила *защиту территории без необходимости* к списку своих новых и непривлекательных черт характера, о которых прежде не подозревала. Если я сейчас же не возьму себя в руки, того и гляди начну помечать все вокруг по периметру, как Фред.

– Отлично. По-моему, он дал мне именно этот адрес.

Ее слова полоснули меня, как бритвой. Прошлись по животу, отдаваясь такой резкой болью, что я не удивилась бы, обнаружив в том месте настоящую рану. Я предположила – очевидно, неверно, – что они теперь не общаются. Я подумала, что когда они расстались и Бен переехал сюда, все контакты пошли на убыль и наконец совсем прекратились. Но ясно, что это существовало лишь в моем, полном надежд воображении, которое складывало кусочки головоломки и составило в итоге предпочтительную для меня, а не действительную картинку.

– Вы случайно не знаете, Бен дома?

– Нет. Его нет.

Я могла бы объяснить. Могла бы сказать, что он на похоронах близкого друга, но по какой-то причине я захотела утаить от нее эту информацию, потому что эта женщина не имела никакого отношения к Тому. А может, и имела. Я вдруг почувствовала, что покидаю «американские горки» в парке развлечений и понятия не имею, где верх, где низ.

– Думаю, он вернется очень поздно, – добавила я, делая попытку быть чем-то полезной.

Полезной? Неужели? – спросил мой внутренний голос.

– О, черт, как это некстати, – сказала Холли. Ругательство непринужденно скользнуло с ее губ, и я подумала, что она, наверное, часто употребляет это слово. Великолепно, теперь я превращаюсь еще и в ханжу. – Мне очень нужно было повидать его сегодня, и я проделала большой путь. Наверное, нужно было сначала позвонить. – *Ты думаешь?* – Просто я хотела сделать ему сюрприз. – Она нахмурилась, и даже так осталась весьма привлекательной. – Но я не могу болтаться тут целый день, дожидаясь его.

Я постаралась не выказывать несоразмерной радости и успешно скрыла едва заметную улыбку облегчения, которая померкла, когда Холли добавила:

– Если только я не перестрою свои планы и не уеду домой завтра.

Слова, которыми мы с Беном обменялись у церкви, и содержавшееся в них молчаливое обещание стремительно отменялись. Честно говоря, думаю, мы оба не предполагали присутствие его бывшей подруги в наших вечерних планах.

– Может, что-то ему передать? – вызвалась я, мне хотелось как-то помочь, но мною двигало лишь внезапное желание, чтобы эта женщина оказалась где-то в другом месте, далеко-далеко отсюда. Из-за ее присутствия здесь все мои внутренние тревожные звонки звенели у меня в голове, как безумные. И я не понимала, почему. Наступил момент, когда это произошло – сильный порыв ветра закружился вокруг нас... и внезапно все изменилось. Полы пальто Холли распахнулись, являя дорогое на вид узкое платье, оно облегло ее полные груди и так же самодовольно обтягивало безошибочно угадываемый животик.

Она положила руку на округлившийся живот, возможно, бессознательно, но я так почему-то не думала.

– В общем, не поймите неправильно, но то, о чем мне нужно поговорить с Беном, дело личное.

И тут я осознала, как мало Бен говорил о своих прежних отношениях. Я не знала точно, когда они разошлись, почему и виделись ли после переезда Бена в новый дом. Я очень

старалась не делать поспешных выводов, потому что они неизбежно вели меня туда, куда мне совсем не хотелось идти. Но доказательства начинали накапливаться, и впервые я спросила себя, не я ли самая непроходимая дура? Женщина с приличным животом появляется на пороге дома своего бывшего любовника, и ей нужно сказать ему что-то личное. Два и два не всегда четыре... но иногда со всей очевидностью это так.

– Вы одна из соседок Бена?

– В некотором роде, – сказала я, удивляясь, почему медлю с признанием, что я нечто большее в его жизни, чем просто соседка. Потому, возможно, что я больше не была в этом уверена. – Я живу в цокольной квартире, – добавила я.

Холли посмотрела на меня с большим интересом, и я постаралась не поморщиться под пристальным взглядом ее изумрудных глаз, того же оттенка, заметила я, что и у моего кота. Я видела, что она производит свои мысленные подсчеты, складывая факты, как она их понимала, и пытаюсь вычислить мое место в этом уравнении. «Удачи тебе», – подумала я, удивляясь, почему мой мысленный голос вдруг зазвучал так обреченно.

– О, это здорово, – сказала Холли. – Вы позволите воспользоваться вашим туалетом? Последние двадцать минут моего путешествия этот младенец играл в футбол моим мочевым пузырем.

Несколько больше информации, чем мне требовалось, но ее просьба не оставляла мне иного выбора, кроме как впустить в свой дом женщину, которую я меньше всего хотела в нем видеть.

– Э... да, конечно, – выговорила я. – Входная дверь за углом.

Я показала ей ванную комнату, и Холли спешно в ней исчезла. Дождаясь ее возвращения, я в нерешительности мялась, ведя – и в конечном счете проигрывая – сражение с элементарными приличиями и хорошими манерами.

– За это – спасибо, – сказала Холли. – Никто не предупреждает, что во время беременности у тебя начинается практически недержание, правда? – спросила она.

– Я не знаю, – чрезвычайно натянуто произнесла. – У меня нет детей.

Холли кивнула, словно я только что подтвердила ее внутреннюю догадку, и я осталась в недоумении, ведет она просто светскую беседу или нарочно лицемерит.

– Могу я предложить вам что-нибудь попить?

Холли улыбнулась, как будто знала, что я задам этот вопрос. Она скинула пальто и села за маленький столик, за которым я столько раз сидела с Беном. Я словно присутствовала при краже собственного будущего и ничем не могла этому помешать.

– Вам чаю или кофе? – спросила я, улыбаясь с таким усилием, что заболели щеки.

– А у вас случайно нет зеленого чая?

Невинный вопрос ужалил меня, как шершень. В моем буфете был только черный чай, но Бен зеленый чай пил. В кухне у него стояла коробка. Внезапно я осознала, что это я здесь лишняя, а не Холли. У них с Беном есть история, общее прошлое. Так легко было представить их вдвоем, попивающими зеленый чай, отдыхающими на модных курортах и ведущими жизнь, которой я не имею права желать.

– У Бена есть наверху. Сейчас принесу, – сказала я, и мне вдруг захотелось проложить между нами какое-то расстояние.

Запах ее духов заполнял мою кухню, а понимающий взгляд ее ясных зеленых глаз было, откровенно говоря, трудно выдерживать. Я направилась к двери, которая вела наверх – и которую мы уже не закрывали после проведенной вдвоем ночи, – и так стремительно

взбежала по деревянной лестнице, будто за мной гнались.

Сколько могла, я задержалась в кухне Бена, дожидаясь, пока на моем лице не останется и следа очень некрасивых, переполнявших меня мыслей и чувств. Холли так и сидела за столом, когда я вернулась, но она что-то держала в руках, что-то темное и мягкое. Я совершенно забыла, что Бен забыл здесь свой джемпер на спинке стула. Холли провела ладонью по мягкому кашемиру, словно погладила домашнего питомца.

– Это я ему купила, – просто сказала она. И ее слова сообщили мне, что я проиграла еще до начала сражения. – Значит, вы с Беном?.. – Она не закончила вопрос.

Чтобы выиграть время, я неуклюже отвернулась и положила чайные пакетики в подготовленные кружки.

– Мы... мы... – Что именно «мы», я понятия не имела. – Это сложно.

– Не могу сказать, что я удивлена, что он кого-то нашел. Я всегда думала, что он так и сделает после нашего разрыва.

Я наливала кипяток в кружки так неторопливо, как будто выполняла сложную хирургическую операцию.

– Я не против признать, что вы куда лучше и отважнее меня, – заявила Холли.

Я медленно повернулась. Как сильно ни хотелось мне согласиться с ней в этом вопросе, я никакого понятия не имела, о чем она говорит.

Ее руки легли на округлившийся живот, мои же крепко сжались в кулаки.

– Какая ирония, правда. Причина, по которой мы разошлись, заключалась в том, что я не представляла себе будущего, в котором буду связана по рукам и ногам и вынуждена буду ухаживать за кем-то двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. – Она посмотрела на свой живот и пожала плечами. – И вот посмотрите, что случилось. Именно это я и собираюсь делать. Думаю, никогда не знаешь, что тебе готовит жизнь, согласны?

Оставив в стороне понимание жизни и ее смысла, я с трудом следила за смыслом настоящего разговора. По *этой* причине расстались Бен и Холли? Бен хотел ребенка, а она – нет? А если отец ребенка, которого она носит, *Бен*, как это повлияет на его чувства... к Холли... ко мне?..

– *Как* сейчас Бен? – спросила Холли, выводя меня из равновесия внезапной настойчивостью вопроса. – Я сто лет его не видела.

Я невольно перевела взгляд на доказательство, которое говорило, что самое большее они не виделись полгода. Холли проследила мой взгляд и после минутного недоумения, отразившегося на ее лице, начала смеяться.

– О боже. Вы думаете, что это его? Что это ребенок Бена?

Тупо кивнув, я почувствовала, как мои щеки наливаются краской, соперничая с цветом волос Холли.

– Это ребенок *Джастина*, – сказала она, похлопывая по животу. Поскольку я понятия не имела, кто такой Джастин, это ничего не прояснило. – Он мой жених, – добавила Холли, и тут она вдруг понравилась мне гораздо больше. Мимолетное чувство, которое вскоре будет полностью уничтожено. – Поэтому я и приехала сюда сегодня, сказать Бену о ребенке. Мне казалось справедливым, чтобы он узнал об этом первым, особенно после того, как *он* был так откровенен во всем. – Она чуть вздрогнула. – Слава богу, этот ребенок не Бена, учитывая его положение.

– Положение?

– Из-за того, что сейчас с ним происходит.

Я чувствовала себя заторможенной и тупой; деревенская дурочка в комнате, набитой интеллектуалами.

– Простите, я не понимаю, о чем вы говорите.

На этот раз пришел черед Холли смутиться, а потом прийти в легкий ужас.

– О боже мой. У вас с ним отношения, а *он вам не сказал?*

– Не сказал о чем?

Паника сдавила мне горло. Я была кроликом в свете автомобильных фар, таранившимися на машину, которая вот-вот должна была меня раздавить.

Холли прикусила губу, и впервые за то короткое время, что я находилась в ее компании, она утратила часть своей уверенности.

– Черт. Вам, наверное, не хочется слышать это от меня... но у Бена БАС.

Я не расслышала, продляя мучение еще на несколько секунд, оттягивая время, прежде чем нож гильотины рухнет вниз, рассекая мою жизнь надвое.

– У Бена что?

Холли выпрямилась на стуле, ей явно было не по себе, она покачала головой.

– Бэ, а, эс, – четко произнесла она каждую букву. – Боковой амиотрофический склероз. Это...

– Я знаю, что это такое, – перебила я внезапно севшим голосом.

– Не могу поверить, что он вам не сказал.

Я подняла взгляд, но не могла разглядеть Холли, потому что из-за выступивших слез она плыла, как мираж.

– Я тоже.

– Ты вообще собирался мне сказать?

За последние восемь часов я передумала много вступительных реплик, но в итоге к этой я то и дело возвращалась, с нее и начала.

У Бена был усталый и опустошенный вид, и внутренний голос уже говорил мне, что я поступаю неправильно, но ящик уже открылся, и невозможно было снова запихать туда правду. Бен помедлил и тщательно закрыл за собой входную дверь. Его взгляд быстро и удивительно эффективно оценил ситуацию и мое настроение. В тот момент я увидела, каким он был бизнесменом: быстрым и решительным в решении проблем, не тратившим драгоценное время и силы на ерунду. Его взгляд скользнул с моего лица на открытый ноутбук передо мной с ясно видной страничкой, посвященной БАС. Он слегка приподнял брови, увидев коричневую бутылочку с таблетками, которую я взяла у него из аптечки. В лучшем случае мне грозило разочарование Бена из-за вторжения в его личное пространство, чтобы найти их. В худшем – я могла столкнуться с его гневом.

Он взял бутылочку, словно она была вещественным доказательством в суде, и испустил долгий, печальный вздох. И это была самая худшая реакция из всех, потому что она прозвучала, как окончание чего-то.

Моя вина, состоявшая в том, что я копалась в его вещах, не имела шанса против движущей мною потребности опровергнуть все сказанное Холли. Хотя часть меня уже знала, что она говорит правду. Таблетки только подтвердили это. Задним числом все те случаи, когда Бен при мне запинаясь, спотыкаясь, падал, стали теперь частью картины, которую я из-за своей слепоты не видела.

Бен не сказал «Я не знаю, о чем ты говоришь», и я была благодарна ему за это. Если бы

он солгал мне теперь, все было бы кончено. Единственным, что еще связывало нас, оставалась честность. Без нее у нас не было ничего.

– Как ты узнала?

– Сегодня приезжала Холли, повидать тебя. *Она* мне сказала.

На сей раз Бен испытал шок, но далеко не такой сильный, какой переживала я каждую минуту с тех пор, как его бывшая подруга выложила свою сокрушительную новость, а потом решила очень быстренько отбыть. Бен снял пиджак и бросил на диван, не отрывая взгляда от моего лица.

– Почему, Бен, ты не сказал мне, что болен? Почему не рассказал, что делает с тобой эта болезнь?

Он вздрогнул, как будто никогда раньше не задумывался о прогнозе, и однако же я знала от Холли, что это не так. Бен уже очень давно знал, что готовит ему будущее. С ней он этой информацией поделился... но не со мной.

– Потому что впервые за два года я поймал себя на том, что не в состоянии принять это... все снова. Я думал, что смирился с тем, что со мной происходит. Я прошел путь от «Почему я?» до «А почему бы и не я?» А потом появилась ты, и я снова оказался там, откуда начинал. В отрицании. *Я знаю*, что должен был сказать тебе. Я тысячу раз говорил тебе это мысленно, но так и не произнес эти слова.

Он рассеянно провел рукой по волосам, и это сделало его невыразимо уязвимым и потерянным, и мне больше всего захотелось подбежать к нему, обнять и сказать, что все будет хорошо, но страх вернулся, приковав меня к стулу.

– Сядь, – попросила я, словно это был мой дом, а не его.

Бен выдвинул соседний стул, и его близость, теплый запах, жизненная сила нанесли удар по моим чувствам. Как он может умирать, когда все в нем кажется таким живым?

Бен коротко глянул на экран ноутбука, а потом на линованный блокнот рядом со мной, исписанный моими нечитаемыми каракулями и вопросительными знаками. Они были похожи на записки сумасшедшей и настолько не похожи на мои обычные, тщательно выполненные заметки, что я подумала, а действительно, не потеряла ли я за последние восемь часов частичку своего разума. Она, вероятно, откололась сразу после того, как мое сердце разбилось надвое.

Руки Бен положил на стол, но меня за руку не взял.

– Я не хотел, чтобы ты столкнулась с этим, Софи. Я никогда не хотел, чтобы кто-то переживал это вместе со мной. – Говоря, Бен скользил взглядом по экрану, видя слова, но не читая их. У меня сложилось ощущение, что он, вероятно, знаком с этим сайтом. – Когда мне поставили диагноз, я продал свой бизнес, уладил финансовые вопросы и привел в порядок остальные свои дела. Затем я приехал сюда жить. – Он безрадостно засмеялся и поправил себя: – Затем я приехал сюда *умирать*. И я примирился с этим. – Я вскрикнула, как загнанное животное. – Просто я не ожидал найти одну вещь, которая опрокинет все мои планы. – Его голос прерывался, когда он продолжил: – Этого никогда не должно было случиться. Я не хотел тебя обидеть. Я никогда не хотел причинить тебе новую боль, но я не мог помешать себе влюбиться в тебя.

Он расплылся передом мной. Появились два Бена, потом четыре, а потом – целая комната. Впервые он сказал мне, что любит меня, но это не должно было произойти вот так. Мы оба не хотели, чтобы это произошло вот так. Он повернулся, я повернулась, и внезапно я очутилась в его объятиях, и он обнимал меня так крепко, как никогда в жизни никто меня не

обнимал.

– Как давно ты знаешь? – Свой вопрос я прошептала ему в плечо.

– Некоторое время.

Я немного отстранилась, чтобы видеть его лицо.

– Как давно? Скажи точно.

Он посмотрел на блокнот на столе, и я поняла, на чем остановился его взгляд. Это были слова, которые я обвела столько раз, что едва не прорвала бумагу. Восемь слов, с которыми было связано мое будущее: «Предполагаемая продолжительность жизни от двух до пяти лет».

– Симптомы появились около трех лет назад, но я долго не обращал на них внимания.

Мы оба посмотрели в блокнот, и никогда еще мне не доводилось высчитывать такую страшную разницу.

– Ты еще с кем-то консультировался? Потому что один диагноз, поставленный одним врачом, не означает...

– Софи, не надо, – взмолился Бен, снова обнимая меня. – Прекрати. Не делай этого. Я встречался с людьми, со множеством людей... с достаточным числом людей. – Он вдруг заговорил устало и печально. Таким голосом говорят среди ночи, когда сдаются, и я совсем не узнала голос Бена. – Я ходил на консультации, делал анализы, а потом новые анализы. Я встречался с врачами, специалистами... шарлатанами. Я все испробовал. Все они говорят одно и то же. Это именно это.

– Но в исследованиях происходят прорывы... недавно был один такой... – Он попытался заставить меня замолчать поцелуем, но я ему не позволила. – И волонтеры кучу денег собрали, помнишь ту кампанию, нужно было облиться ведром холодной воды и пожертвовать деньги. Я это сделала, – добавила я, словно мое участие должно было обеспечить иммунитет всем, кто был мне дорог.

– Лекарство *найдут*, – тихо проговорил Бен. – Я в этом уверен. Но его могут не успеть найти вовремя для меня.

Я так резко замотала головой, что суставы шеи протестующе хрустнули. Бен взял меня за голову, чтобы я стояла смирно, чтобы он мог посмотреть мне прямо в глаза.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что сейчас для меня сделала. Нечто очень важное.

Я знала, что грядет, и снова попыталась покачать головой, но Бен крепко держал меня в неподвижности своими крепкими руками.

– Мне нужно, чтобы ты ушла. Ушла сейчас. Сегодня вечером. Спускайся вниз, собирай свои вещи и уезжай.

Я думала, что сердце у меня уже разбилось, но, по-видимому, не существует ограничений, сколько раз оно может разбиваться.

– Ты должна уехать, Софи. Уйти... потому что я точно знаю, что я не могу. Оставшись со мной, ты погибнешь.

– Уйдя от тебя, я тоже погибну, – дополнила я срывающимся голосом.

– Ох, господи, какой ужас. Бедный Бен.

Я кивнула и сделала большой глоток шардоне, которое никак не помогло протолкнуть стоящий в горле ком. Не припомню, когда в последний раз мы с Джулией открывали бутылку вина в середине утра. Возможно, когда узнали результаты наших выпускных экзаменов. Только тогда мы праздновали, а сегодня совсем наоборот. Джулия достала бутылку и два бокала, когда я не рассказала ей еще и половины, и я ее не остановила.

– И что теперь будет?

– Он хочет, чтобы я ушла.

– А чего хочешь ты?

– Я хочу, чтобы все это было неправдой, – сказала я, потянувшись за ближайшей коробкой с салфетками. Джулия тактично молчала, пока я несколько минут тихо плакала.

– Прости, – выговорила я в конце, и она обняла меня, как обнимала Лейси после того, как та падала. А именно так я себя сейчас чувствовала – словно лечу головой вниз в бездонную пропасть.

– Думаю, это многое объясняет – друзья Бена и его участие в этом проекте последних желаний.

Я кивнула, вспоминая объяснения Бена. «Кто-то в больнице рассказал мне о группе поддержки, которую создала Мария вскоре после того, как я сюда переехал. Я сходил несколько раз и понял, что хочу в этом участвовать. Здесь все всё понимали. Мы все были в одной лодке. Затем, когда Адам выставил дом на продажу, мне показалось само собой разумеющимся купить его». Бен так пристально посмотрел мне в глаза, что я не могла отвести взгляда. «Это место уже было подготовлено для человека в инвалидном кресле». – «Но ты не в инвалидном кресле, Бен». – «Пока еще», – спокойно ответил он.

– Похоже, Бен со всем этим смирился, – сказала я и поставила бокал с такой силой, что удивительно, как он не треснул.

– Ну, он не вчера об этом узнал, не так ли? У него было несколько лет, чтобы свыкнуться с тем, что произойдет, и планировать свою жизнь... ты же узнала об этом несколько часов назад. Вы хоть сколько-то поспали этой ночью?

Я покачала головой, понимая, что выгляжу, вероятно, так же плохо, как и чувствую себя. Несколько часов разговоров абсолютно ни к чему нас не привели. Его болезнь была как лабиринт, из которого он не мог выбраться.

– Врачи знают, сколько Бену осталось до того, как станет... совсем плохо?

Вопрос Джулии насильно вернул меня в действительность, ее слова жгли, как сотня порезов о бумагу. Я покачала головой, уже зная ответ: ни один случай не похож на другой. Накануне я провела уйму времени, таращась в экран, страничка за страничкой уясняя факты, словно готовилась к экзамену, который никогда не хотела бы сдавать. Я многое узнала за время своей опасно информативной интернет-сессии. Но в голове, как выяснилось, застряли только самые мрачные факты. Факты, хорошо Бену известные, ибо он, пользуясь ими как оружием, пытался отвлечь меня.

«Мало-помалу эта болезнь начнет забирать надо мной власть. Все, что у меня есть, все, что я есть, исчезнет, часть за частью. Это будет ужасно, это будет огорчительно и разрушит не только мою жизнь, но и жизнь любого близкого мне человека. Я не могу от этого

убежать, не могу спастись. Но я могу защитить людей, которые мне дороги». Бен едва не плакал, с нежностью взяв мое лицо в ладони. «Я могу защитить тебя».

Однако он не мог этого сделать. Потому что я уже прочла слишком много, чтобы отрицать, что сказанное им – правда. Несправедливость всего этого вызывала у меня желание кричать, бить в разочаровании, как истеричный ребенок, кулаками о землю. Мне хотелось на кого-нибудь наорать, кого-то обвинить, но никто не мог остановить эту болезнь. Мы стояли на пути неотвратимо надвигавшегося цунами. Бен хотел, чтобы я убежала от этого бедствия, пока еще могу, но я хотела остаться рядом с Беном, чтобы встретиться с этой волной лицом к лицу. Что бы мы ни предприняли, надежды не было. Мы в любом случае должны были утонуть.

– Думаю, Бен, возможно, и прав, – осторожно подбирая слова, проговорила Джулия, прекрасно сознавая, что прямоком вступает на минное поле нашей беседы. – Он знает, что случилось со Скоттом и как это на тебя повлияло. И как ты относишься к больницам и болезням. Мне кажется, ты слишком дорога ему, чтобы снова подвергать тебя опасности.

– Уже слишком поздно просто взять и уйти. Ты ушла бы, если такое случилось бы с Гэри?

Мое сравнение шокировало Джулию.

– Мы с Гэри женаты. Мы дали обет быть вместе... в болезни и в здравии, и все такое.

Ее взгляд вдруг сделался настороженным, она не знала, как я отреагирую на ее слова.

– Никакая церемония, никакой клочок бумаги, никакая пышная свадьба в церкви не придадут мне больше решимости быть с Беном во время его болезни.

Джулия очень долго сидела неподвижно, разглядывая меня, а потом медленная, грустная улыбка понимания появилась на ее губах.

– Тогда что ты здесь делаешь? Поезжай к нему. Не позволяй ему оттолкнуть тебя. Возьми все время, которое у него осталось, и наполни смыслом каждую секунду.

Просто было говорить об этом в гостиной у Джулии, но гораздо труднее осуществить в реальности. Для начала, Бен вроде бы еще не вернулся домой из больницы, куда уехал на консультацию, поэтому все умные доводы, которые я репетировала в автобусе, вероятно, выветрятся у меня из головы к тому времени, когда мы сможем поговорить.

Я вошла в квартиру и немедленно принялась, как пес, берущий след. Что-то пахло по-другому. Я бросила пальто на спинку стула и осторожно пошла по своему дому, не в силах отмахнуться от чувства неуловимой «неправильности».

– Есть здесь кто-нибудь? – позвала я, чувствуя себя глупо, когда в ответ послышалось кошачье мяуканье. Фред с надеждой путался у меня под ногами, всегда готовый к очередному кормлению. Я отпихнула его ногой и, все больше хмурясь, открыла сначала дверь в спальню, а потом – в ванную комнату. В обеих было пусто.

Наверное, я схожу с ума от недосыпа, подумала я, оглядывая открытую зону гостиной. Очевидно, что больше никого в квартире не было, но я все равно не могла отделаться от ощущения чьего-то присутствия. Подтвердил это коврик. Мексиканский половик с ярким узором лежал не на месте. Он был сдвинут по меньшей мере на метр с того места, где находился, когда я несколько часов назад уезжала к Джулии.

Заходил Бен, искал меня? Я не знала, сколько времени займет у него посещение больницы, что совсем не удивительно, потому что до вчерашнего дня я даже не подозревала об этой консультации. Неудивительно, что он так хорошо ориентировался среди разных

зданий и амбулаторных отделений, сообразила я, и еще один фрагмент головоломки встал на место. Мысль эта меня поразила, но не она заставила замереть на месте.

Мне следовало доверять своим ощущениям. Следовало лучше прислушаться к внутреннему голосу, спрашивавшему, как в той сказке: «Кто был в моем доме?», потому что в моей квартире точно кто-то побывал. Вызывать полицию нужды не было, потому что вторгшийся ко мне человек не забрал ни единой вещи. Но кое-что *оставил*. Мое дыхание участилось, мое возбуждение нарастало с каждым выдохом, пока я медленно подходила к двери, которая вела в занимаемую Беном часть дома. Больше недели эта дверь стояла открытой, но теперь она была плотно закрыта и щеголяла новеньким тяжелым замком. Бронзовый блеск тяжелого механизма выделялся на гладком фоне дубового дверного косяка. Это казалось насилием над деревом. Бен наконец собрался вызвать слесаря.

Я стояла, уставившись на замок, мой гнев закипал, обращенный на все, что олицетворял собой этот замок. Бен в самом буквальном смысле слова отгораживался от меня, преграждал вход в свою жизнь. Я круто развернулась и с топотом устремила на кухню, вертя головой по сторонам. Взгляд упал на один из ящиков, я рванула его на себя с такой силой, что вся лежавшая там кухонная утварь подпрыгнула и вернулась на место, неприятно звякнув. Я пошарила в глубине ящика и извлекла предмет, который искала. Практически в унисон в моей голове заговорили два голоса. *Неужели?* – осведомился Скотт. *Ты не хочешь остановиться и все обдумать?* А второй голос явно смеялся, подначивая меня. *Вот это по-нашему*, ликовал Том. *Вперед*.

Крепко сжав скалку и похлопывая ею по ладони, как бандит в гангстерском фильме, я направилась к двери. Мне приятно было думать, что тихий голосок разума хотя бы попытался меня остановить. Я не хотела верить, что можно с такой легкостью перечеркнуть тридцать один год законопослушного поведения перед лицом бессмысленного вандализма. Только он не был бессмысленным, это была хорошо продуманная и взвешенная реакция на то, что я считала неприемлемым.

Все равно это вандализм, сказал Скотт. *По правде говоря, это...*

Я так и не услышала, чем считал это Скотт, потому что размахнулась и со всей силы обрушила скалку на замок. Понятия не имею, как грабителям удается с такой легкостью куда-то забираться. Мне потребовалось не меньше шести ударов, прежде чем я успешно разбила замок, и еще четыре, прежде чем я раскурочила дверь, дабы убедиться, что поставить новый замок будет не так-то легко.

Красная и вспотевшая от усилий, я издала последний стон удовлетворения и распахнула серьезно испорченную дверь. И ахнула, окончательно задохнувшись. За дверью стоял Бен, терпеливо прислонившись к стене, сложив руки на груди, с очень жизнерадостным видом для человека, который просто стоит и наблюдает, как портят его собственность. Мы долго смотрели друг на друга. Нарушил молчание Бен.

– Какие-то сложности с замком?

Я взглянула на то, что осталось от замка и, беспомощно свисало с наличника, а потом – на скалку в моих руках. По лицу Бена невозможно было понять, о чем он думает, и я не знала, злиться он на меня, как я того заслуживаю, или нет. Он посмотрел на плоды моих трудов, а потом снова на меня.

– Это стоило мне сто пятнадцать фунтов, – ровно проговорил он.

– Можешь вычестить их из моего гарантийного взноса за квартиру, – ответила я, хотя оба мы прекрасно знали, что такого взноса я не делала. – Ты не можешь отгородиться от меня,

Бен, – дрожащим голосом сказала я.

Он все еще скрывал свои чувства, снова глянув на разбитый замок.

– По-видимому, нет.

Скалка выпала у меня из рук и со стуком покатила по полу. Бен посмотрел на нее, и тогда я впервые осознала, что он совсем не сердится, ну, во всяком случае, не из-за двери.

– Должен сказать, что теперь, когда ты от него избавилась, я чувствую себя гораздо спокойнее.

Скрытые эмоции можно долго лишь сдерживать, и мои уже натягивали все хрупкие ограничители. Как плотина во время наводнения, они прорвались в моем рыдании. А потом я очутилась в объятиях Бена, и он покрывал поцелуями мое лицо, глаза, губы, а я все продолжала плакать.

– Я не собираюсь уходить от тебя, Бен. Я не уйду. Ты не можешь войти в мою жизнь, изменить ее – изменить меня, – а потом думать, что я вот так тебя брошу.

Он перестал целовать меня и печально на меня посмотрел.

– В какой-то момент тебе придется меня бросить.

Как бы мне ни хотелось это отрицать, глупой я не была.

– Я это знаю. Но, прошу тебя, Бен, не сейчас. Пожалуйста, не заставляй меня уходить.

Вместо ответа он крепче обнял меня, и я уже не могла с уверенностью сказать, чье сердце так звучно бьется между нами – его или мое, а может, наши сердца каким-то образом синхронизировались в идеальный ритм на то время, что нам осталось.

За столом мы оба еле держались, чтобы не уснуть. Бессонная ночь вкупе с эмоциональной травмой превратила меня в зомби, едва способного донести до рта ложку с супом. Красные круги вокруг глаз делали нас похожими на парочку вампиров. Даже губы у меня устали, я с трудом шевелила ими.

– Что заставило тебя передумать?

Бен откинулся на спинку стула, небрежно отодвинув в сторону миску и тарелку.

– Вероятно, осознание того, что я никогда не заставлю передумать тебя.

Это был такой крутой разворот, что я почувствовала в его ответе какую-то фальшь. Я поняла, что хотя бы некоторое время мой внутренний детектор лжи должен находиться в состоянии полной боевой готовности.

– Ты чего-то недоговариваешь, да?

Во взгляде Бена мелькнуло невольное уважение, когда он медленно кивнул.

– Возможно, – только и сказал он.

Едва не опрокинув стакан с водой из-за предельной усталости, я потянулась к руке Бена, завладела его пальцами.

– Скажи мне. Что это? После всего, что случилось за последние двадцать четыре часа, мне нужно твое обещание, что между нами больше не будет тайн.

Бен ничего не сказал, словно бы обдумывая мое предложение, но я выдвинула его не для обсуждений. Отныне между нами должна быть полная откровенность. Это был решающий момент нашей сделки.

Бен медленно кивнул, и я осознала, что, к счастью, он это понял.

– Я не хочу, чтобы ты так уж этому радовалась.

Я чувствовала себя такой разбитой, что вряд ли нашла бы в себе достаточно энергии, чтобы встать со стула, не то что прыгать от радости.

– Чему?

– Такие вещи происходят постоянно, и в основном они ни к чему не приводят.

– Какие вещи?

– Не возлагай на это слишком больших надежд, потому что я не буду.

– Бен, если ты не скажешь мне, о чем ты все время говоришь, я сама тебя убью задолго до того, как тебя прикончит эта проклятая болезнь. О чем ты говоришь?

Он изо всех сил старался не улыбнуться, но одна маленькая улыбка все же прорвалась.

– Они решили испытать на мне экспериментальное лекарство. Сегодня я узнал, что прошел квалификацию.

Для человека, который думал, что совсем не может двигаться, я с астрономической скоростью вскочила со стула и бросилась вокруг стола, чтобы обнять Бена.

– Я так и знал, что ты отреагируешь слишком бурно, – проговорил он, мягко освобождая свою шею от моих рук.

– Вовсе нет, – возразила я. – Ну, может, есть немного. Но черт побери, это же чудесная новость. Что это за лекарство? На что, как они думают, оно повлияет? Когда они поймут, что оно действует?

Бен покачал головой, увидев мою внезапную, безудержно рвущуюся неотразимую улыбку, которую я не могла согнать.

– Там наверху папка со всеми рекомендациями, можешь почитать позже.

Я выразительно кивнула, обожая эту новую максимальную открытость, внезапно ставшую для меня доступной. Бен с нежностью усадил меня к себе на колени, и я прижалась к нему, как маленькое сумчатое.

– Эти эксперименты возникают постоянно, Софи. И по большей части ни к чему не приводят. Возможно, мне вообще не будут давать лекарство, мне могут давать плацебо.

Я не была готова к тому, чтобы хоть малейшая негативная мысль вторглась в единственную искру надежды, которую я видела на горизонте.

– Но может, и не плацебо. Ты же сам сказал, что однажды лекарство найдут. Почему не сейчас? Почему не это лекарство? – Я поцеловала его в шею, а его пальцы мягко погладили меня по волосам. – По крайней мере, это хоть что-то. Что-то, на что мы можем надеяться, правда?

– Правда, – согласился он.

В ту ночь мы спали вместе, впервые после смерти Тома. Это не эвфемизм, потому что именно это мы делали в буквальном смысле. Спали. Не думаю, что кто-то из нас был способен побудить другого к чему-то большему, а затем довести это до конца. На этот раз мы спали в моей кровати. Я даже не помню, как разделась, и почти удивилась, почувствовав рядом тепло обнаженного тела Бена, когда он привлек меня к себе.

Я поплотнее прижалась к нему, и его тело откликнулось, но мое оказалось предателем, саботирующим момент. Мои глаза закрывались сами собой, а тело словно налилось свинцом. Бен еще крепче обхватил меня и прошептал на ухо: «Засыпай». И будто повинувшись команде гипнотизера, я так и сделала.

– У меня для тебя сюрприз.

Голос звучал удивительно отчетливо, как будто и впрямь из моего сна. Я почувствовала, как рядом со мной прогнулся матрас, и услышала тихое позвякивание керамики по дереву –

на прикроватный столик поставили кружку.

Открыв один глаз, я поразилась, что уже совсем светло. Я заставила второй глаз последовать примеру первого и увидела, что Бен одет – ну, во всяком случае, частично, – натянул вылинявшие джинсы. Волосы его были влажны после душа, а в отдалении играло на кухне радио. Мой сон, должно быть, больше походил на кому, потому что я ничего не слышала.

– Хотя, – продолжал Бен, словно я не пребывала в полукоматозном состоянии и не могла связать и двух слов, – мне пришло в голову, что нужно подождать и сначала, пожалуй, проверить тебя. Плюс, я даже не знаю, *любишь ли* ты сюрпризы.

– А? – только и ответила я.

Заставив глаза открыться пошире, я увидела, что Бен улыбается. Выглядел он на десять лет, если не обращать внимания на темную щетину.

– Не жаворонок, да? – пошутил он.

Я протерла глаза, в них будто песок насыпали, и убрала с лица волосы, напоминавшие, наверное, заброшенное воронье гнездо.

– Да уж, – промямлила я и потянулась к кружке за весьма необходимой дозой кофеина. Он помог, слегка.

– Придется это запомнить, – ответил Бен, вызвав у меня на середине глотка улыбку из-за того, что стояло за этими словами.

Мне хотелось, чтобы у нас впереди была целая жизнь таких пробуждений. Трудно было согласиться на два года, узнав, что есть возможность большего. Бен вполне мог не предостерегать меня от слишком больших надежд на лекарство. Потому что для пессимиста я была поразительно настроена на «наполовину полный стакан».

Кофе начал оказывать свое действие.

– А что за сюрприз? – нерешительно спросила я.

Преыдуший день был полон ими, и ни один даже отдаленно нельзя было назвать приятным. Я не была уверена, что готова еще к одному такому.

Бен уже настроился на мою волну.

– Приятный.

Он сделал глоток из своей кружки, и я постаралась не следить за движением мышц его рук, плеч и спины, когда он поставил ее рядом с моей. Полуодетый Бен очень отвлекал внимание, хотя приятно было проснуться и увидеть такое зрелище.

– Вообще-то, на эту мысль меня навело кое-что сказанное вчера вечером *тобою*.

Он ободряюще посмотрел на меня, словно этого было достаточно, чтобы догадаться, что он имел в виду.

– Этой подсказки мне мало.

Бен встал, и я нашла смену вида в равной мере привлекательной. Темная мягкая поросль на груди спускалась вниз очень интересной стрелкой, пока не исчезала за поясом джинсов. Чтобы вернуть взгляд к лицу Бена, мне потребовалось серьезное усилие.

– Это произошло, когда мы говорили о последних желаниях, с которыми я помогал, и ты спросила, какое *у меня* желание.

Я на удивление покраснела, точно так же, как вспыхнула, когда эта тема возникла накануне вечером.

«Ну, есть одна вещь, которую мне хотелось бы осуществить». Он понизил голос. «Кое-что, о чем я думал и мечтал и полагал, что очень давно это перерос». Мое смущение,

которое, признаюсь, было немного смешным для женщины моего возраста, похоже, очаровало его. «Но я надеюсь, что мы очень скоро сможем поставить галочку напротив этого пункта». В его глазах читался вопрос, а в моих – ответ.

Но когда я спросила, есть ли что-то еще, что он хотел бы сделать, что-нибудь чуть менее из категории «только для взрослых», или где-нибудь побывать, Бен лишь пожал плечами. «Да на самом деле никуда я не хочу, мне здесь нравится». Именно это я и хотела услышать. Только вот теперь, похоже, за ночь он пересмотрел свой ответ.

– Есть одно место, куда мы регулярно ездили на отдых, когда я был ребенком. Это очень отдаленный район на побережье Уэльса. Я часто думал съездить туда.

– Ты должен это сделать, – сказала я, подтягивая одеяло повыше, чтобы прикрыть грудь, которая казалась мне очень оголенной в моем тонком ночном лифчике.

– Я надеялся, что ты так и скажешь, потому что я нашел это место через интернет и сделал пару звонков, пока ты спала, и мы можем поехать туда на несколько дней.

Как же рано встал Бен?

– Мы обязательно должны это сделать, – согласилась я. – Когда?

– Сегодня, – ответил он, широко улыбаясь.

Мы были абсолютно непохожи друг на друга. Он смелый, я – трусиха; он оптимист, я – нет; он действовал под влиянием момента, а я планировала и расписывала каждую деталь своей жизни. Мы словно находились на развилке дороги, где Бен олицетворял «сейчас», а Софи – «потом». Я мгновенно поняла, по какой хочу пойти дорожке.

– Хорошо, – порывисто сказала я. – Ты пока выйди, я приму душ, и мы можем ехать.

Это было долгое путешествие, но я за руль не садилась, и теперь я лучше поняла, почему. Столько, сколько можно, Бен хотел водить машину сам. Разумеется, причиной тому могли стать и те несколько случаев, когда Бен видел мои попытки припарковать его автомобиль.

Оказалось удивительно легко бросить все, повинувшись импульсу, и решиться на отпуск. Это помогло мне осознать преимущество свободной профессии, которым я редко пользовалась. Бен, казалось, слегка изумился, когда я призналась, что это будет первый за много лет отпуск – краткий или какой-то другой. На одну или две миллисекунды я задумалась, сколько раз он ездил куда-то с Холли, а потом выбросила ее из головы.

Подчиняясь возникшему в последнюю минуту приступу совестливости, я положила в сумку свой ноутбук, мало ли, одолеет желание поработать. Но когда я подошла к счастливому и умиротворенному Бену, который ждал меня у открытой дверцы автомобиля, я точно поняла, что ноутбук так и пролежит в своем футляре.

На всем протяжении пути мы не говорили о болезни Бена, и я не возражала, потому что накануне мы не говорили ни о чем другом. Вместо этого мы болтали о каникулах в детстве, и на сей раз я поймала себя на том, что говорю о Скотте, не переживая автоматически ту жуткую ночь, когда мы его потеряли. Братьев или сестер у Бена не было, и поэтому, наверное, он так подробно расспрашивал о моем брате. Или, может, он умело заставлял меня заново пересмотреть мое прошлое и понять, что есть тысяча воспоминаний, к которым я могу обратиться, не чувствуя печали.

Мы остановились пообедать в маленьком пабе, и хотя Бен слегка прихрамывал, выйдя из машины, я ничего не сказала. Если бы ему нужна была сиделка, он нанял бы ее, а мысли, которые возникли у меня, когда он обнял меня за талию, вытеснили все размышления об

уходе за больным. Я нарочно не стала дотошно расспрашивать Бена о коттедже, который он для нас снял. Я только знала, что он в отдаленном районе и практически на пляже, и что там есть открытый камин, такой большой, что в нем можно встать во весь рост. Я сомневалась, что это верно для тридцатидвухлетнего Бена, как это было в его двенадцать лет, но я была рада подождать, чтобы узнать это.

Уже стало темнеть, когда Бен свернул с автострады на узкую дорогу.

– Рядом с коттеджем не найдешь магазинов или ресторанов. Он довольно уединенный. – Бен тревожился, как будто это могло меня беспокоить, но я только широко улыбнулась. Это звучало для меня как идиллия. – Если я правильно помню, не так далеко отсюда есть большой магазин, поэтому мы можем заехать туда и купить продукты.

Через несколько минут Бен въехал на парковку круглосуточного магазина. На стоянке для сотрудников мы увидели одинокую машину, но, помимо нее, наш автомобиль был единственным. Бен выключил двигатель, и мы оба уставились в лобовое стекло на маленький магазин.

– Это он? – спросила я, разглядывая в вечернем свете фасад магазинчика.

– Клянусь, он был больше, – сказал Бен, беря меня за руку и ведя по бетонной площадке ко входу.

– Вещи всегда кажутся меньше, когда ты становишься старше, – заметила я, а потом засмеялась, увидев искорку веселья в его глазах. Мы оба продолжали смеяться, войдя в магазин, над нашими головами звякнул старомодный колокольчик.

Бен держал корзину, и я беспорядочно бросала в нее коробки и пакеты, словно мы собирались прожить здесь несколько недель, а не дней. Мы без удержу смеялись, бродя взад-вперед среди полок, хотя понятия не имею, над чем. Нельзя сказать, что покупка продуктов настолько занимательна, но с Беном она казалась настоящим развлечением. В промежутках между смехом и подшучиванием друг над другом Бен неожиданно украдкой целовал меня.

– Белый хлеб или из непросеянной муки?

В ответ его губы встречались с моими.

– Какой хочешь.

Я видела, что сидевшая за старомодной кассой женщина средних лет наблюдала за нами со снисходительной улыбкой. Когда мы наконец подошли к кассе, у нас были две доверху набитые корзинки – Бен нес их обе, не позволив мне взять даже одну.

– Вы остановились неподалеку? – спросила явно словоохотливая продавщица, начав пробивать наши покупки. Впервые за много лет я увидела подобную процедуру, а не считывание кода.

Бен назвал местонахождение коттеджа, и женщина кивнула.

– Чудесное местечко, хотя немного тихое и уединенное в это время года.

Бен нежно приобнял меня за талию.

– Звучит превосходно, – сказал он, одаривая меня быстрой улыбкой, от которой у меня дрогнули колени.

– Новобрачные, да? – спросила женщина.

Я была в перчатках, поэтому отсутствующее у меня кольцо не могло ни доказать, ни опровергнуть ее предположение. Рядом на прилавке лежала открытая книжка в мягкой обложке, которую она читала, когда мы вошли. Это был любовный роман, в котором «все они жили долго и счастливо», и я подозреваю, что женщина придумала для себя романтическую историю и о нас с Беном.

– Да. Это наш медовый месяц, – сказал Бен, и на мгновение я подумала, что он дразнит ее или меня, но потом увидела выражение его глаз и поняла, что он вполне серьезен. У меня все похолодело внутри.

– Ну, тогда вы должны взять вот это... от заведения, – сердечно сказала женщина, кладя в пакеты к нашим покупкам бутылку дешевого игристого белого вина.

Бен тепло поблагодарил ее, пока я краснела, совсем как невеста, которой она меня посчитала.

Замечательно, что Бен обладал хорошей памятью и еще лучшей способностью ориентироваться, потому что навигатор даже не видел ту узкую пыльную дорогу, на которую мы свернули. Посередине дороги беззастенчиво рос бурьян, и постепенно почва в колеях становилась все более песчаной.

– Мы почти приехали, – уверенно заявил Бен, сжимая мою руку.

Дорога была узкой и извилистой, ее ширины едва хватало для одного автомобиля, но вряд ли кто-то поехал бы нам навстречу: путь вел к единственному владению – нашему коттеджу. За последним крутым поворотом фары выхватили силуэт одноэтажного, обшитого деревом строения, стоявшего так близко к краю пляжа, что казалось, будто его омывает прибой.

Еще до того, как мы остановились, я поняла, что дом мне нравится. Он был старомодный и причудливый и походил скорее на иллюстрацию к детской книге сказок, чем на настоящее жилище. Фасад его был обращен к пляжу, а с дощатой террасы две невысокие ступеньки вели в крохотный садик, в котором песка было больше, чем травы. Несколько стоек шпакетника, окружавшего коттедж, покосились или отсутствовали. И даже при этом он выглядел гостеприимно, как широко улыбающийся рот с запущенными зубами.

Как только я вышла из машины, насыщенный песчинками ветер ожег мои щеки. Я зарылась подбородком в воротник пальто, спасаясь от колючих прикосновений. Оконным рамам избежать их было труднее, и завитки отслаивающейся краски свисали с каждого подоконника, как перья после сражения подушками.

– Владелец говорил что-то о том, что он «потрепан непогодой», – извинился Бен, встав рядом и обнимая меня за плечи. – Думаю, у них не так много гостей в несезон.

Я повернулась и, засунув руку под расстегнутую куртку Бена, обняла его за талию, наслаждаясь теплом и мощностью его тела.

– Именно таким я его помню, – заметил Бен. – Он кажется...

– Меньше? – предположила я.

– Я собирался сказать «более убогим», – поправил Бен, глядя поверх моей головы на коттедж. – Если тебе не понравится, всегда можем поискать где-нибудь гостиницу.

– Не надо ничего искать. По-моему, он чудесный. – Я развернулась к раскинувшемуся пляжу и быстро наступающему приливу, чуть видному в меркнувшем свете. – И посмотри, у нас, можно сказать, личный пляж и только наш океан.

Он крепко обнял меня и поцеловал в макушку.

– Думаю, на самом деле это море, но я тебя понял. Пока ты уверена, я согласен.

Приятно было видеть, как Бен волновался, чтобы все было абсолютно идеально. Он явно не понимал, что мог привезти меня в заброшенный сарай, и я пришла бы в такой же восторг. Наклонив голову, Бен мягко поцеловал меня в губы, и на его губах я почувствовала вкус соли, которую несла с собой морская пыль, и даже это казалось волнующим и необыкновенным.

– И кто такая эта новая оптимистичная Софи Уинтер? – поддел меня Бен, нежно покусывая мою нижнюю губу. Я поежилась, но не от холода.

– Совершенно не представляю, – честно ответила я. – Но она мне, пожалуй, нравится.

Бен настоял, чтобы перенести оба наших чемодана, хотя мне удалось-таки отнять у него один из тяжелых пакетов с продуктами. После недолгого колебания он отдал его, и я вдруг как бы увидела, насколько тяжелым будет для него будущее. Бену нелегко будет признать бунт своих мышц, когда однажды они откажутся повиноваться его командам. Но, возможно, это новое лекарство сумеет этому помешать. *Не связывай все свои надежды с чудом, Софи*, молча предостерег меня Скотт. Я раздраженно покачала головой, отмахиваясь от его слов, как от назойливо жужжащего насекомого. Скотт не имел права здесь находиться. Эти дни принадлежали Бену и мне, и ничто их не испортит.

Первый этаж коттеджа представлял собой, по сути, одно большое помещение с кухней маленького, но абсолютно достаточного размера. Мебель была в основном деревянной и простоватой, отчего все это место немного напоминало жилье первопроходцев Дикого Запада. Один большой диван был застлан покрывалом с ярким ацтекским узором, и я уже представляла, как мы будем вместе лежать здесь обнявшись. Главное место в комнате занимал камин, так хорошо запомнившийся Бену, и я с удовольствием увидела щедрую груды поленьев рядом с громадной топкой.

– По крайней мере, мы не замерзнем, – заметила я, немного дрожа от прохладного февральского воздуха, который последовал за нами с пляжа.

– Позволь мне провести для тебя экскурсию по дому, а потом я разожгу огонь, – пообещал Бен.

Мы сложили продукты на кухне, и, взяв за руку, он повел меня к узкому коридору.

– Ванная комната в конце коридора, но сначала я покажу тебе спальни.

Я кивнула, и внутри у меня все затрепетало. Смущаясь, я почувствовала, как внезапно вспотели мои ладони, и очень понадеялась, что Бен не обратил на это внимания.

– Это самая маленькая спальня, – сказал он, остановившись перед дощатой, в деревенском стиле, дверью. – В ней я спал ребенком. – Я улыбнулась, но из-за внезапной нервозности улыбка получилась неестественной, как будто не по размеру моих губ. Бен взял меня за вторую руку, с участием глядя мне в лицо. – Я снова с радостью посплю в этой комнате, если ты не чувствуешь себя готовой к... чему-то большему, – мягко проговорил он.

Мои глаза расширились, и я покачала головой, но Бен уже взялся за черную железную задвижку.

– Я прекрасно здесь устроюсь, – заверил он, нажав на ручку, дверь приоткрылась, и я увидела бойлер, гладильную доску и швабру.

Не помню, кто из нас засмеялся первым, но, начав, остановиться мы уже не могли. Когда я уже смахивала выступившие от смеха слезы, ошибка Бена сгладила всю неловкость.

– Ты уверен? Потому что мне она кажется немного тесноватой, – отозвалась я, еще посмеиваясь. Давно уже я не смеялась так долго и сильно над тем, что, вероятно, того не заслуживало.

Бен прижал меня к себе, и внезапно причина страха, сдержанности исчезла, словно и не бывала.

– Меня оправдывает то, что я очень давно здесь не был.

Тот факт, что он никогда не привозил в это место Холли, был еще одной причиной

полюбить его.

За следующей дверью обнаружилась вторая спальня, и хотя я была уверена, что во время нашего пребывания никто в ней жить не будет, я все же с интересом осмотрела комнату, где когда-то спал юный Бен.

Под окном в комнате стояла одинокая односпальная кровать, и за отдернутыми занавесками я видела белую пену каждой набегающей волны. Я прищурилась, глядя в темноту, пытаюсь вызвать призрак мальчика, каким был Бен, мальчика, который стоял, прижав веснушчатый нос к стеклу.

– Я часами просиживал, глядя на море, мечтал, наверное, быть пиратом, – признался Бен, словно прочитав мои мысли.

Он стоял у меня за спиной, я прислонилась к нему, и его руки сомкнулись на моей талии.

– Тебе не было здесь одиноко, тебе ведь не с кем было играть?

Мои воспоминания о каникулах представляли собой гобелен воспоминаний, в каждое из которых был прочно вплетен Скотт.

Я скорее почувствовала, чем увидела, что Бен пожал плечами.

– Ничего другого я не знал и довольствовался собственным обществом. Когда мы сюда ездили, я еще был хорошим и послушным ребенком.

Что-то в его голосе и словах насторожило меня. Он так редко говорил о своем детстве, что я невольно фантазировала. Точно я знала только то, что Бену и его маме пришлось нелегко, когда его отец ушел из семьи, встретив другую женщину. Однажды вечером, немного перебрав вина, Бен признался, что в подростковом возрасте на некоторое время «немного вышел из-под контроля», прежде чем снова вернуться к нормальной жизни. Но когда я спросила его об этом, он замкнулся, а я была самым последним человеком на земле, кто стал бы ломиться в дверь, которую кто-то хотел оставить закрытой.

Главная спальня оказалась просторной. Обшитые деревом стены, как и деревянные полы, были выкрашены белой краской, и все напоминало о близости моря. По всей комнате валялись громадные раковины и необычные куски плавуника, словно однажды, когда никто не обращал внимания, прибой просто занес их в дом через окно. Шум моря, высвистывавшего свою морскую мелодию, был здесь даже громче, и мне стало интересно, каково это будет ложиться спать под его неумолкающее бормотание. Я предположила, что очень скоро это узнаю. Я слегка поежилась, но Бен, по счастью, не так это понял.

– Нужно натопить эту комнату, – сказал он, растирая мои руки, как будто нужно было их согреть, когда на самом деле ничто не могло быть дальше от правды. Кровь буквально неслась по жилам, когда я представляла нас с Беном лежащими рядом на кровати, к которой постоянно возвращался мой взгляд. Ее деревянный каркас был выкрашен в нежно-голубой цвет, а яркое лоскутное покрывало делало ее еще более притягательной. Я снова вспомнила, как Бен сказал продавщице, что у нас медовый месяц, и на щеках у меня проступил румянец.

– Ну, не знаю, как ты, а я просто *умираю* от голода. Давай-ка я приготовлю нам что-нибудь на ужин.

Говорила я слишком оживленно, словно пробовалась на роль «очень возбужденной особы» в пьесе. И была бесспорным кандидатом на победу.

К тому времени, когда я нарезала овощи к соусу для пасты и наконец разобралась, как включать плиту, мне удалось успокоиться. Это просто ожидание заставляет меня нервничать, подумала я, складывая в миску ингредиенты для салата. Ожидание и

возбуждение, признала я, видя, как дрожит моя рука, поднимая бокал, чтобы легонько чокнуться с Беном. Игривое поднялось и опало, подражая приливу волн, разбивающихся о пляж за окном.

Как только мы зажгли огонь, коттедж быстро нагрелся, поэтому я сняла толстый джемпер и несколько не мерзла в футболке и джинсах. Бен тоже снял теплую одежду и сел за маленький обеденный стол в потертых джинсах и облегающей черной футболке. Он был мастером спокойной и непринужденной беседы, и после двух бокалов вина из подаренной нам бутылки я наконец почувствовала себя свободнее.

Посуду я мыла небрежно, слишком сознавая присутствие стоявшего рядом мужчины, который умудрился выглядеть еще более привлекательным, вытирая ее. Гораздо дольше, чем нужно, я наводила порядок в идеально аккуратной кухне и мыла и без того безукоризненно чистые поверхности. Когда кухня сравнялась по чистоте с операционной, я наконец отложила тряпку в сторону.

Бен подложил в камин поленьев, и когда я в итоге подошла и встала рядом с ним у огня, они щелкали и потрескивали. Как и мои чувства. Очень осторожно Бен забрал у меня бокал с вином, поставил его на столик рядом. Бокал чуть стукнулся о лампу, как будто чокнулся, и только тогда я поняла, что Бен тоже нервничает. Хотя, возможно, по совершенно другой причине.

Бен шагнул ко мне, протянул руку и нежно коснулся моей щеки.

– Это должна быть ночь настоящего медового месяца, – сказал он севшим голосом. – Что я хочу сделать сейчас, так это взять тебя на руки и отнести в спальню. – Мое сердце учащенно забилося, и я осознала, что даже его голос возбуждает меня больше, чем когда-либо удавалось другому мужчине. – Только вот передо мной встает жуткий образ, как мы с тобой лежим в итоге на полу. – Я почти улыбнулась, так как подумала, что он шутит, пока не посмотрела ему в глаза и не увидела искреннее сожаление. – Это еще одна вещь, которую украла у меня болезнь.

Я взяла его руку и, поднеся к своим губам, стала целовать пальцы с обратной стороны.

– Мне не нужны подобные драматические представления... мне нужен только ты.

Я впервые в этом призналась, и Бону достаточно было взглянуть мне в глаза, чтобы увидеть, насколько правдивы мои слова.

– Я тоже в тебе нуждаюсь. Больше, чем следовало бы. Больше, чем я могу этому противиться. – Губы Бена были так близко от моих, что я не могла разобрать – чье тепло на моих губах. – Я не хочу разочаровать тебя этой ночью. – В его голосе звучала печаль, и я возненавидела болезнь, которая заставляла Бена так себя чувствовать. Возненавидела, как пытающегося встать между нами врага, которым она и была. – Я уже довольно давно один, – признался Бен. – У меня никого не было с тех пор, как мне поставили диагноз. И я не вполне уверен, получится ли...

Я заставила его замолчать поцелуем.

– Тогда самое время это выяснить.

Его губы и язык были теплыми и двигались неторопливо, встретившись с моими, но глаза Бена были полны желания, когда он наконец открыл их и посмотрел на меня.

– Значит, это лишь ради научного исследования?

Его голос был неотличим от тихого рычания.

– Совершенно верно, – отозвалась я, задыхаясь от желания.

Бен с нежностью взял меня за руку и повел к спальне.

Это было медленно и прекрасно. Он раздевал меня так, словно я была сделана из стекла, и когда руки Бена нежно скользили по моему обнаженному телу, я ощущала, что действительно могу разлететься на миллион осколков. Со своей одеждой он справился много быстрее. Простыни были холодными, и у меня перехватило дыхание, когда Бен мягко уложил меня на кровать, не прерывая поцелуев; он не остановился, даже когда его руки нашли и ласкали мою грудь. А потом холод исчез; все воспламенилось. Этот огонь горел медленно, удостоверяясь, что все, что есть во мне горючего, охвачено пламенем. А когда мои ноги раздвинулись, и мы с Беном стали единым целым, все запылало. Однажды ночью, давным-давно, мы встретились в огне, а под шум моря, ставший нашим саундтреком, мы вместе отправились искать выход из ада.

Он стоял у окна голый, отраженный лунный свет превращал его кожу в алебастр.

– Бен?

Он повернулся и всего на секунду опоздал спрятать печаль в глазах.

– Что-то не так?

Он покачал головой.

– Спи.

Мои веки налились тяжестью, поэтому легко было последовать мягкому приказу Бена. К утру я даже не была уверена, состоялся ли вообще этот обмен репликами. Я откинула одеяло, и у меня перехватило дыхание от прохлады в комнате, подошла и встала рядом с Беном, обхватила его руками, положив ладони на его плоский живот. По тому, как резко Бен втянул в себя воздух, я поняла, что он почувствовал прижавшиеся к его спине мои груди.

– Все в порядке? – прошептала я, уткнувшись в его спину.

Смешной вопрос, потому что явно было, что не в порядке. На один ужасный миг я подумала, он сожалеет о том, что перевел наши отношения на следующий уровень, но через мгновение Бен уже поворачивал меня лицом к себе. В его глазах блестели слезы, и мне понравилось, что он не пытается смахнуть их или отрицать.

– Я люблю тебя, Софи. Я всегда буду любить тебя.

Дай мне запомнить этот момент, этот идеальный момент, взмолилась я Богу, в которого очень давно не верила. Пусть я буду помнить все страшные моменты прошлого или те, что еще придут. Но позволь мне сохранить этот.

– Я тоже тебя люблю, – проговорила я, мои слова стали клятвой и молитвой, в которую я никогда не устану верить.

Мы медленно проснулись под крики чаек. Серый утренний свет бросал на стены странные тени, и в первый момент я не поняла, где нахожусь, а потом мозг быстро произвел оценку ситуации. Теплое дыхание овеивает мой затылок; чьи-то ноги вперемежку с моими; большая ладонь обхватила мою грудь... чьи-то пальцы ищут и находят сосок, который уже напрягся и готов к прикосновению. Я *точно* поняла, где нахожусь. Я была там, где всегда хотела быть.

В конечном счете из постели нас вытащил голод, а температура в помещении заставила потянуться к одежде, выразительно разбросанной по комнате.

– Я буду поддерживать огонь день и ночь, – сказал Бен, глядя в камин, где осталось всего несколько тлеющих углей. – Тогда можно будет не думать обо всех этих ненужных

слоях.

Его рука легко скользнула под мою незаправленную футболку и нашла мою грудь. Лифчик мой куда-то сгинул, и я была, вообще-то, рада, что не нашла его. Рада в течение добрых десяти минут или около того, прежде чем неохотно оттолкнула Бена.

– Завтрак, – проговорила я деланным тоном сварливой жены, но жар в глазах говорил о моих истинных чувствах.

Обычно на завтрак я съедала порцию кукурузных хлопьев или тост, но сегодня проглотила яйца, бекон и сосиски с почти неприличным удовольствием.

– Мне придется изнурять себя упражнениями, пока мы здесь, а то я просто не влезу в эти джинсы, – произнесла я, отодвигаясь от стола с удовлетворенной улыбкой.

– Забавно, что ты это сказала, потому что именно об этом я и подумал, – шутливо заметил Бен, озорно поблескивая глазами.

Я опустила взгляд, как будто вдруг застеснявшись, а потом подняла глаза, и то, что Бен прочел в них, заставило его тихо застонать. Я с улыбкой принялась собирать грязные тарелки.

– Оставь. Я вымою и затоплю камин. А ты прими душ, и потом мы сходим погулять по пляжу.

Я посмотрела в окно. Дул сильный ветер, и капли дождя уже стучали в стекло. По всему, было холодно, стоял февраль, и это явно была зима, но я видела только тепло и голубые небеса.

– Великолепное предложение.

Отчасти я надеялась, что Бен присоединится ко мне в душевой кабинке. Я уже оценила ее размер, пока мылась. Такое я видела в кино и читала в бесчисленных книгах, но никогда еще сама не испытывала. Я улыбнулась себе, стоя под горячими струями, падавшими на голову. Можно сказать, что это значилось в списке моих последних желаний. Пальцы у меня немного посинели, а горячая вода начала охлаждаться, прежде чем мне пришлось признать, что моей тайной фантазии придется повременить до другого раза.

К тому времени, когда я натянула на себя самую теплую из привезенной сюда одежду и высушила волосы, Бен снова развел огонь в камине. Я заговорила дерзкую реплику насчет того, что он пропустил, не присоединившись ко мне в душе, но мне так и не пришлось ее произнести. Бен медленно выпрямился у камина, рядом с которым сидел на корточках, и когда повернулся, первое, что я увидела, была ранка. Неглубокая, и кровоточить закончила, наверное, уже давно. Окружавший ее синяк был сейчас серым неясным отпечатком у него на лбу. Бен встретился со мной глазами, и я поняла, что он внимательно ждет моей реакции. Как гром среди ясного неба для нас вдруг настал очень важный момент.

Бен падал раньше и будет падать снова, я это знала. Этот случай стал особенным из-за моей реакции на него. Если я поведу себя неправильно, мое место в его будущем изменится. Эхом прозвучал в голове голос Джулии, когда она спокойно разбирается с одной из многочисленных царапин Лейси. *Невозможно обернуть своих детей ватой, они задохнутся.* То же самое произойдет и с мужчиной, которого я люблю.

– Душ был что надо, – объявила я, подходя к камину и протягивая руки к огню.

Бен встал рядом со мной, обнял за талию и прижал к себе. Я с тихим вздохом положила голову ему на плечо, опечаленная тем, что его болезнь – такой умелый охотник, выследивший нас, даже здесь. Оставленная ею визитная карточка была ненужным

напоминанием, что мы никогда от нее не сбежим.

Я позволила себе лишь одно деликатное напоминание о том, что случилось. Когда мы стояли у выхода из коттеджа, укутанные в пальто и шарфы, я встала на цыпочки и запечатлела невесомый поцелуй на маленькой ранке. Бен посмотрел мне в глаза, но никто из нас не сказал ни слова. Они были не нужны.

Пока мы шли по пляжу, драчун-ветер молотил нас невидимыми кулаками. Он выдернул несколько прядей из хвоста, в который я собрала уже несколько отросшие волосы, и швырялся песком. Я теснее прижалась к Бену, используя его в качестве щита. Волнение на воде было серьезное, и неудивительно, что ни одна лодка не отважилась выйти в море, хотя Бен и говорил, что этот район популярен у местных рыбаков. Мы шли как раз на таком расстоянии от кромки прибоя, чтобы оставлять следы на влажном песке, но при этом достаточно далеко, чтобы избегать всех волн, кроме самых сильных.

Шли мы медленно, часто останавливаясь, потому что я то и дело наклонялась за раковинкой или камешком с интересным узором. Я до отказа набила ими карманы пальто.

– Если тебя накроет волной, ты пойдешь напрямиком на дно с таким балластом, – пошутил Бен.

Я пожалала плечами, что, между прочим, было довольно трудно сделать, учитывая вес моей коллекции камней.

– А что мне волноваться, – уверенно ответила я, остановившись и улыбнувшись Бену. – Ты меня спасешь. Ты всегда это делаешь.

Я убрала с лица раздражающую прядь волос, и Бен завладел моей поднятой рукой, повернул ее и посмотрел на розовый шрам на внутренней стороне запястья. Медленно провел большим пальцем по зажившей коже, и я поежилась.

– Буду делать, пока смогу, – пообещал он.

Рука об руку мы прошли по всему пляжу, не встретив ни одного человека и не желая этого. В конце концов Бен увел нас от воды на маленький мыс, огороженный бурьяном и высокими песчаными дюнами. Как приятно было укрыться от обжигающе холодного ветра и с облегчением сесть на песок рядом с Беном. Прогулка по пляжу оказалась испытанием – ребристый от прибоя песок жадно засасывал наши ноги, превращая каждый шаг в ожесточенную борьбу. Мышцы ног у меня ныли и дрожали от этого усилия, и по тому, как Бен непрерывно растирал и разминал бедро, я подозревала, что ноги Бена чувствуют себя еще хуже.

Я передвинулась поближе к нему, надеясь, он поймет, что толчок плечом о его плечо на самом деле означает: *Мне очень жаль, что тебе больно. Я с тобой. Я здесь ради тебя.* Бен повернулся и так тепло улыбнулся, что, возможно, понял, решила я.

– В каждый наш приезд сюда я часами сидел на этом самом месте и высматривал тюленей, – сказал Бен, глядя из-под руки на волнующиеся серые волны.

– И видел когда-нибудь хоть одного?

– Только вдали, – ответил он, вероятно, не замечая сохранившегося в голосе сожаления. – Я всегда надеялся, что встречу одного в той бухточке, вон там. – Он указал на часть береговой линии, где песок сменялся узким каменистым берегом. – Но так и не встретил.

Я повернулась к тому месту, на которое он указывал. Если бы это было в книге, если бы

это было в кино, тюлень лежал бы там теперь, выполняя желание Бена спустя столько лет. Но в реальной жизни не так. Это я уяснила для себя очень давно. Для осуществления мечты недостаточно отчаянного желания. Мертвый не может вернуться, как бы ты по нему ни скучал, болезнь не может внезапно пройти, а тюлени иногда неуловимее единорогов.

Я бы никогда не сдалась первой, но спасибо, Бен положил конец нашему наблюдению за природой до того, как я превратилась в ледяную скульптуру.

– Прости. – Он протянул мне руку, помогая подняться. – Сказала бы, что замерзла.

– Да я н-н... ничего, – выдавила я, стуча зубами.

Бен поднял брови, но позволил мне солгать. Долго молчал перед тем, как мы тронулись в обратный путь.

– Нужно будет сюда вернуться.

Я кивнула, прикидывая, сколько еще джемперов мне потребуется, чтобы спастись от февральского ветра.

– Завтра, – согласилась я.

Он покачал головой.

– Нет, не завтра. Летом. Когда будет достаточно тепло, чтобы мы стояли на берегу, а волны омывали наши ноги. Когда солнце будет таким ярким, что сверкающее море ослепит нас. – Он привлек меня к себе и поцеловал. – Когда я смогу лежать на одеяле, обнимая тебя и наблюдая, как солнце движется по ясному синему небу. *Вот* когда мы вернемся.

– Когда здесь будут тюлени, – добавила я, настолько увлекшись нарисованной Беном картиной, что больше не обращала внимания на потерявшие чувствительность пальцы ног.

Бен в последний раз посмотрел на воду и кивнул, словно подтверждая заключенную сделку.

Я стояла рядом с машиной, игнорируя ветер, пытавшийся загнать меня в теплое нутро автомобиля, и делая последний мысленный снимок на память. Бен спрятал на террасе ключ от коттеджа – сунул его туда, откуда взял, под растение в горшке, потом направился ко мне. Внезапный порыв ветра невидимыми пальцами взъерошил его волосы, и мне так захотелось сделать то же самое, что пришлось поглубже сунуть руки в карманы, а то я не ручалась за их поведение. Тело Бена стало картой, которую я изучила не торопясь и с восхитительной бережностью, как и он – мое. Мы обнаружили тропинки и тайные ходы и пошли по ним, как заблудившиеся исследователи, пока они не вывели нас туда, куда мы и сами не ожидали.

– Ну, кажется, все, – сказал Бен, ставя в багажник последнюю сумку, в его голосе я услышала почти такое же нежелание уезжать, какое испытывала я.

Я отмахнулась от встревоженного голоса, который спрашивал, удастся ли нам перенести магию этого места домой или мы найдем ее только здесь, когда вернемся летом.

– Все равно, по-моему, это очень сомнительное место для ключа от двери, – пробормотала я. – Уверена, что любой уважающий себя взломщик первым делом заглянет туда.

– Уважающий себя преступник? А такие бывают? – с улыбкой осведомился Бен, быстро и крепко обнимая меня.

Мое желание защитить собственность, которая мне даже не принадлежала, не поддавалось объяснению. За исключением того, что случившееся здесь со мной изменило, как я понимала, линию моего будущего. Бен хотел приехать сюда, потому что это место

было существенной частью его прошлого, теперь оно стало частью и нашего прошлого, и это казалось правильной и счастливой случайностью.

В нашем здесь пребывании мне нравилось все: каждая долгая, до промерзания прогулка, каждое оттаивание в тепле перед камином были идеальными. Мы сидели бок о бок у кромки воды, наблюдая, как солнце медленно скатывается в серые волны, а потом, взявшись за руки, шли по пляжу, как два последних выживших в конце света. У нас не было ни интернета, ни сигнала связи, но я никогда раньше так не ощущала свою связь со всем, что меня окружало.

«Я не хотела бы изменить ни единого момента», – призналась я, лежа в объятиях Бена в наше последнее утро, мою влажную кожу все еще покалывало после того, как мы отпраздновали завершение нашего пребывания в коттедже.

– Даже то, что ты проиграла в «Скраббл» все партии до единой? – поддел меня Бен.

Я поцеловала впадинку на его плече.

– Даже это, хотя я до сих пор думаю, что ты жульничал.

– Или бойлер, который отключался на середине каждого купания?

– А что плохого в холодном душе, – вызывающе ответила я.

Бен крепче сжал мои бедра и, застав меня враспloch, без усилия положил на себя.

– Хм... возможно, и мне стоит принять холодный душ, – предположил он.

Его глаза потемнели, зрачки расширились, превратившись в огромные капли черных чернил в расплавленном сахаре.

– Возможно, нет, – отозвалась я.

Мои щеки горели, но я не отводила взгляда, беря инициативу в свои руки, толкая Бена на подушки, чтобы создать еще одно последнее воспоминание.

Пока мы ехали по грунтовой дороге, я, как ребенок, крутилась на сиденье, глядя на коттедж до того момента, пока он не скрылся от нас за поворотом.

– Будет еще лучше, когда мы вернемся, – пообещал Бен.

Я улыбнулась и кивнула, хотя знала, что он ошибается; ничто *никогда* не будет лучше этого.

Март

Два падения, но одно из них по моей вине, потому что я оставила туфли посреди комнаты.

Я купила резиновый противоскользящий коврик и положила его в душ Бена. Выглядит ужасно.

Он положил коврик в мусорное ведро. Я вернула его на место. Он до сих пор в душе.

Он чаще, чем раньше, держится за перила, когда поднимается по лестнице.

Все еще участвует в испытании лекарства.

Апрель

Я нарочно хожу чуть медленнее, когда мы гуляем вместе. Думаю, Бен не замечает.

Заметил.

Два падения вне дома, но в этом месте тротуарный бордюр выше, чем следует. Надо написать в местный совет.

Уронил кружку. Но это была та, с дурацкой ручкой, которую было до смешного трудно держать, поэтому причина, вероятно, в этом.

Он предпочитает печатать какие-то заметки, а не писать их. Почему бы и нет? Компьютер – вот он, а ручку никогда не найдешь, когда она нужна.

На днях кто-то не смог понять, что он сказал по телефону. Но было плохо слышно. Наверное, нужно вызвать телефонного мастера проверить линию.

В больнице Бену дали костыль. Он забросил его в шкаф. Там он и лежит.

Все еще участвует в испытании лекарства.

Май

Я каждый раз заканчиваю есть быстрее Бена. Мне нужно научиться дольше жевать. Что там говорят? Прожевать тридцать раз, прежде чем проглотить? Звучит нелепо, но я попробую.

Четыре падения.

В последнее время я вожу машину чаще Бена. Но мне *нравится* водить его машину. Он дразнит меня из-за неумения парковаться.

Уронил форму с запеканкой. Но эти рукавицы-прихватки никуда не годятся. Я куплю новые. Вместо этого мы заказали китайскую еду. Палочки даже распечатывать не стали.

Кто-то спросил Бена, не пьет ли он. Бога ради, было десять часов утра. Какие же люди тупые.

Джулия не смогла понять какие-то его слова, когда мы ездили к ним на ужин. Мы все смеялись.

Все еще участвует в испытании лекарства.

Июнь

Я простудилась. Летняя простуда, хотя летом пока и не пахнет.

Избавлялась от нее целую вечность.

Бен заразился от меня.

Все еще участвует в испытании лекарства.

В телепатию я не верю. Когда одна девушка в университете сказала, что еще до получения сообщения узнала, что ее сестра-близнец сломала ногу, мы все решили, что она сочиняет. У меня совершенно точно не было никаких предчувствий, что Скотт в опасности в тот вечер, когда машина врезалась в его мотоцикл, а уж мы, как брат и сестра, были с ним ближе некуда.

И тем не менее в то утро я проснулась с пророческим чувством приближающейся опасности. Несмотря на многодневное предвкушение, я вдруг не захотела идти на ланч в шикарный ресторан, где заказала столик, чтобы отпраздновать с Джулией день ее рождения. Я никуда не хотела отлучаться: ни из дома, ни из кровати, ни из объятий Бена. Но будильник не испытывал почтения к внезапной перемене в моих чувствах и безжалостно звонил, пока я не повернулась и не повергла его в молчание враждебным ударом.

Поразительно, но Бена он не разбудил, и за это я была особенно благодарна. Бен полночи не спал из-за кашля, и в результате оба мы спали плохо. Утренний свет не особо способствовал желанию вылезать из-под мягких складок пухового одеяла. «Жаркому июню» еще только предстояло ненадолго появиться, и «серый и сырой июнь», его значительно менее привлекательный брат, все еще занимал центральное положение. Оконное стекло покрывала тонкая морось, как конденсат в оранжерее.

Я свесила ноги с кровати, и они, как пара слепых кротов, принялись нашаривать шлепанцы. Они только что их нашли, когда Бен протянул руку и взял меня за запястье.

– Ты уже встаешь?

В его голосе звучало разочарование, и трудно было сопротивляться искушению забраться назад под пуховое одеяло и снова свернуться калачиком рядом с Беном. Я посмотрела на часы, мысленно пробежалась по списку того, что нужно сделать до встречи с Джулией в городе, и с сожалением вздохнула.

– Вынуждена. Но *ты* должен поспать, – предложила я. – Я пойду в душ вниз.

Странно, хотя каждую ночь мы с Беном спали в его кровати, я по-прежнему предпочитала пользоваться своей ванной в цокольной квартире, а не ванной комнатой Бена. Возможно, я была не совсем готова для полного исчезновения тайны на столь раннем этапе наших отношений. Или, возможно, Бен так удивительно долго возился в ванной, что я уставала ждать своей очереди. *Ты хуже девчонки*, дразнила я его, с тайной улыбкой помня, как он очень эффективно продолжал демонстрировать, насколько *не по-девчачьи* способен действовать.

– Нет, я встану, если ты встала, – сказал Бен, садясь и отбрасывая одеяло.

За четыре месяца я и близко не утратила ощущение новизны восприятия. Я по-прежнему смотрела на его нагое тело, словно никогда не видела раньше... каждый раз. Результаты многочасовых занятий в тренажерном зале или бесконечных заплывов в местном бассейне, словно Бен готовился переплыть Ла-Манш, были очевидны. От нас не укрывалась ирония того, что благодаря БАС Бен сейчас находился в наилучшей физической форме за всю жизнь.

Он поймал меня на разглядывании и улыбнулся, но момент был испорчен очередным приступом кашля. Мой взгляд омрачился заботой.

– Здорово ты кашляешь.

– Полночи практиковался, – объяснил он, что было бы куда смешнее, если бы не было правдой.

– Жаль, что ты не обращаешься с этим к врачу.

– Я посещаю достаточно врачей. Это всего лишь простуда.

Я не хотела с ним спорить, особенно учитывая, что уходила и оставляла его одного на целый день, но меня снова охватила тревога, когда Бен встал (*опираясь одной рукой о прикроватный столик, это что-то новое*) и пошел в свою ванную комнату.

Ресторан был переполнен. Кроме Джулии и меня, похоже, все были в костюмах. Словно одни мы не получили памятку о дресс-коде. Практически за каждым столиком вокруг нас проходили какие-то деловые встречи. А за нашим столом, накрытым белой льняной скатертью и сияющими серебряным приборами, единственным пунктом на повестке дня стояло празднование дня рождения.

Джулия громко хрюкнула, очень похоже на настоящую свинью, читая мою – признаюсь, неприличную – поздравительную открытку.

– Ну, это я на полку с другими не поставлю, – сказала она, торопливо засовывая ее в конверт, когда к нам приблизился официант с двумя громадными меню. – Я не намерена объяснять своей дочери, что значит *каждое* из этих слов!

Я улыбнулась, подождала, пока мы остались одни, а затем протянула подруге маленькую коробочку, почти не видную под спиралями ленточек, ее украшавших. Выбранные мною серебряные серьги имели успех, и Джулия немедленно их надела.

– Очень мило, – сказала я, украдкой поглядывая на часы, пока она, достав из сумки зеркальце, изучала подарок. Я подумала, что Джулия не заметила, но от нее ничего не укрылось.

– Что-то случилось? Ты в пятый раз смотришь на часы или в телефон с тех пор, как мы сели за стол.

– Прости, – сказала я, натягивая рукав платья, чтобы закрыть часы на тот случай, если меня потянет глянуть еще один, последний раз. – Я просто немного волнуюсь за Бена, только и всего.

– Он снова падал?

Я покачала головой, зная, как он ненавидит, когда вот так обсуждают его состояние.

– Нет, это проклятый кашель, от которого он никак не может избавиться.

Прикрыв на мгновение глаза, я вспомнила восковую бледность его лица и крохотные капельки испарины над верхней губой, когда он целовал меня на прощание.

– Хочешь ему позвонить? – спросила Джулия, озабоченно морща свое красивое лицо.

– Нет. С ним все будет хорошо, – сказала я, не понимая, кого из нас я пытаюсь убедить, потому что если *себя*, то ничего не вышло. – В любом случае, мне кажется, что в таких шикарных заведениях у тебя сразу конфискуют мобильник, если ты его достанешь.

– Я знала, что нам лучше пойти в «Макдоналдс», – пошутила Джулия и, взяв меню, тихонько присвистнула от изумления.

– Бог мой, здесь огромный выбор. У меня уйдет не меньше часа, чтобы понять, что я хочу.

«Очень надеюсь, что нет», – подумала я и сразу же почувствовала себя виноватой. При двух маленьких детях такой выход в свет днем был настоящим праздником для моей лучшей подруги. Договорившись о присмотре за детьми и надев что-то, не перепачканное

пластилином и отрыжкой младенца, она заслуживала того, чтобы насладиться своим праздником без спешки и чтобы поглядывающая на часы подруга его не портила.

– Сегодня днем к нему все равно заедет Карла, она хочет, чтобы Бен посмотрел для нее какие-то деловые бумаги, так что он недолго будет один.

Джулия опустила меню и посмотрела на меня, ничуть не забавляясь.

– Ты действительно за него переживаешь, да?

Я почувствовала, что по какой-то глупой причине мои глаза наливаются слезами. Я взяла салфетку, не обращая внимания на ужас маячившего неподалеку официанта, и промокнула глаза, пока не потекла тушь.

– Не обращай на меня внимания, – попросила я, сознавая, что официант все еще с опаской смотрит на меня, словно я могла высморкаться в скатерть. Проказливая часть моей натуры подбивала так и поступить, чтобы просто увидеть его лицо. Ну, хотя бы это заставило меня улыбнуться.

– Прости меня, Джулс. Я веду себя просто смешно. Сегодня утром я проснулась с плохим предчувствием и, видишь, принесла его сюда. Просто не обращай на меня внимание. Итак, что ты хочешь заказать?

Джулия долго смотрела на меня, потом снова взглянула в меню.

– Ну, я *думала*, мы обе попробуем то блюдо из говядины, но тут сказано, что на его приготовление требуется дополнительных полчаса... – При всем моем старании не измениться в лице, я, видимо, не слишком в этом преуспела, потому что Джулия быстро пересмотрела свой выбор. – Но, в общем, рыба тоже звучит замечательно, поэтому, думаю, я возьму ее.

Мы сидели в одном из тех ресторанов, где никто вас не торопит. Это было одно из тех мест, где в порядке вещей провести три часа за бизнес-ланчем. И я чувствовала себя настолько виноватой из-за того, что не могу скрыть, как мне не терпится вернуться домой, что ударилась в другую крайность. Заказала бутылку вина вместо того, чтобы просто попросить по бокалу, и только чуть вздрогнула, когда Джулия отослала официанта, сказав, что ей нужно еще подумать. Однако один разумный совет она мне дала.

– У тебя ведь есть телефон Карлы, правильно?

– Да.

– Ну так отправь ей сообщение, попроси, чтобы она постаралась убедить Бена сходить к врачу. Ты говорила, что они хорошие друзья, поэтому, возможно, ее он послушает.

План был неплох, и я могла бы сама до него додуматься, если бы мысленно не трепыхалась, как безмозглая курица. Прикрываясь огромной салфеткой, я быстренько написала Карле, а затем демонстративно отключила звук и положила телефон в сумочку.

Ресторанные обзоры не обманули, еда была восхитительна, как они и обещали, и большую часть времени я по-настоящему наслаждалась. Для меня это было такое же развлечение, как для Джулии – получить возможность провести время вместе там, где можно расслабиться без необходимости вытирать сопливые носы и менять подгузники.

Разумеется, у моей тревоги – как и у моего телефона, – лишь убрали звук; совсем они не отключились. Я точно поняла это по тому, как несколько часов спустя у меня засосало под ложечкой, словно часть меня уже знала о надвигающейся беде. Джулия только что отправилась в дамскую комнату и еще пробиралась между столиков, когда я выудила телефон из сумки, как цапля, ищущая рыбу.

Три пропущенных вызова. Все от Бена. Он знал, что сегодня весь мой день посвящен

Джулии, и не стал бы выходить со мной на связь без экстренной необходимости. Когда Джулия вернулась к столу, я уже звонила ему.

– Я знала, что ты не выдержишь, как только я повернусь к тебе спиной, – засмеялась она и почти мгновенно умолкла, увидев выражение моего лица. – Софи, что такое?

Я звучно сглотнула несколько раз, прежде чем смогла заговорить.

– Бен несколько раз мне звонил, но теперь он не отвечает ни по мобильному, ни по городскому.

Джулия опустилась на свое место, в тот же миг превратившись в мать, успокаивающую свое дитя.

– Ясно, первое – не паникуй. Есть миллион причин, по которым он не берет трубку. Не нужно сразу думать, что он лежит на полу в луже крови.

Клянусь, при этих словах я побелела. Это была миллион первая причина, потому что я даже не рассматривала такую страшную возможность.

– Он может быть в саду.

– Все еще идет дождь, – возразила я, глядя в окно ресторана в подтверждение своей правоты.

– Или мог куда-то выйти по делу и оставить телефон дома.

– Он никогда так не поступает.

– Или что-то делает для кого-то из членов своей группы.

Группа. Конечно. Если бы позвонил кто-то, попавший в какую-то ужасную ситуацию, Бен туда поехал бы. За последние несколько месяцев я была свидетелем именно таких случаев. Вряд ли он прервался бы в разгар чрезвычайной ситуации, чтобы поболтать со своей подругой-параноиком.

– А ты можешь попросить Карлу подъехать к нему пораньше? – предложила Джулия, по-прежнему соображая гораздо лучше меня. – Просто чтобы тебе успокоиться.

Мне казалось, что мой мозг ни на секунду не успокоится, пока я не обниму Бена – целого и невредимого, но я проглотила горький ком паники, словно горькую таблетку, и кивнула.

«Телефон абонента выключен». Не думаю, чтобы я когда-нибудь так сильно ненавидела какие-нибудь три слова, как возненавидела эти, несколько раз набирая номер Карлы.

– Могу я предложить вам кофе, дамы?

Я тупо уставилась на официанта, будто он говорил по-марсиански.

– Только счет, пожалуйста, – гладко вступила Джулия.

– Нет, выпей кофе, Джулс, – сказала я, все еще пытаюсь делать вид, что мой мир не распадается на части, поскольку у меня все же не было настоящего тому доказательства, кроме дурацкого шестого чувства, которое безостановочно приказывало мне уйти. *Прямо сейчас.* Возможно, даже до оплаты счета.

Официант медлил с растерянным видом. Я вдруг приняла решение и встала.

– Пожалуйста, принесите моей подруге кофе, а мне – счет, – велела я. Джулия качала головой, но я положила руку ей на плечо, мягко заставляя ее занять свое место. – Сядь и закончи ланч, как полагается, – сказала я ей, уже роясь в сумке в поисках кошелька.

– Иди уже, – поторопила Джулия. – Я с этим разберусь.

– Ни в коем случае. Это мой тебе подарок на день рождения, – сказала я, ударяясь в панику, потому что кошелек так и не попался в руки.

Не думая о том, прилично это или нет, я вытряхнула содержимое сумки на только что

убранный стол. Выдернула кошелек из кучи всякой всячины, какая собирается в женской сумке, вытащила из него пачку банкнот и сунула ее официанту, который приближался к нам, церемонно неся серебряный подносик, на котором возлежал наш счет.

Я быстро поцеловала Джулию в щеку и поспешно принялась запихивать все обратно в сумку.

– Сообщи мне о Бене, как только доберешься до дома, – попросила Джулия.

– Обязательно, – пообещала я уже на бегу к выходу, чувствуя на себе любопытные взгляды других посетителей.

Должна признать, что из заведений такого типа клиенты обычно не убегают. Я распахнула дверь и выскочила под дождь, размахивая руками, как мельница крыльями, потому что заметила приближающуюся такси с включенным огоньком. Я наступила в лужу и промочила ноги, но даже не заметила этого.

– А объехать можно? – спросила я, так вертясь на сиденье, что водитель, наверное, заподозрил у меня какое-то нервное расстройство. Но несмотря на терзавшую меня настоящую тошноту, не я была больна. Болел Бен.

– Простите, милая. Объехать эти работы невозможно, – извинился водитель, пожимая плечами. – Да мы задержимся не больше нескольких минут.

Я откинулась на сиденье, нервно теребя ткань платья. Мы не проехали еще и половины пути, и в неподвижном автомобиле я чувствовала себя, как в ловушке. Моя рука то и дело тянулась к дверной ручке, как будто в любой момент я отброшу всякую осторожность, выскочу и побегу домой по залитым дождем улицам.

Я полезла в сумку за телефоном, представляя, до какой степени душой я себя почувствую, если Бен ответит после первого же гудка. Узнать это мне не довелось, потому что телефона в сумке не было. Во второй раз за полчаса я перевернула сумку и смотрела, как ее содержимое валится на заднее сиденье автомобиля. Все, что могло катиться, быстренько очутилось на полу, так как движение наконец возобновилось, но несмотря на то, что я встряхивала сумку так яростно, словно гравитация могла шутить со мной шутки, телефон из нее не выпал. Закусив губу, я пыталась вспомнить, как брала его с ресторанного столика, но память стерло приливом паники, по которому я сейчас дрейфовала.

Наклонившись вперед, я настойчиво постучала по армированной стеклянной перегородке, отделявшей водителя от странных пассажиров; в категорию которых я быстро перемещалась.

– Мой телефон? Вы хотите позвонить по моему телефону?

Он, кажется, развеселился, а мои истрепанные нервы еще чуть-чуть дернулись в ответ на эту задержку. Теперь я поняла, почему перегородка между нами была неплохой идеей – по крайней мере, для него.

– Кажется, я забыла свой в ресторане, – сказала я.

Водитель включил поворотник, как будто приготовился притормозить у обочины.

– Хотите вернуться?

– Да. Нет. Не знаю. Нет, я хочу поехать домой. Но мне правда очень нужен ваш телефон. – Мы встретились глазами в зеркале заднего вида. Водитель вроде бы прикидывал, кто я – самая взбалмошная пассажирка за всю неделю или просто ненормальная. А потом я расплакалась, и его лицо моментально смягчилось. – Пожалуйста, – добавила я и сама услышала в своем голосе отчаяние.

Он достал из кармана телефон, разблокировал его и передал мне. Сначала я набрала номер Бена, а потом – домашний. Когда ни один из них не ответил, я набрала собственный номер.

– Ты забыла свой телефон, – вместо «Привет» сказала Джулия.

– Знаю. Бен не пытался еще раз позвонить мне?

– Нет, моя хорошая. Пока нет. Ты уже на месте?

– Почти, – сказала я, глядя в залитое дождем стекло на большой перекресток впереди. –

Еще минут пять.

– Ясно. Я возьму Лейси и Ноя и приеду, хочешь?

Было время, когда я немедленно ответила бы согласием, но теперь я стала сильнее. Бен сделал меня сильнее. Мне оставалось только надеяться, что эта «новая и улучшенная Софи» была лучше вооружена, чтобы лучше старой модели справиться с тем, что ждало впереди.

– Нет. Я справлюсь. Я позвоню, если мне потребуется твоя помощь.

Я вернула телефон его законному владельцу и еще не закончила благодарить, когда мои слова потонули в вое приближающейся сирены. Я резко выпрямилась на сиденье, словно меня ударило током. Кровь застыла у меня в жилах, а пульс участился, пока резкий в два тона вой становился громче и громче. Для нас горел зеленый свет, но никто не двинулся, дожидаясь, пока автомобиль спецтехники не проедет перекресток.

Пусть это будет полицейская машина, полицейская. Или пожарная, которая спасет из огня какого-нибудь глупого кота.

Я не осознавала, что сдерживаю дыхание, пока стеснение в груди не заставило выдохнуть, долго и судорожно. Мимо нас на скорости промчалась машина «Скорой помощи», размытое белое пятно с мигающими синими огнями.

– «Скорая помощь»... вы можете поехать за ней?

Взгляд водителя метнулся к зеркалу заднего вида, и по выражению его глаз я поняла, что снова вернулась в категорию ненормальных.

– Вы хотите, чтобы мы поехали за «Скорой»? И *не* ехали по адресу, который вы мне дали?

Говорил он медленно, тщательно проговаривая каждое слово.

Дорога перед нами была свободна, а из очереди выстроившихся за нами машин донесся сигнал какого-то нетерпеливого водителя. Мой таксист не обратил на это внимания, а повернулся ко мне.

– Не знаю.

Мое мучение было очевидно.

Он выглядел таким же растерянным, как я, а водитель позади нас, который, похоже, грудью лег на свой клаксон, делу не помогал.

– Налево за «Скорой» или направо – по вашему адресу?

Время замерло, казалось, на целую вечность, пока я в итоге не дала ответ.

– Направо. Поезжайте направо.

Я едва не упала, выбираясь из такси, но так бывает, когда вы пытаетесь выйти из машины до полной ее остановки. Я даже не посмотрела на счетчик, а просто сунула комок банкнот водителю и побежала – не глядя по сторонам – через пустую, по счастью, улицу.

Автомобиль Бена так и стоял на подъездной дорожке, поэтому мой список возможных причин, по которым я не могла до него дозвониться, был быстро пересмотрен, пока я

мчалась к его двери. Я изо всех сил нажала на кнопку звонка, проявляя не больше терпения, чем тот раздраженный водитель позади нас на дороге. Ключа от дома Бена у меня не было, он никогда мне не требовался. Но теперь эта промашка казалась мне колоссальной глупостью. Утром мы пойдем и закажем дубликат, сказала я себе, как будто планирование простого дела на завтра обладало силой предотвратить все плохое, что могло случиться сегодня.

В последнее время Бен ходил медленно; мы оба это понимали, но никто из нас вслух об этом не говорил. Но даже так к этому моменту он уже должен был открыть дверь... если мог. *Не нужно автоматически предполагать худшее*, раздался в ушах голос Скотта. На сей раз его воображаемый совет не принес мне покоя. Мой погибший брат вряд ли в том положении, чтобы говорить мне, что худшие страхи людей не всегда сбываются.

Я покопалась в сумке в поисках своего ключа и побежала вокруг здания ко входу в свою квартиру. Сначала я увидела разбитое стекло. Длинные, опасные осколки его покрывали дорожку. Я покачнулась, заторможенная и поглупевшая от шока, а потом подняла голову к большому окну рядом с моей входной дверью, или скорее, к тому месту, где это окно было. Кто бы мог подумать, что единственная рама может разбиться на такое множество осколков, поймала я себя на случайной мысли. Стекло на дорожке было лишь аперитивом, небольшой закуской перед паникой, которая теперь меня охватила. В раме осталось лишь несколько острых кусков стекла; остальные лежали на полу в прихожей.

Первая моя мысль была о грабителях, но вместо того, чтобы бежать к соседям и вызывать полицию, как поступил бы любой разумный человек, я трясущейся рукой с трудом вставила ключ в замок. Если кто-то вломился... Если Бен был ранен, пытаюсь защитить свой дом от непрошенных гостей... Внезапно мысль о нем, лежащем в луже крови, перестала в конце концов быть нелепым предположением; скорее она казалась предчувствием.

Дверь открылась, и хотя я хотела позвать Бена по имени, я заставила себя молчать. Мелкие осколки стекла хрустели у меня под ногами, издавая страшно громкий шум в тишине дома. Я посмотрела вниз и впервые заметила нечто поистине странное. Стекло не было разбросано по полу в прихожей, как должно бы. Нет, оно было собрано в аккуратную и сверкающую кучку. У стены стояла моя кухонная щетка. Что это за грабитель, который разбивает окно, чтобы проникнуть в здание, а затем замечает за собой разбитое стекло?

– Софи, слава богу!

Я подпрыгнула, наверное, на фут от пола и, повернувшись, увидела Карлу, которая шла ко мне с совком и щеткой в руках. Уронив их на пол, она бросилась ко мне и обняла меня. Я вырывалась из ее рук, но для маленькой женщины она оказалась на удивление сильной и не отпускала меня.

– Где Бен? Что случилось? Кто-то к нам вломился?

– Да. Это я. Я вломилась, – сказала Карла, как будто проникновение в чей-то дом через разбитое окно было новым и интересным хобби, которым она недавно увлеклась.

– Что? – Я попыталась вырваться из ее рук, и на сей раз она меня отпустила. – Зачем? – Я покачала головой, словно мне было все равно, и, сказать по правде, мне действительно было все равно. Имелся куда более важный вопрос, на который она все еще не ответила. – Где Бен?

Прежде чем ответить, Карла взяла меня за руку, мягкий взгляд ее глаз был полон сочувствия.

– Его повезли в больницу. «Скорая» уехала минут десять назад.

Я это знала. Точнее, уже знала. Не было абсолютно никакой причины думать, что Бен был тем пациентом, которого спешно везли в больницу в той «Скорой», и тем не менее мое первое побуждение последовать за мчавшейся машиной было необъяснимо верным. Сила связи между нами всегда меня поражала, но теперь я почувствовала ее как настоящую и осязаемую данность. Живой организм, который связал свою жизнь с моей.

– Что случилось? – дрожащим голосом спросила я.

Удивительно, я сидела на диване, хотя понятия не имела, как туда попала.

– Бен до этого позвонил мне и отменил нашу встречу. Сказал, что неважно себя чувствует.

– У него простуда. Я его заразила, – виновато призналась я, как будто сделала это нарочно. Я попыталась встать, но снова волевая личность Карлы вкупе с весьма крепкой рукой остановила меня. – Ты никуда не поедешь, пока не выпьешь это, – твердо сказала она.

Я опустила глаза и с недоумением увидела в руке чашку с чаем. Откуда она взялась?

– Пей, – скомандовала Карла. Я сделала глоток и поморщилась, так сладко было. – Это против шока, – продолжала она, хотя сомневаюсь, чтобы в ее заявлении содержалось какое-то медицинское обоснование. – Я не повезу тебя в больницу, пока не удостоверюсь, что ты не грохнешься в обморок.

Я сделала еще один большой глоток, моя потребность добраться до Бена была куда важнее собственного физического благополучия.

– Что-то насторожило меня в его голосе. Я пыталась от этого отмахнуться, но мысль эта не давала мне покоя, – призналась Карла. Я энергично кивнула. В меньшей степени, но она тоже поняла – что-то не так, Бен в беде. – Поэтому я закрыла салон и поехала сюда. По его машине я поняла, что он дома, но дверь он мне не открыл. А потом я увидела... – Она покачала головой, как будто жалея о своих словах. – Как бы то ни было, тогда я поняла, что должна сюда проникнуть.

– Что ты увидела? – спросила я и, не обращая внимания на чай, встала. С ней или без нее, я сейчас же еду в больницу.

Карла кивнула, понимая, возможно, что на сей раз ничто меня не остановит.

– Я увидела, что Бен лежит без сознания в гостиной. Поэтому я позвонила в «Скорую», а потом... – Она беспомощно пожала своими пухлыми плечами, и только тогда ее лицо сморщилось. – А потом я разбила стекло, чтобы добраться до Бена.

Время ускользало от меня. Я теряла его тревожно большими кусками. Теперь я уже сидела в машине Карлы, и мы ехали в больницу по пробкам часа пик. Карла без умолку болтала, я почти ничего не слышала. Как будто она говорила на другой частоте по сравнению с моей настройкой. Я выхватывала только какие-то обрывки тут и там.

– Поэтому не волнуйся из-за окна. Одна из моих клиенток замужем за стекольщиком. К твоему возвращению домой его восстановят.

Окно? Какое окно? Моя память дала мне подсказку. Звук хрустящего у меня под ногами на деревянном полу стекла. Ах да, окно.

– И я заперла твоего кота на половине Бена, чтобы он не убежал. И дала ему свежей еды и воды.

Мгновение я беспомощно смотрела на Карлу, словно не понимая, о чем она говорит, а потом кивнула. Фред. Я даже о нем не вспомнила. Я ужасная хозяйка, забывшая о своем питомце; я ужасная подруга, заразившая любимого мужчину простудой, от которой он

потерял сознание. Я думала, наихудшее, что может случиться с Беном, это его болезнь, но оказалось, что это я.

Я нетерпеливо топталась на месте, пока Карла ковырялась в кошельке, выуживая мелочь для оплаты больничной парковки, зная, что будь автомобиль моим, я просто оставила бы его, а о штрафе волновалась потом. Прошла, кажется, вечность, и мы уже шли по парковке к главному входу в больницу. Ноги у меня были длиннее, чем у Карлы, потребность попасть к Бену – сильнее, чем у нее, но я заставляла себя замедлять ход, приравниваясь к ней. Иногда, поскольку Карла казалась такой полной жизни и энергии, легко было забыть, что она тоже больна.

– Моего друга привезли на «Скорой». Он потерял сознание дома. Пожалуйста, скажите, куда его положили?

Администратор подняла на меня взгляд с сочувствием, которое я не хотела воспринимать. Я очень хорошо знала и помнила такой взгляд по прошлому.

– Имя? – спросила она.

– Софи Уинтер, – ответила я, мои ноги подергивались от потребности идти, двигаться, не останавливать движение, пока не приведут меня к Бену.

– Не ваше. Его.

– О. Бен. Его зовут Бен.

– Стивенс, – дала полезную подсказку Карла, сжимая мою руку. – Его зовут Бен Стивенс.

Нас попросили посидеть в комнате ожидания, и время, которое я теряла кусками, внезапно вернулось ко мне огромной, недвижимой глыбой. Я, наверное, десять раз возвращалась к стойке администратора, спрашивая о новостях, последних сведениях или когда нам разрешат пройти туда, где находится Бен.

– Ему все еще оказывают помощь, – натянуто объявила я, снова садясь рядом с Карлой на неудобный больничный стул.

На столе перед нами выстроились в ряд, как часовые, пустые пластмассовые чашки из торгового автомата. Они отмечали время нашего ожидания. Если нас продержат здесь дольше, нам понадобится стол побольше.

Наконец распашные двери – за которыми на наших глазах исчезло бесчисленное количество людей, – открылись, и вышла молодая медсестра.

– Здесь есть родственники или друзья Бена Стивенса? – громко спросила она, обращаясь к присутствующим в комнате ожидания. Я вскочила, как на аукционе, словно боялась, что кто-то другой предложит более высокую ставку и заберет Бена у меня из-под носа.

– Да, здесь, – бросилась я к ней.

Она улыбнулась, и я увидела доброту за профессиональной манерой держаться, и это меня напугало. Они всегда добрые перед тем, как сообщить действительно плохую новость.

– Как он?

Я затаила дыхание.

Боюсь, у Скотта крайне серьезные повреждения. Мы сделали все, что смогли, но...

– Сейчас он чувствует себя лучше. У него пока еще врачи, но теперь я могу провести вас к нему в палату. Они смогут сказать вам больше.

Пока лифт доставил нас на шестой этаж, я умудрилась еще три раза спросить у медсестры, как *на самом деле* чувствует себя Бен, словно не доверяла ее первому ответу. Она

была непоколебима: состояние Бена стабильное, хотя я видела, что о моем душевном состоянии она этого сказать не может. Мне было наплевать. Мое лечение, мое излечение состоится, только когда я увижу, что с Беном все в порядке.

Каждая секунда промедления была пыткой. Каталку, которую впереди нас везли через двери, толкали слишком медленно; дезинфицирующее средство, которое мы выдавили себе на руки, слишком долго впитывалось, а ожидание у сестринского поста, пока нам скажут номер палаты Бена, лишь увеличило мою тревогу. Наконец нас направили к нему. Врачи, видимо, уже ушли, потому что за исключением обитателя палаты, лежавшего на больничной койке, комната была пуста.

– Я подожду здесь, – сказала Карла, оставаясь в коридоре, чтобы дать нам побыть наедине. Я с улыбкой кивнула, но мое внимание было уже устремлено в палату, к находившемуся там мужчине.

Наступили сумерки, и комната представляла собой калейдоскоп теней. Мужчина лежал на кровати, отвернувшись от двери. Нижнюю часть лица покрывала кислородная маска, и он, кажется, спал. Я как можно тише прикрыла дверь, но звук пробудил его, и он медленно повернул ко мне голову.

На один ужасающий момент я подумала, что меня направили не в ту палату. Это был не Бен. У Бена не могла быть такая странная кожа, цвета алебаstra, не могла она и так натянуться у него на скулах – как на барабане. Однако у мужчины были волосы Бена. И когда веки, дрогнув, поднялись, на меня взглянули глаза того самого цвета теплого жженого сахара. Ноги у меня подогнулись, но я устояла. Не помню, как я пересекла палату, просто вдруг обнаружила, что я рядом с Беном, словно перенеслась под воздействием чар. Тех же чар, во власти которых я нахожусь с той ночи, когда с ним познакомилась, осознала я.

От электродов на его груди тянулись провода, к руке шла трубочка капельницы, а кислородная маска была еще одним препятствием, но мои руки обошли все преграды, чтобы дотронуться до Бена. Он лежал с обнаженным торсом, но кожа была горячей. Хотя на столике у кровати шумно жужжал вентилятор, температура у Бена была заоблачно высокой. Он взял меня за руку, и его пожатие оказалось как никогда бессильным.

Я опустила на стул рядом с кроватью, и хотя он почти упирался в матрас, я все еще чувствовала себя несказанно далеко.

– Всего лишь простуда, да?

Под маской я разглядела слабый вариант знакомой улыбки. Голос звучал странно, сквозь вдох с присвистом.

– Ты можешь только один раз сказать «я же говорила». Распорядись им с умом, – посоветовал Бен.

Я неистово закивала, дав себе слово не плакать, потому что понимала, это только ухудшит его состояние.

– Они говорят, что у тебя пневмония, – сообщила я Бену. – *Двусторонняя* пневмония, – многозначительно добавила я, хотя понятия не имела, что это на самом деле означает.

– Я ничего не делаю наполовину, – просипел Бен, он вглядывался в мое лицо, как будто искал дефекты в чем-то, что может очень легко разбиться. Он знал меня лучше, чем я даже представляла. Это *могло* меня сломать, но я не собиралась допустить это у него на глазах.

Я пригладила его волосы, убирая их с влажного лба, проводя кончиками пальцев по складкам и морщинам, которых прежде никогда не замечала. Под глазами Бена залегли большие темные круги, отчего он стал похож на панду – на панду, которая не спала около

месяца. Это был мужчина, рядом с которым я проснулась сегодня утром, и при этом он был совершенно на него не похож.

– Что сказали врачи?

Его глаза блеснули, и если бы я не смотрела на Бена так пристально, я, возможно, не поняла бы, что он говорит неправду.

– Они говорят, что я поправлюсь.

Нас прервал тихий стук в дверь, и когда я обернулась, в отверстие просунулась голова Карлы – щеголявшая очередным красочным тюрбаном.

– Я только хотела сказать, что сестра сказала, что через несколько минут вернутся врачи, чтобы с тобой поговорить.

Бен слабо поднял руку и поманил Карлу в палату.

– В «Скорой» мне сказали, что ты вломила в мой дом и залезла через окно?

Неважно, сколько раз я это слышала, мне по-прежнему трудно было представить маленькую пухлую парикмахершу проделывающей такой трюк.

– Это был еще один пункт в моем списке последних желаний, – весело сообщила Карла.

Но от Бена не так-то легко было отделаться.

– Я твой должник, Карла.

Их взгляды встретились и не скоро разошлись, и хотя эти люди не были связаны между собой родственными узами, при взгляде на Бена на лице Карлы отразилась материнская любовь.

– Что ты мне должен, – бойко отозвалась она, – так это новую блузку.

Она подняла руку и показала длинную, неровную прореху от локтя до манжеты ее ярко-розовой блузки, погубленной во время проникновения со взломом.

– Когда я отсюда выйду, я куплю тебе целый шкаф, набитый блузками, – пообещал Бен.

У каждого есть свой спусковой крючок, у каждого есть переломный момент, и этот стал таким для Карлы. Она разразилась шумными рыданиями, идущими из таких глубин души, что нет способа их остановить, нужно просто дать им излиться.

– Давай выбирайся побыстрее отсюда и возвращайся домой к этой милой девушке, – сказала Карла, оставляя без внимания текущие по щекам разноцветные струйки теней и туши.

Думаю, все мы обрадовались, когда нас отвлекло появление группы докторов. Властно постучав, они вошли в палату Бена под предводительством высокого, седовласого врача, сутулого и с аккуратными жесткими усами.

– Доктор Фишер, – представился старший медик, протягивая мне руку. – Как я ранее объяснил мистеру Стивенсу, моя группа и я позаботимся о нем на протяжении всего его пребывания у нас.

Он говорил так, будто Бен только что зарегистрировался в очень приличном бутик-отеле. Как только позволила вежливость, я высвободила свою руку и вновь завладела рукой Бена.

– Пневмония вашего супруга частое явление у пациентов, страдающих БАС. – Я посмотрела на Бена, ожидая, что он поправит врача, но этого не произошло. Хотя пальцы Бена, переплетенные с моими, откликнулись чуть более сильнымжатием. – Мы надеемся, что, проводя агрессивную терапию антибиотиками, мы сможем значительно улучшить его состояние в ближайшие сорок восемь часов. – Это была наименьшая из гарантий, какую я надеялась услышать. – А тем временем мы попросили, чтобы из клиники прислали его

историю болезни.

Что-то промелькнуло в глазах Бена, я не уловила.

– В последнее время вы замечали какие-нибудь значительные изменения в своем состоянии? – поинтересовался доктор Фишер.

Последовало молчание, которое в итоге нарушила я.

– Вообще-то, последние три месяца Бен принимает экспериментальное лекарство. – Бледно-голубые глаза врача встретились с моими. Этому человеку в покер бы играть, потому что я ничего по ним не прочла. – Мы очень надеемся, что оно помогает.

Никто ничего не сказал, даже Бен или Карла. Я по очереди посмотрела на всех: на врачей, медсестер, на приятельницу, на мужчину, которого любила, и у всех было одинаковое выражение лица. Не совсем жалость, скорее вынужденная грусть, словно все они знали одну тайну, которую никто из них не нашел еще мужества открыть мне.

– Что ж, это хорошо, – произнес доктор Фишер, в его голосе появилась резкость, которой не было раньше. – Уверен, все это будет в его истории болезни.

Бен отнял у меня руку, чтобы снять кислородную маску. Медсестра бросилась к нему, как ныряющая чайка, чтобы вернуть ее на место, но Бен знаком попросил женщину отойти.

– Мне становится хуже, – сказал он, глядя не на врача или сестру, а на меня. Я покачала головой, словно все это могло оставаться неправдой, пока я отрицаю. – Софи, мы сколько хотим можем притворяться друг перед другом, но мы оба знаем, что здесь происходит.

– Простите. Я не совсем разобрал, что вы сказали, – мягко проговорил врач.

– Ты должна объяснить, как обстоят дела на самом деле, – попросил Бен с невероятной печалью в глазах.

Что-то тут было не то. Что-то, чего я до конца не понимала.

Врач выжидающе смотрел на меня.

– Бен периодически спотыкается, и несколько раз он падал... и он уронил пару вещей, – неохотно признала я с таким ощущением, будто выдаю Бена врагу.

– Больше чем несколько раз, – тихо поправила Карла из своего угла.

Я сердито к ней обернулась. На чьей она стороне?

– Мы не можем это скрывать, Софи. Врачам нужно знать, насколько ухудшилось мое состояние.

Голос Бена зазвучал слабее, и он сам взял кислородную маску, поднес к носу и глубоко вдохнул, как принимающий дозу наркоман.

– А ваша речь, дизартрия – невнятное произношение – как давно она у вас началась?

Я развернулась и уставилась на врача, моя уверенность в его диагностических способностях внезапно исчезла.

– У Бена прекрасная речь. Она вообще не пострадала, и он, конечно же, говорит внятно. – Я посмотрела на Карлу, ища подтверждения, и увидела, что она снова плачет. – Что? – разозлилась я, хотя не имела на это права.

Карла подошла к кровати и взяла руку Бена в свои, словно боль ее слов можно было ослабить прикосновением.

– Она уже давно ухудшилась, – спокойно проговорила она.

Бен печально улыбнулся ей и кивнул.

Я мерила шагами коридор, пытаюсь убежать и от сцены в палате Бена, и от пристроившейся рядом Карлы. Мне не удалось ни то ни другое.

– Я понимаю все, что говорит Бен. Каждое слово. Как ты это объясняешь, а?

Взяв меня за плечи, Карла резко меня остановила, настолько эффективно, что, вероятно, могла бы подрабатывать вышибалой в ночном клубе, если бы когда-нибудь захотела.

– Ты понимаешь его, потому что любишь его. Ты по-другому его слышишь, не так, как мы. Мы все слушаем ушами, ты – сердцем.

С анатомической точки зрения в ее ответе не было вообще никакого смысла, но малая часть меня обрела утешение в этом чувстве.

Поверх ее головы я посмотрела на закрытую дверь палаты Бена с неподдельной тоской. Когда одна из сестер доставила из клиники его историю болезни, Бен захотел поговорить с врачом наедине. Я чувствовала себя лишней, и чем дольше я ходила по коридору, тем больше активизировалось мое воображение. Прошло время, показавшееся мне вечностью, дверь открылась, и в сопровождении медсестры вышел врач.

– Он хочет поговорить с вами, но ему нужен покой, поэтому, прошу вас, будьте кратки.

Смягчившись, я поспешила к Бену. Он снова снял кислородную маску, чтобы поговорить со мной.

– Как ты себя чувствуешь? – сипло спросил он.

– Это я должна у тебя спрашивать.

Он улыбнулся и поманил меня ближе. Вероятно, я нарушила все писанные правила больницы, когда забралась на кровать и легла рядом с ним. Но мне было все равно. Острый край электрода больно впился в мой висок, но все было неважно, пока Бен снова меня обнимал.

– Мне очень жаль, Софи. Я не хотел, чтобы это произошло.

Я глубоко вздохнула, вбирая его запах, словно накапливала воспоминание.

– Думаю, никто не хочет.

– Я не только про сегодня, хотя я *действительно* сожалею, что испортил день рождения Джулии.

– У нее их еще много будет, – глупо ответила я, с ужасом осознавая, что у Бена их может больше не быть.

Я медленно подняла голову, чтобы смотреть в его глаза, пока он говорит.

– Меньше всего я хотел заставить тебя сидеть у очередной больничной койки, – вздохнул он. – Но иногда события вырываются из-под контроля, и мы не можем это остановить. Эта любовь была одним из таких событий.

Мы тихо лежали несколько минут, потом я почувствовала, как Бен напрягся.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала.

– Все что угодно, – заверила я его, взглядом передавая свои чувства.

По лицу Бена пробежала судорога боли, мимолетная, как падающая звезда, и в душе у меня зародился очень сильный страх.

– Мне нужно, чтобы ты кое-что привезла для меня в больницу.

– Ла-а-а-адно.

Я протянула это слово, уже понимая, что мы говорим о чем-то гораздо более важном, чем чистая пижама или туалетные принадлежности.

– В глубине моего гардероба стоит портфель. Внутри ты найдешь файл с конвертом, на нем имя моего адвоката. Мне нужно, чтобы завтра ты его сюда привезла.

– Все это звучит, как в фильме «Миссия невыполнима», – сказала я, пытаюсь вызвать у него улыбку. Он не улыбнулся, и в голове у меня зазвенели тревожные звоночки. – Что в

этом конверте, Бен?

– Нечто нужное врачам для моих медицинских записей.

– Мне казалось, что у них есть все, что нужно. И при чем тут твой адвокат? – Я слышала, как в мой голос просачивается страх. Похоже, я уже знала. – Что в этом конверте, Бен? – повторила я вопрос.

– Это кое-что, что они давно для меня составили. До нас с тобой. Я не пускаю это в ход, я просто хочу, чтобы это было здесь, в моей истории болезни.

– Что в этом конверте?

Трижды я спрашивала, трижды он уходил от ответа.

– Это прижизненное распоряжение, – торжественно проговорил он. – Оно дает мне право отказаться от медицинского вмешательства, если я того пожелаю.

* * *

– Ты об этом знала, да?

Карла не спешила с ответом. Прежде чем тронуться с места, она излишне пристально проверяла, свободна ли пустая дорога перед нами.

– Да, – наконец призналась она.

– И ты нормально к этому относишься? Ты считаешь, что для Бена приемлемо сдать, просто прекратить борьбу?

Карла оторвала взгляд от дороги и посмотрела на меня, внезапно куда меньше озаботившись безопасностью, чем минуту назад.

– Бен *не* сдается. Пока нет. Он собирается продолжать бороться, чтобы жить – жить с тобой – столько, сколько можно. Но этот клочок бумаги даст ему с достоинством сказать «Достаточно», когда люди вокруг него не смогут принять это решение и когда *он* уже не сможет облечь его в слова. Это его способ защитить не только себя, но и всех, кому он дорог.

Я долго на нее смотрела.

– У тебя тоже такое есть, да?

Она холодно улыбнулась и медленно кивнула.

– Очень многие из нашей группы составили его для себя.

Я сказала себе, что просто не сделаю этого. Затем я сказала себе, что скажу ему – *искала*, но не нашла. И наконец я сказала себе то, что знала с самого начала: я выполню просьбу Бена. Я отвезу ему этот проклятый конверт с распоряжением об отказе от лечения. Но затем я прибегну ко всем известным способам убеждения, чтобы заставить его разорвать документ на тысячу мелких кусочков.

Ты же знаешь, что я тоже перекрыл бы себе кислород, если бы кто-нибудь дал мне такую возможность. Я уже и так была напугана, пробираясь среди ночи по темному дому Бена, поэтому вполне могла обойтись в данный момент без голоса Скотта в голове. Меня и так к этому времени беспокоило, что я часто его слышу – больше, чем за многие годы, – а посему мне показалось недопустимым предательством то, что он принял сторону Бена, а не мою.

Он не хочет, чтобы за него дышала машина, говорил Скотт, а я включала все попадавшиеся мне на пути лампы, пока дом не засиял светом, как электростанция. *Он хочет*

этого не больше, чем хотел я. Что раздражает в связи с голосами в голове, с голосами, которые притворяются призраками, так это то, что им не хватает чувства приличия скрыться в тени, как поступило бы настоящее привидение, когда вы залете помещение светом.

Я не хотела спать в постели Бена без него. Поэтому впервые за целую вечность вернулась в свою спальню в цокольной квартире, в комнату, которую в мое отсутствие занял Фред. Но кровать, которая когда-то казалась такой удобной, была жесткой и неудобной. Я крутилась и вертелась, сбрасывала одеяло только для того, чтобы через минуту снова натянуть его на себя. Яростно взбила подушку, как будто наполнявшие ее перья несли персональную ответственность за мою мучившуюся совесть. В конце концов, увидев, как цифры на часах перешагнули в новый час, я в последний раз скинула одеяло и протянула руку к халату.

Мгновение я медлила на пороге спальни Бена, мне был невыносим вид его аккуратно застеленной кровати, потому что он должен был лежать в ней, вместе со мной.

Делай то, за чем пришла, а потом возвращайся в кровать. Тогда ты уснешь, посоветовал Скотт. Он, разумеется, ошибался, очень, очень ошибался, но тогда мы с ним об этом не знали.

Гардероб Бена был смонтирован на заказ и занимал целую стену. Где-то внутри него, за одной из многих дверей, находился единственный лист бумаги, который прикажет врачам *не* вставлять в горло Бену трубку, чтобы помочь ему дышать. Это был его личный смертный приговор, и я до сих пор не могла поверить, что он подписал его, а теперь хотел, чтобы я привезла ему этот документ. С таким же успехом Бен мог дать мне заряженный пистолет и попросить пристрелить его.

Есть люди, которые педантично выбрасывают какие-то документы, если они больше не нужны. Я к числу таких людей не отношусь. Потребовался опустошительный пожар, чтобы заставить меня расстаться с документами и памятными вещами моего прошлого. Мы с Беном были в этом схожи, за исключением того, что ему не посчастливилось пережить пожар, чтобы уничтожить ставшие ненужными бумаги. Гардероб оказался глубже и имел больше отделений, чем я представляла. В них были аккуратно составлены многочисленные коробки для хранения, и оставалось еще много места для одежды Бена.

Положительный момент: большинство коробок было снабжено аккуратными этикетками. В основном в них лежали папки и документы, связанные с бизнесом, которым Бен владел, а потом продал, узнав о своем диагнозе. Но были и другие, которые вели глубже в прошлое Бена.

Я не слишком методично вела поиски. Я вынимала коробку, перебирала ее содержимое, а затем переходила к следующей, не трудясь убрать за собой. Я работала в хаосе, и это было совсем на меня не похоже.

Несмотря на все усилия саботировать поиски, в итоге в последнем отделении гардероба я нашла портфель, о котором говорил Бен. Я медленно вытащила его, словно удаляла взрыватель бомбы. Мои пальцы зависли над маленькой золотой защелкой, но медлили, не решаясь нажать и открыть. *Перерезать зеленый или красный проводок?* Внезапно обезвреживание бомбы показалось мне пустяком. Оно по крайней мере давало вам один шанс из двух. А если прижизненное решение вступит в силу, оно не даст Бену ни одного шанса.

Я долго вертела конверт в руках, словно вдруг могла понять, почему Бен так поступил. Почему даже теперь, когда я стала частью его жизни, он *по-прежнему* хочет это сделать.

Измученная, я устало, с трудом поднялась на ноги. Было очень поздно, а позади остался невероятно длинный и трудный день. Больше всего я нуждалась в забытии, которое приносит сон. Я начала убирать документы в гардероб, запихивая их как попало и обещая себе завтра сложить все как следует.

Я сунула внутрь очередной ящик, и из-за него что-то выпало. Папка. Она была ярко-желтой, но не это привлекло мое внимание. А нечто, написанное рукой Бена в верхнем правом углу. Всего одно слово, но одно это слово помешало мне распрямиться и закрыть дверцы гардероба, поскольку это было не просто слово, а имя. *Мое имя. «УИНТЕР».*

Я снова села на пол и вынула папку из гардероба. Она была тяжелой и перетянута двумя толстыми резинками. Они перехватывали ее по горизонтали и по вертикали, как ленты – сверток. Выглядело очень надежно. Выглядело так, словно Бен не хотел, чтобы что-нибудь случайно выпало из этой папки. В комнате было тепло, но меня внезапно охватила дрожь.

Я провела пальцами по шести буквам, словно читала по системе Брайля. Эта папка не может иметь ко мне никакого отношения, я это знала. Моя фамилия означает также и время года – зиму. В этой папке вполне могут находиться инструкции, как ухаживать за садом в это время года. Я вскочила и, опять сунувшись в гардероб, поискала три похожих папки с названиями других времен года. Но их не было. И с самого начала я, в общем-то, знала, что их не будет.

Я сунула палец под первую резинку.

Не делай этого, сестренка. Положи туда, откуда взяла.

Подняв глаза, я представила, что вижу Скотта – стоит у дверцы гардероба, на его лице написано неодобрение. Резинка со щелчком соскочила и улетела куда-то в угол. Я потянулась ко второй.

Серьезно, ты собираешься заглянуть в его личные бумаги. Не следует этого делать.

Щелк. Соскочила вторая резинка. Папка слегка приоткрылась в моих руках, так благодарно раздвигается «молния» на одежде после обильной трапезы. Клапан чуть приподнялся, похожий на приоткрывшийся рот, с улыбкой меня приглашающий.

Не говори, что я тебя не предупреждал. Я считаю это очень-очень плохой идеей. Возможно, то был самый мудрый совет, когда-либо изреченный Скоттом, живым или мертвым.

Первой из папки выпала газетная вырезка. Я моментально ее узнала. Я столько раз ее перечитывала, что могла бы процитировать слово в слово. Экземпляр Бена был пожелтевшим и выцветшим. Судя по виду, его множество раз разворачивали и складывали. Интересно, сколько раз он его читал? Столько же, сколько и я? На фотографию до сих пор была трудно смотреть. Искореженные обломки мотоцикла, помятый автомобиль... сколько бы лет ни прошло, этот снимок всегда будет действовать как удар.

Сунув руку в папку, я достала новую пачку бумаг. Большая их часть была посвящена мне, а остальные – моим родителям. Здесь имелся отчет частного детектива с информацией о моей жизни, по сравнению с которым мое собственное резюме выглядело небрежным и неполным. Бен знал о моем прошлом все. Он знал оценки в моем аттестате и на экзамене в университет. Ему было известно название моего общежития, где я работала и когда. Я листала досье, уже онемевшая от потрясения. Здесь имелся список моих друзей – даже имена мужчин, с которыми я недолго встречалась, я сама с трудом вспомнила часть из них. На отдельном листе значились сведения о Джулии и Гэри: где живут, чем занимаются, имена их детей. Вот тогда-то я и разозлилась – нет, больше чем разозлилась – пришла в

неописуемую ярость. Бен притворился, что не знает их; протягивал руку с видом обаятельного, вежливого незнакомца, и все это время эта... этот... этот справочник охотника лежал себе у него в гардеробе.

Я только тогда поняла, что плачу, когда листок у меня в руке покрылся пятнами слез. Я взяла протокол следствия по делу о несчастном случае со Скоттом. Откуда он у Бена? Кстати, откуда – и почему – у него есть и копия отчета полиции? Я взяла этот документ и долго сжимала его в руках, прежде чем открыть. Я никогда его раньше не видела – и думаю, мои родители тоже. Я не хотела его открывать. Не хотела читать его. Но я знала, что сделаю это, потому что была причина, по которой он здесь находился. Была причина, почему моя жизнь и жизнь моих родителей была подробно описана и задокументирована, а потом, подобно постыдному секрету, спрятана среди вещей Бена.

Я открыла первую страницу. Быстро пробежала ее глазами. Она содержала дату происшествия, имя жертвы, марку и модель мотоцикла, а также марку и модель сбившего его автомобиля. Я перевернула страницу и увидела это. То, что никогда не хотела видеть. То, что изменит всё.

За рулем автомобиля сидел Сэм Джекобсон. Ко времени происшествия ему было восемнадцать лет. Почти столько же, сколько Скотту. Эти факты уже были мне известны, хотя это имя никогда в нашем доме не произносилось. Ему не предъявили обвинения и не преследовали в судебном порядке, хотя почему так получилось, я никогда не знала и не понимала.

И было тут кое-что еще, чего я никогда не знала, то, чего никто никогда не сказал мне за шестнадцать лет после той ночи, когда произошла авария. Сэм Джекобсон был не единственным, кто находился в машине, убившей Скотта. В ней находились еще два пассажира. Их имена не упоминались ни в каких газетных сообщениях, поскольку эти ребята были еще несовершеннолетними. Но в отчете полиции они присутствовали. Они, эти имена, были на странице прямо передо мной. Одно было мне не известно; другое я знала. Бенджамин Стивенс.

– Простите, посещение сегодня только с двух часов.

Медсестра улыбнулась, смягчая отказ, но казалась строгой и непреклонной. Однако я тоже не собиралась сдаваться.

– Я ненадолго... всего на несколько минут, – заверила я ее. – Мистер Стивенс... Бен... попросил меня привезти очень важный документ сегодня утром. Ему нужно отдать его своим врачам.

Медсестра посмотрела на меня, и мне стало интересно, что же она увидела. Женщину, которая не спала всю ночь? Человека, настолько раздираемого противоречивыми чувствами, что все внутри подвергается опасности медленно исчезнуть? Увидела ли она женщину, которая могла одновременно любить мужчину и ненавидеть его?

– Если это медицинская информация, я готова взять ее и передать за вас лечащему врачу.

Она протянула руку, и я инстинктивно покрепче прижала локтем желтую папку, которую держала под мышкой. На один безумный миг я представила, как она в ожесточенной борьбе вырывает у меня папку. Я пожелала ей в этом удачи. Папка останется при мне, пока я не встречу с Беном лицом к лицу.

– Простите. Я не хочу причинять беспокойства, но это очень важный юридический документ, распоряжение об отказе от лечения. И очевидно, если оно затеряется... – Я не закончила предложение, предоставляя женщине оценить последствия. Ее взгляд упал на желтую папку, и только теперь я увидела, что она колеблется. – Я быстро, – пообещала я, мягко подталкивая ее к принятию решения.

Она оглянулась на сестринский пост у себя за спиной. Там было пусто. И она тут же приняла решение.

– Тогда ладно. Но если вас кто-нибудь спросит, выпутывайтесь сами. Я вас не видела.

Я никому не хотела доставлять неприятности, и сама не очень-то была довольна своими действиями, но возможность уйти, не поговорив с Беном, даже не рассматривалась. Восемь часов, которые прошли с момента обнаружения проклятых документов, дались мне нелегко. Мои издерганные нервы точно не выдержали бы новой проволоочки.

Я решительно шагала к палате Бена, надеясь, что моя деланая бравада никому не даст меня остановить. Уборщица, толкавшая нагруженную тележку, что-то пробормотала мне по-португальски, когда я проходила мимо, а затем замерла как громом пораженная, когда я ответила ей на ее языке. Уже не сомневаясь в моем праве здесь находиться, она лишь широко улыбнулась и пожелала мне приятного утра. В чем я лично сильно сомневалась.

Нельзя сказать, что я совсем уж солгала медсестре. Как Бен и просил, я *привезла* в больницу прижизненное распоряжение, чему он наверняка очень обрадуется. Чего я не могла сказать о других документах в желтой папке.

Я остановилась перед дверью в палату, постаравшись держаться так, чтобы меня не увидели через стеклянное окошко. В ожидании рассвета я столько раз написала, отрепетировала, а затем переписала то, что должна была сказать Бену, что слова слились теперь в сумятицу обвинений, крутившуюся в голове, как в центрифуге.

Сердце билось так громко, что я была уверена, Бен услышит его, прежде чем я войду.

Полагаю, если вы собираетесь получить сердечный приступ в результате стресса, то больница самое подходящее для этого место.

Невзирая на все уличающие доказательства, невзирая на вынужденное признание, что все, казавшееся мне правдой последние восемь месяцев, было, видимо, ложью, я все еще не могла справиться со своими чувствами, когда открывала дверь. При виде Бена, лежащего на больничной койке, мое сердце замерло, перестав колотиться, и болезненно повернулось в груди. Он выглядел получше, чем накануне вечером, и несмотря ни на что я этому порадовалась. Любовь – не водопроводный кран. Нельзя просто закрутить его, когда все идет плохо. Он продолжает течь, когда умирает человек, которого ты любишь... или когда кто-то, кого ты любишь, тебя предал.

Бен так широко мне улыбнулся, так искренне обрадовался моему приходу, что я едва удержалась от инстинктивной ответной улыбки.

– Здравствуй. Какой приятный сюрприз. Не думал, что увижу тебя до...

Его слова оборвались, как под ударом гильотины, когда он увидел у меня под мышкой желтую папку.

Этим утром кислородной маски на нем не было, хотя, наверное, лучше бы была, потому что комнату наполнял звук резкого дыхания. Понадобилась минута или две, чтобы понять – это мое дыхание, а не Бена.

Взгляд Бена был прикован к папке, я шагнула ближе и бросила ее на кровать.

– Я привезла твое распоряжение.

– Софи.

– Чтобы ты мог отдать его врачам. Или не отдать.

– Софи.

– По крайней мере, ты можешь решить, жить тебе или умереть.

– Софи.

– Чего был лишен мой брат.

Я заплакала. И этого отнюдь не было в моем сценарии. Теперь я импровизировала, все, что я так тщательно подготовила, превратилось в смутное воспоминание.

– Почему, Бен? Просто скажи мне. В какую мрачную и извращенную игру ты играл со мной последние восемь месяцев?

Он протянул ко мне руку, ту, к которой все еще тянулась трубочка капельницы. Ненужное напоминание, что он все еще болен и что я, возможно, не должна это делать. Я понимала, что должна остановиться, только не знала как.

– Мой брат умер... и ты был участником той аварии. Одного этого достаточно, чтобы я не хотела иметь с тобой ничего общего. Ты должен был все рассказать мне в ту ночь, когда мы познакомились.

– Мы были слишком заняты, если ты помнишь, – неожиданно рассердился он.

– Ты просишь меня поверить, что за все эти месяцы не было ни единого момента, когда ты мог бы признаться мне, кто ты такой на самом деле?

– Ты знаешь, кто я.

– Теперь знаю, – с горечью сказала я. – Ты человек, который помог убить моего брата.

Лицо Бена исказилось.

Он же не вел тот гребаный автомобиль, Софи. Он был ребенком. Дай ему шанс. Из всех заступников Бена Скотт был самым неожиданным.

Я с отвращением посмотрела на папку, словно на сидящую на постели крысу.

– А это досье на нас, которое ты собрал. Что, черт возьми, это значит? Ты следил за нами после аварии?

По моему лицу текли слезы, когда Бен взял папку и на одеяло упала газетная вырезка. Я увидела зернистую фотографию искореженного мотоцикла.

– Нет, ничего подобного. Я жил неподалеку от Коттерхэма.

Очередная ложь, с горечью подумала я. Он притворялся, что вообще не знает тех мест, когда ясно, что должен был знать. Как можно было доверять любимым его словам – не только о его прошлом, но и о нас двоих?

– У меня были знакомые, которые учились в твоей школе. После аварии они сообщали мне, как у тебя дела.

– Замечательно, – с ожесточением проговорила я. – Не передать, как это успокаивает после того, что я узнала, что ты шпионил за мной практически половину моей жизни.

– Я чувствовал себя ответственным, – объяснил Бен.

– Потому что так, черт возьми, и есть, – отпрянула я, словно от удара. – Не знаю, чем, по твоему мнению, могло помочь *это*, – сказала я, с подлинным отвращением касаясь папки. – Но частный детектив выходит за рамки простой заботы – от этого мороз по коже.

– Уехав из тех мест, я хотел знать, как живешь ты и твоя семья.

– Не очень хорошо. Но, полагаю, ты это уже знаешь, на двадцать четвертой странице отчета твоего детектива говорится о том, что я посещала психолога.

Бен откинулся на подушки, его лицо побледнело, и на мгновение я запаниковала, что зашла слишком далеко. Мне хотелось выбежать из палаты и никогда больше не видеть Бена и в то же время мне по-прежнему хотелось обнять его и крепко к себе прижать. И то и другое могло меня погубить.

– Я никогда не прощу себе того, что случилось той ночью, – прерывисто заговорил Бен. Его глаза ярко блестели. – Я попал в компанию парней, с которыми вообще не должен был связываться. Они были старше меня. В ту ночь мы ехали с вечеринки. Мы все валяли дурака, полные идиоты. А потом...

– Я не хочу этого слышать. Я *не могу* этого слышать. Мне нужно отсюда уйти.

Я вскочила с постели, как будто она вдруг заполнилась змеями. Развернулась, чтобы идти, но меня остановил голос Бена.

– Ты вернешься?

Я медленно повернулась к нему.

– Понятия не имею. В том состоянии, в каком я сейчас, это кажется маловероятным.

Я не сообщила им о своем приезде. Не хотела говорить о причинах по телефону. Почти не глядя и не заботясь, что беру, я побросала в сумку какие-то вещи. Позже придется приехать за остальными, но сейчас мне просто нужно было выбраться из дома Бена, и существовало только одно место, куда я хотела поехать.

Мне повезло; несмотря на срочность, в кошачьем приюте нашлось на несколько дней место для Фреда. Размещение не такое роскошное, как у Элис, но разрыв с жизнью Бена чем-то напоминал развод. И о своих друзьях он позаботится, сколько бы времени им ни осталось. Хотя я буду по ним скучать. Буду по ним скучать... прежде чем эта мысль оформилась, я обрubiла ее, словно прижгла рану.

На вокзале былолюдно, шумно и казенно. Я купила в дорогу сэндвич, а потом так и выбросила его запечатанным, когда приехала. Я решила взять такси, а не звонить домой с

просьбой забрать меня, я надеялась, что за двадцать минут поездки чудесным образом найду слова для объяснения с родителями. Больших надежд на это я не возлагала, поскольку за три часа, проведенных в поезде, так ничего и не придумала.

Мои родители были в саду, когда я приехала. Я увидела их в кухонное окно – они сидели рядышком на раскладных стульях, наслаждаясь бокалом вина на солнышке ранним вечером. Возможно, я совершила ошибку, приехав домой. Возможно, им *не нужно* ничего об этом слышать. Зачем снова растревлять старые раны? Незачем моим родителям переживать те же чувства, что сейчас переживаю я, можно избавить их хотя бы от этого.

Я оглянулась на входную дверь, но не успела я тихонько к ней попятиться, как мама обернулась и увидела меня. От удивления у нее открылся рот, и она что-то сказала папе, который поразился не меньше, обнаружив, что я смотрю на них в окно.

Свет закатного солнца переместился на лужайке, когда я сбивчиво принялась объяснять им, почему я приехала. Тени были короткими и приземистыми привидениями, когда я начала говорить, и сменились удлинёнными призраками, когда я закончила.

– Простите. Мне очень, очень жаль, – сказала я, беря за руку сначала маму, а затем отца, словно мы собирались провести спиритический сеанс на свежем воздухе.

Мама была более бледной, чем когда я вышла к ним в сад.

– За что ты извиняешься? *Ты* ни в чем не виновата.

Я посмотрела на отца, который до сего момента не произнес ни слова. Он внимательно разглядывал соседний розовый куст, как будто наблюдение за садом было новым и увлекательным хобби.

– Это *моя* вина, – возразила я. – Я привела Бена в этот дом. Я познакомила вас с человеком, знать которого вам бы хотелось меньше всего на свете. Я пригласила его на наше семейное Рождество. Бога ради, он даже сидел за столом на месте Скотта.

Мой отец оторвался от созерцания листвы.

– Но это *не* место Скотта, милая. Уже не его. И давно.

Он перевел взгляд с меня на маму, и что-то в душе у меня еще чуть-чуть надломилось, когда я увидела, что он плачет.

– Не знаю, чего добивался Бен. Я думала, что знаю его, думала, что могу ему доверять, а теперь не знаю, как смогу посмотреть на него без воспоминания о том, что он сделал с нашей семьей, что он сделал со Скоттом.

Мама подняла брови, глядя на отца, он едва заметно покачал головой. Оба они казались печальным, но, странно, не настолько удивленными, как я ожидала. На меня медленно снизошло прозрение.

– Вы знали, да? Вы знали про Бена?

Мама взяла мою руку в свои ладони. Наши руки были одинаковыми по форме, и меня поразило, что я никогда раньше этого не замечала. Кожа ее рук была сморщенной, испещренной коричневыми пятнышками, словно мама неумело рисовала сангиной.

– Нет, Софи. Мы не знали, что Бен был одним из подростков в той машине.

– Но вы знали, что там *были* другие пассажиры? – Она медленно кивнула. – Почему вы никогда ничего мне не говорили? Почему позволили мне думать, что ответственность несет только один пьяный водитель?

– Потому что другие люди не имели к этому отношения, – отрывисто проговорил отец, вставая. – Для аварии в ту ночь достаточно было *одного* пьяного водителя.

– Ты собираешься позвонить в больницу, узнать, как там Бен?

Я покачала головой, снимая с ее протянутых рук стопку чистого белья для своей кровати.

– Не могу, мама. Просто не могу.

Она кивнула, как будто с пониманием. Но как она могла понять, когда я сама себя не понимала.

– Ему должно быть очень больно.

– Уверена, ему дают лекарства.

Мама покачала головой, как делала, когда мы со Скоттом были детьми.

– Я не об этой боли, Софи.

Я не хотела это слышать, и если бы не держала чистые простыни и одеяло, то, наверное, зажала бы уши руками, как непокорный ребенок, в которого я, похоже, превращалась.

– Я не могу примириться с действиями Бена, потому что он обманул тебя... обманул всех нас. Но я не могу забыть и того, как счастлива ты была с ним последние полгода.

Я прерывисто вздохнула.

– Но все это было неправдой. Бен не был случайным незнакомцем, которого судьба привела в мою жизнь. Он все это организовал, и я до сих пор не понимаю, зачем.

– Тогда, возможно, тебе следовало попросить у него объяснений.

– Я была слишком зла. Слишком обижена.

Мама обняла меня, крепко обняла по-настоящему, я не могла даже припомнить, когда она так обнимала меня в последний раз.

– Не оставляй ничего несказанного и нерешенного между вами с Беном. В отношениях с людьми, которых любишь, время драгоценно. Ты никогда не знаешь, какое твое «прощай» станет последним.

Почему-то мне показалось, что мы говорим уже не о Бене.

Мама нежно поцеловала меня в лоб.

– Как бы плохо ты себя ни чувствовала этим вечером, уверена, Бен чувствует себя точно так же.

Я должна была бы уснуть, едва моя голова коснется подушки; для этого я достаточно измучилась. Но реакция моих родителей на причастность Бена к смерти моего брата казалась мне странно неадекватной и не давала уснуть. Словно под матрасом у меня лежала твердая и неподатливая горошина, лишая меня отдыха. Я наблюдала, как на будильнике сменяется час за часом, пока птицы за окном не встретили пением новый день.

– Завтрак? – спросил папа, когда я, как зомби, ввалилась в кухню.

Я покачала головой.

– Только кофе, пожалуйста, папа.

Из сада пришла с лейкой в руке мама. У них с отцом залегли под глазами одинаковые темные круги, что меня не удивило. Я дважды вставала ночью и видела предательскую полоску света под дверью их спальни. Их шепот я не разобрала, но что-то, несомненно, мешало им уснуть.

Они подождали, пока я допью вторую порцию кофе и положу чашку в посудомоечную машину. Мама подняла бровь, и папа кивнул.

– Софи, присядь на минутку, пожалуйста. Мы с папой хотим с тобой поговорить.

Я вдруг вспомнила именно эти слова, предшествовавшие в прошлом чрезвычайно мучительному разговору о половой жизни.

– Если это про птиц и пчел, думаю, я уже с этим разобралась.

Не слишком удачная шутка, но она не вызвала у родителей даже улыбки. Я села на стул, с которого только что встала.

– Нелегко об этом говорить... – начал отец и умолк.

– Мы знаем, это будет шоком, – закончила мама, словно этот разговор был эстафетой и они передавали друг другу эстафетную палочку.

Меня вдруг затошнило. Один из них болен. Вот в чем дело. Какая еще причина такой серьезности их лиц?

– Мы давно уже должны были тебе это сказать.

Я мысленно пробежала по списку возможностей, одна причудливей другой: меня удочерили, они банкроты, они выиграли в лотерею, они разводятся. Все они меня шокировали бы, но далеко не так, как это сделала правда.

– Причина, по которой мы с твоей матерью не виним Бена в участии в той аварии, заключается в том...

Папа замолчал, и я поспешила помочь ему.

– ...что он был всего лишь пассажиром?

Он печально покачал головой.

– Что не их автомобиль был виноват.

– Тогда чей? – повернулась я с этим вопросом к маме.

Ее губы дрогнули пародией на улыбку, которая выглядела странно, потому что по маминым щекам потекли слезы.

– Скотт. Это он проехал на красный свет, а не машина. И... – Ей действительно трудно было произнести следующее откровение, потому что когда ты возносишь кого-то на пьедестал, всегда больно низвергать его оттуда. – И он был пьян... в два раза больше допустимого количества алкоголя в крови.

Воздух в помещении внезапно сгустился от обилия старых тайн.

– Что? Нет, это неправда. Что все это значит?

Родители переглянулись, как актеры в пьесе, которые помнили свои реплики... они просто не хотели их произносить.

– Никто не любил своего сына больше, чем мы любили твоего брата, – запинаясь, начал отец, – но он не был совершенством.

– Я это знаю, – сказала я, вспоминая милого сорвиголову, который стремился нарушить все мыслимые границы. – Но он не пил, когда ездил на мотоцикле. Не настолько же он был дурак.

Я по очереди посмотрела на них, а потом перевела взгляд на пустое место у двери. Представила стоявшего там Скотта, с виноватым видом, какой он всегда напускал на себя, когда его ловили на лжи.

– Скотт был пьян?

На сей раз это прозвучало не так недоверчиво.

Они кивнули, практически одновременно.

– После аварии нашлись свидетели, которые заявили, что он ехал зигзагом. До перекрестка он пару раз едва не врезался. – Отец шумно сглотнул, его голос сел. – Автомобиль – тот, в котором ехали Бен и его друзья, – пересекал перекресток. Они ехали с

небольшим превышением скорости, и водитель был молодой и неопытный, но не это стало причиной аварии. Скотт поехал прямо на красный свет и врезался в бок машины. Они ничего не могли сделать, чтобы этого избежать, ну, по крайней мере, так нам сказали в полиции.

Все, что я знала, вдруг встало с ног на голову. Север оказался на юге, и я заблудилась, полностью и окончательно заблудилась.

– Почему вы никогда мне не говорили? Почему я слышу это только *теперь*, шестнадцать лет спустя?

Это выше моего понимания, заявил воображаемый Скот, невинно пожав плечами.

– Потому что ты очень сильно переживала после его смерти. Скотт был твоим героем, всегда был. Ты боготворила его с малых лет, когда малышкой повсюду ходила за ним хвостиком. Его потеря уже была достаточно трагичной, мы думали, что ты не справишься, зная, что это *он* виноват в случившемся. Мы хотели сохранить его память для тебя идеальной. Поэтому – правильно или нет – мы решили тебе не говорить. Мы не видели никакого вреда в том, чтобы позволить тебе считать причиной аварии тот автомобиль. За исключением...

– За исключением того, что я обвинила единственного человека, которого когда-либо любила, в том, в чем он не был виноват, – с грустью закончила я.

– Ты дозвонишься?

– Все еще жду.

Папа изобразил на лице сочувствие и похлопал меня по плечу, проходя мимо по коридору. Я воспользовалась их стационарным телефоном, который давал меньше уединения, чем я предпочла бы, но мобильная связь здесь была крайне ненадежной, а этот звонок я *никак* не хотела откладывать.

– Простите, – послышался бестелесный голос за сотни миль отсюда. – С каким отделением вас соединить?

Я попыталась не волноваться. Телефонистка не виновата, что я жду уже больше десяти минут и по-прежнему не приблизилась к разговору с Беном.

– С уинчестерским, – сказала я дрожащим от напряжения голосом.

Я очень надеялась, что сестры смогут отнести телефон в палату Бена, чтобы я поговорила с ним лично. Между нами накопилось уже больше чем достаточно недоразумений, и передавать сообщение через третье лицо – особенно такое важное – казалось просто неправильным. Мобильный Бена был или выключен, или разрядился, или просто остался дома, и досада от неспособности мгновенно с ним связаться, вызывала у меня ощущение отброшенности на несколько десятилетий назад.

Прошла, казалось, вечность, и я услышала другой голос.

– Уинчестерское отделение. Слушаю вас?

Я едва не задохнулась от облегчения, торопливо говоря в трубку.

– Простите за беспокойство, но мне очень нужно поговорить с одним из пациентов вашего отделения, с Беном Стивенсом, это возможно?

Связь была плохая; создавалось впечатление, что кто-то на том конце жарит яичницу, и мне пришлось прижать трубку к уху, чтобы хоть что-то расслышать. И даже так я смогла расшифровать только отдельные слова:

– ... не сейчас... совершает обход... час...

Я собрала обрывки в единое предложение и разочарованно вздохнула.

– Могу я тогда оставить для него сообщение? – спросила я, надеясь, что дежурная на том конце слышит меня лучше, чем я ее.

Раздалось бормотание и несколько слов, которые я не разобрала. Я решила, что они означают «Конечно. Что вы хотите передать?»

– Пожалуйста, скажите ему, что звонила Софи. Скажите, что я прошу прощения и что я была неправа. И что я сейчас же возвращаюсь, и мы увидимся позже сегодня днем.

Долгое потрескивание, а потом тишина, в течение которой я убедила себя, что связь оборвалась. Но потом связь на минутку улучшилась, и голос вернулся, более молодой по звучанию, чем я сначала думала, и более чем утомленный.

– Конечно, передадим. Я прослежу, чтобы это сообщение передали Стивену.

Стивену?

– Это для Бена. Для Бена Стивенса.

На линии защелкало, словно взрывался попкорн.

– Простите. Лен Стивенсон. Я поняла. Я передам сообщение одной из наших медсестер.

Трубку положили, а я осталась стоять, уставившись на телефон со смесью беспокойства и раздражения. Я посмотрела на часы. Позвонить еще раз, рискуя опоздать на следующий поезд, или просто подождать, пока я лично смогу поговорить с Беном?

– Пап, ты можешь подвезти меня на станцию, чтобы я успела на поезд в двенадцать сорок пять?

Мой отец, который гордился тем, что пятьдесят лет водит машину без единого нарушения, который считал, что езда на скорости в пятьдесят километров в час превращает тебя в маньяка, и который имел очень вескую причину не желать, чтобы кто-то из членов нашей семьи попал в какую-нибудь аварию, совершенно сразил меня своим ответом.

– Придется поднажать, но если мы выедем сейчас, то, пожалуй, успеем.

Столько всего в тот день мешало мне попасть в больницу, что, казалось, Вселенная нарочно пыталась не дать мне встретиться с Беном. Сначала не заводился автомобиль отца, только на прошлой неделе, по его словам, побывавший в сервисе. Я тревожно топталась рядом, пока он пытался разобраться с аккумулятором, ворча себе под нос про халтурщиков-механиков. Я, наверное, пятьдесят раз посмотрела на часы, прежде чем мотор с рокотом вернулся к жизни. Папа поднял большие пальцы, и я, быстро чмокнув маму в щеку, прыгнула на пассажирское сиденье.

– Мы все же успеем? – с тревогой спросила я.

– Вероятно. Да. Может быть, – последовал невразумительный ответ.

На протяжении всей поездки я одним глазом следила за часами на приборной доске, другим – за спидометром. Первые шли слишком быстро, второй показывал далеко не достаточную скорость.

– На этих дорогах я не рискую ездить быстрее, они слишком узкие, – извинился отец, и оба мы наблюдали, как время все ближе подходит к моменту прибытия поезда на местную станцию. Если я его пропущу, следующий будет через три часа, и мне невыносимо было думать, что Бен второй день проведет с мыслью, что я больше не хочу его знать.

Когда перед нами выехал трактор и заставил нас сбросить скорость до такого минимума, что проще было выйти и пойти пешком, это показалось предзнаменованием – дурным предзнаменованием. Я смотрела, как сменились цифры на дисплее часов и показали

время отхода моего поезда. До станции оставалось еще три мили.

– Ну, что ж, значит, так тому и быть, – сказала я, откидываясь на спинку сиденья. – Можем поворачивать назад, папа.

Он на мгновение сбавил скорость, но затем, непреклонно поджав губы, надавил на педаль газа. Я мягко тронула его за руку.

– Нет смысла. Слишком поздно. Этот поезд я пропустила.

– Я фаталист, – отозвался он, совершенно не в своем прагматичном стиле. – Если тебе назначено добраться сегодня до Бена, если во всем том плохом, что случилось с нами... и с ним, есть смысл или замысел, тогда судьба будет на твоей стороне.

– И как именно?

– Поезд будет стоять, дожидаясь тебя, – заявил он.

Он говорил так уверенно, что не знаю, кто из нас разочаровался больше, когда мы подъехали к вокзалу и увидели поднятые шлагбаумы, которые указывали прямо в безоблачное голубое небо, как обвиняющие пальцы. Поезд пришел и ушел. И если *это* было посланием судьбы... оно оказалось не очень ободряющим.

– Прости, милая, я действительно думал, что...

Папа внезапно оборвал себя, когда знакомый оглушительный сигнал проревел позади нас. Шлагбаум начал медленно опускаться.

Не попадая пальцами в ручку двери, я кое-как ее открыла, выскочила, схватила с заднего сиденья сумку и как сумасшедшая помчалась через кассу на платформу. То, что я успела на поезд, было не что иное, как чудо. Я с шумом упала на свободное место в вагоне, покрасневшая и задыхавшаяся так, как не задыхался даже Бен, когда нуждался в кислородной маске.

Я оглядела пассажиров вокруг себя. Напротив сидела женщина средних лет, которая опустила книжку в бумажной обложке и с любопытством на меня посмотрела. Рядом с ней разместились мать с ребенком, с головой ушедшие в какую-то игру на планшете. Женщина мимолетно мне улыбнулась, а ее сын застенчиво прижался к матери, пряча от меня свое лицо.

Я отдышалась и полезла в сумку за телефоном, понимая, что сейчас превращусь в особу, с которой я меньше всего желала бы оказаться рядом во время трехчасового путешествия. Возможно, я раньше времени превращалась в сварливую старуху, но люди, ведущие личные разговоры по мобильным телефонам в общественных местах, были для меня источником вечного раздражения. Но сегодня я была готова рискнуть и раздражать всех до единого пассажиров этого вагона, чтобы убедиться: Бен знает, что я к нему еду.

На этот раз в уинчестерском отделении ответил другой голос, постарше и более властный.

– Можно ли поговорить с одним из ваших пациентов? С мистером Беном Стивенсом.

Связь на сей раз была отличная, поэтому я без труда услышала, как она слегка кашлянула, прежде чем ответить.

– Могу ли я узнать, вы – родственница?

Я по глупости ответила ей честно.

– Нет, не родственница.

– Простите, – ответила она, и что-то в ее голосе меня встревожило. – Боюсь, мы сообщаем информацию только ближайшим родственникам.

Я не просила информации, я только хотела поговорить с ним. Что-то там не так. Что-то

случилось.

– Он мой партнер, – сказала я, повышая голос настолько, что, вероятно, перешла в разряд надоедливого пассажира. – Пожалуйста, скажите, с ним все в порядке?

– Мама, почему эта леди кричит? – оторвавшись от игры, простодушно спросил мальчик.

– Тише, – сказала его мать, и я не поняла, относилось это к ее сыну или ко мне.

Я попыталась понизить голос. Важно было сохранять спокойствие, даже если я уже чувствовала себя планетой, сходящей с орбиты.

– Вы можете сообщить ему, что я звоню. Может, я могу минуту поговорить с ним?

Медсестра сделала паузу, и я затаила дыхание в ожидании ее ответа.

– Боюсь, это невозможно. Мистера Стивенса здесь больше нет.

С чувством огромного облегчения я откинулась на сиденье.

– Его выписали?

Я этого не ожидала. Я представляла, что Бен пробудет в больнице дольше. Он вернулся домой на такси или его отвезла Карла? «Я должна была находиться там», – подумала я, переполняемая чувством вины.

Уточнение медсестры полоснуло меня, как скальпель хирурга.

– Вообще-то сегодня утром мистера Стивенса перевели в другое отделение.

– В какое?

Внезапно мой голос сделался слишком громким, слишком напряженным, слишком паническим. Единственное, что в нем не прослушивалось, это удивление, потому что где-то в глубине души я уже знала, что судьба с самого начала планировала именно это. Жизнь была постоянно вращающейся каруселью и сейчас возвращала меня в то место, которое я никогда больше не хотела видеть.

– Мистера Стивенса перевели в отделение реанимации, – сообщила она.

И мой кошмар получил свое завершение.

Перевести звонок они не могли, поэтому мне пришлось заново пройти через мучительную процедуру набора номера и общения с коммутатором. Пассажиры вокруг меня перестали притворяться, что не прислушиваются к моим переговорам. Женщина средних лет положила свою книжку на колени, и я больше не слышала слабого попискивания детской компьютерной игры. Я чувствовала на себе множество глаз, когда просила оператора соединить меня с отделением реанимации.

Если сестра в предыдущем отделении показалась мне уклончивой и не желающей делиться информацией, *эта* выдержала бы допрос в ЦРУ, не расколовшись.

– Можете вы хотя бы сказать, что с ним случилось? – взмолилась я.

Не только ради себя; пассажирам вокруг тоже, кажется, не меньше моего нужно было это знать.

– Мистера Стивенса недавно перевели в это отделение из-за трудностей с дыханием.

Я схватилась за горло, как будто это я не могла дышать, а не Бен.

– Вы можете сказать, как он сейчас? Ему потребовалась интубация? – Медицинский термин с поразительной легкостью слетел у меня с языка. Есть слова и фразы, которые ты никогда не забываешь. Я закрыла глаза, сообразив, что в любом случае должна была задать не этот вопрос. Был другой, гораздо более важный. – Прижизненное распоряжение применили? Вы можете проверить его записи и сказать, сделал он это или нет?

– Боюсь, история болезни пациента конфиденциальна, как и его лечение. Я больше ничего не могу сказать вам по телефону.

– Мне нужно, чтобы он знал, что я еду. Мне нужно, чтобы он знал, что должен продолжать бороться и, что бы ни случилось, мы встретим это вместе. Пусть он скажет врачам, что передумал насчет отказа от лечения. Он хочет жить, я знаю, что хочет.

– Приезжайте как можно скорее, – посоветовала сестра, и впервые за все время в ее голосе прозвучала доброжелательность. Думаю, это встревожило меня больше всего.

Я дала отбой и тупо уставилась перед собой, никого и ничего не видя. Я даже не сознавала, что плачу, пока женщина напротив не наклонилась ко мне и не сунула в мою руку сложенную салфетку. Тепло и сочувственно она похлопала меня по руке, успокаивая.

Рядом с ней заерзал на сиденье мальчик, пытаясь достать что-то из материнской сумки. Не спрашивая одобрения матери, он вытащил открытый пакетик с желевыми конфетами и протянул мне.

– Когда мне грустно, мама всегда дает мне одну, – нерешительно проговорил он. Мальчик вздрогнул, но лишь чуть-чуть, когда я только сильнее расплакалась, тронутая его щедростью. – Красные самые вкусные, – застенчиво прошептал он.

Я улыбнулась, усилием воли прекратила плакать, потому что не хотела его напугать, и достала из пакета мягкую малиновую конфету.

– Спасибо, – тихо сказала я.

Люди говорят, что пассажиры пригородных поездов холодны, что поездки в общественном транспорте обезличивают нас и превращают в бесчувственных роботов. Я категорически не согласна с этим утверждением. Мне было страшно на протяжении всей поездки в том поезде, но я ни на минуту не чувствовала себя одинокой. Там сидели безымянные незнакомцы, которые вместе со мной пережили все мучительные минуты. Когда поезд наконец прибыл на вокзал, кто-то взял мою сумку и подал мне, кто-то другой передал мою куртку, а мужчина, который до этого даже словом со мной не перемолвился, спросил, не нужны ли мне деньги на такси. Я выскочила из поезда, и в ушах у меня еще звучали добрые пожелания этих людей.

Отделение реанимации находилось на четвертом этаже, но ждать лифта я не могла. Несколько раз нажав на кнопку вызова в вестибюле, я так и не дождалась его прихода. Я бросилась к лестнице, по-прежнему одержимая необходимостью двигаться. Я грохотала по линолеуму лестницы, как будто стук моих сандалий по ступенькам мог заглушить вопросы, продолжавшие крутиться у меня в голове. Проинструктировал ли Бен врачей не вмешиваться, если затруднения с дыханием усилятся? Решил ли он, что это будет последний раунд в схватке, которую он никогда не выиграет? И насколько это решение зависело от того, что случилось сутки назад? Стала ли наша первая ссора последней?

Я ворвалась в двойные двери на четвертом этаже запыхавшаяся и перепуганная. Наверное, я выглядела куда менее здоровой, чем некоторые из пациентов этого отделения, когда с тревогой подходила к сестринскому посту.

– Бен Стивенс, – выдохнула я, опираясь о стойку, чтобы не упасть.

– Его кровать сразу за углом, – сказала медсестра и показала, куда нужно идти.

Необходимость спешить отпала, и я, вдруг успокоившись, медленно и нерешительно двинулась к указанному отсеку. Я завернула за угол и увидела Бена.

Ноги у меня подогнулись, не в силах нести меня к нему. «Вот это, – с грустью подумала

я, – Бен легко понял бы». Я пошатнулась и крепко ухватилась за спинку кровати. Рядом с койкой Бена стояла медсестра с планшетом в руках. Она с озабоченным видом посмотрела на меня.

– Здравствуйте. С вами все хорошо? Вы к мистеру Стивенсу? – Я кивнула, не в состоянии проглотить вставший в горле ком. – У вас такой вид, вам бы присесть, – сказала она, пододвигая мне стул. Я опустилась на него и взяла Бена за руку. – Я знаю, что все это выглядит очень страшно, когда видишь впервые, но пусть ничто вас не тревожит.

– Меня это не тревожит, – сказала я, обливаясь слезами, которые крупными каплями падали на неподвижную руку Бена. – Честно говоря, я никогда не была так счастлива.

Сестра попятилась, явно ошарашенная моими словами. Вряд ли я могла винить ее: конечно, это была ненормальная реакция со стороны близкого пациенту человека.

– Вы хотите, чтобы я объяснила назначение всего оборудования и что оно делает?

Я легко положила ладонь на обнаженную грудь Бена, чувствуя, как она ритмично поднимается и опускается, движимая не им, а аппаратом, который тихо работал рядом с его кроватью. Даже пластиковая трубка, вставленная в дыхательные пути, не пугала меня. Это был спасательный трос, брошенный ему... и мне тоже.

– Я знаю, что оно делает, – тихо проговорила я, складывая губы в дрожащую улыбку. – Оно возвращает его ко мне.

Я не уходила, и через некоторое время меня перестали просить покинуть помещение. Кто-то принес мне попить, а потом и поднос с больничной едой, и я узнала, что она одинакова невкусная как для больного, так и для здорового человека.

Я сидела, склонившись головой на матрас рядом с рукой Бена, когда почувствовала легчайшее прикосновение к своему плечу. Я резко выпрямилась на стуле, глянув сначала на Бена, а потом повернувшись к тому, кто меня разбудил. Я заморгала, всматриваясь в стоявшую передо мной медсестру и не понимая, почему она кажется мне знакомой.

– Простите, я не хотела вас напугать, – извинилась она, – но вы Софи?

От ее вопроса я полностью проснулась, потому что внезапно вспомнила ее. Это была одна из сестер уинчестерского отделения.

– Да.

Она кивнула и коротко посмотрела на Бена.

– Тогда у меня для вас сообщение. – Я удивилась – кто мог найти меня здесь, но спросить не успела, так как сестра добавила: – Оно от Бена. – С бешено заколотившимся сердцем я кивнула, прося ее продолжить. – Он сказал, чтобы вы проверили свою электронную почту.

– А?

Не знаю, что я надеялась или ожидала услышать: *Я прощаю, что ты от меня сбежала? Я больше никогда не хочу тебя видеть? Можем мы начать сначала?* Как ответить на это, я бы знала. Его заботу о моем почтовом ящике понять было труднее.

– Он бредил? У него была очень высокая температура.

– Нет. Он находился в здравом уме.

Она посмотрела на погруженного в искусственную кому Бена и улыбнулась, и в этот момент я поняла, что он ей нравится. Повернувшись ко мне с ласковой улыбкой, она снова положила руку мне на плечо, мягко похлопала.

– Проверьте вашу почту, – тихо проговорила она и растворилась в полумраке отделения.

Было почти девять вечера, но небо еще хранило последние остатки дневного света. Я вышла на улицу, чтобы воспользоваться своим телефоном, поскольку все еще не знала правил пользования мобильными в отделении. У входа собралась группа пациентов, некоторые в инвалидных креслах, эти люди в больничной одежде напоминали заключенных Колдица, планирующих свой грандиозный побег. Я миновала их.

Я шла, пока не увидела маленький садик с утиным прудом и парой деревянных скамеек. Усевшись, я заметила маленькую латунную табличку на верхней перекладине спинки. Женщина по имени Дорис любила сидеть на этом самом месте и наблюдать за утками. Одинокая слеза скатилась по моей щеке. Из-за Дорис я плакала или из-за страха, что где-то стоит другая скамейка и ждет имени любимого мною человека, который лежит сейчас в реанимации?

Я сделала глубокий, успокаивающий вдох и достала из сумки телефон. Ничего удивительного, что в тот день я не проверяла почту. Но если бы я это *сделала*, то увидела бы письмо от Бена, которое на удивление была послано как раз в тот момент, когда он был в операционной и ему делали интубацию.

У меня так дрожали пальцы, что я только с третьей попытки открыла сообщение.

Я надеюсь, что тебе не придется читать это письмо. Я надеюсь, что когда я очнусь завтра, я увижу тебя сидящей у моей кровати и смогу сказать тебе все это лично. Но есть вещи, которых я не знаю, и вещи, в которых я не уверен, и некоторые из них пугают меня больше, чем когда-либо пугала эта болезнь.

Чего я больше всего боюсь? Это легко. Я боюсь, что ты не вернешься. И если так, я не могу винить тебя. Как ты можешь теперь доверять мне, когда я столько от тебя скрывал? Я не заслуживаю твоего доверия, но молюсь, чтобы его между нами осталось еще достаточно и у меня была возможность все тебе объяснить. Надеюсь, ты выслушаешь, даже если до сих пор сердита на меня, на что имеешь полное право.

Если бы я не боялся тебя потерять, я бы уже давно все тебе рассказал. Поверишь или нет, но таково всегда было мое намерение.

В течение жизни со мной произошло многое, чего я и не предполагал. Часть этого совсем не привлекательна: лжец, шпион и пациент с неизлечимой болезнью. Первые два пункта беспокоят меня гораздо больше, чем последний, потому что они влияют на твои чувства ко мне. В свою защиту хочу сказать, что если я когда и лгал тебе, то лишь случайно, и я действительно понимаю, что это чисто формальная сторона дела, а не оправдание. То, что я нанял чересчур старательного детектива, который копнул гораздо глубже, чем я его просил, ставит меня, надеюсь, всего лишь на грань слезения за женщинами (если в этом дело).

О, и есть еще одно, чего я никогда не предполагал в своей жизни... это такая всепоглощающая любовь к тебе, что мне нипочем все дерьмо, которым хочет швырнуть в меня жизнь, потому что она дала мне и тебя.

А теперь, вероятно, у меня больше нет тебя, и за это мне некого винить, кроме себя самого. Но если ты дочитала до этого места, не нажав на клавишу delete, надеюсь, ты продолжишь чтение, а я попытаюсь объясниться.

Авария, унесшая жизнь Скотта, всегда вызывала у меня величайшее сожаление. Если бы я мог повернуть время вспять, это было бы одно из событий, которое я изменил бы. Его

влияние на тебя и на твоих родителей разбивает мне сердце сегодня так же, как разбивало шестнадцать лет назад. Я был очень близок к тому, чтобы рассказать тебе правду, но всякий раз, когда ты говорила о его смерти, я видел, как сильно ты винишь другую сторону, и боялся, что потеряю тебя навсегда, если признаюсь, что был там в ту ночь.

Было поздно, и мы возвращались с вечеринки. Сэм – водитель – был трезв, но мы все выпивали. Мы валяли дурака, хулиганили и дурачились, как это делают подростки. Сэм очень на нас злился. Помню, он кричал нам, чтобы мы заткнулись, потому что он не может сосредоточиться, а потом... а потом раздался этот страшный удар.

Мы винили себя, хотя в полиции нам сказали, что мы не виноваты. Мне хотелось как-то поправить дело, но никакие мои слова или действия не могли смягчить ситуацию. Однако я не мог забыть то, что мы сделали с тобой и твоими родителями. Постепенно я потерял связь со всеми, кого знал в Коттерхэме, и обманывал себя, говоря, что время залечит ваши раны. Это была ложь, которую я твердил себе очень долгое время.

Я задвинул происшедшее глубоко внутрь себя, и тем не менее, когда я узнал о своем диагнозе, я первым делом подумал о Скотте и о том, что человек не может уйти от судьбы. Врачи советуют тебе «привести свои дела в порядок», и для меня это означало только одно. Мне нужно было убедиться, что с тобой все в порядке, что ты сумела преодолеть тот кризис и жить дальше.

Найти твоих родителей было легко, но я не представлял, как найти тебя, поэтому и нанял частного детектива, который в итоге дал мне куда больше информации, чем я просил или договаривался. Тогда-то я и понял, что должен попытаться найти способ поправить дело. Поправить тебя, потому что ты сломалась по моей вине.

Однажды ты спросила меня, каково мое последнее желание. Ты. Ты была моим последним желанием. Ты была тем, что я должен был привести в порядок до того, как умру.

Переехав сюда, я постоянно собирался рассказать тебе, что был в автомобиле, в который врезался Скотт. Но найти мужество сделать это оказалось гораздо труднее, чем я думал. Не знаю, сколько раз я почти стучался в твою дверь, но в последний момент отступал. А потом, в октябре прошлого года, я сказал себе, что наконец сделаю это. Да только когда я приехал туда, в квартире под тобой устроили вечеринку. Я несколько часов просидел в машине, дожидаясь, пока стихнет шум, но постепенно стало слишком поздно, поэтому я сдался и поехал. Что-то заставило меня глянуть в зеркало заднего вида, и я увидел языки пламени. Ну... остальное ты знаешь.

Я думал, что достаточно будет оставаться твоим другом, но вскоре понял, что хочу гораздо большего. Мне следовало исчезнуть из твоей жизни, потому что я понимал: меньше всего на свете ты захочешь близости с человеком, который помог разрушить твою жизнь. Но к тому моменту было слишком поздно, потому что я уже полюбил тебя. Полюбил в ту первую ночь.

Если бы я мог изменить прошлое, я бы это сделал: никогда не пошел бы на ту вечеринку, никогда не сел бы в тот автомобиль, и Скотт никогда не ехал бы на том мотоцикле. Но чего я не хотел бы изменить, так это моей любви к тебе. Потому что ты спасла меня в гораздо большей степени, чем я – тебя в ночь пожара. Я смогу спокойно умереть, зная, что ты меня любишь. Я просто не смогу жить, зная, что ты не любишь меня.

Мне бы хотелось, чтобы все у нас было по-другому. Мне столько хотелось бы тебе

подарить: кольцо, обещание будущего, мое имя. Но я не могу. И это печалит меня больше всего остального. Я разорвал распоряжение, потому что если есть хоть малейшая возможность примириться с тобой, я хочу ее иметь.

Я собираюсь попросить одну из медсестер отправить тебе это письмо, если что-то случится и я не смогу отправить его сам. Я понимаю, возможно, я напрасно надеюсь, что после этого письма твои чувства изменятся, но я собираюсь бороться за жизнь столько, сколько потребуется, чтобы узнать, что ты меня простила.

Я люблю тебя, Софи, и всегда буду любить.

Бен. Целую.

В следующие двое суток у Бена перебивало много посетителей, но он никого не видел. Приехала, а потом уехала Карла; Элис, Генри, Чарли и Жаклин приходили, а потом ушли. Даже Джулия и Гэри заехали, хотя, возможно, скорее увидеть меня, а не Бена. Все они пытались убедить меня поехать домой и немного отдохнуть, но я лишь улыбалась и качала головой. Когда-то я отказывалась даже приближаться к больнице, теперь я отказывалась ее покидать.

Я была там, когда врачи решили, что антибиотики наконец подавляют инфекцию; я была там, когда они увезли его в операционную, чтобы вынуть трубку из горла, и все еще находилась там, когда его привезли назад.

А когда он наконец пришел в себя, когда поднял голову и обвел взглядом палату, ища меня, я была там.

Потому что мое место было рядом с Беном.

Сентябрь

Хотя я включила кондиционер в машине на максимум, в салоне все равно было жарко. Держа одной рукой руль, другой я оттянула вырез своей блузки без рукавов, чтобы хоть немного освежиться.

Я повернулась к Бену на пассажирском месте.

– Только не пытайся заглянуть за вырез, – поддразнила я.

Он не ответил, но ему и не нужно было. Он *откровенно* заглядывал.

Путь был длинным, и ноги у меня устали и затекли. Я подумала, как же Бен сумел без жалоб проделать это в феврале, когда мы впервые ехали в это место. Теперь Бен вообще не водил машину. Перестал пару месяцев назад, и я знала, как ему, вероятно, тяжело было, когда он без слов протянул мне ключи после той последней поездки.

– Только постарайся не слишком ее царапать, – только и сказал он, а затем улыбнулся, когда я высунула в ответ язык. – Очень взрослый ответ, миссис Стивенс.

И я улыбнулась, как улыбалась всякий раз, когда слышала свою новую фамилию.

Слегка повернув левую руку, но не убирая ее с руля, я посмотрела на колечко с бриллиантами на безымянном пальце. Камни заиграли в лучах сентябрьского солнца, бьющего в лобовое стекло, и наполнили салон танцующими бликами. Я с улыбкой повернулась к Бену, вспоминая вечер, когда он неожиданно надел мне на палец это кольцо. Я и сама его выбрала бы, имей я банковский счет повнушительнее.

– Тебе не нужно было покупать мне кольцо, – запротестовала я, уже настолько влюбившись в него, что не собиралась никогда с ним расставаться.

Он не спеша и очень крепко поцеловал меня.

– Ну, я подумал, что *один* из нас должен это сделать, – пошутил он, прижимая меня к себе с легким укоризненным возгласом. – До сих пор не могу поверить, что ты сделала мне предложение, но даже не купила мне кольца.

Я прижалась к его шее, чтобы скрыть внезапный румянец.

– До сих пор не могу поверить, что я *сделала предложение*.

Его смешок передался через его грудную клетку мне.

– Думаю, и в отделении никто не мог поверить.

Я это не планировала, и все же, когда слова оформились и слетели с моих губ, я нисколько не сомневалась, что принимаю самое лучшее в своей жизни решение. Врачи только что сообщили Бену, что выпишут его на следующий день и что тогда он сможет возобновить прием экспериментального лекарства. Этот момент показался мне как нельзя более подходящим, чтобы принять и отпраздновать будущее.

– Большинство людей просто пошли бы и купили бутылку шампанского, – сказал Бен, поднося к губам мою руку с этой новой бриллиантовой полоской и целуя меня в ладонь.

– Я не большинство.

Его взгляд смягчился, и внезапно появилось новое любимое воспоминание, которое я буду беречь до конца своих дней.

– Да, ты не большинство.

Мы всегда говорили, что вернемся на этот пляж летом, и какое-то время я волновалась, что самочувствие не позволит Бену это сделать или мы затынем с бронированием, и коттедж уже снимут на все время. Но поскольку мы прождали до сентября, коттедж, к счастью, оказался свободен и был в нашем распоряжении столько, сколько мы пожелаем.

На этот раз я позвонила владельцу и сняла коттедж. Речь Бена пострадала от интубации, о возможности чего предупреждали врачи. Я по-прежнему без труда его понимала, так же, как и Карла и несколько других близких друзей. «Потому что мы слушаем сердцем», – напомнила я Карле, процитировав ее же слова. Она улыбнулась сквозь слезы. Однако невозможно было не заметить, что на протяжении лета Бен предпочитал говорить все реже.

Август выдался непривычно темным и мрачным, но в сентябре погода круто переменялась, и хотя вечера стали прохладнее, дни до сих пор были полны тепла и солнечного света.

– Скоро поворот к тому магазину, – сказала я, взглядываясь в экран навигатора, которым Бену уже не нужно было пользоваться в нашем последнем путешествии.

Стоянка была на удивление забита машинами, хотя сезон отпусков, строго говоря, уже закончился. Сначала я подумала, что не смогу найти место. Я знала, что Бен забавляется, наблюдая, как я миновала несколько промежутков между машинами, посчитав их слишком узкими для парковки. При этом я знала, что если бы он сидел за рулем, то без труда вписался бы в любой из них.

– Перестань меня изводить, – сказала я, хотя он не проронил ни слова. – В конце концов я найду место.

Так и получилось. Но я так долго маневрировала вперед-назад, загоняя машину между двумя другими автомобилями, что, когда я в итоге поставила ее на ручной тормоз и выключила двигатель, по спине у меня тек пот. Не помогло делу и то, что на краю парковки стояли несколько парней и явно обсуждали мои действия.

– Каждый считает, что он паркуется лучше всех, – пробормотала я, зная даже не глядя, что Бен улыбается.

– Я быстренько сбегаю, куплю нам еды, хорошо? – предложила я, забирая сумочку с пола перед пассажирским сиденьем. – Ничего, что ты побудешь в машине?

Я оглянулась на пространство за его сиденьем, где лежали раскладные ходунки. Он так к ним и не привык, предпочитая трость, с которой, надо признать, управлялся здорово.

Я легко коснулась Бена рукой, зная, что он понял все, что я хотела сказать, а также то, чего никогда не говорила.

В магазине я с удивлением увидела ту же продавщицу, а еще больше поразила тому, что она меня вспомнила.

– Вы новобрачные, которые приезжали сюда в начале года, правильно? – спросила она, когда я поставила проволочную корзинку на стойку.

Я улыбнулась, потому что теперь могла на законных основаниях претендовать на это звание.

– Ну, я – только половина, – сказала я, перекладывая покупки в пакеты.

– И где же ваш обаятельный красавец-муж?

Меня совсем не удивило, что она помнила Бена. Он был из тех, кого нелегко забыть.

– Он ждет в машине, – сказала я, надеясь, что она не станет спрашивать почему. И к счастью, она не спросила.

– На сей раз никакого бесплатного вина, – сообщила я, ставя пакеты на заднее сиденье и

сокрушенно пожимая плечами.

Когда навигатор потерял дорогу, по которой мы ехали, я не ударились в панику, потому что путь уже показался мне знакомым. Правда, надо сказать, что заросли по обочинам были попышнее, чем в феврале, а бурьян между колеями еще нахальнее заявлял о своих правах, вымахав за лето.

Я посмотрела на Бена, когда коттедж наконец показался впереди.

– Мы вернулись, – известила я и тут же расплакалась. Утирая слезы тыльной стороной ладони, я повернулась к нему с извинениями. – Прости, думаю, я всегда знала, что сделаю это.

Немного ухода и внимания явно не повредили коттеджу, а свежему слою краски еще предстояло пережить суровую валлийскую зиму. Честно говоря, я в каком-то смысле предпочла бы коттедж в прежнем его виде. Очевидно, что Бен больше не в состоянии был вынимать из машины наши сумки, и я опечалилась, сознавая, сколько всего он лишился за последние семь месяцев. Я чувствовала на себе его взгляд, пока доставала ключ из-под горшка с растением и весело пожимала плечами в сторону автомобиля, надеясь, что Бен это видел. Это место по-прежнему казалось мне не самым надежным тайником.

Войдя, мы увидели, что внутри коттеджа ничего не изменилось, и я этому порадовалась. При таком множестве изменений мне больше всего хотелось неизменности. На ужин я приготовила пасту, помня, что именно это блюдо я приготовила в самый первый наш вечер здесь. Невозможно было находиться тут, сидеть за тем же столом и не думать о той ночи. Хотя мы поженились летом, наш медовый месяц состоялся за несколько месяцев до этого, и по одной этой причине это место всегда будет для нас особенным.

После ужина мы по молчаливому согласию перешли на диван. В комнате было прохладно, и при другой ситуации Бен, вероятно, развел бы огонь в чисто выметенном камине. Но вместо этого я лишь встряхнула покрывало с ацтекским узором и накинула на нас. Свернувшись калачиком под теплым покрывалом, я наслаждалась покоем коттеджа, потрескивавшего перед отходом ко сну. Мне казалось, что я помню все о нашем первом пребывании здесь, но я забыла о мирном пощелкивании притирающихся друг к другу деревянных частей дома. В эти звуки ворвался сигнал сообщения на моем телефоне.

Я достала его из кармана, удивившись, что сюда дошла связь, а потом улыбнулась, глядя на экран.

– Это Джулия, – сообщила я Бену, открывая сообщение. – «Привет, милая. Просто хотела убедиться, что ты добралась до места без происшествий», – зачитала я вслух. Посмотрела на Бена и криво улыбнулась. – *Еще* один человек, который сомневается в моих водительских способностях, – беспечно прокомментировала я, прекрасно зная, что не об этом говорила в сообщении моя подруга.

«Путешествие прошло прекрасно», – набрала я в ответ, произнося слова вслух ради Бена. Я легко представила Джулию в ее гостиной – сидит, подобрав под себя свои длинные ноги, и сжимает в тревоге телефон, дожидаясь ответа.

«Просто я за тебя волнуюсь».

«Нечего волноваться. Расслабься. Здесь все хорошо», – набрала я, улыбнувшись Бену, зная, что вряд ли его удивила ее забота, особенно учитывая, что она и Гэри больше не были только *моими* друзьями, теперь они принадлежали нам обоим. *Мое* теперь было *его*; я стала *мы*; и это слияние наших душ до сих пор казалось волшебным и удивительным; я подозревала, что и всегда будет казаться. Мы с Беном соединились задолго до того, как это

подтвердил листок бумаги. Мы уже были солдатами, стоявшими плечом к плечу перед лицом жестокого и бессердечного противника. Я находила утешение в том, что мы оба продолжим отражать удары, что бы ни подкидывала нам жизнь. Вместе мы были сильнее.

Я крутила в руке тонкий черный телефон, словно фокусник, который собирается показать карточный фокус, и на этот раз удержалась от того, чтобы нажать крошечную иконку камеры на экране.

– Сколько раз ты уже просмотрела это видео? – спросил меня Бен всего несколько недель назад, заставив вздрогнуть, потому что неслышно подошел сзади.

Я захлопнула крышку ноутбука, как будто меня застукали за просмотром порнографии. Он тихо усмехнулся, осторожно обошел диван и сел рядом со мной. Я беззвучно с облегчением вздохнула, когда Бен успешно завершил этот маневр. В доме Бен редко пользовался тростью, но это означало, что я чаще, чем хотела бы в том признаться, наблюдала за ним с тревогой, затаив дыхание. Он делал вид, что не замечает, но я знала, что это не так.

– Ты, часом, не смотрела *снова* видео некой свадьбы? – пошутил он и, дотянувшись, поднял крышку ноутбука.

Картинка на экране застыла, и лица всех наших гостей были повернуты в сторону камеры, стоявшей в конце прохода между рядами. Гэри блистательно справился с обязанностями оператора, но, думаю, даже *он* удивился бы, узнав, сколько раз я посмотрела этот фильм.

Я повернулась к Бену.

– Хочешь посмотреть со мной?

Он покачал головой, но уже улыбался, и даже в меркнувшем свете дня комната словно посветлела от его улыбки.

– Я уже это видел, – заверил он, приподнимая руку и приглашая меня уютно устроиться у него под боком. – Я уже знаю, как это заканчивается.

Всего на миг темное облако омрачило его взгляд, а затем – мой.

– И как же? – спросила я чересчур весело и бодро.

Бен наклонил ко мне голову, уперся лбом в мой лоб, наши ресницы соприкоснулись, обмениваясь легчайшими взмахами.

– И они жили долго и счастливо, – проговорил он, его дыхание смешивалось с моим. Мне захотелось вдохнуть, вобрать в себя Бена и хранить его там вечно.

– Как сегодня дела в больнице? – спросила я шепотом, как будто при разговоре вполголоса нельзя было сказать или услышать что-то плохое.

– Ничего нового, – пожал он плечами, и это движение рикошетом передалось мне.

Бен по-прежнему в одиночку совершал регулярные визиты к врачу, и хотя я уважала его решение, я нередко задумывалась, а не получаю ли я всего лишь отредактированную версию результатов.

Я заподозрила, что Бен утаивает какие-то факты, поскольку он попытался отвлечь меня, потянувшись к значку воспроизведения записи на экране.

– Я только хочу посмотреть следующий кусок, потому что вот-вот войдет красивая девушка в длинном белом платье, а вон тот парень, впереди, – он коснулся своего застывшего изображения, – улыбнется, а потом расплачется, как полный идиот.

Словно по волшебству, все фигурки на экране вдруг ожили. Бен был не единственным, кого переполняли эмоции. Карла открыто плакала, стоя рядом с Элис и Генри, и хотя в

камеру это не попало, я отчетливо помню две крупные слезы, медленно стекавшие по румяным щекам моего отца, когда он вел меня к алтарю.

Бен что-то пробормотал, но я не повернула головы, потому что все мое внимание сосредоточилось на экране, на лице Бена, если быть точной, потому что для меня следующие несколько секунд были лучшей частью всей записи. Каждый раз, когда я это видела, я чувствовала, как у меня перехватывает дыхание, в точности так, как это было в тот день, когда Бен встретился со мной глазами и уже не отводил взгляда, пока я медленно к нему приближалась. Радость, любовь и нежность на его лице не теряли своей силы, сколько бы раз я ни смотрела это видео. В моей жизни были события, которые я хотела бы изменить; события, которых лучше бы никогда не было, но этот взгляд... это выражение лица... подтверждавшее, что я нахожусь именно там во Вселенной, где мне назначено находиться... *этого* я никогда бы не изменила.

Мы просмотрели все видео до конца, кто бы сомневался, все пятьдесят шесть минут. И хотя я помнила каждое слово из речи Бена, когда он сказал нашим гостям, что какие бы мысли их ни посещали, он *действительно* счастливейший человек в мире и что встретив меня, он обрел спасение, я по-прежнему плакала, словно слышала это в самый первый раз.

Бен держал наготове бумажный платочек и ждал, когда последние кадры, на которых мы, обнявшись, тихонько покачивались на маленьком танцполе, не сменятся постепенно затемнением.

– Я всерьез подумываю, не запретить ли тебе смотреть это видео. Я разорюсь на салфетках.

Я уткнулась лицом ему в шею и почувствовала, как он крепче обнял меня. Мы долго так сидели, пока у меня не затекла рука, а вечерние тени не перестали дразнить сумерки и не заполнили темнотой все уголки комнаты.

– Нам нужно уехать, – сказал Бен, дыхание его слов шевелило волосы у меня на затылке.

Я поежилась, несмотря на то, что в комнате было тепло.

– Уехать? Куда уехать?

– На пляж. Мы всегда говорили, что вернемся туда летом. Думаю, надо поехать сейчас.

Скоро.

Я подняла голову, и это движение показалось таким неуклюжим и обременительным, словно она вдруг стала слишком тяжелой для шеи.

– Почему прямо сейчас, Бен? Что за спешка?

Его сердце забилося чуть быстрее; я ощущала, как оно резонирует в моей грудной клетке. Мое сердце необъяснимо присоединилось, как будто оба органа участвовали в гонке.

– Никакой спешки. Просто я подумал, что сейчас хорошее время для поездки, вот и все.

Не все. Я это знала. И что важнее, он *знал*, что я знаю. Вопрос, который я на самом деле хотела задать, который слишком боялась озвучить, дал бы мне ответ. Мне всего-то нужно было открыть рот и выпустить на волю слова. *Сегодня в больнице тебе что-то сказали? Поэтому ты заговорил о поездке сейчас?*

Мои губы раскрылись, я повернулась к Бену, увидела его глаза, и вопрос навсегда остался при мне, потому что я уже получила ответ.

– Нам нужно приезжать сюда каждый год, – сказала я Бену, натягивая одеяло и выключая свет.

Звук разбивающихся о берег волн был таким же успокаивающим, каким я его

запомнила, и я уже почти погрузилась в сон, когда почувствовала, как Бен обнимает меня и притягивает к себе.

– Я люблю тебя, Софи, – прошептал он мне на ухо, и я без всякого труда его поняла.

Я решила, что завтрак может подождать, когда открыла окна и ощутила на руках тепло летнего солнца. На это утро мы запланировали множество вещей, и погода выдалась такая замечательная, что я не хотела терять ни минуты.

Очень быстро я собрала импровизированный завтрак-пикник.

– Да, это *настоящая* еда, – успокоила я Бена, укладывая в сумку завернутую в фольгу снедь и клетчатое одеяло.

Я переживала, как мы пойдём по песку, но вообще-то, в феврале идти было гораздо труднее. По молчаливому уговору мы направились на мыс, к тому месту, где юный Бен провел когда-то много часов, высматривая тюленей. Когда мы туда добрались, у меня слегка болели ноги, и хотя я надела только шорты и футболку, мне было невероятно жарко.

Я развернула одеяло и расстелила его на песке, потом крепко обхватила Бена и пошла, пробираясь между выброшенными на берег водорослями, к кромке воды. Волны были ледяные, и я ахнула, когда они накатились на мои ноги.

– Определенно никакого купания нагишом в этой воде, – дразня, сказала я Бену, прежде чем он даже подумал об этом.

Может, море и было слишком прохладным для купания, но солнце, несомненно, светило достаточно ярко и слепило меня, отражаясь от воды. Я опустила на нос темные очки, которые сидели у меня на макушке и выполняли роль обруча для волос, и долго смотрела на море, Бен находился рядом. За этим мы сюда и приехали, и это вызвало у меня смешанные чувства.

В конце концов, когда ноги у меня просто онемели, мы вернулись на одеяло. Я повалилась на нагретую солнцем ткань и уставилась в безоблачное небо.

– Ты был прав насчет этого места, – сказала я в итоге. – Летом оно великолепно. Я так рада, что мы сюда вернулись.

Бен лежал на одеяле, но я села и посмотрела на маленькую полоску гальки у воды. Я моргнула, потому что на мгновение даже не поверила своим глазам. Я отвела взгляд, а потом снова посмотрела на море, желая убедиться – мне не чудится то, что мне больше всего хотелось, чтобы увидел Бен. Но когда я опять посмотрела, он был там. Одиноким тюлень лежал на гальке, его шкура блестела на солнце, как мазут. У него был проникновенный взгляд, его устремленные на меня глаза, похожие на огромные темные озера, завораживали знанием, бросавшим вызов логике и разуму.

– Бен, Бен, – прошептала я, боясь спугнуть существо, которое он ждал более двадцати лет. – Посмотри, Бен, посмотри. Это тюлень.

Тюлень долго смотрел в нашу сторону, словно молча извинялся за то, что заставил нас ждать своего появления.

Это показалось мне знаком.

Это знак, послышался в моей голове голос Скотта, напугав меня, потому что я давно его не слышала.

– Да? – вслух спросила я. – Пора?

Я редко разговаривала с братом вслух, но сегодня это не казалось странным.

– Да, *пора*, – ответил Бен, как будто и он слышал Скотта.

– Мне кажется, я не смогу это сделать, – прерывающимся голосом произнесла я,

расплакавшись.

– *Сможешь, сможешь*, – заверил Бен рядом со мной. – *Теперь ты знаешь, что сможешь все.*

– Но не это. Это уже слишком.

Я почувствовала в своей руке его руку, почувствовала ее всеми фибрами души. Я закрыла глаза, чтобы он не видел моих слез, но они продолжали капать. Когда я открыла глаза и опустила взгляд, моя рука была пуста.

– Любить тебя было легче всего на свете, – прошептала я пустому пляжу, – а отпустить будет труднее всего.

– *Я всегда буду здесь*, – пообещал Бен. – *Я прошепчу твое имя ветру. Я буду с тобой при каждом восходе солнца и при каждом закате. Ищи меня в каждом облаке, в каждой радуге. Я буду там.*

Шатаясь, я поднялась и в последний раз коснулась Бена.

– Приглядывай за ним для меня, Скотт.

Конечно, пригляжу, сказал мой брат так ясно, как никогда прежде.

Один поцелуй, одно последнее прикосновение моих губ к его губам. Этого мне надолго хватит.

– *Я люблю тебя, Софи. Помни это. Я всегда буду тебя любить.*

Я кивнула, потому что теперь в словах уже не было нужды. Очень осторожно я открыла крышку, подняла урну над головой и развеяла прах Бена по ветру.

Жизнь после смерти

Вместе с солнцем я буду садиться,
Литься с каплями дождевыми.
И в яростном дуновении ветра
Я прошепчу твое имя.

Я поплыву вместе с хлопьями снега
И помедлю вместе с тенями.
А когда ты утратишь веру,
Буду твоим единственным знанием.

По небу я поплыву с облаками,
Я буду сверканьем звезды.
А когда ощутишь одиночество,
Я буду там, где ты.

Я прольюсь с твоими слезами,
Буду плясать допоздна.
А когда тишина воцарится,
Нашей музыкой стану я.

Не плачь по ушедшей жизни,
Иди по дороге вперед.
А я пойду в лунном свете,
Где не всякий ангел пойдет.

КА

Как всегда, я бы хотела поблагодарить невероятную команду издательства «Саймон и Шустер», которая каждый раз берет мои путаные записи и волшебным образом превращает их в нечто достойное гордости. Особая благодарность моему замечательному редактору Джо Дикинсон, которая понимает мою суть – возможно, даже лучше, чем я сама! Спасибо также Эмме Кэпрон, Саре-Джейд Виртью и всем в «Саймон и Шустер» за их огромный энтузиазм и компетентность.

Сердечная благодарность моему невероятному агенту Кейт Бёрк за ее мудрость, острый ум, пронизательность и безошибочно исполняемые обязанности проводника во время наших совместных путешествий! Мне бесконечно повезло, что меня представляют преданные и заботливые сотрудники агентства «Дайан Бэнкс ассошиэйтс». Спасибо за всю вашу непростую работу от моего имени.

За последние несколько лет я подружилась со многими авторами, и без них процесс создания книги был бы куда более тоскливым и непростым. Уверена, в один прекрасный день мы поймем, что мы делаем, а до тех пор я благодарю Кейт Томпсон, Эллу Харпер и Кейт Риордан за их постоянную поддержку по электронной почте или лично, с бокалом в руке или с забавной историей про запас!

Иногда мне было сложно с таким трудным и эмоционально насыщенным романом, как «Время любить». Боковой амиотрофический склероз (БАС) – жестокий и деспотичный противник, поражающий до 5000 взрослых людей в Соединенном Королевстве одновременно. Каждый день в этой стране шесть человек узнают о диагнозе, который в буквальном смысле меняет и, к несчастью, укорачивает их жизнь. Но я не хотела, чтобы книга осталась без надежды. Цитируя Бена (да, конечно, я знаю, что на самом деле это мои слова): «Лекарство *найдут*, я в этом уверен. Но его могут не успеть найти вовремя для меня».

Одним из таких людей, кто, к сожалению, не дожил до этого лекарства, была Кэт Долан. Ее муж Джо Росс мужественно и честно рассказывал мне о том, какое разрушительное действие оказывает БАС, проникнув в вашу жизнь. Общение с Джо дало мне гораздо больше, чем сотни интернет-источников или книг. Мне бы хотелось поблагодарить всю семью Росса за то, что они позволили мне увидеть реальность, в которой они жили. Жаль, что я не смогла познакомиться и ближе узнать Кэт, которая встретила смерть и бросила ей вызов с той же энергией, с какой жила. Мне хочется думать, что мы могли бы стать подругами, если бы нам представился такой шанс.

Друзья и семья могут помочь тебе преодолеть что угодно – включая написание книги. И поэтому я хочу передать особую благодарность Дэбби и Хейзел (моим первым читателям), а также Ким и Шейле за их постоянную одобрительную поддержку (правда, без помпонов, конечно), Кристине (спасибо, что познакомила меня с Джо) и, наконец, Барб, которая доказала, что никогда не поздно обзавестись новой подругой.

Я просто не осилила бы этот труд без своей семьи. Ральф, Кимберли и Люк, спасибо вам за поддержку, спасибо, что слушали меня и тогда, когда я прыгала от радости, что работа идет хорошо, и когда отчаивалась, что она не движется, спасибо и за то, что любите меня всегда, складные у меня выходят тексты или не очень.

Настольная игра. Из 54 небольших деревянных блоков строят башню высотой 18 этажей, а затем игроки по очереди вытаскивают блоки из основания и перекладывают наверх, башня делается все менее устойчивой, и проигравшим считается тот, в чей ход башня падает. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Воспаление надгортанника.

Holly переводится с английского как «остролист». Венками из ветвей этого растения украшают дома к Рождеству.

Слова из рождественского гимна «O Come, All Ye Faithful» («O, придите все верующие...»).

«Я выживу» (*англ.*), хит Глории Гейнор.

Три богини судьбы в древнеримской мифологии.